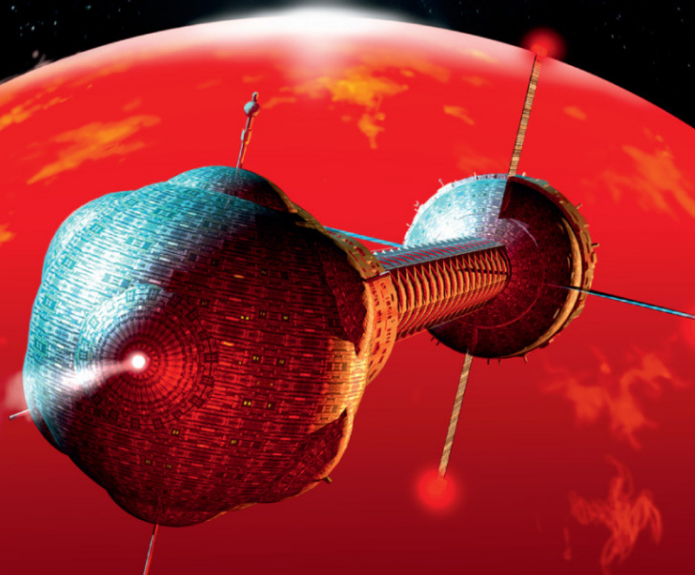

ПРОСТРАНСТВО ОТКРОВЕНИЯ

аластер рейнольдс

ГОРОД БЕЗДНЫ

Пространство Откровения

Аластер Рейнольдс

**Пространство
Откровения. Город Бездны**

«Азбука-Аттикус»

2000, 2001

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Рейнольдс А. П.

Пространство Откровения. Город Бездны / А. П. Рейнольдс — «Азбука-Аттикус», 2000, 2001 — (Пространство Откровения)

ISBN 978-5-389-21925-0

Пространство Откровения Около миллиона лет назад на планете Ресургем погиб народ амарантийцев – разумных потомков нелетающих птиц. Это случилось вскоре после того, как они освоили технологию космических путешествий. Археолог Дэн Силвест готов идти на любой риск, чтобы разгадать секрет исчезновения амарантийской цивилизации. Иначе, убежден ученый, ее печальную судьбу может разделить расселившееся по планетам человечество. В результате мятежа Силвест лишился помощников и ресурсов, более того, он поставлен вне закона. Не видя других средств для достижения своей цели, он шантажом привлекает в союзники экипаж торгового звездолета «Ностальгия по бесконечности». Кажется, меньшим риском было бы заключить сделку с дьяволом. Вековые скитания в космосе, постоянная борьба за выживание превратили этих людей в расчетливые механизмы. Они безжалостны, бесстрашны и изобретательны, и они привыкли любой ценой добиваться своего. И один из них, между прочим, прибыл на Ресургем с тайным поручением убить Силвеста... Город Бездны Долг чести требует, чтобы Таннер Мирабель, телохранитель и специалист по оружию, отомстил убийце своего нанимателя. Поиски приводят на планету Йеллоустон, где «плавающая чума» – мутация крошечных механизмов-вирусов, прежде верой и правдой служивших людям, превратила Город Бездны, жемчужину человеческой культуры, в нечто крайне странное, мрачное и чрезвычайно опасное. Пытаясь выжить и выполнить свою миссию в абсолютно враждебной среде, Мирабель снова и снова подвергается натиску чужих воспоминаний – и начинает подозревать, что он вовсе не тот, кем себя считает. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-21925-0

© Рейнольдс А. П., 2000, 2001

© Азбука-Аттикус, 2000, 2001

Содержание

Пространство Откровения	7
Глава первая	7
Глава вторая	18
Глава третья	44
Глава четвертая	59
Глава пятая	78
Глава шестая	95
Глава седьмая	109
Глава восьмая	126
Глава девятая	133
Глава десятая	142
Глава одиннадцатая	153
Глава двенадцатая	164
Глава тринадцатая	177
Конец ознакомительного фрагмента.	188

Аластер Рейнольдс

Пространство Откровения. Город Бездны

Alastair Reynolds

REVELATION SPACE

Copyright © 2000 by Orion Publishing Group

CHASM CITY

Copyright © 2001 by Alastair Reynolds

© В. П. Ковалевский, Н. П. Штуцер (наследники), перевод, 2002

© А. С. Юрчук, перевод, 2004

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

Пространство Откровения

Глава первая

Сектор Мантиль, северная часть массива Нехбет, Ресургом, Система Дельта Павлина, год 2551-й

Надвигалась бритвенная буря.

Силвест стоял на краю раскопа и думал: переживут ли плоды его трудов эту ночь? Территория археологических раскопок представляла собой ряд глубоких шурфов квадратного сечения, разделенных крутобокими холмами извлеченной земли. Шурфы закладывались по классической сетке Уиллера. Они уходили вглубь на десятки метров и были обтянуты прозрачной тканью, сотканной из гипералмазных нитей. Миллионы лет стратифицированной геологической истории лежали за этим покрытием. Но что дальше? Одна-единственная песчаная буря – и все шурфы будут засыпаны до самого верха.

– Получено подтверждение, сэр, – сказал кто-то из рабочих, подойдя к Силвесту со стороны первого вездехода; дыхательная маска приглушала его голос. – Кювье только что передал штормовое предупреждение для всей северной части горного массива Нехбет. Всем бригадам, работающим на поверхности, рекомендовано вернуться на ближайшие базы.

– Ты хочешь сказать, что мы должны собрать манатки и укатить в Мантиль?

– Ожидается буря невероятной силы. – Рабочий нервно стянул ворот своей ветровки. – Прикажете дать распоряжение о полной эвакуации?

Силвест поглядел на раскопки. Стенки шурфов сверкали под лучами прожекторов, установленных по всей площадке. Дельта Павлина в этих широтах никогда не поднималась достаточно высоко над горизонтом, чтобы дать хорошую освещенность. Сейчас же она висела почти у самой линии горизонта, да к тому же была полускрыта густыми облаками пыли – слабый ржавый мазок на небе, почти незаметный для невооруженного глаза. Скоро появятся и пыльные вихри, они помчатся над птеростепью тысячами раскрученных до бешеной скорости волчков. А за ними последует и главный удар бури, вздымающейся над горизонтом огромной черной наковальной.

– В отъезде нет необходимости, – сказал Силвест. – Мы тут вполне прилично прикрыты. Ты, должно быть, не заметил, но вон на тех валунах почти отсутствуют следы ветровой эрозии. Если будет очень сильная буря – что ж, запремся в вездеходах.

Рабочий бросил взгляд на валуны и покачал головой, словно не поверил собственным ушам.

– Сэр, Кювье дает предупреждения такой категоричности не чаще раза или двух в год. Эта буря посильнее любой, что мы видели.

– Не говори за всех; она посильнее любой, что видел ты, – отозвался Силвест, заметив, что взгляд собеседника вильнул в сторону. – Вот что я тебе скажу: мы не можем бросить раскопки. Это ясно?

Подчиненный снова обвел взглядом площадку:

– Мы можем прикрыть шурфы чем-нибудь сверху. Вкопать радиомаяки. Даже если шурфы засыплет буря, мы найдем их и вернемся. Вот на это самое место, где стоим. – За толстыми стеклами защитных очков металась перепуганная умоляющая глаза. – Так ведь лучше, чем рисковать людьми и оборудованием?

Силвест шагнул вперед, заставив собеседника отступить к ближайшему шурфу.

– Вот что ты сейчас сделаешь. Передай всем бригадам, чтобы продолжали копать вплоть до поступления новых распоряжений. И никаких разговоров о возвращении в Мантиль. Ладно, самые чувствительные приборы можно убрать в вездеходы. Приказ понятен?

– Но как же люди, сэр?

– А люди будут делать то, для чего они сюда прибыли. Будут копать.

Силвест зло глядел на рабочего, как будто провоцируя на пререкания, но после долгой паузы тот побежал с привычной ловкостью по тропке через отвалы. Расставленные вокруг площадки хрупкие гравитометры, похожие на пушки со склоненными к земле стволами, слегка подрагивали под усиливающимися порывами ветра.

Силвест подождал, а потом по такой же тропе прошел мимо нескольких шурфов к центру участка раскопок. Там четыре шурфа были объединены в одну шахту сечением тридцать метров на тридцать; ее стены тоже укрепили гипералмазом. Силвест ступил на лестницу, ведущую вниз. В эту шахту он спускался за последние недели столько раз, что отсутствие головокружения удивляло его едва ли не больше, чем открывающаяся глазам картина. Продвигаясь вдоль стены, выстланной прозрачным материалом, он будто проплывал сквозь пласты времени: с момента События прошло более девятисот тысяч лет. Большая часть этих пластов представляла собой вечную мерзлоту, что было характерно для приполярных широт Ресургема. Эта земля никогда не оттаивала. Ниже ее, совсем близко к Событию, лежал слой реголита, свидетельство ударно-взрывных процессов, имевших место в последующий период. Само Событие отмечалось тонкой черной чертой – пеплом сгоревших лесов.

Дно шахты не было совершенно ровным. Оно сужающейся лестницей спускалось на глубину сорока метров от поверхности. В самом низу пришлось установить дополнительные осветительные приборы. Небольшая площадка раскопа буквально кипела человеческой энергией. Дыхание приближающейся бури тут просто не ощущалось. Группа копачей трудилась почти беззвучно, стоя на коленях на циновках. Инструменты, которыми велась работа, были столь тонки и сложны, что в другую эпоху могли бы служить хирургам. Главными здесь были три студента из Кювье – уроженцы Ресургема. Рядом томился робот, ожидая распоряжений. Хотя на ранних этапах раскопок машинам не приходилось простаивать, на финальной стадии им не доверяли. Рядом с копачами сидела брюнетка в черном пальто, с геометрически четкой челкой; компад у нее на коленях показывал таблицу эволюции черепов амарантийцев. Как только женщина увидела Силвеста – тот спускался почти бесшумно, – она встала и захлопнула компад.

– Да, вы были правы, – сказала она. – Что бы тут ни лежало, оно большое и на вид прекрасно сохранившееся.

– У вас есть какие-нибудь предположения, Паскаль?

– А это уж, скорее, по вашей части. Я тут только комментировать имею право. – Паскаль Дюбуа, молодая журналистка из Кювье, с самого начала освещала раскопки в прессе, но не гнушалась и лопату брать в руки, легко овладевая тонкостями археологии. – Мрачное зрелище эти скелеты. Хоть и инопланетяне, все равно их жалко.

В одной из стен шахты, там, где начинались ступени, ведущие еще ниже, были вскрыты два захоронения, выложенные каменными плитами. Хотя могилам было как минимум девятьсот тысяч лет, они хорошо сохранились. Анатомическое строение костей позволяло предположить, что они принадлежали родственникам. Это были типичные костяки амарантийцев. Неискушенный в археологии наблюдатель принял бы их за человеческие, так как эти существа тоже имели четыре конечности, две из которых служили для передвижения; рост примерно соответствовал росту человека. Сходство наблюдалось и в других деталях: объем черепа примерно такой же, органы чувств, дыхания и речи расположены сходно. Но черепа обоих амарантийцев были вытянуты и походили на птичьи – четкий гребень шел от затылка вперед, мимо объемистых глазниц, до клювообразной верхней челюсти. На костях там и тут висели лохмо-

тья коричневой ткани, она как будто предназначалась для удержания умирающих в позе, говорящей об агонии. Это не были окаменелости в полном смысле слова: минерализация костей отсутствовала. Сами могилы пустовали, если не считать костей и нескольких предметов явно техногенного происхождения, с которыми хоронили мертвецов.

– Возможно, – сказал Силвест, наклоняясь и трогая пальцем череп, – они хотели вызвать у нас именно эти чувства.

– Нет, – ответила Паскаль. – Просто ткань высохла и кости изменили свое положение.

– А может, они в таком виде с самого начала?

Ощупывая череп сквозь ткань перчатки, передававшую ощущения пальцам, он вдруг вспомнил желтый зал на верхнем ярусе Города Бездны, с акварелями на стенах, изображавшими метановые ледники. Меж гостей ходили ливрейные роботы, предлагая сласти и ликеры, драпри из ярких шелков свисали со сводов дворца. В воздухе, согласно последней моде, светились и колыхались изображения серафимов, херувимов, колибри и фейри. Он вспомнил даже гостей, в основном связанных с семьей, – людей, которых либо едва знал, либо недолюбливал; его друзей здесь было очень мало. Отец, как обычно, сильно опоздал. Уже близилась ночь, когда Кэлвин наконец-то соизволил появиться. Впрочем, это никого не удивило: то было время самого последнего и самого великого проекта Кэлвина, так что сам процесс его реализации был как бы медленной смертью его творца. Не говоря уже о последующем самоубийстве, случившемся в разгар работ.

Силвест отлично помнил, как отец вручил ему шкатулку с инкрустацией в виде сплетающихся рибонуклеиновых спиралей на стенках.

– Открой, – велел Кэлвин.

Он помнил, как взял шкатулку, оказавшуюся на удивление легкой. Поднял крышку и увидел гнездо, выложенное невесомыми прядями упаковочного материала. В нем покоился коричневый купол, по цвету ничем не отличавшийся от ларца, разве что усеянный крапинами. Это была верхняя часть черепа, видимо человеческого. Нижняя челюсть отсутствовала.

Вспомнил он и тишину, сразу воцарившуюся в зале.

– И это все?! – воскликнул Силвест достаточно громко, чтобы его услышали во всех углах. – Старые костяшки? Ну, спасибо, папочка. Я в восторге!

– Что ж, вполне понятное чувство, – ответил Кэлвин.

Беда была в том, как сейчас же понял Силвест, что Кэлвин говорил совершенно серьезно. Череп не имел цены. Ему было двести тысяч лет. Женщина из испанского муниципалитета Атапуэрка, как он вскоре узнал. Время ее погребения определялось весьма точно самим характером захоронения, но ученые, которые его раскопали, изменили первоначальные оценки, использовав самые последние методы датирования: анализ соотношения калия и аргона в стенах пещеры, где была похоронена испанка, расчет ее возраста по полураспаду урана в натеках травертина, трековое датирование вулканического стекла, термолюминесцентный анализ кремния. Эти же методики в несколько улучшенном виде и сейчас применялись при раскопках на Ресургеме. Физики пока еще не нашли более надежных способов определения возраста археологических находок.

Конечно, Силвест должен был тогда мгновенно понять, что перед ним самые древние человеческие останки на Йеллоустоне, привезенные с Земли в систему Эпсилона Эридана несколько столетий назад. Эта вещь пропала во время колониальных мятежей, и то, что Кэлвин снова ее отыскал, само по себе маленькое чудо.

Силвест устыдился не столько собственной неблагодарности, сколько выказанного перед всеми невежества, которое так легко было скрыть. И он поклялся, что эта оплошность никогда не повторится. Много лет назад он привез череп сюда, на Ресургем, чтобы тот служил напоминанием о клятве.

Вот и сейчас Силвест не должен ударить в грязь лицом.

– Если ваше предположение верно, – сказала Паскаль, – значит их похоронили в таком виде по некой важной причине.

– Возможно, в качестве предупреждения, – отозвался Силвест и шагнул к студентам.

– Я боялась услышать от вас нечто в этом духе, – шепнула она, следуя за ним. – И о чем же можно предупреждать столь жутким образом?

Вопрос был риторическим, и Силвест это хорошо понимал. Паскаль отлично знала все, что он думал об амарантийцах. Ей нравилось дразнить его, добиваться повторения одних и тех же объяснений: авось запутается в собственных теориях и совершит какую-нибудь логическую ошибку, достаточно серьезную, чтобы пришлось признать крушение всей стройной системы своих взглядов.

– Событие... – начал Силвест, ощупывая тонкую черную полоску сквозь прозрачную облицовочную плиту.

– Событие произошло с амарантийцами, – подхватила Паскаль, – но они вряд ли могли его предвидеть. И продолжалось очень недолго. Не было у них времени хоронить трупы так, чтобы те служили предупреждением, даже если хоронившие имели хоть малейшее представление о том, что их ждет впереди.

– Они разгневали богов, – сказал Силвест.

– Да, – согласилась Паскаль. – Думаю, никто не станет возражать, что они могли бы интерпретировать Событие как свидетельство божественного неудовольствия и включить его в систему своих религиозных верований, но у них не было времени оформлять эти верования в виде памятников, так как все амарантийцы погибли. И вряд ли можно предполагать, что подобные специфические захоронения они делали ради будущих археологов, тем более принадлежащих к совершенно иным биологическим видам. – Паскаль накинула на голову капюшон пальто и крепко затянула завязки. Клубы пыли уже залетали в шурф, а воздух в нем теперь не казался таким неподвижным, как несколько минут назад. – Но вы-то думаете иначе, не так ли? – Не дожидаясь ответа, Паскаль надела толстые противопыльные очки, нарушив ими безупречность челки, и наклонилась к предмету, который студенты осторожно выкапывали из грунта.

С помощью своих специальных очков Паскаль могла считывать данные с «рисующих» гравитометров, расставленных по периметру сетки Уиллера. Показания этих приборов давали стереоскопическую картину масс, погребенных под поверхностью грунта. Силвест тоже адаптировал свое зрение к этой задаче. Грунт, на котором они стояли, сделался как бы прозрачным, как бы несуществующим. Образовалась туманная матрица, в которой отчетливо выделялся некий огромный предмет. То был обелиск – громадный одинокий каменный монолит, заключенный в каменный же саркофаг. В высоту он достигал двадцати метров. Пока была откопана только его верхушка. И похоже, на одной стороне была выбита надпись стандартными позднеамарантийскими иероглифами. Разрешающей способности гравитометров не хватало, чтобы прочесть текст. Для этого надо было откапывать весь обелиск.

Силвест вернул глазам обычное зрение.

– Работайте быстрее, – обратился он к студентам. – Если слегка поцарапаете обелиск, ничего страшного. К вечеру вы должны открыть хотя бы метр этой поверхности.

Кто-то из студентов, стоя на коленях и продолжая копать, сказал:

– Сэр, мы слышали, что раскопки будут остановлены.

– Это еще почему?

– Буря, сэр.

– И черт с ней! – Силвест повернулся к Паскаль, которая внезапно сильно сжала его руку.

– Они имеют право волноваться, Дэн, – сказала журналистка тихо. – Я ведь тоже слышала штормовое предупреждение. Нам уже давно следовало отправиться в Мантель.

– И потерять вот это?

– Что мешает вернуться потом?

– Мы можем не найти этого места, даже если я вкопаю тут радиомаяк.

Он знал, что прав. Положение раскопа на картах нелегко определить, так как сами карты не отличаются ни точностью, ни детальностью. Они были сделаны на скорую руку сорок лет назад, во время полета «Лореана», оставившего пояс навигационных спутников. Этот пояс был уничтожен через двадцать лет после съемки, когда половина колонистов решила захватить корабль и вернуться домой. Теперь определить точно свое местоположение на Ресургеме – весьма непростая задача. А радиомаяки во время песчаных бурь часто ломаются.

– И все же ради этого не стоит рисковать людьми, – ответила ему Паскаль.

– Ради этого я рискнул бы и бóльшим. – Силвест повернулся к студентам и крикнул: – Торопитесь! Если нужно, используйте робота. Но к рассвету чтобы верхняя часть обелиска была на виду.

Слука, старшая из студентов, что-то пробормотала под нос.

– Есть предложения? – осведомился Силвест.

Она прекратила работу – очевидно, впервые за несколько часов. Силвест видел, как ее лицо обретает выражение решимости. Лопатка выскользнул из ее руки и упала рядом с ногой, затянутой в меховой муклук. Девушка сдернула маску – значит собирается что-то сказать.

– Надо поговорить.

– О чем, Слука?

Она вдохнула из маски, чтобы произнести следующую фразу:

– Не слишком ли вы полагаетесь на свою удачу, доктор Силвест?

– А ты свою только что пустила насмарку.

Казалось, студентка его не слышит.

– Вы знаете, что мы не равнодушны к тому, чем занимаемся здесь. Мы разделяем ваши взгляды. Вот почему работаем от зари до зари, гнем спину на вас. Но вы напрасно считаете нас рабами. – Она блеснула белками глаз, бросив взгляд на Паскаль. – Скоро вам могут понадобиться все ваши союзники, доктор Силвест.

– Это угроза?

– Это констатация факта. Если бы вы уделяли больше внимания тому, что происходит в колонии, то знали бы, что Жирардо решил пойти на конфликт с вами. И похоже, ждать осталось недолго, гораздо меньше, чем вы думаете.

По спине у Силвеста побежали мурашки.

– О чем, черт побери, ты болтаешь?

– О чем? О перевороте! – Слука обогнула Силвеста, направляясь к лестнице, ведущей на поверхность. Поставив ногу на ступеньку, она обернулась к оставшимся двум студентам, которые, не поднимая головы, продолжали сосредоточенно откапывать обелиск. – Давайте вкалывайте, но не говорите потом, что вас не предупредили. А если слабо представляете себе, что бывает с попавшими в бритвенную бурю, то гляньте на доктора Силвеста.

Один из студентов робко поднял голову:

– Куда ты, Слука?

– Поговорить с другими бригадами. Может, не все знают о штормовом предупреждении. А когда узнают, вряд ли многие захотят продолжать работу.

Она полезла вверх, но Силвест схватил ее за муклук. Девушка посмотрела на него. Теперь она была в маске, но Силвест все равно прочитал на ее лице презрение.

– Слука, это конец твоей карьеры.

– Нет, – ответила она, рывком высвободив ногу. – Это только начало. Переживайте лучше за свою карьеру.

Силвест прислушался к своим ощущениям и обнаружил, сам тому подивившись, что совершенно спокоен. Однако это было то особое спокойствие, которое свойственно океанам

металлического водорода на огромных газовых планетах, – океанам, сдерживаемым колоссальным давлением сверху и снизу.

– Так что же ты решил? – спросила Паскаль.

– Сначала нужно кое с кем посоветоваться, – ответил Силвест.

Он по пандусу вошел в свой вездеход. Другая машина была забита мешками и контейнерами, а каждый сантиметр оставшегося места занимали гамаки копачей. Студентам пришлось спать в кузове, так как почти все раскопки в этом регионе находились в сутках езды от Мантиля. Вездеход Силвеста был куда комфортабельнее. Примерно треть его объема была отведена под кабинет начальника экспедиции и его спальню. Остальная часть вмещала склад, а также каморки для старшего персонала – в данном случае для Паскаль и Слуки. Сейчас весь вездеход был в распоряжении Силвеста.

Обстановка кабинета заставляла забыть о том, что это всего лишь часть кузова. Обивка из красного бархата, полки с копиями древних инструментов и археологических реликтов. Большая, элегантно изданная карта Ресургема в проекции Меркатора демонстрировала места главных находок, принадлежавших различным эпохам истории амарантийцев. Остальное пространство стен было занято медленно пополняющимися текстами: это были академические статьи в процессе подготовки.

Запись собственного сознания Силвеста на бета-уровне проделывала всю черную работу. Эту копию своего «я» Силвест натренировал так, что она могла выдерживать его литературный стиль даже лучше, чем он сам, особенно если учесть нынешнюю нервотрепку.

Позже надо будет выкроить время и вычитать эти статьи, но сейчас он лишь окинул их беглым взором, направляясь к секретеру. Этот дивный образец мебельного искусства был инкрустирован мрамором и малахитом. Его мозаика, сделанная в японском стиле, изображала сцены из ранней истории освоения космоса.

Силвест выдвинул ящик и достал из него карту квантовой памяти – серый брусок без всякой маркировки, вроде кафельной плитки. В верхней части секретера, набитого всякой электроникой, была прорезь. Чтобы пробудить сознание Кэлвина, требовалось лишь вложить в эту прорезь карту. Тем не менее Силвест колебался. Прошло много времени – по меньшей мере несколько месяцев – с тех пор, когда он последний раз возвращал Кэлвина к жизни, и та последняя встреча выглядела исключительно скверно. Он тогда же поклялся, что в следующий раз оживит Кэлвина только в кризисной ситуации. Теперь следует определить, наступил ли кризис и так ли он силен, чтобы оправдать пробуждение отца. Дело осложнялось еще и тем, что советы Кэлвина были полезны лишь в пятидесяти процентах случаев.

Силвест вложил карту в прорезь.

Из света и теней, словно по волшебству, в середине комнаты соткалась фигура Кэлвина, сидящего в своем кресле, достойном средневекового феодала. Изображение выглядело реальнее любой голограммы – присутствовали даже теневые эффекты, – поскольку создано оно было на основе записи образа отца, хранящегося в зрительной памяти самого Силвеста. Восстановленное на бета-уровне «я» Кэлвина представляло его таким, каким он был на вершине своего успеха, то есть в возрасте около пятидесяти; в ту пору Йеллоустон носил его на руках. Странно, но он все же выглядел старше Силвеста, хотя в реальном времени изображение было на семьдесят лет моложе. Сам Силвест уже восемь лет как разменял третье столетие, но омоложение, которому он подвергся еще в Йеллоустоне, было совершеннее, чем во времена Кэлвина.

Если не считать этого различия, то их телосложение и черты лиц были почти идентичны. На губах у обоих играла одна и та же ироническая улыбка. У Кэлвина была стрижка покороче, и одет он был в пышном стиле демархистской Бель-Эпок, что контрастировало с практичностью экспедиционной одежды Силвеста. Кэлвин носил плиссированную сорочку, элегантные бриджи в шахматную клетку, заправленные в высокие буйканьерские сапоги, а его пальцы сверкали драгоценными камнями и металлами. Великолепно подстриженная борода казалась маз-

ком рыжей краски на нижней челюсти. Одной рукой он ощупывал щетину на горле, а другой поглаживал резной шар, которым кончался деревянный подлокотник кресла.

Дрожь оживления прошла по его телу, в бледных глазах зажегся огонек интереса. Кэлвин приподнял пальцы в еле заметном жесте приветствия.

– Похоже, – произнес он, – уровень дерьма достиг опасной отметки.

– Воображение у тебя будь здоров...

– Тут и воображать-то нечего, мой милый мальчик. Я просто подключился к Сети и прочел несколько тысяч последних новостных сообщений. – Он повел шеей, чтобы получше осмотреть помещение. – Неплохой кабинетик ты себе обустроил. А кстати, как твои глаза?

– Работают, а что?

Кэлвин кивнул:

– Разрешение не слишком высокое, но ничего лучшего я добиться и не мог с теми инструментами, что оказались в моем распоряжении. Нельзя же дать Микеланджело зубную щетку и потребовать, чтобы расписал Сикстинскую капеллу. Мне удалось сшить примерно сорок процентов нервных волокон твоего глазного нерва, так что устанавливать лучшие камеры не имело смысла. Но если на этой планете найдется хирургическая техника более высокого качества, я мог бы оказать тебе услугу.

– Хватит меня дразнить!

– Да я и не думал, – притворился непонимающим Кэлвин. – Просто решил, что уж если ты позволил Алисии захватить «Лореан», то мог бы по меньшей мере вернуть нам часть медицинского оборудования.

Жена Силвеста возглавила мятеж против него двадцать лет назад, и Кэлвин никогда не упускал случая напомнить об этом факте.

– Что ж, стало быть, я принес себя в жертву. – Сказанное сопровождалось жестом, означающим просьбу помолчать. – Извини, Кэл, но я аниминировал тебя не ради дружеского трепки.

– Я предпочел бы, чтобы ты называл меня не другом, а отцом.

Силвест демонстративно проигнорировал эту ремарку.

– Ты знаешь, где мы находимся?

– Надо думать, на раскопках. – Кэлвин прикрыл глаза и прижал пальцы к вискам, чтобы сосредоточиться. – Да. Подожди... Два экспедиционных вездехода из Мантиля... где-то на окраине птеростепи. Сетка Уиллера... Довольно старомодно... Впрочем, думаю, для твоих целей годится. А это что такое? «Рисующие» гравитометры... сейсмограмма... Ты нашел что-то важное?

В этот момент на столе заработала рация – из Мантиля поступил сигнал. Силвест дал знак Кэлу умолкнуть, решая, принять вызов или нет. На связь выходил Анри Жанекен – специалист по биологии птиц и один из самых преданных Силвесту людей. Но хотя Жанекен хорошо знал Кэлвина при жизни, Силвест был уверен, что орнитолог никогда не видел отца в бета-записи... и уж конечно, не видел его в процессе общения с собственным сыном. Новость о том, что Силвесту понадобилась помощь и что для этого он вызвал сознание Кэла из небытия, может быть воспринята как проявление слабости.

– Чего ты ждешь? – спросил Кэл. – Прими его.

– Он не знает о тебе... о нас...

Кэлвин покачал головой, и вдруг совершенно неожиданно в комнате возник Жанекен. Силвест не сразу опомнился, не сразу понял, что случилось. Кэлвин, видимо, каким-то образом подчинил себе потайные функции секретера.

Ты всегда был пронырой, подумал Силвест. Собственно, именно благодаря этому качеству тебя и можно использовать теперь.

Изображение Жанекена, в натуральную величину, было чуть менее четким, нежели изображение Кэлвина, так как передавалось с помощью спутниковой связи из Мантиля. Сеть спут-

ников была весьма несовершенна, да и передающие камеры видели лучшие дни, как и многое другое на Ресургеме.

– Ну наконец-то, – обратился Жанекен к Силвесту, которого он заметил первым. – Я уже чуть ли не час терзаю передатчик. Неужели с тобой нельзя связаться, когда ты в раскопе?

– Можно в принципе, – ответил Силвест, – но я отключил входящие. Надоело.

– Ах вот как! – проворчал Жанекен. – Очень разумно, черт побери! Особенно для человека в твоей ситуации! Надеюсь, ты понимаешь, о чем я говорю? Близятся проблемы, Дэн, и они себя ждать не заставят, уж поверь... – Тут Жанекен обнаружил, что они не одни, уставился на сидящего в кресле и после некоторого молчания воскликнул: – Ну ничего себе! Это ты, что ли?

Кэлвин молча кивнул.

– Это его бета, – вмешался Силвест.

Необходимо было это прояснить, прежде чем продолжать разговор. Уровни альфа и бета фундаментально различались, и йеллоустонский этикет эти различия всячески подчеркивал. Силвеста могли обвинить по меньшей мере в нарушении общественного порядка, сложись у Жанекена впечатление, что перед ним считающаяся давно утерянной альфа-запись Кэлвина.

– Я консультировался с ним... с бетой, – признался Силвест.

Кэлвин скорчил гримасу.

– О чем? – спросил Жанекен.

Он был очень стар, старше всех на Ресургеме, причем с каждым годом приобретал все больше схожести с обезьяной, с каким-нибудь редким видом мартышки; седые волосы, усы и борода, обрамлявшие розовое личико, немало этому способствовали. На всем Йеллоустоне не было другого столь талантливому эксперта по генетике, если не говорить о миксмастерах; впрочем, многие считали Жанекена куда умнее любого члена этой секты. Правда, его гений не бросался в глаза, не ослеплял внезапными озарениями, а находил выражение в долгих годах спокойной, но исключительно тонкой работы. Жанекен уже разменял четвертое столетие, и слои, наложенные многими сеансами омоложения, теперь опадали с него, подобно осенней листве. Силвест полагал, что Жанекен будет первым человеком на Ресургеме, который умрет от старости. И это вызывало грусть: хотя они с орнитологом часто спорили, их разногласия никогда не касались главного.

– Он что-то тут раскопал, – вмешался Кэл.

Глаза Жанекена сверкнули, бремя лет будто скатилось с его плеч при упоминании о научном открытии.

– Неужели?

– Да, я...

И тут случилось почти невозможное. Комната в вездеходе исчезла. Теперь они стояли на балконе здания, расположенного высоко над городом, в котором Силвест сразу узнал Город Бездны. Опять шуточки Кэлвина! Электронный секретер последовал за ними и сюда, подобно верному псу. Если Кэлвин добрался до его потайных функций, подумал Силвест, то и подобный фокус ему вполне по силам. Он воспользовался стандартным набором «ландшафтов» из памяти секретера. Отличная имитация – вплоть до порывистого ветра, щекотавшего щеки Силвеста, вплоть до почти неощутимого запаха, свойственного этому городу, запаха, который трудно определить, но который начисто отсутствует в более дешевых панорамах. Это был город его – Силвеста – детства, город Прекрасной Эпохи. Потрясающие воображение золотистые громады зданий уходили вдаль и там, у горизонта, выглядели как изваяния облаков. Оттуда доносилось гудение воздушного транспорта; отсюда же парки и сады спускались великолепными каскадами террас в зеленую дымку, где лежали поля и пастбища.

– Разве не приятно вновь увидеть родные места? – спросил Кэл. – И подумать, что все это могло бы принадлежать нашему клану, стоило только протянуть руку... Кто знает, каким путем пошла бы история, если бы нам удалось удержать этот город в своей власти.

Жанекен получше утвердился на ногах, крепко держась за перила.

– Все это очень мило, Кэл, но я сюда явился не красотами любоваться. Дэн, что ты собирался сказать до того, как нас столь...

– Столь грубо прервали? – продолжил его фразу Силвест. – Я хотел попросить Кэла, чтобы обработал данные гравиразведки, поскольку он уже явно научился читать мои личные файлы.

– Это пустяк для человека моих способностей, – ответил Кэл.

Миг – и туманное изображение раскопа и обелиска в натуральную величину повисло прямо перед балконом.

– Ох как интересно! – воскликнул Жанекен. – Просто потрясюще!

– Совсем неплохо, – отозвался Кэл.

– Неплохо?! – вскричал Силвест. – Да он больше по размерам и лучше сохранился, чем все раскопанное до сих пор! Это явно доказывает существование развитой фазы амарантийской цивилизации... Возможно, фазы, непосредственно предшествовавшей промышленной революции...

– Полагаю, этот обелиск может оказаться в высшей степени важной находкой, – неожиданно согласился Кэл. – Ты что, собираешься откопать его?

– Еще несколько минут назад собирался, – ответил Силвест. – Однако возникли новые обстоятельства. Я... только что узнал из своих источников, что Жирардо планирует выступить против меня гораздо раньше, чем я ожидал.

– Он не осмелится выступить против тебя, если у него нет большинства в Совете экспедиции, – возразил Кэл.

– Это если бы он планировал выступить в обычном порядке, – возразил Жанекен. – Но информация Дэна верна: Жирардо намечает более короткий путь.

– Но ведь тогда... это будет что-то вроде мятежа?

– Полагаю, термин вполне подходит, – ответил Жанекен.

– Уверен? – Кэлвин снова сосредоточился, глубокие морщины пересекли его лоб. – Да, ты прав. Пресса в последние дни открыто рассуждает, каковы будут следующие ходы Жирардо в ситуации, когда Дэн пропадает на раскопках, а сама колония переживает кризис власти. Отмечено резкое увеличение числа шифровок, курсирующих между известными сторонниками Жирардо. Эти шифровки мне не прочитать, но интенсивность обмена ими действительно кое о чем говорит.

– Значит, и впрямь что-то затевается...

Слука была права, подумал Силвест. Получается, она оказала ему услугу, хотя и угрожала покинуть раскопки. Без ее предупреждения он не оживил бы Кэла.

– Похоже на то, – подтвердил Жанекен. – Вот почему я тебя так упорно разыскивал. Мои опасения подтверждаются тем, что Кэл сказал о сторонниках Жирардо. – Пальцы Жанекена еще крепче сжались на перилах. Обшлаг его пиджака, свисавший с костлявой руки, как с вешалки, был украшен павлиньими «глазами». – Дэн, я не думаю, что тебе следует оставаться здесь. Я пытался держать связь с тобой на уровне, который не вызвал бы подозрений, но есть достаточно оснований считать, что этот разговор прослушивается. Поэтому я кончаю. – Он отвернулся от висевшего в воздухе обелиска и обратился к сидящему археологу: – Кэлвин... мне было приятно встретиться с тобой после столь долгой разлуки.

– Побереги себя, – ответил Кэлвин, протягивая руку в направлении Жанекена. – И желаю удачи с павлинами.

Удивление Жанекена было непритворным.

– Ты знаешь о моем маленьком проекте?

Кэлвин улыбнулся и промолчал. Вопрос Жанекена не имеет смысла, подумал Силвест.

Старик махнул рукой, панорама срослась с офисом Жанекена. Затем он сделал шаг назад и исчез вместе с этой обстановкой.

На балконе остались двое.

– Итак? – спросил Кэл.

– Я не могу рисковать потерей контроля над колонией.

Силвест все еще был номинальным начальником всей ресургемской экспедиции. Даже после предательства Алисии. По логике все, кто решил остаться на планете, а не возвратиться домой, должны были стать союзниками Силвеста и тем самым укрепить его позиции. Но вышло совсем не так. Далеко не каждому, кто принял сторону Алисии, удалось попасть на борт «Лорена» до того, как корабль ушел с орбиты. Да и среди оставшихся по убеждению было немало таких, кто, первоначально симпатизируя Силвесту, понял, что с кризисом он справляется плохо, прибегая чуть ли не к криминальным методам. Противники Силвеста распространяли слухи, будто изменения в мозгу, которым он подвергся у жонглеров образами перед встречей с затворниками, вызвали патологию, граничащую с безумием. Изучение цивилизации амарантийцев продолжалось, но очень вяло. Зато политические разногласия и склоки вспыхнули с такой силой, что погасить их было уже невозможно. Те, у кого еще сохранилась привязанность к Алисии – главным среди них был Жирардо, – создали организацию увлажнистов. Археологи Силвеста злились, в их поведении проявлялись черты «психологии осажденной крепости». В обеих группах гибли люди, причем их смерть никак не укладывалась в рамки несчастных случаев. Теперь все эти противоречия достигли точки кипения, а Силвест сейчас занимал отнюдь не ту позицию, которая позволила бы ему покончить с кризисом.

– И в то же время я не могу бросить его. – Он указал на обелиск. – Мне нужен твой совет, Кэл. И я получу его, так как ты полностью зависишь от меня. Ты уязвим, не забывай.

Кэлвин заерзал в своем кресле:

– Если говорить прямо, ты шантажируешь родного отца? Просто прелестно.

– Нет, – ответил Силвест сквозь зубы. – Я лишь намекаю, что ты можешь попасть в плохие руки, отказавшись мне помочь. С точки зрения толпы, ты всего лишь рядовой представитель нашего блистательного клана.

– А ты, значит, можешь еще и не воспользоваться моим советом? С твоей точки зрения, я всего лишь компьютерная программа, движущаяся картинка. Когда разрешишь мне попользоваться твоим телом?

– На этот счет я не стану тебя обнадеживать.

Кэлвин угрожающе поднял палец:

– Не надо наглеть, сынуля. Это я тебе понадобился, а не наоборот. Можешь засунуть старого джинна обратно в лампу, мне там хорошо.

– Так я и поступлю. Но сначала получу от тебя совет.

Кэлвин наклонился в его сторону:

– Скажи, что ты сделал с моей альфой, и тогда я, может быть, соглашусь обдумать твою просьбу. – Он ехидно ухмыльнулся. – Я бы даже мог рассказать кое-что о Восьмидесяти. То, чего ты не знаешь.

– А чего я не знаю? – хмыкнул Силвест. – Погибло семьдесят девять невинных душ, вот и все. В этом нет секрета. И я не считаю тебя ответственным за их гибель. Нельзя же обвинить фотографию тирана в военных преступлениях.

– Я вернул тебе зрение, неблагодарный щенок! – Кресло повернулось к Силвесту крепкой деревянной спинкой. – Готов признать, что твои глаза трудно назвать шедевром, но чего можно было ждать в той обстановке? – Кресло снова развернулось. Теперь Кэлвин был одет точно как Силвест, так же подстрижен, и лицо тоже невозмутимое. – Расскажи о затворниках, –

попросил он. – Поделись своими грязными тайнами, сыночек. Выкладывай, что случилось у Завесы Ласкаля, только не надо той вонючей лжи, которую ты сочинил, возвращаясь назад.

Силвест подошел к секретеру, чтобы вынуть карту.

– Подожди! – взвизгнул Кэл, простирая руки. – Хочешь услышать мой совет?

– Наконец-то мы подошли к сути.

– Ты не можешь позволить, чтобы Жирардо одержал верх. Даже если мятеж неотвратим, тебе следует вернуться в Кювье. Там соберешь те небольшие силы, которые еще верны тебе.

Силвест поглядел в окно, на площадку с шурфами. По отвалам двигались тени – люди бросали работу и бесшумно прятались в своем единственном убежище – втором вездеходе.

– Возможно, это самая важная находка из всех сделанных на этой планете.

– И не исключено, что тебе придется ею пожертвовать. Если сумеешь обуздать Жирардо, у тебя появится роскошный шанс вернуться и выкопать обелиск. Если Жирардо победит – тогда все, что ты здесь найдешь, не будет стоить ломаного гроша.

– Знаю, – ответил Силвест.

На какой-то момент вражда между ними как будто прекратилась. Суждения у Кэлвина здравые, глупо притворяться, что это не так.

– Значит, ты последуешь моему совету?

Силвест положил ладонь на секретер, собираясь вынуть карту.

– Я подумаю об этом.

Глава вторая

На борту корабля-субсветовика, межзвездное пространство, год 2543-й

«При общении с мертвецами, – подумала триумвир Илия Вольева, – самое сложное в том, что они не понимают, когда им следует заткнуться».

Она только что перешла из рубки в лифт; восемнадцать часов непрерывных консультаций с симами людей, в отдаленном прошлом живших на этом корабле, вымотали ее до крайности. Илия пыталась всеми правдами и неправдами вытянуть из них какие-нибудь сведения о тайном оружейном складе. Работа была неимоверно тяжелая, в частности, потому, что некоторые из старейших бета-копий не говорили на современном норте, а программа, «одушевлявшая» их, по каким-то непонятным причинам отказывалась переводить. Во время допроса Вольева непрерывно курила, ломая голову над особенностями грамматики среднего норта, и даже теперь не могла не наполнять легкие дымом. Да и как тут не курить, если от долгого пребывания в неподвижной позе жутко разнылась спина? Кондиционер в лифте работал из рук вон плохо, кабина через считанные секунды заполнилась густым дымом.

Вольева подтянула кверху обшлаг кожаной куртки с шерстяной подкладкой и сказала в браслет, болтавшийся на тонкой руке:

– Капитанский уровень.

Фраза немедленно была переадресована «Ностальгии по бесконечности», и корабль тут же поручил микроскопической части самую примитивную задачу – очистку воздуха в лифте. Мгновение, и кабина рванулась вниз.

– Желаете музыкальное сопровождение в пути?

– Нет. И ты мог бы уже запомнить по тысячам предыдущих поездок, что мне нужно только одно – тишина. Заткнись и дай подумать.

Она спускалась по главной оси корабля – четырехкилометровой шахте, которая проходила через весь корабль, сверху донизу. Вольева вошла в лифт почти у верхнего устья шахты (ей было точно известно о существовании тысяча пятидесяти уровней, или дистриктов) и теперь снижалась со скоростью около десяти уровней в секунду. Стенки у лифта были стеклянные, удерживался он на весу силой какого-то поля, и время от времени гладкая внутренняя обшивка шахты тоже становилась прозрачной, позволяя определять положение кабины без помощи схемы корабля.

Сейчас Илия продвигалась сквозь лесные заросли: то были ярусы садовых растений, одичавших без ухода и уже гибнувших из-за того, что ультрафиолетовые лампы, имитировавшие солнечный свет, почти все перегорели и никто не позаботился их заменить. Заросли кончились, а ниже восьмисотого этажа пошли обширные помещения, где когда-то жила и отдыхала команда, насчитывавшая несколько тысяч человек. Еще ниже помещались громадные и неподвижные теперь машины, которые в былые времена обеспечивали вращение жилых секций и неподвижность подсобных. Потом лифт проехал мимо уровней с криогенными капсулами для нескольких тысяч «спящих». Теперь таковых там не наблюдалось.

Вольева находилась уже на километр ниже отправной точки, но бортовое давление воздуха не изменилось, поскольку его поддерживала одна из тех редких систем жизнеобеспечения, которые еще продолжали нормально функционировать. Все же какой-то атавистический инстинкт подсказывал Вольевой, что при столь быстром спуске должно бы закладывать уши.

– Атриум, – произнес лифт, имея в виду уже давно не используемую часть бывшего великолепия. – На этом уровне вы можете чудесно отдохнуть и развлечься.

– Как заманчиво!

– Прошу пояснить.

– Поясняю: ты плохо представляешь себе, что такое отдых. Если, конечно, не считаешь таковым постоянное пребывание в скафандре высшей защиты и последующую противорадиационную терапию, от которой у тебя выворачивает кишки. Лично мне это отнюдь не кажется приятным времяпрепровождением.

– Прошу пояснить.

– Ладно, забудь, – вздохнула триумвир.

Еще километр помещений с сильно пониженным атмосферным давлением. Вольева чувствовала, как уменьшается ее вес, и понимала, что пролетает мимо двигателей, вынесенных за пределы корпуса корабля и укрепленных там на элегантно изогнутых стойках. Своими широко разинутыми пастьми двигатели всасывали ничтожно малые количества межзвездного водорода, а затем подвергали его непостижимым процессам переработки. Никто, даже Вольева, не пытался узнать, как работают машины сочленителей. Работают, и слава богу. Еще важно, что они излучают устойчивое мягкое сияние из каких-то необычных элементарных частиц. Большая часть этой радиации поглощается защитным покрытием корпуса, но кое-что проникает и внутрь. Вот почему лифт здесь заметно разогнался. Когда опасность миновала, он понизил скорость до прежней.

Было уже пройдено почти две трети пути. Оставшуюся часть Вольева знала лучше, чем другие члены команды: Садзаки, Хегази и остальные не забирались так глубоко без крайне важной причины. Да и можно ли их за это упрекнуть? Ведь чем ниже спускаешься, тем ближе ты к капитану. Лишь ее одну не пугала мысль об этом сближении.

Она не только не боялась этой части корабля, но даже превратила ее в свое царство. Нередко Илия выходила на уровне 612, добиралась до «Паука» и, выведя его за пределы корпуса, слушала голоса призраков, обитающих в бескрайних межзвездных просторах. Как же хочется проделать это и сейчас! Но у нее срочная работа – специальное задание, а призраки всегда к ее услугам, куда они денутся!

На пятисотом уровне мимо пронесся центральный артиллерийский пост. Вольева даже успела вспомнить о связанных с ним проблемах. Пришлось побороться с искушением перейти туда и кое-что выяснить. Но вот ЦАП исчез; теперь Вольева пролетала мимо помещения, где находился тайный склад – одна из капсул внутри корабля, где давление было на нуле.

Это помещение было гигантским, с максимальной шириной, почти полкилометра. Сейчас там царила темнота, так что Вольевой пришлось вспоминать, где расположено содержимое. Это было не слишком трудно. Хотя многие вопросы, касавшиеся происхождения и назначения этих механизмов, так и оставались без ответа, Вольева знала их местонахождение и форму так же хорошо, как слепой знает мебель в своей спальне. Даже в лифте она легко представляла себе, как протягивает руку и касается гладкой поверхности ближайшего орудия, просто чтобы убедиться в его существовании. С тех пор как Вольева вошла в триумвират, она почти все свободное время отдавала изучению этих машин и все же не могла сказать, что привыкла к ним. Приходя сюда, она нервничала, как на первом свидании, понимая, что знает о них совсем чуть-чуть, а если копнуть глубже, сложившиеся представления того и гляди разлетятся вдребезги.

Тайный склад она всегда покидала с чувством облегчения.

На уровне 450 лифт миновал еще одну переборку, отделявшую служебные секции от постепенно сходявшего на конус кормового отсека, достигавшего почти километровой длины. И снова кабина заметно ускорила движение, пролетая зону радиационной опасности, а затем началось медленное торможение, что говорило о близящейся остановке. Вот лифт уже вошел во вторую секцию криогенных уровней, коих насчитывалось двести пятьдесят, так что они могли вместить сто двадцать тысяч «спящих», но сейчас там лежал только один. Правда, вряд ли кто решился бы назвать состояние капитана сном.

Теперь лифт еле двигался. Пройдя без малого половину криогенных уровней, он остановился и радостным голосом оповестил, что достиг конца маршрута.

– С вами говорит консьерж пассажирского спального уровня, – сказал лифт. – Мы готовы удовлетворить вашу потребность в криосне. Спасибо, что решили воспользоваться нашими услугами.

Дверь открылась, и Вольева ступила через порог, глядя вниз, на сходящиеся стены шахты, обрамляющие бездну под ногами. Она проделала путь, равный почти всей длине корабля (или его высоте – проще было представлять его гигантским зданием), а шахта уходила дальше на невообразимую глубину. Корабль был так огромен – по-дурацки огромен, – что это излишество просто не укладывалось в голове.

– Да-да. А теперь проваливай.

– Прошу пояснить.

– Убирайся!

Этого сделать лифт, конечно, не мог – по крайней мере без реальной причины, только по капризу Вольевой. Ему ничего не оставалось, как дожидаться ее. Будучи единственным бодрствующим человеком, Вольева была и единственной, кто мог пользоваться лифтом.

От «хребта» корабля до того места, где держали капитана, путь пешком был немалый. Короткой прямой дорогой она идти не могла, так как целые секции корабля были заражены вирусами, вызывавшими повсеместное нарушение функций. Одни участки были затоплены охлаждающей жидкостью, другие – наводнены бродячими крысами-уборщицами. Третьи – патрулировались сошедшими с ума электронными сторожевыми буями, что делало эти помещения далеко не безопасными, разве что Вольевой вздумалось бы заняться экстремальным спортом. А еще были отсеки, заполненные токсичными газами, отсеки, где царствовал вакуум, отсеки с высоким уровнем радиации, отсеки, в которых водились призраки.

В призраков Вольева не верила (хотя, вообще-то, у нее были свои призраки, доступные через «Паука»), но к остальному относилась с полной серьезностью. В некоторые места она не рисковала заходить без оружия. Однако окрестности капсулы капитана она знала достаточно хорошо, чтобы не принимать уж слишком жесткие меры безопасности. Конечно, тут было холодно, и Вольева подняла воротник куртки, а шапку надвинула на лоб. Потом зажгла новую сигарету, и от глубокой затяжки вакуум в голове сменился холодной боевой настороженностью.

Одиночество ее не смущало. Конечно, хотелось с кем-нибудь пообщаться, но не до мурашек на коже. И уж совсем не было желания повторить судьбу Нагорного. Возможно, когда корабль достигнет системы Йеллоустона, надо будет подумать о новом начальнике артиллерийской части.

Каким же образом это чувство тревоги пробилось через непроницаемые переборки разума?

Нет, ее встревожило не имя Нагорного. Дело в капитане. Он тут, рядом, вернее, не он, а то, чем он стал. Вольева попыталась взять себя в руки. Сделать это совершенно необходимо! Ведь предстоящая встреча с Бреннигеном вызывает уже привычный приступ тошноты.

Каким-то чудом установка для криосна, в котором пребывал Бренниген, продолжала функционировать. Это была старая модель, очень добротно сделанная, насколько могла судить Вольева. Капсула ухитрялась держать клетки капитана в стазисе, хотя ее оболочка растрескалась и через щели полезла, отсвечивая металлом, мерзкая поросль. Она походила на грибницу и заполняла всю внутренность камеры. Что бы ни осталось от Бреннигена, оно находилось в плену этой поросли.

Вблизи камеры стоял дикий холод. Вольева совсем продрогла. Однако работа есть работа. Она достала из кармана кюретку и с ее помощью взяла соскобы металлической поросли для анализа. В лаборатории она напустит на паразита смертельные вирусы в надежде найти такой,

что подрубит его под корень. По опыту Илия знала, что эксперимент ничего не даст. Плесень обладала фантастической способностью разрушать те молекулярные орудия, которые применяла против нее Вольева. Правда, особой спешки тоже не было. Морозильник обеспечивал Бреннигена температурой лишь на несколько сот милликельвинов выше абсолютного нуля, и это явно замедляло размножение грибка. С другой стороны, Вольева знала, что ни одно человеческое существо еще не выжило, побывав на таком холоде. Это ей, однако, не казалось особенно важным, учитывая состояние капитана.

Немного охрипшим голосом она сказала в браслет:

– Открыть мой файл с информацией о капитане. Добавить нижеследующее.

Браслет зачирикал, сообщая о готовности.

– Третье посещение капитана после моего пробуждения. Границы распространения...

Она замешкалась, сообразив, что непродуманная фраза наверняка вызовет гнев триумвира Хегази. Впрочем, не страшно. Назвать, что ли, эту мерзость плавящей чумой, как ее уже окрестили йеллоустонцы? Едва ли это будет разумно.

– ...Болезни кажутся не изменившимися в сравнении с предыдущим осмотром. Пораженная площадь увеличилась лишь на несколько квадратных сантиметров. Криогенная камера чудом продолжает работать, но мне кажется, что нам следует подготовиться к ее неизбежному отказу в самом недалеком будущем. – Говоря это, Вольева подумала, что, когда это произойдет, у них сразу станет на одну проблему меньше, если не удастся переместить капитана в другую работающую камеру. (Как это сделать? Вопрос без ответа.) Ну и у самого капитана тоже не останется проблем. Во всяком случае, можно на это надеяться.

Вольева велела было браслету закрыть файл лабораторного журнала, но тут же добавила, искренне жалея, что не сэкономила затяжку для этой минуты:

– Согреть мозг капитана на пятьдесят милликельвинов.

Опыт подсказывал, что это минимальная величина того необходимого подогрева, без которого мозг капитана останется в ледяном стазисе. Чуть больше – и чума пожрет его слишком быстро.

– Капитан? – обратилась Вольева. – Вы слышите меня? Я Илия.

Силвест выбрался из вездехода и направился к шурфам. Пока он говорил с Кэлвином, ветер заметно окреп. Щеки горели от ведьминской ласки летящего песка.

– Надеюсь, беседа пошла вам на пользу, – сказала Паскаль, снимая дыхательную маску, чтобы перекрыть шум ветра. Она знала о Кэлвине, хотя напрямую с ним не общалась. – Вы готовы смотреть на вещи здраво?

– Слуку сюда.

В обычной обстановке она бы непременно взбунтовалась от такого приказного тона. Теперь же приходилось учитывать душевное состояние Силвеста, а потому Паскаль отправилась ко второму вездеходу и вернулась вместе со Слукой и горсткой ее сторонников.

– Как я поняла, вы готовы прислушаться к нам? – Ветер гонял выбившуюся прядь волос по выпуклым очкам. Время от времени Слука глотала воздух из маски, которую держала в руке; другая рука упиралась в бедро. – Если так, возможен разумный компромисс. Мы позаботимся о вашей репутации. Когда вернемся в Мантиль, никто и словом не упомянет о том, что тут происходило. Скажем, что вы приказали нам собираться сразу же после получения штормового предупреждения. Все заслуги – ваши.

– И ты думаешь, это имеет какое-то значение?

Слука оскалилась:

– А какое значение имеет ваш проклятый обелиск? И уж если говорить напрямик, то кому нужны ваши гребаные амарантийцы?

– Значит, ты до сих пор не поняла, насколько это важно?

Осторожно – но не настолько, чтобы Силвест этого не заметил, – Паскаль начала снимать разговор, стоя чуть в стороне и держа камеру от компада в одной руке.

– Многие скажут, что тут и видеть нечего, – ответила Слука. – Это вы сами раздули значение амарантийцев, чтобы хоть чем-то занять своих археологов!

– Вот, значит, какого ты мнения, Слука? А впрочем, чего еще можно было от тебя ожидать. Не наш ты человек, не наш.

– В каком смысле?

– А в таком, что, если бы Жирардо понадобилось завербовать среди нас предателя, ты стала бы первым кандидатом.

Студентка повернулась к тем, кого Силвест про себя называл слукиными детьми.

– Вы только послушайте этого придурка! Уже в конспирологию ударился. Теперь и мы видим, что это псих, а большинство колонистов его давным-давно раскусили. – Она резко повернулась к Силвесту. – Короче, не о чем нам договариваться. Мы уедем, как только погрузим оборудование... или даже раньше, если буря усилится. Можете ехать с нами. – Она снова вдохнула из маски; ее лицо покраснело. – А можете рискнуть и остаться. Выбор зависит только от вас.

Он смотрел мимо Слуки на рабочих:

– Что ж, уезжайте. Бросайте раскопки и спасайте свою шкуру. Уж такой пустяк, как верность профессиональному долгу, вас, конечно, не остановит. Ну а если у кого-то все-таки хватит мужества закончить работу, ради которой мы притащились в такую даль, я возражать не стану.

Силвест переводил взгляд с одного копача на другого, но все стыдливо отводили глаза. Он не знал их по именам, только в лицо, и то лишь потому, что работал с ними. Разумеется, никто из них не прилетел на корабле с Йеллоустона, никто не бывал нигде, кроме Ресургема с его немногочисленным населением, сосредоточенным в нескольких городишках посреди пустынь. Этим юнцам Силвест кажется неким дремучим пережитком.

– Сэр... – заговорил парень – возможно, тот самый, который первым сообщил Силвесту о штормовом предупреждении. – Сэр, вы уж не сочтите, что мы вас не уважаем. Но ведь и о себе надо подумать. Неужели не понимаете? То, что здесь закопано, не стоит такого риска.

– Вот тут-то ты и ошибся, – ответил Силвест. – Рискнуть стоит даже бóльшим, чем жизнь, гораздо бóльшим. Не понимаешь? Событие не было ниспослано амарантийцам свыше. Они сами устроили его.

Слука медленно кивнула:

– То есть они заставили свое солнце вспыхнуть? И вы верите в эту чушь?

– Если коротко, то да.

– Тогда крыша у вас поехала куда сильнее, чем мне казалось. – Слука повернулась к нему спиной. – Заводите вездеходы, мы уезжаем!

– А оборудование? – спросил Силвест.

– Останется тут, пусть хоть сгниет, мне плевать!

Толпа разделилась, люди пошли к машинам.

– Подождите! – закричал Силвест. – Выслушайте меня! Вам хватит одного вездехода, вы разместитесь все, раз бросаете оборудование!

Слука снова обернулась к нему:

– А вы?

– А я останусь. Вместе с теми, кто не бросит меня, доведу дело до конца.

Студентка покачала головой, сорвала маску с лица и с отвращением плюнула на землю. Однако, догнав свою бригаду, повела ее ко второму вездеходу, ближайшему, оставив Силвесту тот, где был его кабинет. Копачи забрались в машину, кое-кто из них нес детали оборудования и ящики с археологическими находками. Видимо, инстинкты ученых возобладали над

желанием спастись. Силвест смотрел, как поднимаются трапы, как задраиваются шлюзы, как колоссальная машина встает на ноги, разворачивается и уходит прочь. Через минуту она уже скрылась с глаз, а грохот двигателя потонул в вое ветра.

Силвест огляделся, чтобы узнать, кто остался с ним.

Рядом стояла Паскаль. Ничего удивительного – эта женщина последует за ним даже в могилу, если будет знать, что там ее ждет тема для очередной сенсационной статьи. Была еще крошечная группка студентов, устоявших перед демагогией Слуки. К своему стыду, Силвест их имен не помнил. Может быть, в шурфах сидит еще десятка полтора ребят.

Немного успокоившись, он щелчком пальцев подозвал двоих рабочих:

– Демонтируйте гравитометры, они нам больше не понадобятся. – Следующая пара тоже получила задание. – Двигайтесь с дальней стороны площадки. Собирайте все инструменты, брошенные дезертирами, а также полевые дневники и упакованные образцы и находки. Когда кончите, приходите в большую шахту, я буду там.

– Что вы задумали? – спросила Паскаль, выключая и вставляя в компад камеру.

– Разве это не очевидно? Хочу узнать, что написано на обелиске.

Город Бездны, Йеллоустон, система Эпсилона Эридана, год 2524-й

Консоль чирикнула как раз в тот момент, когда Ана Хоури чистила зубы. Она вышла из ванной, не стерев с губ белую пену.

– Доброе утро, Ящик.

Герметик всплыл в комнату. Его дорожный паланкин был покрыт ярким орнаментом из завитков, на передней стенке виднелось темное окошко. При хорошем освещении Ане удавалось рассмотреть мертвенно-бледное лицо К. С. Нга, покачивающееся сразу за зеленым стеклом.

– А ты шикарно выглядишь! – полился из разговорного устройства скрипучий голос. – Где бы мне раздобыть то, что так сильно взбадривает тебя?

– Ящик, меня взбадривает кофе. И пить его надо литрами.

– Да я пошутил, – ответил Нг. – Выглядишь ты как разваренное дерьмо.

Она стерла ладонью пену с губ.

– Я только что проснулась, подонок ты этакий.

– Ну извини. – Сказано это было таким тоном, словно утреннее пробуждение – некий атавизм, от которого сам Нг уже давно избавился, как избавляются от аппендикса.

Возможно, он действительно обходился без сна. Хоури никогда не присматривалась к человеку, заточившему себя в ящик. Герметики – одна из самых экзотических сект, возникших после эпидемии плавающей чумы, а появилась она считанные годы назад. Эти люди так дорожили своими имплантированными органами и так боялись вирусов чумы, по их убеждению все еще витавших в относительно чистой атмосфере Полога, что покидали свои ящики лишь в герметичных помещениях. Иными словами, вести нормальный образ жизни они себе позволяли лишь на нескольких орбитальных станциях.

Опять заскрипел голос Нга:

– Прошу прощения, но, если не ошибаюсь, на сегодняшнее утро у нас запланировано убийство. Ты не забыла, что вот уже два месяца мы пасем некоего Тараши? Очень надеюсь, что не забыла, – ведь это тебе предстоит избавить беднягу от его никчемной жизни.

– Ящик, отцепись!

– А разве я цеплялся к тебе? Для меня это физически трудновыполнимо. Ну а если серьезно, то мы определили и место, и точное время убийства. Ты уже достигла нужной остроты?

Хоури снова наполнила чашку, а кофейник оставила на плите – выпьет, когда вернется домой. Кофе – ее единственная порочная привычка, память о солдатской службе на Окраине Неба. Штука в том, что необходимо уподобиться острому лезвию, а не накачаться кофеином до такой степени, когда голова гудит, а рука, держащая оружие, дрожит.

– Если ты имеешь в виду объем крови в моей системе кофеинообращения, то он понизился до приемлемого уровня.

– Тогда давай обсудим некоторые нюансы предстоящей операции, по крайней мере те, которые непосредственно касаются этого Тараши.

Нг буквально засыпал Хоури деталями будущего убийства. Большую их часть Ана уже знала – они были в плане, а кое-что она предложила сама, основываясь на опыте предыдущих умерщвлений. Тараши должен был стать ее пятой жертвой; она уже выявила некоторые закономерности «Игры». Хотя это не всегда было очевидно, но «Игра» имела свои правила, которые определяли основные подходы к каждому убийству.

Успехи Хоури не ускользнули от внимания прессы, и имя Хоури все чаще звучало в контексте «Игры теней», так что Ящик наверняка уже выбирал для нее очередную жирную дичь. В Ане крепло ощущение, что очень скоро она попадет в первую сотню убийц планеты. А это элита из элит.

– Ладно, – сказала она. – У Монумента, площадь восьмого уровня, западное крыло, в час. Проще некуда.

– Ты ничего не забыла?

– Ах да. Где оружие, Ящик?

Нг кивнул за зеленым стеклом:

– Там, дорогая малютка, где его оставила твоя зубная фея.

Герметик развернул паланкин и выехал из комнаты, оставив за собой слабый запах машинного масла. Хоури, нахмурясь, осторожно сунула руку под подушку. Там, как и сказал Ящик, что-то лежало. А вчера, когда укладывалась спать, ничего не было. Впрочем, теперь такие вещи ее не волновали. Действия Компании всегда отличались загадочностью.

Вот она и готова.

Хоури спрятала «подарок зубной феи» под одеждой и вызвала с крыши фуникулер. От его датчиков оружие, конечно, не укрылось, как и имплантаты в голове; машина наверняка отказалась бы брать пассажирку, если бы та не предъявила знак «Точки Омега» – сияющее голографическое изображение мишени, подрагивающее под слоем кератина на ногте правого мизинца.

– К Монументу Восьмидесяти, – сказала она.

Силвест спустился по лестнице и прошел по ступенчатому дну шахты к лужице света, где виднелась верхушка обелиска. Слук и один из ее помощников дезертировали, но оставшийся студент с помощью робота ухитрился откопать около метра сооружения. Для этого пришлось разобрать каменную кладку саркофага, и тогда обнажился массивный, покрытый искусной резьбой обсидиановый блок. На одной из его поверхностей виднелись четкие линии – амарантийское графическое письмо. Идущие рядами идеограммы говорили о том, что большая часть изображения – текст.

Ученые давно постигли основы этого письма, хотя им бы очень пригодился здешний Розеттский камень. Амарантийский был восьмым мертвым инопланетным языком, обнаруженным людьми в радиусе примерно пятидесяти световых лет от Земли. Не имелось никаких доказательств тому, что эти восемь видов разумных существ когда-либо контактировали друг с другом. Ни жонглеры образами, ни затворники тут помочь не могли – у них не было ничего даже близко похожего на письменность. Силвест, которому приходилось иметь дело с обеими расами – по крайней мере, с их технологиями, – понимал это не хуже других.

Амарантийскую письменность разгадали компьютеры. На это ушло более тридцати лет – потребовалось коррелировать миллионы артефактов, пока не удалось создать базовую модель, с помощью которой раскрыли общий смысл большинства найденных надписей. Помогло то, что к концу существования этой расы сложился единый амарантийский язык, менявшийся очень медленно, так что одна и та же модель дала возможность расшифровывать надписи, разделенные несколькими десятками тысяч лет. Разумеется, оставались смысловые нюансы, сложные для истолкования. И тут на помощь теории приходила человеческая интуиция.

Амарантийская письменность ничем не походила на те, которые уже были известны человечеству. Все тексты были стереоскопичны. Они состояли из сплетающихся линий, которые должны были создать определенный рисунок в зрительном центре головного мозга. Предки амарантийцев были чем-то вроде птиц или летающих динозавров, но с разумом лемуров. В далеком прошлом их глаза располагались по обеим сторонам черепа, что привело к развитию двухкамерного мозга, где каждая половина синтезировала собственную модель мира. Позднее амарантийцы стали охотниками, обзавелись бинокулярным зрением, но система связей в мозгу все еще сохраняла следы ранних фаз развития. Большинство амарантийских артефактов отражали эту ментальную двойственность, в частности в виде ярко выраженной вертикальной симметрии идеографических символов.

Этот обелиск не был исключением.

Силвест не нуждался в специальных очках, какими пользовались его сотрудники при чтении амарантийских иероглифов. Стереоскопичность видения достигалась благодаря особому устройству его глаз, где был использован один из наиболее удачных алгоритмов Кэлвина. Но сам процесс чтения все равно оставался пыткой, ибо требовал невероятного напряжения.

– Посвети мне, – сказал он студенту, который тут же отцепил ближайший переносной прожектор и направил его на ту сторону обелиска, где была выбита надпись.

Наверху полыхнула молния – сильный разряд электричества между разнозаряженными пылевыми облаками.

– Что-нибудь можете прочесть, сэр?

– Пытаюсь, – ответил Силвест. – Это, знаешь ли, непросто, особенно когда ассистент плохо держит лампу и свет прыгает по поверхности.

– Извините, сэр. Я стараюсь, но сюда задувает все сильнее.

Студент не преувеличивал. Даже в шахте появились пылевые вихри. Было видно, что они растут и крепнут; в воздухе уже колыхались серые пылевые завесы. В таких условиях долго не проработаешь.

– Ладно, не обижайся, – сказал Силвест. – Я очень ценю твою помощь. – Чувствуя, что его слова далеко не соответствуют ситуации, он добавил: – И очень обязан тебе за то, что ты остался со мной, а не ушел со Слукой.

– Выбор был не так уж труден. Тут не все готовы отместить ваши гипотезы с порога.

Силвест перевел взгляд с обелиска на студента:

– Ты имеешь в виду все мои гипотезы?

– Мы считаем, что все они достойны, как минимум, проверки. В конце концов, узнать, что случилось в те далекие времена, для колонии было бы бесполезно.

– Ты имеешь в виду Событие?

Студент кивнул:

– Если амарантийцы и в самом деле сами вызвали катастрофу, причем она совпала по времени с началом космических полетов... то наша экспедиция имеет более чем академический интерес.

– Мне не очень нравится окончание фразы. «Академический интерес»... Это звучит так, будто все остальное автоматически становится выше его. Но ты прав, нам нужно разобраться.

Подожла Паскаль:

– И в чем именно нам нужно разобраться?

– А что, если они действительно сумели как-то повлиять на солнце и оно убило их? – Силвест обернулся к Паскаль, будто хотел пронзить ее взглядом фантастически больших серебряных фасеточных глаз. – Так вот, нам не следует повторять их ошибок.

– Вы полагаете, это был несчастный случай?

– Я очень сомневаюсь, Паскаль, что они сделали это умышленно.

– Это-то я понимаю. – Журналистка не выносила, когда Силвест переходил в разговоре с нею на насмешливый тон. – И еще я понимаю, что инопланетяне каменного века не могли никак повлиять на поведение своего солнца. Ни случайно, ни целенаправленно.

– Мы знаем, что они были довольно развиты, – возразил Силвест. – Пользовались колесом и даже порохом. У них были рудиментарные познания в оптике, они занимались астрономией в связи с интересами земледелия. Путь от такого же уровня и до космических полетов человечество проделало за пятьсот лет. Было бы дурацким предрассудком считать, что иные биологические виды не способны на то же самое.

– Но где доказательства? – Паскаль встала, чтобы стряхнуть с пальто наслоившуюся мелкую пыль. – О, я прекрасно знаю, что вы скажете: никакие высокотехнологичные артефакты не уцелели – они были слишком хрупкими по сравнению с изделиями ранних эпох. Впрочем, если бы даже подобные свидетельства уцелели, что это изменило бы? Даже сочленители не умеют зажигать и гасить звезды, а они в техническом отношении развиты куда сильнее прочего человечества, включая нас с вами.

– Я знаю. И это меня беспокоит больше всего.

– Ладно, так что же говорит надпись?

Силвест тяжело вздохнул и снова повернулся к обелиску. Он позволил отвлечь себя от изучения артефакта, надеясь, что в перерыве мозг поработает на подсознательном уровне и тогда смысл надписи внезапно прояснится, станет ослепительно-очевидным, как было с ответом на одну из психологических проблем, что не давали ему покоя перед визитом к затворникам. Но истина упорно пряталась, иероглифы все еще таили свой смысл. А может, виновато напряженное ожидание? Ведь он надеялся на что-то монументальное, на что-то такое, что сразу подтвердит его идеи, хоть они и пугали его самого.

Надпись, похоже, просто сообщала о каком-то имевшем здесь место событии. Возможно, оно имело большое значение для истории амарантийцев, но надежды Силвеста едва ли оправдывало. Конечно, еще предстоит сложный компьютерный анализ, да к тому же пока Силвест располагает лишь малой частью текста, но бремя разочарования уже согнуло его плечи; обелиск его больше не интересовал.

– Что-то произошло в этих местах. Может, сражение, может, сошествие бога. Вот и все. Памятный столб. Мы узнаем больше, когда откапываем его целиком и займемся датировкой слоев. Кроме того, мы проведем ЗЭ-анализ и выясним, из какого материала сделан артефакт.

– Значит, это не то, что вы искали?

– Сначала я думал, что именно то.

Силвест присмотрелся к нижнему краю раскопанной поверхности обелиска. Текст кончался в нескольких дюймах от кладки саркофага, а чуть ниже виднелось еще что-то, уходившее под слой вечной мерзлоты. Что-то вроде карты или диаграммы – просматривались лишь верхние части концентрических кругов или дуг.

И что же это такое?

Силвест не мог да и не хотел гадать. Буря усиливалась. Звезды исчезли, над шахтой был виден лишь пылевой покров – как машущие крылья гигантской летучей мыши. Оглушительно ревел ветер. Оказаться там – значило попасть в дьявольскую переделку.

– Дайте мне что-нибудь, буду копать.

Получив лопату, Силвест начал соскребать мерзлый грунт, составлявший поверхность слоя саркофагов. Он работал с рвением заключенного, которому предстояло до рассвета прорыть длинный спасительный тоннель. Паскаль и студент тоже копали. А наверху дико выла песчаная буря.

– Я мало что помню, – сказал капитан. – Мы все еще крутимся вокруг Пухляка?

– Нет. – Вольева старалась не показывать, что объясняла это уже многократно – каждый раз, как согревала ему мозг. – Мы покинули Крюгер Шестидесят-А несколько лет назад. После того, как Хегази добыл для нас ледяную оболочку, в которой мы безумно нуждались.

– Вот как?! Но тогда где же мы?

– Идем к Йеллоустону.

– Зачем?

Капитанский бас гремел из динамиков, расположенных поодаль от криокапсулы. Сложные алгоритмы шарили по мозговым извилинам «спящего», преобразуя результаты в речь, отбрасывая все лишнее. Вообще, загадкой было уже то, что к капитану возвращалось сознание – ведь вся его нервная деятельность должна была прекратиться, когда температура мозга упала ниже точки замерзания. Но в мозгу капитана трудилось множество микроскопических машинок. Строго говоря, думали именно они, причем в условиях, когда температура была всего лишь на полкельвина выше абсолютного нуля.

– Зачем мы идем к Йеллоустону? – Вольевой было не по себе, причем вовсе не из-за общения с капитаном. – Хороший вопрос...

– Каков же ответ?

– Садзаки полагает, будто там живет человек, способный вам помочь.

Капитан долго вникал в ее слова. На своем браслете Илия видела карту его мозга, по которой пробегали разноцветные волны, будто атакующие армии на поле боя.

– Тогда этот человек – Кэлвин Силвест, – произнес капитан.

– Кэлвин Силвест умер.

– Значит, Дэн Силвест. Это его решил разыскать Садзаки?

– Полагаю, больше некого.

– Он не согласится прийти. В прошлый раз отказал.

Наступило молчание. Температурные колебания время от времени отключали мозг капитана.

– Садзаки следовало бы это знать. – Капитан снова обрел способность мыслить.

– Я уверена, что Садзаки рассмотрел все возможности. – Судя по тону Вольевой, она была готова поверить во что угодно, но только не в собственные слова.

Нет, надо быть осторожнее, когда говоришь о другом триумвире. Садзаки – самый верный адъютант капитана. Они были знакомы давно, задолго до того, как Вольева вошла в команду. Насколько она знала, никто, кроме нее, не разговаривал со «спящим» и даже не знал о подобной возможности. Ни к чему было так глупо рисковать, даже учитывая пробелы в памяти капитана.

– Тебя что-то беспокоит, Илия? Раньше ты доверяла мне. Дело в Силвесте?

– Нет, причина беспокойства находится не так далеко.

– На борту корабля?

«Вряд ли я когда-нибудь привыкну к этому», – подумала Вольева.

Но визиты к капитану в последние недели казались ей куда более привычным и естественным делом, чем раньше. Получалось, что посещение трупа, сохраняемого в условиях сверхнизких температур, трупа, несущего временно подавляемую, но опасную для всего сущего болезнь, стало для нее немного неприятной, но совершенно необходимой обязанностью. Чем-то таким, что ты просто вынужден время от времени делать.

Сейчас, однако, она сделала еще один шаг навстречу капитану, и черт с ним, со страхом, который остановил ее мгновение назад, когда она была уже готова выразить свое недоверие к Садзаки.

– Это насчет центрального артиллерийского поста, – начала она. – Помните его? Помещение, из которого управляют орудиями, хранящимися на тайном складе?

– Кажется, помню. Так что с ними?

– Я обучала артиллериста-стажера. Ему предстояло занять место в ЦАПе и взять контроль над орудиями с помощью вживленных в мозг имплантатов.

– Кто этот стажер?

– Борис Нагорный... Нет, вы его не знаете, он появился на борту сравнительно недавно. Я старалась держать его подальше от остальных. И даже помыслить не могла о том, чтобы привести сюда. Причина очевидна.

Причина заключалась в том, что болезнь капитана могла перекинуться на имплантаты Бориса. Вольева тяжело вздохнула. Она подходила к кульминации своего повествования.

– Нагорный всегда был не вполне уравновешенным. Во многих отношениях человек, стоящий на грани психопатии, был для меня предпочтительнее абсолютно нормального. Так, во всяком случае, я думала тогда. Оказалось, что я недооценила душевное нездоровье Нагорного.

– Ему стало хуже?

– Все случилось после установки имплантатов и первой попытки контакта с орудиями. Он стал жаловаться на кошмары чрезвычайной силы.

– Какое испытание для бедняги!

Вольева кивнула. Она догадывалась о том, что пережил капитан, когда болел, но все еще сохранял сознание. Какие кошмары, наверное, посещали его! Испытывал ли он при этом боль? И что такое боль в сравнении с пониманием, что тебя едят заживо, одновременно превращая в нечто совершенно чужеродное!

– Я не знаю, каковы были его кошмары, – сказала она. – Знаю лишь, что для Нагорного, чья голова и без того была набита страхами – их хватило бы на всех нас, – это оказалось невыносимым.

– И как ты поступила?

– Все заменила. И интерфейс ЦАПа, и имплантаты Нагорного. Совершенно без толку – кошмары продолжались.

– Уверена, что они как-то связаны с ЦАПом?

– У меня такая версия просто в голове не укладывалась, но несколько сеансов контроля дали весьма красноречивую статистику. – Илия закурила новую сигарету – зажгла одинокую оранжевую звездочку в космосе капитана. Находка целого блока сигарет – ее единственная радость за последние недели. – Я снова заменила всю систему, но это ничего не дало. Ему стало еще хуже. – Сделав паузу, она призналась: – И тогда я посвятила в проблему Садзаки.

– Какова была его реакция?

– Он потребовал, чтобы я перестала экспериментировать, по крайней мере до тех пор, пока мы не доберемся до орбиты Йеллоустана. Пусть Нагорный проведет несколько лет в криосне, может, – это благотворно скажется на его рассудке. Сама я могу сколько угодно возиться в ЦАПе, но Нагорного туда допускать нельзя.

– Что ж, по мне – вполне разумный совет. Ты, разумеется, его отвергла?

Вольева кивнула и поймала себя на парадоксальном чувстве: ей было приятно, что капитан догадался о ее проступке и теперь не надо выдавливать из себя признание.

– Меня ведь разбудили на год раньше других. Дали время ознакомиться с системой, велели контролировать ваше состояние. Этим я и занималась несколько месяцев. До тех пор, пока не решила разбудить Нагорного.

– Ты продолжала эксперименты?

– Да. До вчерашнего дня. – Она глубоко затянулась сигаретой.

– Не тяни из меня жилы, Илия. Что случилось вчера?

– Нагорный бежал. – Вот! Наконец-то она высказалась. – У него случился сильный приступ, он накинулся на меня. Я защищалась, он удрал. Спрятался где-то на корабле, но где именно, не знаю.

Капитан задумался. Илия догадывалась, о чем он размышляет. Корабль очень велик, в нем есть места, которые невозможно просканировать, поскольку датчики там давно не работают. А если беглец будет почаще менять укрытия, это еще больше затруднит поиски.

– Необходимо разыскать этого парня, – сказал капитан. – Нельзя, чтобы он гулял на свободе, когда Садзак и другие проснутся.

– А потом что?

– Вероятно, придется его убить. Но сделать это надо аккуратно. Заморозить тело в капсуле и сказать, что так и было.

– То есть представить это как несчастный случай?

– Да.

На лице капитана, которое Илия видела в смотровое окошко, по обыкновению ничего не отразилось. У него мимические возможности, как у мраморной статуи, подумала она.

Это было хорошее решение. Замороженная собственными проблемами, Илия не смогла до него додуматься. До последней минуты она боялась конфронтации с Нагорным, поскольку та могла привести к его смерти, а такое развитие событий представлялось неприемлемым. Оказывается, оно вполне приемлемое, если взглянуть с правильной точки зрения.

– Спасибо, капитан, – сказала Вольева. – Вы мне очень помогли. А теперь, с вашего разрешения, я вас снова заморозю.

– Но ведь ты скоро вернешься, да? Мне приятно разговаривать с тобой, Илия.

– Я ни за какие коврижки не пропущу нашей встречи. – Она приказала браслету снизить температуру мозга капитана на пятьдесят милликельвинов. Это отправит его назад, в дрему, в бездумное небытие. Так она считала.

Вольева в тишине докурила сигарету, а потом перевела взгляд с капитана в темный изгиб коридора. Где-то там, в корабельных недрах, ее подкарауливает Нагорный. Он затаил на нее глубокую обиду. Он болен. У него поехала крыша.

Это бешеная собака, которую надо пристрелить.

– Кажется, я знаю, что это такое, – произнес Силвест, когда последний мешавший камень кладки был удален и открылась верхняя часть грани обелиска площадью два квадратных метра.

– И что же?

– Это карта системы Дельты Павлина.

– Что-то мне подсказывает: вы уже давно знаете это.

Паскаль глядела через выпуклые очки на сложный рисунок – две группы слегка искаженных концентрических окружностей. Стереоскопически совмещенные, они должны были дать единую картину, как бы висящую в воздухе перед обсидиановым обелиском. Это были орбиты планет. Сомнений быть не могло. Солнце – Дельта Павлина – находилось, как и полагается, в центре, помеченное амарантийским иероглифом – пятиконечной звездой, что сразу же напоминало о Земле. Затем следовали четкие орбиты главных небесных тел этой системы. Ресургему был присвоен символ, означавший мир. Сомнений нет. Это не случайный набор окружностей – около главных планет изображены их спутники.

– Были кое-какие догадки, – сказал Силвест.

Он совершенно выдохся, проработав в шахте всю ночь, да еще испытывая постоянный страх, но дело того стоило. Очистить второй метр обелиска было куда труднее, чем первый, да и буря выла, точно эскадрон баныши, примчавшийся с дикими воплями за душами археологов.

Но, как это бывало и раньше, как будет и впредь, буря так и не достигла той силы, о которой предупреждал Кювье. Теперь самое худшее позади, хотя тучи пыли еще мечутся в небе, точно черные знамена. Тем не менее розовый рассвет уже прогоняет ночь. Похоже, опасность миновала.

– Все это ничего не меняет, – стояла на своем Паскаль. – Мы ведь давно в курсе, что они занимались астрономией. Находка говорит лишь о том, что на каком-то этапе своего развития амарантийцы узнали о гелиоцентричности этой планетной системы.

– Нет, находка дает гораздо больше, – медленно произнес Силвест. – Далеко не все эти планеты видны невооруженным глазом, даже если учесть возможные физиологические особенности амарантийцев.

– Значит, у них были телескопы!

– Не так давно вы называли их инопланетянами каменного века. А теперь приписываете им умение делать телескопы?

Журналистка вроде бы улыбнулась, но маска на ее лице не давала уверенности в этом. Паскаль запрокинула голову: что-то блестящее пронеслось между барханами. Это под пылевыми облаками летел дельтоид.

– Похоже, у нас гости, – сказала Паскаль.

Они так быстро взобрались по лестнице, что запыхались, когда оказались наверху. Хотя ветер начал слабеть несколько часов назад, ходить по отвалам было чистым наказанием. На территории раскопок царил хаос: прожекторы и гравитометры опрокинуты, некоторые сломаны, прочее оборудование валяется где попало.

Самолет кружил над головами; пилот высматривал место для посадки. Силвест сразу понял, что дельтоид прилетел из Кювье – в Мантеле таких больших нет. На Ресургеме летающих аппаратов вообще было мало и ценились они высоко, поскольку лишь благодаря им поддерживалась связь между поселками, расположенными в нескольких сотнях километров друг от друга.

Все действующие ныне самолеты были изготовлены еще в первые годы существования колонии. Делали их роботы, используя местное сырье. Роботы-конструкторы были уничтожены или похищены во время мятежа, и все, что осталось после них, ценилось на вес золота. Конечно, самолеты могли самовосстанавливаться после небольших аварий, так что особого ухода не требовали. Но некоторые стали жертвами диверсий или небрежности; с годами воздушный флот колонии сокращался.

Блеск дельтоида резал Силвесту глаза. Нижняя поверхность крыла была усеяна тысячами тепловых элементов. Они-то, раскаленные добела, и обеспечивали термический подъем машины. Их сияние было слишком сильным для органов зрения, которыми снабдил сына Кэлвин.

– Кто это? – спросил кто-то из студентов.

– Мне и самому интересно, – отозвался Силвест.

Его не радовало, что дельтоид прибыл из Кювье. Он смотрел, как тот снижается, отбрасывая на землю яркие разноцветные тени – это остывали термические элементы, проходя всю гамму радуги. Самолет сел на полозья. Тут же опустилась аппарель, и по ней сошла группа людей. Глаза Силвеста перешли на инфракрасный режим, так он лучше разбирал движущиеся в его направлении силуэты.

Гости были облачены в темные комбинезоны, шлемы, большие дыхательные маски и что-то вроде пуленепробиваемых жилетов с блестящими знаками различия администрации. Словом, это была пресловутая милиция колонии. Каждый держал наперевес оружие – длинную, весьма зловещего вида винтовку с рукоятками и подствольным ракетометом.

– Выглядят они не слишком дружелюбно, – осторожно произнесла Паскаль.

Отряд остановился, не дойдя нескольких шагов.

– Доктор Силвест? – Ветер, еще довольно сильный, отчасти заглушил голос милиционера. – Боюсь, сэр, у меня для вас плохие новости.

Силвест ничего другого и не ждал.

– В чем дело?

– Второй вездеход, сэр, тот, что уехал раньше...

– Что с ним?

– Вашим людям не удалось добраться до Мانتеля, сэр. Мы их обнаружили. Они попали под оползень. На гряде собралось много пыли. У них не было ни единого шанса, сэр.

– Слука?

– Все погибли, сэр. – Громоздкая маска делала человека из администрации похожим на слоновьего бога. – Нам очень жаль. Какая удача, что не все уехали одновременно.

– Это больше чем удача, – вздохнул Силвест.

– Сэр, есть еще кое-что. – Представитель власти крепче сжал оружие, скорее демонстрируя его наличие, чем угрожая. – Вы арестованы, сэр.

Резкий голос К. С. Нга заполнил всю кабину вагончика. Больше всего он был похож на пронзительное жужжание пойманной осы.

– Так ты работаешь над своим вкусом? Я имею виду красоту нашего великолепного города.

– Про вкус и красоту уж кто бы говорил, – хмыкнула Хоури. – Ящик, когда ты в последний раз вылезал из своего идиотского кокона? Вряд ли это было на памяти ныне живущих.

Естественно, Нг не мог находиться рядом с ней, его паланкин не втиснулся бы в такой маленький вагончик канатной дороги. Машина была узкофункциональной – ничего лишнего, способного привлечь внимание посторонних, особенно сейчас, на завершающем этапе охоты. Припаркованная на крыше, она походила на бесхвостый вертолет, частично сложивший свои лопасти. Ее важнейшими деталями были тонкие телескопические рычаги, которые заканчивались захватами, зловеще изогнутыми наподобие когтей ленивца.

Когда Хоури села в машину, дверца автоматически захлопнулась, оставив снаружи дождь и басовитый гул городского транспорта. Ана сказала, куда ехать – к Монументу Восьмидесяти, глубоко увязшему в Мульче. Машина на мгновение задумалась, вероятно рассчитывая оптимальный путь, оценивая состояние транспортных потоков и проверяя непрерывно меняющуюся топологию ведущих туда тросов. Процесс этот требовал времени, так как бортовому электронному мозгу было далеко до совершенства. Наконец Хоури почувствовала, что центр тяжести машины немного сместился. Через верхнее стекло дверцы она увидела, как одна из «рук» вытянулась, вдвое увеличив свою длину, и ухватила за трос, проходивший над крышей здания.

Затем нужную точку на другом тросе разыскала вторая «рука». Резкий скачок – и вагончик уже в воздухе. Несколько секунд он скользит по двум тросам, затем один из них уходит в сторону, так что машина должна его отпустить. Она разжимает «когти», а третья «рука» тут же хватается за новый трос, пересекающий дорогу машине. Снова несколько секунд скольжения в нужном направлении, снова падение, снова подъем, и вот появляется хорошо знакомая противная тяжесть в желудке. И невозможно избавиться от жуткого ощущения, что машина не выбирает тросы целенаправленно, а хватается их наугад. Чтобы хоть немного отвлечься, Хоури занялась дыхательными упражнениями, поочередно напрягая и расслабляя пальцы рук, затянутых в черные кожаные перчатки.

– Должен признаться, – продолжал болтать Ящик, – что я уже довольно долго не подвергал себя воздействию присущих городу ароматов. Но то я, а тебе беспокоиться совершенно не о чем. Система его очистки – одна из немногих, которые не прекратили функционировать после эпидемии.

Теперь, когда вагончик уже миновал скопление зданий, которое можно было с натяжкой назвать жилым районом и в котором обитала Хоури, перед ней разворачивалась гигантская панорама Города Бездны. Казалось невероятным, что этот дремучий лес уродливых строений был когда-то самым процветающим городом в истории человечества, что отсюда на протяжении двух столетий изливался обильный поток научных и художественных новаций. Теперь даже местный люд признавал, что этот край видывал лучшие времена. С некоторой долей иронии жители называли его Городом Вечного Сна, поскольку многие тысячи его самых богатых обывателей улеглись в криогенные установки, рассчитывая провести там период упадка, который, по их мнению, являлся лишь случайным провалом на восходящей кривой роста благоденствия и процветания.

Естественной границей Города была кромка кратера диаметром шестьдесят километров. Сам город имел форму кольца, окаймлявшего зев Бездны. Город был укрыт восемнадцатью куполами, занимавшими пространство между стеной кратера и пропастью. Купола соприкасались гранями и удерживались на подпорных башнях. Эти купола больше всего напоминали покровы, которыми завешивают мебель в спальне недавно усопшего. Местные прозвали все это Москитной Сеткой, хотя существовало еще с десятков названий, заимствованных из разных языков. Без куполов город не мог бы существовать. Атмосфера Йеллоустона – холодная смесь азота и метана, соотношение между которыми все время менялось, приправленная коктейлем сложных соединений водорода и углерода, – была для человека убийственной. К счастью, кратер защищал от самых страшных ветров и селей жидкого метана, а смесь горячих газов, изрыгаемых Утробой, могла быть превращена в пригодный для дыхания воздух весьма простым и дешевым технологическим процессом. Были на Йеллоустоне и другие колонии, куда меньше Города Бездны, но у них возникли огромные проблемы с созданием локальной биосферы, особенно с обеспечением населения воздухом.

В первые дни своего пребывания на Йеллоустоне Хоури спрашивала у местных, кому вообще пришло в голову заселить столь негостеприимную планету? На Окраине Неба бесконечно полыхают войны, но там хоть можно жить без куполов и техники, создающей пригодную для дыхания атмосферу. Однако вскоре Хоури поняла: рассчитывать на более или менее содержательный ответ не стоит даже в том случае, если подобный вопрос не воспримут как дерзость чужака.

Впрочем, ответ и так был ясен. Бездна привлекла к себе первых исследователей, они создали скромное поселение, а затем образовалось что-то вроде пограничного городка. Безумцы, игроки, мечтатели с горящими глазами летели сюда как мотыльки на огонь, привлеченные слухами о богатствах Бездны. Кто-то возвращался разочарованным, кто-то погибал в ядовитых пламенных глубинах вулкана. А выжившие энтузиасты гордились дивной красотой этих мест. Быстро пролетели двести лет, и кучка жалких лачуг превратилась в Город Бездны.

Он непрерывно и беспорядочно рос во всех направлениях и казался живой чашебой, которая вот-вот исчезнет в туманной дымке Бездны. Самые старые постройки сохранились на удивление хорошо. Эти здания, похожие на ящики, не поддались эпидемии, потому что в них не было систем саморемонта и самоперестройки. Напротив, новейшие небоскребы теперь напоминали трухлявый валежник с торчащими обломками ветвей и корней.

Когда-то эти небоскребы обладали симметрией и поражали величественной красотой, но плавающая чума изуродовала их, заставив расти вкривь и вкось, выбрасывая в стороны шарообразные утолщения и извилистые мерзкие щупальца. Потом эти здания умерли, окоченели в диковинных позах, – казалось, Город строили безумные архитекторы, чтобы постоянно будить в людях страх и дурные предчувствия. Возле таких домов образовались нижние ярусы, они представляли собой сплошные трущобы и блошинные рынки, освещавшиеся по ночам кострами и очагами.

В трущобах копошились человечки: кто шел пешком, кто ехал на рикше по шатким мосткам, переброшенным через развалины. Тут почти не использовались иные виды энергии, кроме мускульной и в меньшей степени паровой.

Трущобы никогда не поднимались выше десятого этажа небоскребов, так как могли легко обрушиться под собственной тяжестью. Поэтому над ними еще на двести-триста метров взбирались относительно ровные, сравнительно мало изуродованные эпидемией стены огромных зданий. И никаких признаков того, что там живут люди. Только на самых верхних этажах человеческое присутствие давало о себе знать. Это были какие-то пристройки на столбах, похожие на гнезда аистов среди ветвей. Стекла этих пристроек отражали блеск власти и богатства. Они были ярко освещены. Сверкали неоновые рекламы. Лучи прожекторов, подвешенных к карнизам, выхватывали миниатюрные фуникулеры-такси, связывавшие между собой различные районы города.

Эти машины торопливо пробирались по канатам, оплетавшим здания, точно паучы тенета. Имя этого возвышавшегося над трущобами города в городе было Полог.

Здесь не бывает настоящего дня, подумала Хоури. В Пологе она ни разу не чувствовала себя проснувшейся. Казалось, он погружен в вечные светлые сумерки.

– Ящик, когда у властей найдется время отчистить от грязи Мосkitную Сетку?

Нг засмеялся – будто затрясли жестяное ведро со щебнем.

– Наверное, никогда. Разве что кто-то придумает способ делать из грязи деньги.

– И кто из нас сейчас хаet город?

– Мы-то с тобой можем себе это позволить. Когда сделаем дело, почему бы не махнуть на «карусели» и не пожить как приличные люди?

– Это в душных коробках-то? Нет уж, Ящик, мне такого восторга не вынести, так что на мою компанию не рассчитывай.

Перед Хоури открылась Бездна; фуникулер приблизился к внутренней стороне тороидальной воронки. Бездна представляла собой глубочайший провал в материнских породах, ее изъеденные ветровой эрозией стены сначала были отлогими, а затем круто обрывались. Их покрывали трубы, которые уходили в ревущую пропасть; оттуда извергались клубы паров. Там находилась фабрика по переработке газов, она снабжала Город воздухом для дыхания и теплом.

– Кстати, о деле. Что скажешь насчет оружия?

– Думаю, ты сумеешь с ним разобраться.

– Ты платишь, я разбираюсь. Но надо знать, с чем я имею дело.

– Если у тебя с этим проблемы, то советую поговорить с Тараши.

– Он что, сам изобрел эту штуковину?

– До самой последней детали.

Теперь вагончик скользил над Монументом Восьмидесяти. Хоури еще никогда не видела его в таком ракурсе. По правде говоря, если смотреть снизу, он выглядит куда величественнее. Сейчас он производил впечатление сильно побитого непогодой – довольно жалкое зрелище.

Это была пирамида с квадратным основанием, наподобие зиккурата. Нижние этажи обросли халупами на сваях, как днище корабля ракушками. Наверху мраморная облицовка сменялась зеркальными окнами, но с улицы не видно, что многие стекла побиты, металлические рамы частью сломаны, частью вовсе вылетели. Похоже, именно здесь и должно случиться убийство.

Обычно о подобных вещах не ставили в известность заранее. Должно быть, Тараши сам настоял на этой детали. В контракт с будущей жертвой такие пункты вносились разве что в тех случаях, когда клиент считал свои шансы выжить и избавиться от преследователя за условленный период времени очень высокими. Таким образом практически бессмертные богачи разгоняли скуку, переставая подчиняться законам и правилам. Если удастся пережить «Игру» – а

так и бывало в большинстве случаев, – богатенький охотник будет потом долго хвастать своими подвигами.

Хоури отлично помнила, как сама включилась в «Игру теней». В тот день она очнулась на орбите Йеллоустона, на спутнике с криогенными установками, которым заправлял орден ледяных нищенствующих. На Окраину Неба эти нищенствующие никогда не забредали, но она кое-что слышала об их промысле. Эта добровольная религиозная организация дала обет помогать тем, чье здоровье серьезно пострадало при космических перелетах. Например, очень частым явлением была посткриогенная амнезия – побочный результат размораживания после криосна.

Пробуждение на спутнике ледяных нищенствующих – это уже причина для беспокойства. А в случае с Хоури амнезия была настолько серьезной, что стерла даже память о космическом перелете. Последнее ее воспоминание было весьма специфическим: она лежит в госпитальной палатке на Окраине Неба, а рядом ее муж Фазиль. Обоим досталось в очередном сражении. Ранения не угрожали жизни и могли быть излечены в любом орбитальном госпитале. Пришел санитар и стал готовить пациентов к кратковременному криосну. Их охладят, отправят на орбиту в шаттле, а там поместят на склад – дожидаться, когда у хирургов дойдут до них руки. Процедура могла продлиться несколько месяцев, но санитар намекнул, что есть неплохие шансы вернуться в строй до окончания войны. Хоури и Фазиль поверили санитару, – в конце концов, они были настоящими профессионалами.

А потом она пробудилась. Но вместо того, чтобы перебраться в палату для выздоравливающих, оказалась на попечении ледяных нищенствующих. У вас, заявили ей с йеллоустонским акцентом, нет ни амнезии, ни иных осложнений, какие бывают у «слякоти». Все гораздо хуже.

Причину случившегося главный нищенствующий назвал бюрократической ошибкой. На орбите Окраины Неба в криогенную установку попала ракета. Хоури и Фазиль оказались среди немногих счастливых, оставшихся в живых, но все их документы пропали. В ходе опознания замороженных ошибок избежать не удалось. Хоури приняли за наблюдательницу-демархистку, которая изучала войну на Окраине Неба и уже собиралась вернуться на Йеллоустон, когда попала под обстрел. Хоури прооперировали, а затем погрузили на борт корабля, уже готовившегося к старту.

К сожалению, с Фазилем такой ошибки не произошло. Пока корабль уносил спящую в криокапсуле Хоури за многие световые годы к Эпсилону Эридана, Фазиль старел – на один год за каждый год ее полета. Разумеется, сказали нищенствующие, подмену вскоре обнаружили, но было уже поздно. Рейсов до Окраины Неба нет и не ожидается еще лет десять. Даже если бы Хоури отправилась на Окраину Неба сейчас же (что опять-таки невозможно, учитывая, на какие планеты предстоит лететь кораблям, висящим ныне на орбитах Йеллоустона), до воссоединения с Фазилем прошло бы лет сорок. А Фазиль и знать не будет, что она возвращается, – вполне может жениться, завести детей и даже внуков. Прилети Хоури к нему, и она станет призраком былой любви, давно поглощенной Небытием. А ведь еще необходимо учитывать, что Фазиль мог погибнуть, вернувшись на фронт.

До того как нищенствующие изложили все эти доводы Хоури, она никогда не задумывалась о скорости света. Знала только, что во всей Вселенной нет ничего быстрее... Но, как она теперь убедилась, эта скорость слишком мала, чтобы сохранить жизнь любви.

Один беспощадный момент истины – и она поняла, что важнейшие свойства Вселенной, ее физические законы, сговорились между собой, чтобы подвести ее к пропасти, полной ужаса и одиночества. Ей было бы легче, куда легче, если бы она знала, что Фазиль умер. Теперь же между нею и им лежит океан неизвестности – пространство и время.

В ней бушевал гнев, грозя сжечь ее дотла.

Позже в тот день пришел человек и предложил Хоури убивать по найму, и она удивительно легко согласилась.

Имя этого человека было Таннер Мирабель. Он тоже был солдатом с Окраины Неба. Таннер считался настоящим специалистом по выискиванию потенциальных убийц; он заинтересовался Хоури, как только ее разморозили. Мирабель связал ее с мистером Нгом, известным герметиком.

Вскоре Нг пригласил ее на собеседование. За этим последовали психометрические тесты. Убийцы, как считали на этой планете, должны быть людьми здравомыслящими, склонными к аналитическому мышлению. Чтобы четко различали законное умерщвление и уголовное преступление и не переступали весьма зыбкую границу. В противном случае акции компании могут рухнуть в Мульту.

Все эти тесты Хоури прошла легко.

Были и другие. Иногда заказчики требовали чрезвычайно хитроумных способов своей потенциальной ликвидации, поскольку в глубине души не верили, что дойдет до убийства, и считали себя достаточно умными и изворотливыми, чтобы протянуть условленные дни и даже месяцы охоты и оставить убийцу с носом. Поэтому Хоури надлежало свести близкое знакомство со всеми видами оружия, используемого в «Игре».

Ну, уж чем-чем, а орудиями убийства профессионального солдата с Окраины Неба не удивишь.

Но даже она не видела ничего похожего на ту штуковину, которую ей доставила «зубная фея» в этот раз.

Потребовалось не меньше минуты, чтобы понять, как собирается это ружье. Получилось нечто вроде снайперской винтовки с чудовищно толстым перфорированным стволом. Обойма содержала несколько черных, похожих то ли на дротики, то ли на мальков рыбы-меч патронов. На каждой пуле присутствовала красноречивая метка – голографическое изображение черепа. Это удивило Хоури – она еще никогда не применяла отравленные боеприпасы.

А что за дела с этим Монументом?

– Ящик, – сказала она, – мне хотелось бы кое-что...

В этот момент фуникулер резко устремился вниз. Рикши прямо по его курсу изо всех сил закрутили педали, чтобы избежать столкновения. Перед глазами полыхнуло, на сетчатке отпечатались цифры – плата за проезд.

Хоури провела мизинцем по кредитному терминалу, переводя деньги с защищенного счета – у этого банка, находящегося в Пологе, не было никаких контактов с «Точкой Омега». «Цель» с хорошими связями способна отследить передвижения своего охотника по ряби на поверхности финансового моря. Заметанием следов пренебрегать нельзя.

Хоури открыла дверцу и выскочила. Здесь, как и всегда на поверхности планеты, шел мелкий дождь; его называли внутренним. Специфическая вонь Мульты – смесь запахов канализации, пота, пряностей, озона и едкого дыма очагов – с силой ударила в ноздри. Шум тоже был невыносим: повозки, рикши, колокольчики, клаксоны. В этот фон вплетались выкрики уличных торговцев, визг животных в клетках, куплеты бродячих певцов, объявления голографической рекламы на всех наречиях, от современного норта и до каназиана.

Хоури надела широкополую фетровую шляпу и подняла воротник пальто, доходившего до колен. Фуникулер вытянул «руку» и ухватился за свисающий трос. Вскоре он затерялся среди других вагончиков, качающихся, как маятник, и стремящихся побыстрее подняться к бурому куполу «неба».

– Эй, Ящик, – сказала она, – твой ход.

Его голос прозвучал прямо в ее мозгу:

– Доверься мне. У меня хорошие предчувствия.

Совет капитана хорош, думала Илия Вольева. Убийство Нагорного – единственный надежный выход. Безумец сам облегчил ей задачу – тем, что поднял на нее руку. Рассуждения на моральные темы теперь абсурдны.

Нападение произошло несколько месяцев назад по бортовому времени. Она тянула с решением проблемы, но сейчас обстоятельства требуют немедленных действий. Очень скоро корабль подлетит к Йеллоустону, экипаж выйдет из криосна. Когда это произойдет, ей придется солгать, будто Нагорный скончался, будучи замороженным, из-за какого-то вполне объяснимого сбоя в работе капсулы.

Надо собрать волю в кулак, выйти из лаборатории и сделать то, что должно быть сделано.

Помещение, которое занимала Вольева, по стандартам «Ностальгии по бесконечности», было совсем скромным. Она ведь могла взять себе целую анфиладу залов. Только зачем ей это? Часы бодрствования тратятся на уход за боевыми системами, на остальное времени почти не остается. А когда она спит, ей снятся все те же боевые системы.

Конечно, иногда она разрешала себе попользоваться – не скажешь же «насладиться» – корабельной роскошью.

Места ей хватало вполне. У нее была постель, кое-какая мебель, довольно аскетичная на вид, хотя, откровенно говоря, корабль мог предоставить ей мебель любого стиля и качества. К ее комнате примыкал небольшой «аппендикс», там она устроила лабораторию. Илия испытывала различные методы борьбы с болезнью капитана. Ее работа в этом направлении носила весьма любительский характер, результатами она ни с кем не делилась. Зачем возбуждать напрасные надежды?

Здесь же она потом хранила и голову Нагорного. Голова была заморожена. Держала ее Вольева в старом шлеме космического скафандра, который, обнаружив, что хозяин умер, сам явился к Вольевой, чтобы пройти надлежащий ремонт и чистку. Она что-то слышала о шлемах с острой как бритва диафрагмой на уровне воротника, которая при необходимости быстро и безболезненно отделяла голову от тела. Однако этот был не из их числа.

Впрочем, Нагорный умер весьма любопытным образом. Вольева разбудила капитана и изложила ему ситуацию со стажером. По-видимому, тот сошел с ума в результате ее экспериментов. Она подробно рассказала о проблемах, возникших при попытке подключить его к орудийным системам с помощью датчиков, вживленных в мозг. Даже упомянула о мучивших Нагорного кошмарах, а потом вкратце поведала, как артиллерист напал на нее, а затем исчез в неведомых глубинах корабля. Капитан не стал донимать ее вопросами о кошмарах, чему тогда Вольева обрадовалась, так как ей не хотелось обсуждать эту тему, а особенно содержание снов Нагорного.

Потом она обнаружила, что абстрагироваться от темы кошмаров становится все труднее. Дело в том, что это были не отдельные обрывки снов, не разрозненные дурные видения, хотя и такие могут сильно влиять на психику. Нет. Из того, что она слышала от Нагорного, можно было заключить, что кошмары повторялись многократно и отличались детализацией. По большей части они касались некоего существа, которое называлось Похитителем Солнц. Это был личный палач Нагорного. Не было ясности в том, чего Похититель Солнц старался добиться от Нагорного, но он вызывал у последнего ужас, представляя воплощением мирового зла.

Как-то Вольева заглянула в блокнот, который нашла в комнате Нагорного. Там были карандашные наброски, сделанные как будто в лихорадочном состоянии. Они изображали жутких существ, похожих на птиц, с пустыми глазницами и выпирающими костями скелета. Если это видения, посещавшие Нагорного в бреду, то ему было чего бояться. Однако оставался вопрос: как соотносятся эти фантомы с занятиями в ЦАПе? Какое замыкание при подключении нейронной системы стажера к бортовой технике ударило по той части мозга, которая рождает кошмары?

Теперь, оглядываясь назад, Вольева понимала, что действовала слишком поспешно и грубо. Впрочем, она лишь выполняла приказ Садзакки привести корабельное вооружение в боевую готовность.

Итак, у Нагорного произошел срыв, и он бежал в неконтролируемые недра полуразрушенного корабля. Рекомендация капитана – найти и убить этого человека – полностью совпадала с ее инстинктивным решением. Однако исполнить его удалось далеко не сразу. Вольевой пришлось установить датчики во множестве коридоров – конечно, далеко не во всех. Она получила тьму докладов от крыс-уборщиц, пытаясь выяснить, где прячется Нагорный. Временами ей казалось, что все напрасно, что Нагорный будет разгуливать на свободе, даже когда корабль окажется на орбите Йеллоустона и проснутся остальные члены команды...

И тут Нагорный совершил две ошибки – надо полагать, вследствие критического обострения его болезни. Первая заключалась в том, что он вломился в каюту Вольевой и оставил послание, написанное на стене его артериальной кровью. Очень простой текст, всего два слова. Ничего неожиданного для нее: «Похититель Солнц».

Затем, уже в полном безумии, он украл шлем от ее скафандра, бросив все остальное. Каким-то образом обойдя поставленные Вольевой защитные устройства, он взломал замок каюты и устроил там засаду, а когда хозяйка примчалась к себе, отобрал у нее пистолет и прыжками потащил по длинному, постепенно закругляющемуся коридору, к ближайшей лифтовой шахте. Вольева пыталась сопротивляться, но силы Нагорного словно удесятились, он держал ее стальной хваткой. И все же она считала, что у нее есть шанс – ведь ее увлекали туда, где ходят лифты.

Однако, как оказалось, Нагорный вовсе не собирался ждать лифта. С помощью ее пистолета он взломал дверь, ведущую к бездонным глубинам шахты, где бродило гулкое эхо. Без всяких церемоний – даже не попрощавшись – Нагорный швырнул Илия туда.

Это была его вторая грубая ошибка.

Шахта пронизывала весь корабль – от носа до кормы. Вольевой предстояло пролететь несколько километров, прежде чем она ударится о дно. Через несколько секунд, когда ей стало казаться, что сердце вот-вот остановится, она вдруг поняла, что должно произойти. Она будет падать, пока не разобьется, и не важно, сколько мгновений или минут займет этот процесс. Стены шахты отвесны и ровны, шансов ухватиться за что-то или замедлить падение нет.

Ее ждет смерть.

И вдруг... Нет, это случилось не сразу, отчего ей потом было очень стыдно. Вдруг какая-то часть ее мозга занялась анализом ситуации совсем в другом направлении. Илия увидела себя не падающей сквозь корабль, а стоящей на месте по отношению к звездам, висящей в невесомости, тогда как мимо нее несутся вверх стенки корабля. Сама Вольева не испытывала никакого ускорения. Ускорением обладал лишь корабль.

А ускорение корабля поддавалось управлению с помощью браслета.

На детали у нее не оставалось времени. Была лишь идея – будто вспышка в голове. Вольева понимала: необходимо эту идею немедленно реализовать или... встретить свою гибель. Падение можно прекратить, включив торможение корабля на то время, которое необходимо для получения нужного эффекта.

Номинальное ускорение сейчас составляло одно g , вот почему Нагорный с такой легкостью представил себе корабль в качестве дома огромной высоты, с которой он и сбросил Вольеву. Она падала уже не меньше десяти секунд – именно столько времени ее ум перерабатывал информацию. Что же необходимо? Десятисекундный тормозной импульс с обратным ускорением одно g ? Нет, это мало что даст. Лучше односекундный импульс и десятикратное ускорение. Она знала, что двигатели на это способны. Такой маневр не повредит и команде, спящей в криокапсулах. Не опасен он и для Вольевой – она лишь увидит, как бег стенок корабля мимо нее резко замедлится.

А вот Нагорный почти беззащитен.

Выполнить решение было непросто. Рев воздуха в шахте почти заглушал ее голос, когда она отдавала приказ через браслет. Потом наступил страшный момент: корабль будто не желал реагировать на ее слова. А дальше наступило блаженство: он взялся за ум и выполнил распоряжение.

Позже Вольева обнаружила Нагорного. Пиковое ускорение в течение одной секунды, вообще-то, не было бы фатальным, но Вольева сбросила скорость не за один прием, а за несколько, методом проб и ошибок, причем каждый импульс швырял безумца между полом и потолком.

Сама Вольева тоже пострадала – удары о стены шахты стоили ей сломанной ноги. Правда, нога потом срослась, остались лишь мрачные воспоминания о боли. Она помнила, как пользовалась лазерной кюреткой, чтобы отделить голову Нагорного, зная, что еще предстоит удаление вживленных в его мозг датчиков. Имплантаты были тоненькие, крохотные, выращенные в ходе трудоемкого процесса на молекулярном уровне. Ей очень не хотелось, чтобы кому-то удалось этот процесс потом продублировать.

Она вынула голову Нагорного из шлема, погрузила ее в жидкий азот. Затем сунула руки в две пары рукавиц, висевших среди прочих инструментов над рабочим столом. Крошечные блестящие орудия тут же пришли в движение и сами опустились на поверхность черепа, готовые трепанировать его, а потом зашить с фантастической точностью. Однако до того, как череп будет восстановлен, Вольева заменит настоящие датчики на фальшивые – в случае расследования никто не спросит, что она вынула из мозга погибшего.

Голову, конечно, придется пришить, но тут особой спешки нет. Когда все проснутся и узнают, что произошло с Нагорным, – вернее, что им положено узнать, – у них не появится желания скрупулезно изучить труп. Конечно, может возникнуть проблема с Суджик – она была любовницей Нагорного, когда тот пребывал в здравом рассудке.

Как и многие люди, Илия Вольева считала, что проблемы надо решать по мере их возникновения.

А пока ее инструменты глубоко проникали в голову Нагорного в поисках того, что принадлежало ей. И тут пришла мысль: кем же его заменить?

Конечно, не кем-нибудь из тех, кто находится на борту. Впрочем, на орбите Йеллоустона она наверняка отыщет нового стажера.

– Ящик, а не становится ли тут жарковато?

Его голос, дрожащий, чуть утративший внятность, проник сквозь массивные дома, которые громоздились над головой Хоури.

– Милая девочка, тут будет так жарко, что мы раскалимся добела. Держись. И смотри, не потеряй отравленные дротики.

– Да, кстати, о них... Я...

Хоури отпрянула в сторону, и мимо нее промаршировали трое комусо в шлемах, похожих на лыковые корзины. Своими бамбуковыми флейтами якухати они размахивали, как мажоретки жезлами. При их появлении стая обезьян капуцинов в панике рассеялась и попряталась в тенях.

– Я просто хочу спросить: а ну как случайно подстрелю постороннего?

– Ничего страшного не случится, – отозвался Нг. – Этот яд рассчитан исключительно на биохимию Тараши, любой другой получит лишь довольно неприятное проникающее ранение.

– А если это будет клон Тараши?

– Ты полагаешь такое вероятным?

– Просто спрашиваю. – От нее не укрылось, что Ящик вдруг занервничал.

– Если такой клон существует и мы его по ошибке пристрелим, то это будет проблемой Тараши, а не твоей и не моей. Все это записано в контракте. Как-нибудь почитай его на досуге.

– Только если меня тоска заест, – ответила Хоури.

И замерла, так как все вокруг неожиданно изменилось. Нг умолк, его голос сменился четким пульсирующим гудком, – тихий и зловещий, он напоминал эхолокационные импульсы хищника. За последние полгода Хоури слышала этот гудок не меньше десяти раз, и он всегда означал, что цель близка.

Значит, Тараши сейчас в радиусе пятисот метров от нее, не далее. Этот факт, соотнесенный с моментом возникновения гудка, говорит о том, что Тараши внутри Монумента.

В подобные моменты «Игра» становится всеобщим достоянием. Тараши знает об этом – такой же приборчик, как у Хоури, имплантировали и ему в одной из тайных клиник Полога. Эта штукавина генерирует в мозгу Тараши похожие импульсы. По всему Городу Бездны различные информационные Сети, специализирующиеся на «Игре Теней», посылают свои мобильные группы туда, где должно произойти убийство. Самые везучие, наверное, уже совсем рядом.

По мере приближения Хоури к Монументу пульсация становилась напряженнее, но частота нарастала небыстро. Вероятно, Тараши находился где-то наверху, так что расстояние между ними менялось мало.

Цокольная часть Монумента была вся в трещинах, они образовались из-за подвижек грунта – сооружение находилось в опасной близости от Бездны. Изначально в этом фундаменте и ниже располагался торговый комплекс, но потом он достался Мульче. Самые нижние уровни были затоплены, пешеходные мостки и лестницы окунались в воду цвета жженого сахара. Но над цоколем и затопленной площадью все еще высился тетраэдр Монумента – благодаря еще одной, меньшей, пирамиде, перевернутой и вмурованной глубоко в материнские породы. Там и находился единственный вход в Монумент.

Теперь, если Хоури удастся проникнуть в здание, Тараши может считать себя стопроцентным покойником. Но для этого ей надо пройти по мостику, подвешенному над затопленной площадью. А там она будет хорошо видна засевшему внутри Монумента человеку. Интересно, о чем думает ее будущая жертва...

В своих снах Хоури нередко видела одно и то же: почти обезлюдевший город, где ее преследует неутомимый охотник. А Тараши это же переживал наяву. Она вспомнила, что ее охотник никогда не спешил, – и от этого кошмар был еще страшнее. Спасаясь, Хоури бежала на ватных ногах в вязком, как тесто, воздухе, а мудрый преследователь передвигался спокойно, неторопливо – и неизменно сокращал расстояние.

Когда Хоури пересекла мост, пульсация участилась. Теперь под ногами чавкала грязь. Временами пульсация ослабевала, потом учащалась вновь – Тараши перемещался внутри Монумента. Ему уже не уйти. Может, рассчитывает завести Хоури на крышу? Если он намерен воспользоваться там воздушным транспортом, это будет нарушением контракта. В салонах Полога такое считается более постыдным, чем легкая смерть от пули охотника.

Она вошла в атриум внутри перевернутой пирамиды-опоры. Постояла несколько секунд, чтобы глаза привыкли к слабому освещению. Достала из-под полы ружье с отравленными пулями. Осмотрела выход на случай, если Тараши надеется улизнуть. В том, что клиента здесь не оказалось, не было ничего удивительного.

Атриум пуст. Видны отчетливые следы мародеров. Лупит по металлу дождь. Хоури всматривалась в изувеченные, запыленные скульптуры, что на медных тросах во множестве свисали с потолка. Некоторые упали на мраморную террасу, острые металлические крылья птиц воткнулись в пол. Похожая на известь пыль покрывала их маховые перья.

Хоури подняла глаза к потолку.

– Тараши! – позвала она. – Слышишь меня? Я иду.

Ее немного удивляло отсутствие телевизионщиков. Раньше такого не бывало. Конец охоты близок, а нет ни прячущихся по углам операторов, ни толпы пьяных от предвкушения крови зевак, которые всегда увязываются за съёмочными группами. На зов никто не ответил, но Хоури знала: цель где-то выше потолка.

Охотница пересекла атриум, направляясь к винтовой лестнице, ведущей в сам тетраэдр Монумента. Поднималась быстро, высматривая крупные предметы, с помощью которых можно перекрыть путь отступления жертвы. Тут хватало разбитых произведений искусства и ломаной мебели. Хоури свалила их в кучу на верхней площадке лестницы. Пусть эта баррикада и преодолима, она задержит Тараши, а Хоури ничего другого и не надо.

Пока она работала, с нее сошло семь потов и разнылась спина. Слегка переведя дух, Хоури приступила к наблюдению за окрестностями. Непрестанное арпеджиато в голове говорило о том, что Тараши совсем близко.

Верхняя часть Монумента была отведена под индивидуальные усыпальницы Восьмидесяти. Эти маленькие мемориалы располагались в стенных нишах, а сами стены из величественного черного мрамора поднимались на головокружительную высоту, к потолку, поддерживаемому колоннами с кариатидами в соблазнительных позах. Стены, пронизанные арками, перекрывали обзор, и в любую сторону было видно лишь на несколько десятков метров. Три треугольника, составлявшие потолок, местами были пробиты, сквозь дыры в зал проникал тусклый серый свет. Из самых больших пробоин хлестали дождевые струи.

Хоури заметила, что половина ниш пустует: может, гробницы разграблены, а может, родственники усопших забрали их бранные останки, чтобы захоронить в более надежных местах. Из оставшихся могил две трети сохранились хорошо: есть и портреты погребенных, и таблички с их биографиями, и их любимые вещи, расставленные в определенном порядке. Были и такие, где виднелись голограммы статуй, а в двух открытых гробницах лежали забальзамированные тела, явно побывавшие в руках опытного таксидермиста, который заштопал наиболее страшные раны, явившиеся причиной смерти.

Хорошо сохранившиеся могилы не привлекали внимания Хоури, она осматривала лишь те, что подверглись надругательствам вандалов. Тут хватало всяких обломков. Пригодились и бюсты – их можно было легко переносить, ухватившись за подставку. Хоури не пыталась аккуратно укладывать их на ступеньках, а просто громоздила в кучу. Раньше у бюстов были глаза из самоцветов, но о них позаботились мародеры. Полноразмерные статуи перетаскивать было трудно, она едва справилась с одной.

Вскоре баррикада была завершена. Ее основу составили как попало наваленные головы. Столь невежливое обращение никак не отразилось на лицах – они хранили каменное достоинство. Кучу окружали всякие мелкие предметы: вазы, Библии, даже роботы-уборщики. Если Тараши начнет разбирать этот завал, Хоури услышит и моментально окажется рядом. Убить его на этой куче голов было бы даже забавно – она чуть-чуть напоминает Голгофу.

Делая свое дело, Хоури одновременно прислушивалась к мерным шагам где-то за стенами.

– Тараши! – позвала она. – Не трудись. Отсюда нет выхода.

Его ответ прозвучал удивительно громко и уверенно:

– Ты ошибаешься, Ана. Выход будет – не даром же мы здесь.

Вот черт! Клиент не должен знать ее имени!

– Куда выход? В царство мертвых?

Казалось, он забавляется.

– Что-то в этом духе.

Такую браваду в предчувствии неизбежного конца Хоури встречала не впервые. Ей это даже нравилось.

– Хочешь, чтобы я тебя нашла?

– Почему бы и нет, раз уж ты проделала такой приличный путь?

– Понятно. Желаете за свои денежки получить полное удовольствие. В вашем контракте столько всяких оговорок, – должно быть, он тебе обошелся недешево.

– Оговорок?

Пульс, звучавший в ее голове, на мгновение прервался.

– Например, это оружие. И то, что мы одни.

– А! – воскликнул Тараши. – То, о чем ты говоришь, и впрямь стоило дорого. Видишь ли, мне хотелось придать этому делу сугубо личный характер. Во всяком случае, на его завершающей стадии.

Хоури стало не по себе. Еще никогда ей не приходилось так долго говорить со своей жертвой. Да и невозможно это было среди ревущей кровожадной толпы. Взяв наперевес ружье с отравленными пулями, она медленно пошла по проходу.

– А зачем нужен пункт о сокрытии сведений от публики? – спросила она, не желая прерывать контакт.

– Забочусь о своем достоинстве. Я хочу сыграть в эту «Игру», но не хочу опозориться в процессе.

– Ты где-то близко.

– Да, совсем рядом.

– А ты боишься?

– Естественно. Только не смерти, а жизни. Я не один месяц потратил, чтобы достичь такого состояния. – Его шаги смолкли. – Тебе здесь нравится, Ана?

– Немножко напрягает беспорядок.

– Но выбрано место хорошо, согласись.

Хоури свернула в другой проход. Клиент стоял у одной из гробниц. Он выглядел сверхъестественно хладнокровным – спокойнее статуй, которые наблюдали за их сближением. Внутренний дождь оставил темные пятна на его бордовой одежде, такой модной у жителей Полога. Намокшие волосы некрасиво облепили череп. Выглядел он моложе, чем предыдущие жертвы Хоури: то ли ему в самом деле было меньше лет, то ли он мог позволить себе дорогие способы продления жизни. Она почему-то решила, что верно первое.

– Ты помнишь, зачем мы сюда пришли? – спросил он.

– Помню. Только не уверена, что мне это нравится.

– Не важно. Действуй!

Один из лучей света, падавший из дыры в потолке, словно по волшебству переместился на Тараши. Задержался он не больше секунды, но Хоури хватило времени, чтобы вскинуть винтовку и выстрелить.

– Отлично сработано, – похвалил Тараши, и в его голосе не слышалось боли.

Одной рукой он уперся в стену, чтобы не упасть, а другой взялся за черную стрелку, торчавшую у него из груди, и вырвал ее, как вырывают прицепившийся к одежде репей. Острый дротик упал на пол, его конец поблескивал красным. Хоури снова прицелилась, но Тараши остановил ее, подняв окровавленную ладонь.

– Одного вполне достаточно, – сказал он.

Хоури подумала, что ее сейчас обязательно вырвет.

– Почему ты не умер?

– Немного еще поживу. Если точнее, то несколько месяцев. Яд действует медленно. Так что вполне хватит времени подумать.

– О чем подумать?

Тараши провел по влажным волосам окровавленной рукой. Отер запачканные пылью и кровью ладони о брюки.

– Последую ли я за ней.

Пульсация в голове прекратилась так внезапно, что у Хоури сильно закружилась голова. В полубомороке охотница опустилась на пол. «Контракт выполнен, – поняла она. – Я снова победила».

Впрочем, Тараши был еще жив.

– Это моя мать, – указал Тараши на ближайшее захоронение.

Оно было из тех, за которыми хорошо присматривают: на алебастровом бюсте женщины нет даже пыли. Возможно, ее стер сам Тараши перед встречей с Хоури. Лицо не было повреждено, в глазницах сияли драгоценные камни. На лице с аристократичными чертами ни щербин, ни плесени.

– Надин Венг-да Сильва Тараши.

– Что с ней случилось?

– Разумеется, она умерла в процессе сканирования. Деструктивное картирование проходило так быстро, что половина мозга еще функционировала, в то время как вторая была оторвана.

– Мне жаль ее, хоть я и знаю, что она пошла на это добровольно.

– Не надо жалеть, ей еще повезло. Тебе эта история известна, Ана?

– Я же нездешняя.

– Что-то такое слышал... вроде ты служила в армии, воевала, и с тобой приключилась какая-то беда. Ладно, я тебе расскажу. Сканирование прошло успешно, но в программу хранения и использования полученной информации закралась ошибка. Нарушилась процедура, позволяющая альфам эволюционировать с течением времени, постигать, чувствовать, запоминать – словом, делать все то, что делает нас людьми. Программа работала хорошо до тех пор, пока не был отсканирован последний из Восьмидесяти, а это произошло ровно через год после сканирования самого первого. Затем в альфа-записях стали развиваться загадочные патологии. Одни записи необратимо разрушались, другие безнадежно зацикливались.

– Но ты сказал, что ей повезло.

– Альфы некоторых из Восьмидесяти продолжали функционировать, – ответил Тараши. – Им удалось протянуть около полутора веков. Даже эпидемия их не коснулась – они успели уйти в защищенные компьютеры Пояса, который мы теперь называем Ржавым. – Помедлив, он добавил: – Но тем самым они лишились прямых связей с реальным миром, им пришлось развиваться в невероятно сложной искусственной среде.

– И твоя мать?..

– Предложила мне присоединиться к ней. Теперь технология сканирования куда лучше прежней. Она больше не убивает.

– И что же тебя удержало?

– Это был бы уже не я, согласись. Просто копия – и моя мать поняла бы это. Нет, уж лучше... – Он потрогал крошечную ранку. – Уж лучше я умру в реальном мире, а та копия – все, что от меня останется. Я вполне успею пройти сканирование до того, как яд повредит нейронные структуры.

– А ты сам разве не мог сделать себе инъекцию?

– Не настолько уж я сумасшедший... Впрочем, конечно, я покончил бы с собой – в жизни ничто не дается даром. Но я предпочел вовлечь в это дело тебя, тем самым отсрочив свой конец и введя элемент случайности. В любой момент я мог решить, что жизнь предпочтительнее смерти, и оказать сопротивление убийце – но шансов на спасение оставалось бы крайне мало.

– Русская рулетка обошлась бы дешевле.

– Слишком быстро, слишком многое зависит от случая... и ничуть не стильно. – Он шагнул вперед, взял Хоури за руку и пожал так, будто заключал с ней какую-то важную сделку. – Спасибо, Ана.

– Спасибо?

Не отвечая, он пошел туда, откуда доносился шум. Груда бюстов рассыпалась с грохотом, на лестнице загремели шаги. Кобальтовая ваза разбилась вдребезги под обломками баррикады. Хоури слышала шепот летающих камер.

Когда же появились люди, это были совсем не те, кого она ожидала увидеть. Трое пожилых мужчин были одеты в консервативной манере Полога: дорого, но не вычурно. Пончо, фетровые шляпы, толстые операторские очки в черепаховых оправках. Над ними витали камеры, выполнявшие все их приказания. Позади этой троицы виднелись два бронзовых паланкина. Один из них был маленьким, как для ребенка. Человек в бордовом жакете матадора держал в руке крошечную камеру. Две очень юные девушки раскрыли зонтики с акварельными аистами и китайскими иероглифами. Между ними стояла пожилая женщина с лицом куклы – хрупким, бесцветным и почти безжизненным. Она, громко рыдая, рухнула на колени перед Тараши. Хоури никогда ее не видела, но почему-то решила, что это жена Тараши, которую крошечная рыбка-меч сделала вдовой.

Женщина посмотрела на Хоури серыми, как дым, глазами. Ее голос был бесстрастен.

– Надеюсь, вы дорого заплатите за это.

– Я просто выполняла работу.

Эти слова дались Ане с трудом.

Вновь прибывшие помогли Тараши добраться до лестницы. Хоури провожала их взглядом, пока они не исчезли внизу. Вот жена Тараши в последний раз с упреком оглядывается на нее. Вот доносится эхо шагов с лестницы и мраморной террасы. Еще минута, и Ана останется одна.

Но тут сзади раздался шорох. Хоури резко повернулась, машинально вскидывая винтовку с новым патроном в стволе.

Между двумя надгробиями стоял паланкин.

– Ящик!

Она опустила оружие. Все равно от него теперь никакого проку – действие яда жестко увязано с биохимией Тараши.

Но этот паланкин не принадлежал Ящику! Хоури не увидела никаких рисунков, он был равномерно черен. Дверца паланкина отворилась – опять же такого раньше не происходило на глазах у Аны, – и появившийся оттуда мужчина безбоязненно направился к ней. На нем был жакет матадора, а вовсе не одежда герметика, до смерти напуганного плавающей чумой. В руке он держал миниатюрную видеокамеру.

– О Ящике мы позаботились, – сказал он. – С настоящей минуты вы больше никак с ним не связаны.

– А вы кто такой?

Может, он связан с Тараши?

– Просто человек, которому захотелось узнать, правдивы ли слухи насчет ваших талантов. – У мужчины был мягкий акцент, который явно не принадлежал ни местному уроженцу, ни жителю этой системы, ни даже выходцу с Окраины Неба. – И похоже, слава у вас вполне заслуженная. На данный момент это означает, что у нас с вами будет общий наниматель.

Она подумала, не всадить ли ему дротик в глаз. Убить не убьет, а вот от нахальства, может, излечит.

– И кто же это?

– Мадемуазель.

– Впервые слышу.

Мужчина нацелил на Хоури объектив. Камера вдруг раскрылась подобно драгоценному яйцу Фаберже, сотни крошечных изящных деталей цвета яшмы скользнули в разные стороны и приняли новое положение. И Хоури поняла, что смотрит прямо в пистолетное дуло.

– Зато она наслышана о вас.

Глава третья

Кювье, Ресурге́м, год 2561-й

Силвест проснулся от криков.

Он дотронулся до прикроватных часов, по тактильным стрелкам определил время. До назначенной на сегодня встречи меньше часа. Шум за окном возник за несколько минут до того, как должен был сработать будильник. Любопытство заставило Силвеста откинуть одеяло и прошлепать к высокому зарешеченному окну. По утрам он бывал полуслеп, пока искусственные глаза привыкали к новым настройкам. Окружающее представлялось фрактальными поверхностями базовых компьютерных цветов – словно в комнате ночью на славу потрудились бригада увлеченных кубистов-декораторов.

Силвест отдернул занавеску на окне. Он был высок, но из этого окошка ничего не видел, во всяком случае под таким углом. Можно встать на пачку книг – снятых с полок факсимильных бумажных изданий, – но и тогда ничего интересного не разглядишь. Кювье построен внутри и вокруг одинокого геодезического купола, бо́льшая часть которого занята шести- и семиэтажными домами-коробками, сооруженными еще в первые месяцы существования экспедиции, когда заботились больше о способности построек выдержать бритвенную бурю, чем об их эстетической ценности. Здесь не было систем саморемонта, и возводимые здания могли не только противостоять погодным катаклизмам, но и удерживать в своих стенах нужное атмосферное давление. Серые сооружения с маленькими окнами были связаны между собой дорожками, по которым в обычное время двигались малочисленные электромобили.

Только не сегодня.

Кэлвин дал сыну глаза, способные увеличивать увиденное и даже запоминать. Однако эти опции требовали большой сосредоточенности; не меньше сил отнимала и борьба с оптическими иллюзиями. Вот превращенные панорамным сокращением в крошечные черточки люди стали сами собой и возбужденно засуетились; до этого они казались аморфным роем. Конечно, Силвест так и не научился различать выражения лиц или хотя бы узнавать знакомых, но ему неплохо удавалось угадывать по движениям настроение тех, за кем он наблюдал.

Основная часть толпы двигалась по главной улице Кювье, неся плакаты с лозунгами и самодельные флаги. Если не считать заброшенных грязью дверей и окон магазинов, а также вырванных с корнями саженцев айвы, толпа не совершила ничего противозаконного, однако, не замеченный ею, в конце улицы уже собрался отряд милиции. Присланные Жирардо люди высадились из фургона и занялись настройкой своего хамелеофляжа, переключая цветовые модели в поисках успокаивающего оттенка «желтый хром».

Силвест с помощью губки умылся теплой водой, затем тщательно подстриг бороду и завязал волосы в косичку. Натянул бархатную рубашку и штаны, а поверх надел кимоно с литографическими скелетами амарантийцев. Потом позавтракал – еда подавалась через окошко сразу после пробудки. Опять глянул на часы: скоро она придет. Убрал постель и сложил диван, обтянутый морщинистой алой кожей.

Паскаль, как всегда, явилась в сопровождении охранника и двух вооруженных роботов. В комнату они не входили, зато перед журналисткой в воздухе жужжало нечто маленькое, расплывчатое. Больше всего оно напоминало заводную осу. Пятно выглядело довольно безобидно, но Силвест знал: рывки только он в сторону своего биографа, и его лоб украсится дыркой точно между глаз.

– Доброе утро, – поздоровалась Паскаль.

– Не сказал бы, что оно такое уж доброе, – кивнул на окно Силвест. – Удивляюсь, как вам удалось сюда добраться.

Она опустилась на стул с мягким бархатным сиденьем.

– Это не так уж и трудно, даже в комендантский час, если имеешь знакомых в органах безопасности.

– Уже и до комендантского часа дошло?

Паскаль носила квадратную шапочку популярного у увлажнистов пурпурного цвета. Геометрически правильная смоляная челка подчеркивала белое, как мрамор, бесстрастное лицо. Одежда сидела на этой женщине точно влитая – жакет в черную и пурпурную полоску и такие же брюки. При виде ее почему-то думалось о росе, морских коньках и летучих рыбах, бликующих лиловым и розовым. Ноги сидящей Паскаль были скрещены в лодыжках и соприкасались стопами, тело чуть наклонено к собеседнику – он тоже слегка подался вперед.

– Времена изменились, доктор. Уж кто-кто, а вы должны бы радоваться этому.

А Силвест и радовался. В тюрьме, расположенной в центре Кювье, он просидел уже почти десять лет. Режим, в результате переворота пришедший на смену его собственному, пошел славным путем почти всех революционных правительств – его очень быстро разъела коррупция. Никуда не делось политическое расслоение общества, но изменилась его глубинная структура. Во времена правления Силвеста был раскол между теми, кто хотел изучать историю амарантийцев, и теми, кто хотел создать тут жизнестойкую, полноценную колонию, а не временный научный форпост. При этом даже увлажнисты – сторонники превращения Ресургема в некое подобие Земли – признавали, что амарантийцы могут однажды стать достойным изучения объектом. Теперь же общество разделял на политические фракции лишь вопрос интенсивности процесса освоения планеты. Одни ратовали за его постепенность, так что он мог затянуться на целые столетия, а другие – за экстренное создание пригодной для дыхания атмосферы, в связи с чем жителям пришлось бы на некоторое время покинуть Ресургем. Ясно было одно: реализация даже самых скромных проектов навсегда похоронит заветные тайны амарантийцев. Но это, похоже, почти никого не огорчало, а если кто и имел отличное мнение, он благоразумно помалкивал. Ученые, составлявшие костяк экспедиции, давно сидели на скудном финансировании, а прочие утратили мало-мальский интерес к амарантийской цивилизации. За эти десять лет изучение истории вымерших хозяев планеты стало уделом интеллектуальных маргиналов.

И ожидать перемен к лучшему не приходилось.

Пять лет назад через систему Ресургема пролетал торговый корабль. Субсветовик выключил свои двигатели и повис на орбите, превратившись для местного населения в новую яркую звезду. Его капитан, которого звали Ремиллиодом, предложил колонистам чудесные новшества: и товары, производимые в неизвестных мирах, и вещи, которых обитатели Ресургема не видывали со времен мятежа. Подобной роскоши колония позволить себе не могла. Начались раздоры, доходившие до кровопролития. Что покупать, машины или медикаменты, самолеты или инструменты для терраформирования? Пошли слухи о тайных сделках, о закупках оружия и запрещенных технологий. Хотя общий уровень жизни в колонии несколько поднялся со времен правления Силвеста (роботы-конвоиры и имплантаты для Паскаль были уже в порядке вещей), даже среди увлажнистов произошел раскол.

– Жирандо, должно быть, напуган, – сказал Силвест.

– Не знаю, – слишком быстро ответила Паскаль. – Мне важнее другое: наше время уходит.

– О чем бы ты хотела поговорить сегодня?

Паскаль взглянула на компад, лежавший у нее на коленях. За шесть миновавших столетий компьютеры принимали все возможные и невозможные формы, но эта – в виде тонкой дощечки и специального стилоса – так и не вышла из моды.

– О том, что случилось с твоим отцом.

– Ты имеешь в виду историю Восьмидесяти? Разве она не изучена в деталях, которых для твоих целей должно быть вполне достаточно?

– Ты прав. – Паскаль дотронулась стилосом до темно-красных, почти карминовых губ. – Конечно, я сначала ознакомилась с источниками и на большинство своих вопросов получила ответы. Но осталась одна не слишком значительная проблема, по которой у меня нет ясности.

– А именно?

Надо было отдать Паскаль должное. То, как она отвечала ему, абсолютно ничем не выдавая заинтересованности, будто всего лишь желая закрыть пустяковое «белое пятно», едва не усыпило его бдительность. Ловко, ничего не скажешь.

– Вопрос касается сканирования твоего отца на альфа-уровне.

– Вот как?

– Я хотела бы узнать, что случилось потом с этой записью.

Под слабым внутренним дождем мужчина с хитроумным пистолетом проводил Хоури к ожидавшему такси-фуникулеру. Ана не увидела на машине ни номера, ни других опознавательных знаков. Она была такой же незаметной, как и брошенный в Монументе паланкин.

– Входите.

– Одну минуту...

Как только Хоури открыла рот, мужчина упер ствол ей в спину. Не больно, но с ощутимой силой, просто чтобы напомнить: пистолет здесь. Эта деликатность говорила о том, что мужчина – профессионал; он не преминет воспользоваться пистолетом при необходимости. Ему это сделать даже проще, чем какому-нибудь агрессивному болвану.

– Ладно, я готова. Но кто эта Мадемуазель? Она конкурирует с «Игрой Теней»?

– Нет. Я уже сказал: ваши рассуждения слишком банальны.

Ничего важного он ей не сообщит, это ясно. Уверенная, что следующий вопрос тоже останется без ответа, Ана все же спросила:

– А вы кто такой?

– Карлос Манукян.

Ответ встревожил ее даже больше, чем умение этого человека обращаться с пистолетом. Судя по тону, он сказал правду – это не псевдоним. Значит, в лучшем случае он преступник, если можно говорить о преступности в этом городе, полном беззакония. И он намерен впоследствии убить свою пленницу.

Дверь фуникулера с треском захлопнулась. Манукян нажал кнопку на консоли, отчего атмосфера Города Бездны ничуть не выиграла – машина выбросила струю вонючего пара и, подпрыгнув, вцепилась в ближайший трос.

– И чем же, Манукян, вы занимаетесь?

– Помогаю Мадемуазель.

– Как будто этого и дебил не понял бы!

– У нас особые отношения. С давних пор.

– А я ей зачем понадобилась?

– Думаю, вам это уже понятно. – Манукян все время держал Хоури под прицелом, хотя время от времени косился на консоль управления. – Есть один человек, которого Мадемуазель хочет устранить.

– Этим я и зарабатываю себе на жизнь.

– Вот именно. – Он улыбнулся. – Разница в том, что этот тип за свое умерщвление не заплатит.

Вряд ли нужно упоминать о том, что идея написать биографию принадлежала вовсе не Силвесту. Инициатива исходила от человека, которого он мог заподозрить в любезности меньше, чем кого-либо другого.

Случилось это шесть месяцев назад, во время одной из редких встреч с главным виновником его заключения. Нильс Жирардо поднял вопрос как бы между прочим, – дескать, он удивлен, почему никто до сих пор не взялся за это дело. Полвека на Ресургеме – это целая жизнь, и, хотя у нее получился вот такой нескладный эпилог, она на раннем этапе открывала перед Силвестом перспективу, которой ему так не хватало в детстве и юности на Йеллоустоне.

– Проблема в том, – сказал Жирардо, – что ваши прежние биографии составлены людьми, имевшими самую тесную связь с описываемыми событиями, с социальной средой, которую они пытались анализировать. Каждый был в рабстве либо у Кэла, либо у вас, а колония была клаустрофобическим мирком – невозможно выйти из него и посмотреть со стороны.

– А теперь, по-вашему, Ресургем – не клаустрофобический мирок?

– Хм... Пожалуй, он остался прежним, но сейчас мы, по крайней мере, можем его видеть и в перспективе, и в ретроспективе. – Жирардо был приземист, мускулист, с копной рыжих волос. – Признайтесь, Дэн: когда вы вспоминаете прожитые на Йеллоустоне годы, вам кажется, что все это было с кем-то другим и лет эдак сто назад?

Силвест презрительно расхохотался бы, если бы не поймал себя на том, что в кои-то веки полностью согласен с Жирардо. Это была неприятная минута – такое впечатление, будто нарушены основные физические законы Вселенной.

– Я все никак не пойму, почему вы меня уговариваете? – Силвест кивнул на стража, который присутствовал при разговоре. – Надеетесь получить какую-то выгоду с помощью моей биографии?

Жирардо кивнул:

– Отчасти так и есть... По правде говоря, это очень большая часть. Едва ли вы не отдаете себе отчета в том, что Силвест – это все еще фигура, которая нравится населению.

– Ему бы еще больше понравилось меня повесить.

– Возможно. Но, провожая вас на эшафот, многие наверняка захотели бы пожать вам руку.

– И чем же вы надеетесь поживиться от этого интереса?

Жирардо пожал плечами:

– Новый режим достаточно жестко регулирует ваше общение с миром, чтобы не пускать сюда кого ни попадя. В нашем распоряжении ваш архив, это дает возможность в любой момент приступить к работе над биографией. У нас есть даже доступ к материалам йеллоустонского периода, о которых никто, кроме членов вашей семьи, не имеет представления. Конечно, в обращении с этими материалами необходима особая деликатность, но не воспользоваться ими было бы глупо.

– Так-так. – Теперь все стало абсолютно ясно. – Хотите все это использовать ради моей же дискредитации?

– Ну, если факты вас дискредитируют... – Жирардо оставил фразу подвешенной.

– Вам мало того, что вы меня сместили?

– Это было девять лет назад.

– Что изменилось за это время?

– Люди начали забывать. Пора им кое-что напомнить.

– Тем более что в воздухе витает недовольство?

Жирардо поморщился, как будто последнее замечание свидетельствовало о дурном вкусе собеседника.

– Кстати, если у вас есть какие-то иллюзии насчет «Истинного пути», советую их оставить. Эти люди не освободят вас. Скорее засунут в еще более грязную каталажку.

– Ладно, – устало вздохнул Силвест. – Чтобы всерьез обдумать ваше предложение, я должен знать, какова моя выгода.

– Выгода? Полагаете, она возможна?

– Конечно. А то с чего бы вы потратили на меня столько времени?

– Верно, сотрудничество будет для вас бесполезно. Как я уже сказал, мы могли бы работать и с теми материалами, которые оказались в нашем распоряжении. Но ваше личное мнение наверняка покажется читателям интересным. Особенно в отношении сравнительно слабо освещенных эпизодов.

– Не будем влиять. Вы хотите, чтобы я авторизовал работу палачей. Чтобы не только благословил эту грязь, но фактически помог уничтожить самого себя?

– Я могу облегчить вашу жизнь. – Жирардо обвел взглядом более чем скромную камеру. – Вспомните, какую свободу я предоставил Жанекену, чтобы он продолжал возиться со своими павлинами. И в вашем случае, Дэн, я способен проявить гибкость. Доступ к свежайшим археологическим материалам, возможность общаться с коллегами, публиковать научные статьи. Не исключены даже отдельные экскурсии за пределы этого здания.

– Полевые работы?

– Пожалуй, я готов рассмотреть и этот вопрос. В общем, рамки примерно такие.

Силвест вдруг отчетливо ощутил, что Жирардо с ним играет.

– Надо посмотреть, как пойдет дело. Биография уже пишется, но через несколько месяцев понадобится ваше участие. Вот когда присоединитесь, мы и будем рассматривать интересные вас варианты, хорошо? Если отношения с вашей соавторшей сложатся хорошо, мы обсудим вопрос об ограниченных полевых работах. Понимаете, обсуждение, а не обязательство...

– Что ж, постараюсь до тех пор сдерживать свой энтузиазм.

– Позже я с вами свяжусь. Хотите что-нибудь спросить, пока я тут?

– Только одно. Вы упомянули, что автор – женщина. Можно узнать, о ком речь?

– О той, чьи иллюзии вам еще предстоит разрушить, как мне кажется.

Вольева работала возле тайного склада, раздумывая о содержащемся там оружии, когда крыса-уборщица мягко приземлилась ей на плечо и пропищала:

– Люди.

Должно быть, такие крысы существовали на борту единственного субсветовика – «Ностальгии по бесконечности». Умом они не слишком превосходили своих далеких диких предков, но были биохимически включены в оперативную матрицу корабля, а потому из мерзких вредителей превратились в необходимых членов экипажа.

Каждая крыса обладала специальными феромонными рецепторами и передатчиками, которые позволяли ей получать команды и сообщать информацию кораблю. Питались санитары отбросами, пожирала практически любую органику, разве что она не была прибита к полу или еще шевелилась. Пища проходила первичную переработку в желудках крыс, а потом они бегали по кораблю и бросали помет в системы утилизации отходов. Некоторые были снабжены крошечными синтезаторами речи, позволявшими произносить некоторое количество фраз. Эти устройства срабатывали, когда внешние стимулы соответствовали биохимически запрограммированным условиям.

Вольева настроила своих крыс так, чтобы они сообщили, когда начнут потреблять человеческие отходы – отмершие клетки кожи и прочее, исходящие не от нее, а от других членов команды. Таким образом Илия узнает о пробуждении товарищей, даже если они будут находиться в самых отдаленных отсеках корабля.

– Люди, – опять пискнула крыса.

– Да слышала я!

Вольева опустила крысу на пол, а потом стала ругаться последними словами на всех известных ей языках.

Сопровождавшая Паскаль «оса» зажужжала еще громче и угрожающе приблизилась к Силвесту, ощутив в его голосе нервные нотки.

– Хотите узнать о Восьмидесяти? Ладно, расскажу. Я никому из них ни капельки не сочувствую. Все они знали, чем рискуют. И волонтеров было семьдесят девять, а не восемьдесят. Люди обычно забывают, что восьмидесятым был мой отец.

– Вряд ли их следует винить за это.

– Если глупость – явление наследственное, то не следует.

Силвест постарался расслабиться. Это было трудно. В какой-то момент разговора милиция распылила под куполом газ, вызывающий страх. Окрашенный в розовые тона день тотчас стал почти черным.

– Знаете что? – спросил равнодушно он. – При аресте у меня изъяли Кэла. Он вполне способен рассказать вам о своей деятельности.

– Я вас о его деятельности не спрашиваю. – Паскаль сделала пометку в компаде. – Я хочу узнать, что стало с его альфа-копией. Каждая альфа укладывалась в десять в восемнадцатой степени битов информации, – говорила она, снова что-то обводя кружком. – В привезенных с Йеллоустона материалах полно лакун, но мне все же удалось кое-что выяснить. Я узнала, например, что шестьдесят шесть альф находились в орбитальных хранилищах данных, что вернутся вокруг Йеллоустона. Большинство из них разрушены, но специально информацию никто не стирал. Еще десять оказались в поврежденных архивах на поверхности планеты. Остаются четыре. Три принадлежат либо к бедным, либо к почти угасшим линиям семьи. Остается одна альфа-запись. Ваш отец.

– К чему вы клоните? – спросил Силвест, стараясь не выдать глубокой личной заинтересованности.

– Не могу я принять на веру, что запись Кэлвина бесследно пропала точно так же, как пропадали другие. Не складывается. Институт Силвеста не нуждался в кредиторах или попечителях, чтобы защитить свое наследство, – это была одна из самых богатых организаций к началу эпидемии. Так что же стало с альфой Кэлвина?

– Думаете, я привез ее на Ресургем?

– Нет. Есть доказательства, что запись утеряна намного раньше. Последнее точное свидетельство ее присутствия в системе имело место более чем за сто лет до отправления экспедиции на Ресургем.

– Скорее всего, вы ошибаетесь. Проверьте ваши материалы как следует – и увидите, что эта альфа-копия была помещена во внепланетный банк данных в конце двадцать четвертого года. Институт через тридцать лет переехал, и, вероятно, вместе с ним переправилась и альфа. Затем, в тридцать девятом или сороковом, Институт подвергся нападению Дома Рейвичей. Все данные были стерты.

– Нет, – сказала как отрезала Паскаль. – Все это я досконально проверила. Выяснила, что в две тысячи триста девяностом году десять в восемнадцатой бит информации были перенесены Институтом Силвеста на орбиту, а через тридцать семь лет ровно такое же количество ее было изъято оттуда же. Эти биты – не обязательно Кэлвин. С таким же успехом это могут быть залежи метафизической поэзии.

– Значит, это ничего не доказывает.

Паскаль вручила ему свой компад. Ее иллюзорная свита из морских коньков и летучих рыбок брызнула в разные стороны.

– Не доказывает, но выглядит подозрительно. Почему альфа-запись исчезла примерно в то же время, когда вы отправились встречаться с затворниками? Можно ли считать эти явления связанными?

– Хотите сказать, что я замешан в этом деле?

– Данные о перемещениях альфы могли быть подделаны только тем, кто работал в организации Силвеста. Вы – очевидный подозреваемый.

– Правда, мотива не хватает.

– Это пусть вас не беспокоит, – отозвалась Паскаль, возвращая компьютер к себе на колени. – Один мотив я точно смогу найти.

Прошло три дня после сообщения крысы-уборщицы о начале пробуждения экипажа, и Вольева решила, что уже достаточно подготовлена. Илия никогда не мечтала поскорее встретиться с товарищами, хотя трудностей в общении с людьми не испытывала; впрочем, она легко адаптировалась и к одиночеству. Правда, теперь ситуация хуже. Нагорный мертв. И все об этом уже знают.

Не считая крыс и Нагорного, команда корабля состояла из шести человек. Нет, из пяти – если без капитана. По мнению всех остальных членов команды, он не в счет, поскольку не приходит в сознание и, естественно, не общается с подчиненными. Его держат на борту лишь потому, что не теряют надежды вылечить. Властью на корабле сейчас является триумвират, куда входят Юдзи Садзаки, Абдул Хегази и Вольева. Есть еще два человека, они в одинаковых званиях, но ниже триумвирата – Кьярваль и Суджик. В самом низу списка стоял артиллерист по фамилии Нагорный. Теперь он мертв, и его место пустует.

В периоды активности члены команды обычно пребывали в четко определенных районах корабля, оставляя все остальное пространство Вольевой с ее машинами. По корабельному времени сейчас было утро. Здесь, на уровнях, отведенных для команды, освещение работало по принципу «день-ночь» и сутки состояли из двадцати четырех часов. Сначала Вольева посетила помещение, предназначенное для криосна команды, и нашла его пустым. Все капсулы, кроме одной, были открыты. Закрытая принадлежала Нагорному. Присоединив голову к телу, Вольева поместила артиллериста в капсулу и охладила его. Потом повозилась с капсулой, чтобы та вскоре вышла из строя и Нагорный разогрелся. Что к тому моменту он уже был мертв, смог бы догадаться только профессиональный патологоанатом. Разумеется, никому из команды не придет мысль подвергнуть тело скрупулезной экспертизе.

Илия опять подумала о Суджик. У них с Нагорным одно время была связь. Суджик не следует недооценивать.

Вольева покинула помещение с криокапсулами, побывала в нескольких местах, где можно было бы встретить проснувшихся членов команды, а затем оказалась в лесу и сквозь чащу из высохших растений добралась до места, где ультрафиолетовые лампы еще действовали. Она очутилась на поляне и стала спускаться по скрипучей лесенке. Поляна выглядела идиллически, особенно сейчас, когда уже погиб практически весь лес. Золотистый свет искусственного солнца проникал сквозь густые кроны пальм. Вдали звенел водопад, снабжавший водой прудик с высокими берегами. С ветки на ветку перелетали попугаи и тулканы. Птицы, сидевшие в гнездах, то и дело затевали шумную перекличку.

Вольева скрипнула зубами, с ненавистью оглядывая эту фальшивую красоту.

Четыре оставшихся в живых члена команды завтракали за длинным деревянным столом, заставленным тарелками с хлебом, вазами с фруктами, блюдами с мясом и сыром, банками апельсинового джема и термосами с горячим кофе. На другом краю лужайки два голографических рыцаря лезли из кожи вон, чтобы зарубить друг друга.

– Доброе утро, – сказала Вольева, спускаясь с лестницы на травку, покрытую жемчужной росой. – Догадываюсь, что кофе вы мне не оставили.

На нее устремились взгляды, кто-то даже повернулся на стуле, чтобы поздороваться. Она чутко наблюдала за реакцией товарищей по экипажу, пока те с легким стуком опускали на стол вилки и ножи. Трое поздоровались. Суджик ничего не сказала.

Потом заговорил Садзаки.

– Рад снова видеть тебя, Илия. – Он взял со стола тарелку. – Хочешь грейпфрут?

– Спасибо. Пожалуй, не откажусь.

Вольева подошла к столу и взяла у Садзаки блюдо с ломтиками грейпфрута, на которых блестел сахарный песок. Она нарочно села между женщинами – Суджик и Кьярваль. Обе были негроидного типа, с начисто обритой головой, если не считать огненных витых прядей на макушке. Эти пряди очень много значили для ультра – они соответствовали числу погружений в криосон во время дальних перелетов. Эти женщины присоединились к команде совсем недавно, после того, как их собственный корабль был захвачен «Ностальгией по бесконечности». Ультра торговали своей верностью так же легко, как пресным льдом или информацией, которые им заменяли твердую валюту. Обе женщины были явными химериками, но они подверглись куда более скромной трансформации, нежели Хегази.

Руки Суджик ниже локтей сменялись протезами, похожими на краги из тонкой бронзы, богато гравированные и усеянные позолоченными окошечками, в которых непрерывно возникали голографические изображения. Бриллиантовые ногти ослепительно сверкали на тончайших пальцах этих искусственных конечностей.

У Кьярваль большая часть тела была нормальной, но глазами она обзавелась совершенно кошачьими – с красным косым зрачком. На плоском носу не было настоящих ноздрей, лишь узкие жабровидные прорезы, намекавшие на ее способность жить в водной среде. Она не носила никакой одежды – просто вся, кроме глаз, ушей, ноздрей и рта, была затянута в гладкую, без единой складочки, кожу из неопрена цвета черного дерева. Груды были лишены сосков. Пальцы изящны, но без ногтей; большие пальцы ног как бы едва намечены, точно скульптор, который ее делал, торопился перейти к новому объекту.

Когда Вольева села, Кьярваль взглянула на нее с безразличием, слишком подчеркнутым для искреннего.

– Это просто замечательно, что ты опять с нами, – сказал Садзаки. – Ты тут работала, пока мы все дрыхли. Что-нибудь особенное произошло?

– Да так... по мелочам.

– Превосходно, – улыбнулся Садзаки. – А скажи, среди этих мелочей не было ничего такого, что могло бы пролить свет на смерть Нагорного?

– А я-то все думаю, где Нагорный? Вот ты и ответил на мой вопрос.

– Но ты на мой не ответила.

Вольева занялась грейпфрутом.

– В последний раз, когда я его видела, он был жив. Не понимаю... А от чего он умер?

– Капсула слишком рано его разогрела. Возникли нежелательные биохимические процессы. Не думаю, что тебя интересуют подробности.

– Уж точно не за завтраком.

Очевидно, покойника осматривали не очень внимательно. Иначе нашли бы следы ушибов, хотя Илия и постаралась их замаскировать.

– Извини, – добавила она, бросив взгляд на Суджик. – Я вовсе не хотела показаться бессердечной.

– Ну конечно, – кивнул Садзаки, разламывая корочку хлеба.

Его близко посаженные косые глаза бросили на Суджик предостерегающий взгляд, как на непослушную собаку. Татуировка, сделанная им однажды, чтобы обманным путем проникнуть в ряды угонщиков с Пухляка, сошла не до конца; кое-где остались светлые полосы, хоть он и использовал, даже пребывая в глубоком сне, наномеды. Может быть, подумала Вольева, сам

позаботился о том, чтобы остались эти следы пребывания у угонщиков? Память о богатой добыче, которую он получил?

– Я уверен, что нам следует снять с Илии всякую ответственность за случившееся с Нагорным. Так, Суджик?

– А почему я должна винить ее за несчастный случай? – спросила Суджик.

– Ты совершенно права. На этом и покончим.

– Не совсем, – сказала Вольева. – Может, сейчас и не лучшее время для этого, но... – Она замаялась. – Дело в том, что мне надо вынуть у него из головы свои датчики. Хотя они почти наверняка окажутся испорченными.

– А новые ты сумеешь изготовить?

– Если хватит времени. – Она вздохнула и сказала с сожалением: – Мне понадобится новый стажер.

– Может, найдешь кого-нибудь, пока мы будем крутиться у Йеллоустана? – предложил Хегази.

Голограммы рыцарей все еще носились по лужайке, но никто не обращал на них внимания.

Холодный воздух в доме Мадемуазели показался Хоури чистейшим – за все время пребывания на Йеллоустане ей таким дышать не приходилось. Пожалуй, для него лучше бы подошел эпитет «стерильный»: ни намек на обычные запахи этой планеты. Зато присутствовали запахи, запомнившиеся Ане по госпитальной палатке на Окраине Неба, когда она в последний раз видела Фазиля: смесь йода, капусты и хлорки.

Фуникулер пронес Хоури и Манукяна через весь город, а потом через полузатопленный подземный акведук и закончил путь в огромной пещере. Отсюда Манукян провел Хоури к лифту, который поднимался с такой скоростью, что у нее заложило уши. Лифт доставил их в большой гулкий вестибюль. Возможно, это были проделки акустики, но Хоури показалось, что она находится в гигантском мавзолее. Где-то в вышине, казалось, плыли зарешеченные окна, пропускавшие сумрачный полуночный свет. Но поскольку ей было известно, что снаружи в разгаре день, это действовало на нервы.

– Мадемуазель не любит дневного света, – пояснил конвоировавший Ану Манукян.

– Да быть того не может! – Глаза Хоури постепенно привыкли к темноте, она уже различала какие-то крупные предметы в зале. – Вы-то, Манукян, похоже, нездешний?

– Думаю, у нас с вами есть кое-что общее.

– Вас тоже привела сюда ошибка чиновника?

– Не совсем, – ответил он.

Хоури чувствовала, что Манукян размышляет, сколько правды можно открыть ей без риска. Значит, у него есть слабости, подумала она. Для наемного убийцы, или кто он там, парень слишком разговорчив. По пути он непрерывно хвастал своими приключениями в Городе Бездны. Болтовня, не исходящая из уст такого хладнокровного типа, обладателя иностранного акцента и хитрого пистолета, не заслуживала бы внимания. Но с Манукяном дело обстоит иначе – значительная часть его похвалы может оказаться правдой.

И сейчас желание похвалиться явно одерживало верх над осторожностью.

– Ошибка имела место, но правильнее это назвать несчастным случаем.

Да, в холле было полно громоздких скульптур. Различить их было очень трудно, но все они стояли на подставках. Одни фигуры напоминали огромные куски разбитой яичной скорлупы, другие – крупные обломки кораллов. Все они обладали металлическим блеском, мутный свет лишил их собственной окраски.

– Этот несчастный случай произошел с вами?

– Нет... не со мной. С Мадемуазелью. Тогда-то мы и встретились. Она была... Вообще-то, Хоури, мне не следовало бы вам рассказывать. Если она узнает, мне конец. Спрятать труп в Бездне проще простого. Знаете, что я там на днях обнаружил? Не поверите, но это был целый...

Манукян продолжал хвалиться. Хоури удалось дотронуться до одной из фигур. По ощущениям – цельнометаллическая. Острые грани.

Они с Манукяном походили на заядлых любителей искусства, очутившихся среди ночи в музее. Казалось, скульптуры существуют в каком-то другом времени. Они чего-то ждут, причем их терпение уже на исходе.

Странно, но она была рада присутствию Манукяна.

– Это ее работы? – спросила Хоури, прерывая разглагольствования спутника.

– Возможно, – ответил он. – Не будет преувеличением сказать, что она пострадала из-за своего искусства. – Он остановился и тронул Ану за плечо. – Видите эту лестницу?

– Наверное, вы хотите, чтобы я по ней поднялась?

– А вы быстро учитесь.

Едва заметно он коснулся ее спины стволом – просто напомнил, что пистолет никуда не делся.

В иллюминаторе рядом с каютой мертвеца виднелись яркие оранжевые выбросы газа гигантской планеты. Ее затененный южный полюс полыхал бурей полярного сияния. Сейчас корабль находился глубоко в системе Эпсилона Эридана, войдя в нее под небольшим углом к эклиптике. До Йеллоустона оставалось всего несколько дней полета; корабль продвигался в зоне местного транспорта, курсирующего в пределах световых минут и соединяющего невидимой сетью все более или менее значительные обитаемые базы и космические корабли системы.

«Ностальгия по бесконечности» стала меняться. В то же окно Илия видела переднюю часть одного из субсветовых двигателей, которые выпустили улавливающие поля, – скорость корабля с крейсерской снизилась до той, которая позволяла двигаться внутри планетной системы; соответственно, и двигатели постепенно изменили свою форму и режим работы. Будто цветок во мгле, закрылся зев приемника материи. По-прежнему двигатели давали тягу, но что служило реакционной массой и в какой вид энергии оно превращалось – это сочленители предпочли сохранить в тайне.

Мысли Вольевой разбегались, готовые заниматься чем угодно, только не тем, чем нужно.

– Думаю, она может причинить неприятности, – сказала Вольева. – И серьезные.

– Если я понимаю ее, то нет. – Триумвир Садзаки позволил себе слабую улыбку. – Суджик слишком хорошо меня знает. И отдает себе отчет в том, что, если посмеет выступить против члена триумvirата, я не объявлю ей выговор. Даже не прогоню с корабля, когда мы доберемся до Йеллоустона. Я ее просто убью.

– Ну, это, пожалуй, слишком. – Илия спорила вяло и сама себя за это презирала. Но что поделаешь, сейчас она такая и есть – вялая и слабая. – Дело не в том, что я ей не сочувствую. В конце концов, лично против меня она ничего не имела, пока... пока не умер Нагорный. Может, обойтись взысканием, если вздумает скандалить?

– Какой прок в полумерах? – ответил Садзаки. – Если она намерена как-то выступить против тебя, то не ограничится мелкими пакостями. Обязательно найдет способ испортить тебе жизнь навсегда. Ликвидировать ее – единственный разумный выход. Зачем ты пытаешься встать на ее точку зрения? Неужели не понимаешь, что кое-какие проблемы Нагорного могли перейти и к ней?

– Намекаешь, что она сумасшедшая?

– Сумасшедшая, нормальная – не имеет значения. Она не посмеет выступить против тебя, это я гарантирую. – Садзаки нахмурился. – Ну, хватит об этом. Мне Нагорный надоел – слышать о нем не хочу.

– Я тебя вполне понимаю.

Этот разговор происходил через несколько дней после первой встречи Вольевой с командой. Теперь они стояли у дверей каюты погибшего, на уровне 821, собираясь войти. Помещение оставалось опечатанным с момента гибели Нагорного, а фактически даже дольше, если верить Вольевой. Сама она сюда тоже не входила – тяжелые воспоминания ей были ни к чему.

Она сказала в браслет:

– Отключить от охраны личные апартаменты артиллериста Бориса Нагорного. Приказ Вольевой.

Дверь отворилась, оттуда повеяло холодом.

– Пошли их вперед, – сказал Садзак.

Вооруженным роботам потребовалось всего несколько минут, чтобы обыскать каюту и доложить об отсутствии мин-ловушек и иных опасностей. Да и откуда бы им взяться – едва ли Нагорный планировал свою смерть в то время, когда за ним охотилась Вольева. Правда, с такими, как он, всегда надо держать ухо востро.

Вольева и Садзак вошли, когда роботы зажгли свет в каюте.

Как и другие психопаты, с которыми Вольевой приходилось иметь дело, Нагорный чувствовал себя лучше в небольших помещениях. Его каюта была обставлена еще аскетичнее, чем ее собственная, – он явно стремился к высшей степени чистоты и простоты. Можно подумать, что тут поработали полтергейсты, так сказать, с обратным знаком. Личные вещи Нагорного – на удивление малочисленные – были тщательно уложены по своим местам. Их не потревожили даже неожиданные рывки корабля, которыми Вольева убила Нагорного.

Садзак скривился и поднес к носу рукав:

– Ну и вонища!

– Это борщ. Свекла. Нагорный его обожал.

– Напомни, чтобы я не вздумал попробовать. – Садзак тщательно прикрыл дверь.

Воздух в каюте никак не мог согреться. Термометры показывали, что температура уже достигла комнатной, но каждая молекула воздуха будто несла на себе отпечаток морозных месяцев. Яркая выраженная спартанская обстановка нисколько не вязалась с представлениями Вольевой об уюте; в сравнении с этим помещением собственное жилье казалось ей образцом комфорта и роскоши. И дело не в том, что Нагорный не желал придать каюте какие-то индивидуальные черты. Совсем наоборот, он пытался это сделать, но по меркам нормальных людей потерпел сокрушительное фиаско – результаты его усилий противоречили друг другу, а потому каюта выглядела еще мрачнее, чем если бы он оставил ее совсем пустой и голой.

А самым ужасным был гроб.

Этот длинный ящик – единственная вещь, которая не была закреплена в тот момент, когда Вольева убивала Нагорного. Гроб не пострадал, но Илья поняла, что раньше он стоял вертикально, доминируя в обстановке каюты и придавая ей какое-то жуткое величие. Ящик был огромен и, видимо, сделан из чугуна. Черный металл поглощал свет, подобно завесам затворников. Всю его поверхность покрывали барельефы, столь сложные, что одним взглядом проникнуть в их тайны было невозможно.

Вольева рассматривала его в некотором оцепенении. «Меня хотят убедить, – думала она, – что Нагорный был способен на такое?»

– Юдзи-сан, – сказала она, – мне это совсем не по душе.

– Что ж, с тобой трудно не согласиться.

– Каким же надо быть безумцем, чтобы сделать для себя гроб!

– Законченным, надо полагать. Но гроб тут стоит, и, пожалуй, это единственное свидетельство, которое позволит нам заглянуть в глубину безумия Нагорного. Что скажешь об этих украшениях?

– Безусловно, это проекция его недуга, отражение его болезни. – Теперь, когда Садзакки успокоил ее, она была готова действовать. – Я могла бы заняться изучением барельефов – вдруг это наведет на какие-то мысли. – Глядя на гроб, она добавила: – Чтобы не повторять одни и те же ошибки.

– Здоровое рассуждение, – сказал Садзакки, наклоняясь к гробу. Он погладил затянутым в перчатку пальцем неровную поверхность, чем-то напоминающую стиль рококо. – Нам повезло, что тебе не пришлось его убивать.

– Да. – Илиа настороженно покосилась на Садзакки. – Но что ты думаешь об украшениях, Юдзи-сан?

– Хотелось бы мне знать, кто такой Похититель Солнц... или что такое. – Он указал на слова, вырезанные на гробе кириллицей. – Тебе это что-нибудь говорит? В контексте психоза? Что это могло означать для Нагорного?

– Нет, я не понимаю.

– Давай все же попытаемся. Я бы предположил, что в воображении Нагорного Похититель Солнц должен представлять кем-то, с кем он имел дело ежедневно, и тут я вижу два наиболее вероятных варианта.

– Он или я! – сказала Вольева, зная, что Садзакки увести от темы не удастся. – Да, очевидно, это так. Но это нам мало поможет.

– Ты уверена, что он никогда не упоминал при тебе о Похитителе Солнц?

– Уж такое я бы обязательно запомнила.

Вот это была чистая правда! И конечно, она запомнила: ведь именно эти слова Нагорный написал на стене ее каюты, написал своей собственной кровью. Вольевой словосочетание ни о чем не говорило, но это не означало, что она его никогда не слышала. По мере приближения крайне неприятного конца их не слишком долгих служебных отношений Нагорный почти ни о чем больше и не разговаривал. В его снах царствовал Похититель Солнц. Как и все параноики, он находил свидетельства злокачественной деятельности Похитителя в самых банальных эпизодах повседневной жизни. Если где-то погасла лампочка, если лифт завез его не на тот этаж, виноват Похититель Солнц. Не бывает случайных сбоев в работе техники, любая порча имущества – результат целенаправленных махинаций некоего существа, пребывающего за сценой, и это понимает только сам Нагорный. Вольева по наивности своей просто не замечает очевидных признаков!

Она надеялась – больше того, она молилась, хотя такое и было против ее убеждений, – чтобы фантом поскорее вернулся туда, где он возник, – в подсознание Нагорного. Но Похититель Солнц ни на минуту не оставлял беднягу в покое. И свидетельство тому – гроб посреди каюты.

– Уверен, что запомнила бы, – сказал Садзакки так, будто в его словах таился некий глубокий смысл, и снова всмотрелся в барельеф. – Думаю, первым делом надо сделать его компьютерную копию. Этот шрифт Брайля зрение воспринимает плохо. Как думаешь, что это? – Он провел ладонью по радиальным линиям. – Птичье крыло? Солнечные лучи, падающие сверху? – Почему ему на ум пришло птичье крыло? – И на каком это языке?

Вольева всматривалась, но картина действительно была чересчур сложна для зрительного восприятия. Да Илиа и не слишком усердствовала. Дело не в том, что ей не было интересно. Вовсе не в том! Но она хотела бы заняться Похитителем Солнц сама и чтобы Садзакки не путался под ногами. Уж очень многое тут говорит о тех невероятных глубинах, куда спустился разум Нагорного.

– Считаю, что он заслуживает самого внимательного изучения, – сказала Вольева осторожно. – Ты сказал «первым делом». А как собираешься поступить, когда мы сделаем компьютерную модель?

– Мне кажется, ответ очевиден.

– Уничтожим эту мерзость, – сделала вывод Илия.

Садзаки усмехнулся:

– Или отдадим его Суджик. Лично я – за уничтожение. Знаешь ли, гробы на кораблях – плохая примета. Особенно самодельные.

Лестница, похоже, вела на самое небо.

Примерно ступенек через двести Ана потеряла им счет. Но когда у нее уже подламывались колени, лестница внезапно закончилась и открылся белый коридор, идущий сквозь длинную череду глубоких арок. У Хоури возникло ощущение, будто она стоит в портике, залитом лунным светом.

Она пошла вперед, прислушиваясь к громкому эху собственных шагов, и наконец оказалась перед двустворчатыми дверями, в которые коридор упирался. Они были покрыты черной резьбой по какой-то органике, обрамлявшей слабо окрашенные стекла. Сквозь них проникал голубоватый свет.

Видимо, Ана у цели.

Вполне возможно, что это ловушка, что войти внутрь равносильно самоубийству. Но и повернуть обратно нельзя – Манукян, несмотря на свой шарм, дал понять это достаточно недвусмысленно. Поэтому Хоури взялась за ручку и вошла. И сморщила нос от сильного аромата духов – в других пройденных ею частях дома ничем похожим не пахло. Из-за этого запаха у Хоури возникло такое чувство, будто она давно не мылась, хотя прошло лишь несколько часов с тех пор, как Нг ее разбудил и отправил убивать Тараши. Впрочем, потом было столько пота и страха, что их запахи теперь и за месяц не сойдут.

– Вижу, Манукяну удалось доставить вас сюда целой и невредимой, – произнес женский голос.

– За него тоже можете порадоваться.

– Я рада за вас обоих, милочка, – сказала Мадемуазель. – У вас одинаково внушительные репутации.

За спиной щелкнула дверь. Хоури уже по привычке к обстановке, хотя это и было трудновато из-за необычного розового освещения. Комната как будто имела форму чаши с двумя окнами в виде глаз, проделанных в изогнутой стене.

– Милости прошу в мое обиталище, – сказала женщина. – Чувствуйте себя как дома.

Хоури подошла к закрытым окнам. Сбоку от них стояли две капсулы для криосна, сверкая хромированной оболочкой. Одна – была заперта и подключена, другая – открыта. Гусеницы готовы превратиться в бабочек.

– Где я?

Ставни распахнулись.

– Там же, где и были.

Вид на Город Бездны. Вот только с такой высоты Ана еще ни разу не смотрела на него. Она находилась сейчас даже выше Москитной Сетки – метрах в пятидесяти от ее грязной поверхности. Город покоился под этой Сеткой как фантастическое шипастое чудовище, сохраняемое в формалине. Хоури не понимала, где она очутилась. Может, в одном из высоченных зданий, которые привыкла считать необитаемыми? Мадемуазель сказала:

– Я называю его Шато де Корбо – Замок Воронов, – пояснила Мадемуазель. – За черный цвет. Вы его видели снаружи.

– Чего вы от меня хотите? – спросила Хоури, обдумывая услышанное.

– Нужно, чтобы вы сделали одно дело.

– Только и всего? Значит, меня привели сюда под дулом пистолета только для того, чтобы предложить заказ? Неужели этого нельзя было сделать, воспользовавшись обычными каналами?

– Это не тот заказ, о котором вы думаете.

Хоури кивнула на открытую капсулу:

– А это здесь для чего?

– Только не надо говорить, что боитесь ее. Вы прибыли в наш мир точно в такой же штуковине.

– Я просто спросила, что это значит.

– Все узнаете в свое время.

Хоури слышала слабое движение за своей спиной – будто выдвинули ящик картотеки.

В комнату въехал паланкин герметика. А может быть, он находился тут с самого начала, прячась за какой-нибудь скульптурой. Был он угловатый, без всякой отделки, с грубо сваренным из черных листов корпусом: ни манипуляторов, ни видимых датчиков. Единственный объект, вмонтированный в переднюю стенку, был черен, точно глаз акулы.

– Вы, разумеется, знакомы с такими, как я, – сказал голос из паланкина. – Не надо бояться.

– Я не боюсь, – ответила Хоури.

Она лгала. Паланкин внушал тревогу, от него веяло чем-то таким, с чем Ана еще не сталкивалась. Возможно, своим суровым обликом ящик создавал впечатление, что он никогда не бывает пустым. И почему у него крошечное смотровое окошко? Такое чувство, что за ним прячется чудовище.

– Я сейчас не могу ответить на все ваши вопросы, – продолжала Мадемуазель. – Но ведь очевидно, что я не организовала бы ваш визит только для того, чтобы продемонстрировать переносимые мною неудобства. Может быть, вот это облегчит дело.

Рядом с паланкином возникла человеческая фигура, причем так неожиданно, что можно было подумать, ее породила сама комната.

Конечно, это была женщина. Молодая, но в архаичной одежде – такую тут не носили со времен плавающей чумы. Она была в мерцающей мантии. Черные волосы зачесаны с высокого лба назад, их удерживает диадема, в которой горят огоньки. Вечернее платье цвета электрик обнажало плечи, грудь была открыта смелым декольте. Там, где платье касалось пола, бурлила тьма – ткань как будто погружалась в бездну.

– Вот такой я была, – сказала женщина. – До прихода этой мерзости.

– И вы не можете снова стать такой же?

– Слишком велик риск погибнуть, если я покину паланкин, даже если это произойдет в контролируемой среде обитания. Я этим средам не доверяю.

– Зачем вы доставили меня сюда?

– Разве Манукян не объяснил?

– Он лишь дал понять, что я очень пожалею, если не подчинюсь.

– Как неделикатно! Но следует признать, это очень точно отражает суть. – Улыбка чуть тронула бледные губы женщины. – Так какова же, по вашему мнению, причина нашей встречи?

Хоури понимала: как бы ни развивались дальше события, она слишком многое увидела, чтобы спокойно вернуться к прежней жизни.

– Я профессиональный убийца. Манукян узнал о моей репутации, а теперь увидел меня в деле. Дальше... Тут уж мне придется фантазировать. Сдается, вы кого-то хотите убить.

– Отлично, – кивнула дама. – Но разве Манукян не сказал вам, что этот контракт не будет похож на ваши обычные?

– Манукян упомянул о существенных отличиях.

– И вас это не смутило? – Мадемуазель вглядывалась в Хоури. – Вопрос не праздный. Я слышала, что жертвы соглашаются погибнуть от вашей руки еще до того, как вы выходите на охоту. Они так поступают, зная, что едва ли им удастся уйти от вас и жить дальше, похвываясь

своей смелостью. Когда же вы их ловите... Сомневаюсь, что они так же легко расстаются с жизнью.

Хоури вспомнила Тараши.

– Обычно нет. Умоляют сохранить им жизнь, пытаются меня подкупить, улестить – в этом роде.

– И?

Хоури пожала плечами:

– Разумеется, я их убиваю.

– Ответ истинного профессионала. Вы были солдатом, Хоури?

– Одно время. – Ей сейчас не хотелось думать об этом. – Что вы знаете о моем прошлом и о том, что со мной случилось?

– Достаточно. Что ваш муж тоже был солдатом, его звали Фазиль, и вы вместе с ним сражались на Окраине Неба. Потом случилась бюрократическая ошибка, вы попали на корабль, направлявшийся к Йеллоустону. Вы проснулись через двадцать лет – слишком поздно возвращаться на Окраину Неба, даже если бы оказалось, что ваш муж жив.

– Ну, тогда вы догадываетесь, почему я поменяла профессию и почему у меня из-за этого не бывает бессонных ночей.

– Конечно, я могу понять ваши чувства. Вы ничем не обязаны Вселенной и ее обитателям.

Хоури сглотнула слюну.

– Но вам вовсе не нужен солдат для такой работы. Я не знаю, кого вы хотите прикончить, но знаю множество людей, подготовленных гораздо лучше, чем я. Номинально я приличный работник – промахиваюсь один раз из двадцати, но могу порекомендовать тех, кто промахивается один раз из пятидесяти.

– Вы удовлетворяете моим требованиям в другом. Мне нужен человек, мечтающий покинуть эту планету. – Женщина кивнула на открытую криокапсулу. – Речь идет об очень долгом путешествии.

– За пределы этой системы?

– Да. – Тон Мадемуазели был матерински спокоен, как будто этот разговор повторялся уже множество раз. – Если точнее, за двадцать световых лет. Именно на таком расстоянии находится Ресургом.

– Не могу сказать, что слышала о нем.

– Если б вы слышали о нем, меня бы это неприятно удивило.

Мадемуазель вытянула левую руку, и возле ее ладони в воздухе повис крошечный глобус. Эта планета вся была мрачного серого цвета: ни океанов, ни рек, ни зелени. Только отблеск атмосферы, как низкая арка над горизонтом, да парочка грязно-белых ледяных шапок на полюсах говорили о том, что это не безвоздушная луна.

– Его даже нельзя назвать новой колонией – такие планеты колонизировать невыгодно. Там лишь несколько крохотных исследовательских баз. До недавнего времени Ресургом не имел решительно никакого значения. Но потом все изменилось. – Мадемуазель, казалось, обдумывала, много ли может рассказать на этой стадии. – Недавно туда кое-кто прибыл. Его фамилия Силвест.

– Довольно редкая фамилия.

– Значит, вам известна роль его клана на Йеллоустоне? Это облегчает дело. Вам будет легче найти его.

– Надо думать, мне предстоит не только поиски?

– О да! – Мадемуазель схватила глобус и раздавила в ладони; из кулачка посыпалась пыль. – Гораздо, гораздо больше!

Глава четвертая

«Новая Бразилия», Эпсилон Эридана, год 2546-й

Вольева покинула борт шаттла и проследовала за триумвиром Хегази по выходному тоннелю на искусственный спутник Йеллоустона – «Новую Бразилию». Миновав несколько герметичных переборок, они попали в помещение, где сила тяжести отсутствовала. Оно располагалось в «ступнице» и представляло собой сферическую гостиную для транзитных пассажиров. Это была самая сердцевина «карусели».

Здесь можно было встретить представителей любой ветви человечества. Люди в одеждах всех цветов радуги плавали в воздухе по всей гостиной, которая очень напоминала аквариум с экзотическими рыбками во время кормежки. Ультра, угонщики, сочленители, демархисты, местные торговцы, пассажиры межзвездных кораблей, разномастные жулики, механики – все они перемещались по случайным на вид траекториям, но при этом не задевали друг друга, хотя от столкновения их подчас отделяли миллиметры. Некоторые, кому это позволяло строение тела, размахивали подшитыми под рукавами перепончатыми крыльями. У других крылья были укреплены прямо на обнаженном теле. Те же, кто не обладал столь авантюрным складом характера, ограничились крошечными ракетными ранцами, а кое-кого буксировали миниатюрные тягачи. Слуги-роботы тащили багаж своих хозяев, разодетые в ливреи крылатые обезьянки капюшоны шныряли между людьми, подбирая и складывая мусор в висящие на груди сумки. Звучала китайская музыка, которая непривычному уху Вольевой казалась завыванием ветра в каминных трубах – как будто инструменты нарочно старались создать наибольший диссонанс. Йеллоустон в тысяче километров от «карусели» казался огромной грязно-желтой каплей, зловеще нависшей над всей этой суетой.

Вольева и Хегази добрались до дальнего конца транзитной сферы и через мембрану, специально созданную для пропуска людей, попали в таможенную зону. Здесь тоже не было силы тяжести. Закрепленное на стенах автоматическое оружие сканировало каждого входящего. Центральная часть сферы была занята прозрачными «пузырями», имевшими диаметр около трех метров и открывавшимися по экватору. Почуввав новоприбывших, «пузыри» подплыли, раскрылись и обволокли Вольеву и Хегази.

Внутри «пузыря» Вольевой висел небольшой робот в виде японского шлема кабуто, с сенсорными датчиками и считывающей аппаратурой, выступавшей из-под гребня. Илия ощутила легкую щекотку, когда робот стал анализировать ее. Такое ощущение, будто в голове кто-то перекладывает цветы.

– Я чувствую привкус русских лингвистических структур, но делаю вывод, что привычным для вас языком является современный норт. Достаточно ли его для выполнения необходимых формальностей?

– Сойдет, – ответила Вольева, слегка раздраженная тем, что обладатель женского голоса так легко определил русскую ржавчину, осевшую на ее норте.

– Тогда перехожу на норт. Кроме незначительных последствий глубокого сна я не нашла ни церебральных имплантатов, ни экзосомных нарушений. Нужно ли вам временное вживание для продолжения нашего интервью?

– Дай свое лицо на экран.

– Пожалуйста.

Под краем шлема возникло лицо – женское, с незначительными признаками монголоидной крови. Волосы подрезаны коротко, как у Вольевой. Илия решила, что чиновник, говоря-

щий с Хегази, обязательно мужчина, усатый и темнокожий, явный химерик – словом, похож на Хегази.

– Представьтесь.

Вольева подчинилась.

– Последний раз вы посещали нашу систему... минуточку... – глаза женщины опустились, – восемьдесят пять лет назад, в две тысячи четыреста шестьдесят первом. Я не ошиблась?

Вольева, чувствуя, что поступает неправильно, приблизила лицо к экрану:

– Конечно не ошиблась, ты же гамма-запись. А теперь прекращай валять дурака и переходи к делу. Я веду торговые операции, и каждая лишняя секунда, на которую ты меня задержишь, – это лишняя секунда платы за стоянку возле кучи собачьего дерьма, которую вы называете планетой.

– Ваша грубость отмечена, – сказала женщина таким тоном, будто одновременно делала запись в невидимом блокноте. – Для вашего сведения: многие архивы на Йеллоустоне неполны по причине беспорядков, имевших место во времена эпидемии. Вопросы я вам задаю отчасти по той причине, что хочу проверить неподтвержденные записи. – Она сделала паузу. – Между прочим, моя фамилия Вавилова. Я сижу с чашкой дрянного кофе и последней сигаретой в продуваемом сквозняками офисе уже восьмой час из своей десятичасовой смены. Начальство решит, что я спала на работе, если я сегодня не заверну обратно десяток приезжих. Пока я нашла лишь пятерых. Через два часа я должна уйти, а мне еще предстоит выполнить квоту. Так что, пожалуйста, следите за своими нервами. – Она затаилась и выдохнула дым прямо в лицо Вольевой. – Будем продолжать?

– Извините, я думала... – смутилась Вольева. – Разве у вас для такой работы не используются записи?

– Было счастливое время, – со вздохом произнесла Вавилова, – но с ними та беда, что они пропускают к нам слишком много всякой дряни.

Из таможенной сферы Вольева и Хегази на лифте величиной с дом спустились в одну из четырех спиц «карусели». Их вес нарастал, пока они не достигли обода. Здесь сила тяжести равнялась йеллоустонской, каковая не слишком сильно отличалась от земной и той, что устраивала ультра.

«Новая Бразилия» делала виток вокруг Йеллоустона за четыре часа по орбите, исключавшей попадание «карусели» в так называемый Ржавый Пояс – кольцо из космического мусора, образовавшееся при эпидемии плавающей чумы. «Карусель» имела десять километров в диаметре и тысячу сто метров в ширину, причем основная жизнь сосредоточилась в зоне «обода». Здесь были рассыпаны городки с деревушками и создан искусный ландшафт типа бонсай с перелесками, лазурными горами с ледяными шапками и обрывистыми долинами. Все это должно было вызывать иллюзию перспективы. Округлая крыша над вогнутой поверхностью колеса была прозрачной и поднималась на полкилометра вверх. По ее поверхности были уложены металлические рельсы, с которых свешивались искусственные облака. Форму им подбирал компьютер в соответствии с планируемыми погодными условиями. Облака содействовали и изменению перспективы в этом вогнутом мире. Вольевой они казались вполне реальными, но это потому, что настоящие облака она видела только сверху.

Из лифта Вольева и Хегази вышли на террасу, лежавшую над главным населенным пунктом «карусели» – Рим-Тауном. Эта группа домов располагалась между крутыми склонами гор. Глазам было больно смотреть на такой разноразличной архитектурных стилей – у домов за годы существования «карусели» сменилась уйма собственников, и каждый норовил достроить что-нибудь, на свой вкус. На земле стояли в очереди рикши, дожидаясь пассажиров.

Один, в голове очереди, пил ананасовый сок из банки, а та стояла на специальном поддоне, приваренном к оглобле повозки. Хегази протянул бумажку с адресом, рикша зыркнул на нее близко посаженными черными глазами и что-то пробурчал, – это означало согласие.

Вскоре они влились в поток электрических и pedalных транспортных средств. Те старались обогнать друг друга, создавая невероятную сутолоку, а пешеходы вклинивались в каждый наметившийся просвет между механизмами.

Почти половину людей на улице составляли ультранавты. Их было легко отличить по бледности, худобе, щегольскому увеличению некоторых частей тела, любви к черным оттенкам в кожаной одежде, квадратным километрам всяческих украшений и татуировок, а также профессиональным трофеям. Никто из попавшихся на глаза Вольевой ультра не был истинным химериком, возможно за исключением Хегази, который, вероятно, входил в пятерку самых крупных мужчин на «карусели». Большинство носило модные прически – густые косички или пряди, символизирующие число погружений в криосон. Многие делали разрезы в одежде, чтобы показывать протезы рук или ног. Вольевой пришлось себе напомнить о том, что и она принадлежит к этой субкультуре.

Ультранавты, конечно, не единственная категория людей, постоянно путешествующих в космосе. Угонщики, например, составляли среди таковых достаточно заметную долю, насколько могла судить Илия. Бесспорно, их можно было считать жителями космоса, но в экипажи межзвездных кораблей они записывались редко и внешне весьма отличались от похожих на привидений ультра с их локончиками, косичками и старинными лексическими оборотами. Были и другие. Ледочесы, ответвившиеся от угонщиков, имели адаптированную к одиночеству психику, а потому их чаще привлекали к работе в поясах Койпера; эти люди славились тем, что горой стояли друг за друга и ни с кем не смешивались. Жабраки – люди, измененные для пребывания в воде, – могли дышать растворенным в ней воздухом. Они трудились на кораблях, ходивших на малые расстояния, но с большими перегрузками; много их было и в полицейских силах системы. Некоторые жабраки настолько отвыкли от обычного дыхания, что их транспортировали в огромных роботизированных баках, предназначенных, вообще-то, для перевозки рыбы.

Наконец, были еще сочленители – потомки экспериментальной группы с Марса, которые систематически улучшали свои умственные способности, заменяя живые клетки механизмами, до тех пор пока не произошло непредвиденное скачкообразное изменение. В считанные годы они достигли совершенно невообразимого уровня мышления, но в процессе этого преобразования им пришлось пережить страшную, хотя и короткую, войну. В толпе сочленители угадывались сразу: недавно они с помощью биоинженерии обзавелись большими и очень красивыми черепными гребнями с перфорацией, чтобы сбрасывать часть тепла, генерируемого работающими в мозгу механизмами. В последнее время их стало меньше, но тем больше внимания они привлекали, когда появлялись.

Были и другие фракции или расы людей – в частности, демархисты. Они иногда причисляли себя к сочленителям, но все знали: только настоящие сочленители умеют строить машины, позволяющие кораблям летать со скоростью света.

– Подожди тут, – велел Хегази.

Рикша отъехал к тротуару, где на стопке сложенных столов для игры в карты и маджонг сидел старик. Хегази вложил рикше в ладонь плату и последовал за Вольевой по тротуару. Прямо к бару, который был им нужен.

– «Жонглер и затворник», – прочла Вольева.

Голографическая вывеска изображала нагого мужчину, выходящего из моря. На заднем плане виднелись страшные, совершенно фантазмагорические существа, играющие в волнах прибоя. На мутном небе висел большой черный шар.

– Что-то тут не то.

– Здесь собираются все ультра, – пояснил Хегази. – Привыкай.

– Ладно, намек поняла. Наверное, мне ни в одном баре для ультра не будет уютно.

– Илия, тебе не может быть уютно там, где нет навигационных систем и огневой мощи.

– Что ж, у тебя получился словесный портрет человека, не лишённого здравого смысла.

Из дверей на улицу вывалилась группа молодежи, от них разило потом и чем-то еще – Вольева решила, что пивным перегаром. Очевидно, они только что занимались армрестлингом: один держал протез руки, оторванный от плеча, другой пересчитывал выигрыш – толстую пачку денег. У всех были традиционные косички – знаки пребывания в криокапсулах – и обычные звездные татуировки, отчего Вольева почувствовала себя старой и завистливой. Она сомневалась, что проблемы ребят выходят за рамки того, где сегодня добыть выпивку и ночлег. Хегази строго посмотрел на них, и они, хоть и притворялись настоящими химериками, явно стушевались. Ведь у него на лице не было живого места, в буквальном смысле, – сплошные протезы.

– Пошли, – сказал он, вклиниваясь в толпу. – Улыбнись, и вперед, Илия.

В баре было темно и накурено, что давало синергетический эффект в сочетании с музыкой – пульсацией ритмов Бурунди и чем-то похожим на человеческое пение, – а также с ароматами легких галлюциногенов.

Вольевой потребовалось несколько минут, чтобы прийти в себя. Хегази указал на незанятый столик в углу, и она пошла туда, не испытывая ни малейшего энтузиазма.

– Сядем здесь? – предложил он.

– Не похоже, что у нас богатый выбор. Мы должны выглядеть так, будто общество друг друга нам не в тягость, иначе люди заподозрят неладное.

Хегази покачал головой и осклабился:

– Наверняка ты мне чем-то очень нравишься, Илия, иначе я бы тебя давно ухлопал.

Она села за столик:

– Только бы Садзак не услышал твоих слов. Он не потерпит угроз со стороны одного триумвира в адрес другого.

– Это не у меня проблемы с Садзак – напоминаю на всякий случай. Что будем пить?

– Что угодно, лишь бы мой желудок выдержал.

Хегази сделал заказ. Его физиология не запрещала пить спиртное, и они стали ждать, пока линия доставки, проходившая под потолком, привезет стаканы.

– Тебя еще беспокоит эта склока с Суджик?

– Нет, – ответила Вольева, скрестив руки на груди. – С Суджик я сама управлюсь. Да и вряд ли успею хотя бы пальцем к ней притронуться до того, как ее прикончит Садзак.

Прибыла выпивка в виде небольшого плексигласового облачка со съёмной крышкой. Облачко свисало с тележки, бегавшей по рельсам, вмонтированным в потолок.

– Мне кажется, Садзак мог бы прикончить любого из нас, если бы дело дошло до этого.

– А ведь раньше ты ему верил. Что же заставило тебя изменить свои взгляды?

– Садзак перестал быть собой с тех пор, как снова заболел капитан.

Вольева огляделась по сторонам. Ничто не мешает Садзак оказаться в одном баре с ними, даже за соседним столиком. Хегази продолжал:

– До того, как это произошло, они оба побывали у жонглеров образами. Ты в курсе?

– Хочешь сказать, жонглеры что-то сделали с мозгом Садзак? – Илия вспомнила голого мужчину, выходящего из волн океана. – Они ведь именно такими вещами занимаются?

– Да, по просьбам желающих. Думаешь, Садзак захотел стать еще свирепее?

– Не обязательно. Может, еще целеустремленнее. Эти дела с капитаном... – Она покачала головой. – Символично.

– А ты говорила с капитаном?

Этот вопрос она скорее прочла по губам, нежели расслышала.

– Нет. Я не думаю, что он знает, кого мы ищем. Хотя все это очень скоро перестанет быть секретом.

– А твой личный поиск?

– Я же не ищу определенного человека. Мое единственное условие – он должен быть нормальнее Бориса Нагорного. Ну а отыскать такого, сам понимаешь, не проблема. – Ее взгляд скользнул по лицам посетителей бара. Среди них не было явных психопатов, но не было и тех, кого смело можно назвать совершенно нормальным. – Во всяком случае, я на это надеюсь.

Хегази закурил сигарету и предложил другую Вольевой. Она с благодарностью приняла, и минут пять они курили в полном молчании, пока сигарета не стала крохотным красным угольком, окруженным оранжевыми лепестками. Вольева подумала, что следует пополнить запас курева.

– А вообще-то, мой поиск только начинается, – сказала она. – И действовать надо осторожно.

– Хочешь сказать, – со значением усмехнулся Хегази, – что не собираешься рассказывать каждому кандидату о характере предстоящей ему работы, пока не решишь, подходит ли он тебе?

Вольева поперхнулась дымом:

– Разумеется, не собираюсь.

Окрашенный в лазурный цвет шаттл должен был вскоре завершить полет. Ему предстояло лишь сделать прыжок от семейного поместья Силвестов до орбиты Йеллоустона. Силвесту с трудом удалось добиться своего. Кэлвин был крайне раздражен тем, что его отпрыск имеет какие-то контакты с существом, которое сейчас находится в институте. Как будто состояние разума этого существа может заразить Силвеста в процессе таинственного симпатического резонанса. Как-никак Силвесту уже двадцать один! Он вправе сам решать, с кем ему общаться! Да провались он, этот Кэлвин! Пусть хоть дотла сожжет свои нейроны в этой безумной затее со своими семьюдесятью девятью апостолами!

Силвест увидел перед собой огромное строение СИИЗа и подумал, каким же нереальным это все кажется.

Паскаль дала ему черновик и попросила прокомментировать отрывочек из его биографии. Вот он и переживает все заново. Сидит в тюремной камере и одновременно призраком скользит по прошлому, выслеживая себя – такого еще юного! Воспоминания, давно похороненные, вдруг забили гейзерами, хотя их никто не будил.

Биография далека от завершения. Еще есть возможность подходить к отдельным эпизодам с разных сторон и с различной степенью аналитичности в отношении внутренних связей. Это будет серьезная история, достаточно подробная, чтобы потом исследователь мог всю свою жизнь посвятить изучению какого-нибудь ее этапа.

СИИЗ выглядел достаточно реально. Таким Силвест его и помнил. Административный центр Силвестовского института изучения затворников имел форму колеса. Постройка относилась еще к американскому периоду, хотя тут не было ни одного кубического нанометра, который не подвергался многократным перепланировкам за прошедшие столетия.

«Ступица» представляла собой две серые полусферы, похожие на шляпки грибов; на них виднелись впадины ангаров для причаливания шаттлов, а также амбразуры для весьма скромных оборонительных вооружений, разрешенных моралью демархистов. «Обод» состоял из довольно беспорядочно размещенных жилых модулей, лабораторий и офисов, которые соединялись сложной паутиной хитиновых полимерных труб для подачи питания, воды и тому подобного.

– Вот здорово! – произнес он.

– Вы в самом деле так думаете? – Голос Паскаль звучал издалека.

– Он тогда был в точности таким, – сказал Силвест. – Вернее, таким он мне казался, когда я туда прилетел.

– Спасибо... В общем, это было легко – самая простая часть. У нас были копии чертежей СИИЗа, а в Кювье даже нашлись люди, знавшие вашего отца, – например, Жанекен. А вот потом... Не с чего было начать – мы располагали только тем, о чем вы рассказали, вернувшись со спутника.

– Уверен, вы отлично справились.

– Что ж, сами увидите, и скорее рано, чем поздно.

Шаттл приблизился к ангару. Охранники-роботы уже ожидали за шлюзом, чтобы проверить личность прибывшего.

– Кэлвин вряд ли обрадуется, – сказал Грегори, главный администратор спутника. – Но я полагаю, что отправлять тебя домой уже поздновато.

Подобные разговоры случались раза два-три за последний месяц, и Грегори, говоря о последствиях, умывал руки. Теперь ему уже не надо было сопровождать Силвеста через все эти трубы-тоннели к тому месту, где содержали существо.

– Не стоит беспокоиться, Грегори. Если отец будет приставать, валите все на меня: мол, я потребовал устроить экскурсию.

Грегори высоко поднял брови, что означало насмешку и удивление.

– А разве не это ты делаешь в данную минуту, Дэн?

– Я просто стараюсь поддерживать дружеские отношения.

– И совершенно напрасно, мальчик. Всем нам было бы куда проще, если бы ты прислушивался к словам отца. При тоталитарном режиме, по крайней мере, знаешь, чего от тебя требуют.

Потребовалось целых двадцать минут блужданий по тоннелям, ведущим к «ободу», чтобы миновать научные отделы, где группы мыслителей – людей и машин – безостановочно бились над главной загадкой затворников. Хотя СИИЗ установил свои базы мониторинга у всех ныне известных завес, большая часть информации перерабатывалась и хранилась здесь, возле Йеллоустона. Именно здесь выдвигались невероятной сложности гипотезы, здесь они проверялись на фактах, которых было мало, но игнорировать которые было нельзя. Ни одна теория не протянула больше нескольких лет.

Место, где содержалось существо, представляло собой хорошо охраняемую пристройку к «ободу». Кубатуру выделили щедро, хотя не было никаких оснований считать, что ее обитатель может оценить этот дар. Это существо – в прошлом человека – звали Филип Ласкаль.

Сейчас у него редко бывали гости, а в первые дни после его возвращения от гостей не было отбоя. Интерес снизился сразу же, когда выяснилось, что Ласкаль не может сообщить не только ничего важного, но и неважного тоже. Однако, как вскоре выяснил Силвест, то обстоятельство, что все перестали интересоваться Ласкалем, для него самого был выгоден. Хотя редких – раза два в месяц – приездов Силвеста также явно было недостаточно, чтобы наладить какой-никакой контакт с существом.

Помещение, отведенное Ласкалю, представляло собой садик под искусственным темно-синим небом. Здесь даже дул ветерок, его как раз хватало, чтобы покачивать колокольчики, свисавшие с ветвей искривленных деревьев на границах участка.

Были в саду и дорожки, и каменные горки, и холмики, и шпалеры, и пруды с золотыми рыбками. Все это создавало своего рода лабиринт, и, чтобы обнаружить Ласкаля, нужно было затратить не менее минуты. Существо всегда пребывало в одном и том же состоянии: голым или полуголым и крайне грязным, причем пальцы были измазаны во все цвета радуги мелками или пастелью. Силвеста обычно бросало в жар, когда он видел на вымощенной камнем дорожке рисунки Ласкаля. Это были или сложные симметричные узоры, или попытки подражания не то китайской, не то санскритской письменности, причем найти знакомые буквы или иероглифы было невозможно. Иногда то, что видел Силвест, напоминало булеву алгебру или семафорную азбуку.

Затем – обязательно спустя какое-то время – Силвест за очередным поворотом находил Ласкаля, или рисующего новые символы, или тщательно стирающего старые. Абсолютно неподвижное лицо, одеревеневшие мышцы тела – воплощенная сосредоточенность. Существо трудилось в тишине, нарушаемой лишь позвякиванием колокольчиков, шепотом воды и царапанием мелков по камню.

Силвест порой часами ждал, когда Паскаль хотя бы обратит внимание на его присутствие – то есть медленно повернет лицо в его сторону и тут же возвратится к своей работе. Но в это мгновение что-то происходило: казалось, напряжение мышц слабеет, а губы чуть растягиваются – то ли в гордой улыбке, то ли в усмешке – поди угадай.

И ничто не говорило о том, что перед Силвестом человек, и не просто человек, а единственное разумное существо, которое дотронулось до поверхности завесы и вернулось назад живым.

– Не думаю, что это будет просто, – сказала Вольева, почти утолившая жажду, – но стажера я, конечно же, скоро найду. Я уже начала рекламную кампанию, указала намеченные нами цели. Что касается работы, я лишь намекнула: она будет связана с имплантатами.

– Но ты же не возьмешь первого попавшегося?

– Разумеется, не возьму. Хотя кандидаты и не будут об этом знать. Я отсею всех, у кого нет военного опыта. Мне вовсе ни к чему, чтобы новобранец сломался при первом намеке на опасность или отказался выполнять приказы. – Спиртное брало свое, Илия уже почти не вспоминала о связанных с Нагорным проблемах.

На сцене выступала девушка, из ее золотистого тиконакса бесконечной спиралью изливалась рага. Не сказать, что Вольева обожала музыку, – считала ее пустой тратой времени. Но было что-то математически выверенное в этих индийских трелях, и оно завораживало, одолевая предвзятость.

– Я уверена в успехе, – сказала она. – Только Садзаки может осложнить нам жизнь.

В это мгновение Хегази кивнул на дверь. Яркий свет заставил Вольеву прищурить глаза. В проеме стоял человек, чья мощная фигура величественно рисовалась на фоне солнечного дня. Человек был одет в черный плащ по шиколотку и шлем странной формы, который свет превратил в подобие нимба. Его профиль казался разрубленным по диагонали длинной полированной палкой, которую он держал обеими руками.

Комусо вступил в сумрак зала. То, что Вольева приняла за деревянный меч кендо, оказалось всего лишь бамбуковой сякухати – традиционным музыкальным инструментом. С отработанной ловкостью вошедший сунул флейту в футляр, который тут же скрылся среди складок плаща, затем с аристократической медлительностью снял свой плетеный шлем. Лицо комусо было видно плохо. Набриоленные и зализанные назад волосы собирались в серповидную косичку. Глаза прятались за выпуклыми стеклами – такие очки носят наемные убийцы. Видимо, они давали изображение в инфракрасном свете, а потому в этом темном зале вошедший видел хорошо.

Музыка резко оборвалась, девушка со своим тиконаксом исчезла со сцены, как по мановению волшебной палочки.

– Они думают, это полицейский рейд, – еле слышно шепнул Хегази. В зале воцарилась такая тишина, что говорить громче было не нужно. – Местные блюстители порядка иногда посылают корзиноголовых, чтобы не марать кровью собственные руки.

Комусо обвел зал «стрекозиными» глазами и наконец нацелился ими на стол, за которым сидели Вольева и Хегази. Его голова двигалась по-совиному, как бы независимо от тела. Сопровождаемый шелестом плаща, он подошел, – казалось, плывет по полу, а не шагает. Хегази молча выдвинул ногой из-под стола третий табурет. Все это он проделал, продолжая спокойно попыхивать сигаретой.

– Рад видеть тебя, Садзаки.

Тот небрежно сбросил плетеный шлем на стол и одновременно снял «стрекозиные» глаза. Опустившись на табурет, он тут же развернулся лицом к посетителям бара и сделал жест, будто поднес стакан ко рту. Это означало, что всем лучше заниматься своими делами. Постепенно гул разговоров возобновился, хотя никто не спускал глаз с их столика.

– Хотел бы я, чтобы наши обстоятельства заслуживали праздничного тоста, – сказал Садзаки.

– А они не заслуживают? – Хегази изобразил уныние, насколько позволяло его протезированное лицо.

– Вот именно, и за свои слова я отвечаю. – Садзаки исследовал почти опустошенные стаканы, взял стакан Вольевой и переправил в рот содержимое. – Я тут слегка пошпионил, как вы можете догадаться по моему маскарadu. Нет его в этой системе. Уже пятьдесят лет.

– Пятьдесят? – Хегази присвистнул.

– Значит, и след простыл. – Вольева, всегда считавшая, что такой риск существует, постаралась скрыть злорадство.

Когда Садзаки приказал вести субсветовик к системе Йелоустана, он руководствовался доступными на тот момент сведениями. Но это было десятки лет назад, и к той поре сама информация могла устареть на десятки лет.

– Да, – ответил Садзаки, – остыл, но не безнадежно. Я знаю, куда он отправился, и нет причин, чтобы он там не остался.

– И куда же? – У Вольевой засосало под ложечкой.

– На планету, которая называется Ресургем. – Садзаки вернул ее стакан на стол. – Довольно далеко отсюда. Боюсь, дорогие коллеги, что следующая наша посадка произойдет именно там.

Он снова погрузился в прошлое.

На этот раз гораздо глубже – в тот год, когда ему было двенадцать. Отрывки, которые ему показывала Паскаль, не были последовательными. Биография составлялась без строгой привязки к линейному времени. Сначала это напрочь сбilo его с толку – как же так, ведь он, наверное, единственный человек во Вселенной, который не имеет права «плавать» в собственной истории. Но растерянность постепенно сменилась пониманием того, что Паскаль действует правильно. Только так и следует относиться к его прошлому: как к разобранной в беспорядке мозаике, как к акростиху, допускающему множество равноценных толкований.

Это был 2373 год – всего несколько десятилетий прошло после того, как Бернсдоттир открыла первую завесу. Вокруг этого таинственного явления сразу возник целый рой наук, а также государственных и частных научных организаций. Силвестовский институт изучения затворников был только одним из многих подобных учреждений, но он оказался волею судеб и самым богатым, и влиятельным, обладая поддержкой клана Силвестов. А потом наметился прорыв, но не благодаря планомерной научной работе этой организации, а благодаря случаю и бесспорному безумию одного-единственного человека.

Которого звали Филип Ласкаль.

Это был ученый из СИИЗа, работавший на одной из постоянных станций, сооруженных вокруг того, что сейчас называют Завесой Ласкаля, в секторе Тау Кита. Кроме того, он был членом группы, всегда готовой послать людей за завесу, хотя никто, разумеется, в возникновение такой необходимости не верил. Но группа существовала, равно как и дежурный корабль, который преодолел бы оставшиеся до границы с завесой пятьсот миллионов километров, если бы затворники прислали приглашение.

Ласкаль же решил не ждать.

В одиночку он проник на борт корабля СИИЗа и угнал его. К тому времени, когда коллеги спохватились, он уже был слишком далеко. Конечно, можно было дистанционно активировать заложенное на борту взрывное устройство, но затворники могли бы истолковать это как акт агрессии. Никто, разумеется, всерьез не рассчитывал когда-нибудь снова увидеть Ласкаля. И хотя тот вернулся, скептики отчасти оказались правы – разум Ласкаля почти целиком остался где-то там, в космическом пространстве.

Ласкаль подошел довольно близко к завесе, когда неведомая сила схватила корабль и швырнула его обратно, возможно не допустив до поверхности завесы лишь на несколько тысяч километров, хотя на таком расстоянии практически нельзя определить, где кончается космос, а где начинается завеса. Однако было ясно, что ближе, чем Ласкаль, ни один человек не подступался к ней.

Но и цену он заплатил за это страшную.

В отличие от тех, кто раньше пытался проделать такой фокус, Ласкаль не превратился в кровавую кашу, его не растерзали на мельчайшие кусочки непостижимые силы завесы. Но нечто столь же чудовищное случилось с его разумом. От личности не осталось ничего, за исключением каких-то второстепенных мелочей, которые лишь подчеркивали потерю самого важного. Остались те функции мозга, которые позволяли ему поддерживать свое существование без помощи машин; остался в целости и сохранности контроль за моторикой тела. И никаких проявлений прежнего разума.

Теперь Ласкаль воспринимал окружающее самым странным образом, и невозможно было понять, знает ли он, что с ним произошло, ощущает ли ход времени, может ли усваивать новую информацию или вспоминать то, что было до путешествия к завесе. Он сохранил способность говорить, но, хотя произносил отдельные слова и даже обрывки фраз, в них не было никакого смысла.

Ласкаля – вернее, то, что от него осталось, – возвратили в систему Йеллоустона, а затем поместили на спутник СИИЗа, где медицинские светила из всех сил старались выстроить научную теорию, объясняющую, что с ним произошло. В конце концов скорее отчаяние, нежели логика подсказало им, что фрактальное, реструктурированное пространство-время вблизи завесы не могло сохранить ту информационную плотность, что имела место в мозгу Ласкаля, а потому рандомизировало содержимое этого мозга на квантовом уровне, причем молекулярные процессы, идущие в теле исследователя, при этом практически не пострадали. Представьте себе текст, переведенный с такими ошибками, что он утратил смысл, а затем претерпел обратный перевод на язык оригинала.

И все же Ласкаль оказался не последним человеком, который решился на столь самоубийственный поступок. Вокруг него сложился своеобразный культ, и адепты верили: несмотря на внешние признаки безумия, на самом деле завеса даровала Ласкалю нечто вроде нирваны. Примерно два раза в десятилетие делались попытки пройти границу какой-нибудь из ныне известных завес. Результаты были печальны, счастливики возвращались обезумевшими, а неудачники либо вообще пропадали без вести, либо их корабли находили измочаленными, а пилотов – размазанными по стенам.

Культ Ласкаля процветал, а о самом исследователе почти забыли. Пускающий слюни, бормочущий бессмыслицу овощ – неподходящий объект для обожествления.

Но Силвест о Ласкале помнил. Больше того, его все сильнее дразнила идея докопаться до истины, спрятанной где-то глубоко в этом человеке. Семейные связи позволяли встречаться с Ласкалем в любое удобное время, – конечно, если пренебречь запретами отца.

Он навещал Ласкаля все чаще, храня абсолютное спокойствие, пока тот рисовал свои каракули на дорожке. Силвест все еще надеялся увидеть в них ключ – ибо не сомневался, что это будет ключ от сокровищницы.

И он получил... нечто гораздо большее.

Теперь уже нелегко вспомнить, как долго пришлось ждать в тот день, когда он выиграл свой приз. Чем сильнее сосредотачивался он на действиях Ласкаля, тем меньше в них видел смысла, – будто изучаешь длинную череду абстрактных картин. Как ни подстегивай восприятие, оно все равно слабеет.

Ласкаль уже приступил к шестой или седьмой непостижимой пастельной мандале, причем работал все так же истово, не жалея старания на каждый штрих.

Затем, без всякого предупреждения, он повернул голову к Силвесту и четко произнес:

– Доктор, жонглеры предлагают ключ.

Силвест был слишком потрясен, чтобы прервать его.

– Мне дали это понять, – продолжал Ласкаль, – когда я пребывал в Пространстве Откровения.

Силвест кивнул, постаравшись это сделать с невозмутимым видом. Какая-то часть его мозга сохраняла спокойствие и пыталась найти объяснение услышанному. Насколько он понял, границу завесы Ласкаль назвал «Пространством», в котором ему было даровано «Откровение». Это нечто слишком сложное, чтобы тратить время на его описание, и тем не менее язык у него, похоже, развязался.

– Было время, когда затворники путешествовали среди звезд, – говорил Ласкаль, ни на минуту не переставая рисовать, причем мелок он держал пальцами ноги, – почти так же, как это делаем мы. Это очень древний народ, владеющий секретами космических полетов уже миллионы лет. Да будет вам известно, они не похожи на нас. Совершенно иные.

Его нога положила малиновый мелок и взяла синий, а рука стала рисовать что-то на другом, чистом участке дорожного покрытия. Изображенное им существо состояло из множества сегментов и щупальцев, носило броню, держалось вертикально и обладало весьма сомнительной симметрией тела. Оно мало походило на инопланетянина, путешествующего между звездами, а скорее напоминало чудовищ, ползавших по дну докембрийского океана. Чуждое и страшное.

– Это затворники? – спросил Силвест с дрожью отвращения в голосе. – Вы, значит, встречались с ними?

– Нет, – ответил Ласкаль. – Мне не удалось проникнуть сквозь завесу. Но они со мной разговаривали. Возникали в разуме. И многое поведали о своей истории и природе.

Силвест с трудом оторвал взгляд от кошмарной твари.

– А что вы можете сказать о жонглерах образами?

– Жонглеры в нашей Галактике живут уже давно, и их можно найти во многих мирах. Все народы, путешествующие в этой части Вселенной, рано или поздно сталкиваются с ними. – Ласкаль постучал по своему рисунку. – Мы столкнулись, затворники тоже, только гораздо раньше нас. Вы понимаете, доктор, о чем я говорю?

– Да... – Силвест считал, что понимает. – Но не вижу, к чему вы клоните.

Ласкаль улыбнулся:

– Кто бы ни посещал жонглеров, его обязательно запомнят. Эти существа запоминают абсолютно все, до последней клетки, до последнего синапса. Вот что такое жонглеры образами. Огромная система биологического архивирования.

Об этом Силвесту уже было известно. Конечно, люди пока узнали очень мало о способностях жонглеров, их задачах и происхождении. Но с самого начала стало ясно, что жонглеры могут «сохранить» личность человека в своей матрице, так что каждый, кто поплавал в их океане – и попутно был «разобран» и «собран» заново, – получил нечто вроде бессмертия. Эти записи могли реализовываться по несколько раз, могли временно внедряться в разум другого человека. Процесс, в общем, был грязноватый, чисто биологический, сохраняемая запись соприкасалась с миллионами других и подвергалась их влиянию. Уже в ранние годы изучения

жонглеров стало ясно, что их океаны хранят колоссальные запасы информации, что мысли инопланетян могут проникать в умы пловцов, но при этом, как правило, остаются непонятыми.

– Итак, жонглеры запомнили затворников, – подвел черту Силвест. – Но нам-то с того какая польза?

– Польза огромная, вы даже не представляете насколько. Затворники кажутся чудовищами, но базовая архитектура их умов в определенной степени сходна с нашей. Надо лишь игнорировать телесные различия. И наоборот, надо помнить, что они тоже общественные существа, что у них есть язык, причем голосовой, что они своими органами чувств воспринимают окружающую среду, как и мы. До известной степени человека можно научить мышлению затворника, но при этом он сохранит свою человеческую сущность. – Паскаль внимательно посмотрел на Силвеста. – Жонглеры образами вполне способны наложить нейронную структуру затворника на человеческий неокортекс.

Эта мысль восхитила Силвеста. Она предлагала контакт совершенно нового типа: не общаться с инопланетянином, а самому стать им. Если, конечно, Ласкаль именно это имел в виду.

– И чем же это поможет?

– Завеса не убьет вас.

– Не понял...

– Видите ли, завеса – своеобразная защитная структура. Главное из того, что находится за ней, – это даже не затворники, а технологии, которые слишком мощны и непредсказуемы, чтобы можно было оставить их в чужих руках. Многие миллионы лет затворники прочесывали Галактику в поисках опасных технологий, переживших своих создателей. Они находили вещи, которые я не могу даже вообразить, не то что описать вам. Когда-то, возможно, они служили благим целям, но сейчас могут быть использованы в качестве оружия невероятной разрушительной силы. Это техника и технологии, которыми вправе пользоваться лишь самые развитые народы космоса. Это управление пространством-временем, передвижение со сверхсветовой скоростью... да мало ли что еще, чего ваш мозг воспринять не в состоянии.

Но Силвест сомневался, что дело именно в этом.

– Тогда завеса... это что? Сундук с сокровищами, ключ от которого держат при себе самые развитые народы космоса?

– Нечто гораздо большее! Затворники защищаются от вторжения. Граница завесы – это почти что живое существо. Она реагирует на структуру разума тех, кто подходит к ней. Если эта структура не совпадает со структурой затворников... завеса дает отпор. Она локально изменяет пространство-время, вызывая бешеные флуктуации его кривизны, что-то вроде мощных гравитационных стрессов. Незваного гостя разрывает в клочья. Но если структура разума правильная, завеса вас пропустит, направит куда надо, поместив в «карман» спокойного пространства-времени.

Силвест понимал, что последствия этого открытия могут быть потрясающими. Думай, как затворник, и ты проникнешь сквозь завесу. А там что? Блистающие в сундуке драгоценности! И если у тебя хватило ума добраться до этого сундука, разве ты не вправе присвоить его содержимое? Если верить Ласкалю, затворники взяли на себя роль галактического стража и хранителя вредоносных технологических тайн. Но разве мы просили их об этом?

И в его мозгу тут же родился вопрос:

– А зачем им понадобилось сообщать вам все это, если спрятанное за завесой надлежит защищать любой ценой?

– Я не уверен, что это было сделано умышленно. Барьер вокруг завесы, возможно, дал сбой и не отреагировал на мою чуждость. Может быть, он испортился, может... гм... состояние моего рассудка ввело его в заблуждение. Как только я приблизился к границе, между завесой и мной начался обмен информационными потоками. Таким образом я и узнал то, о чем рас-

сказываю. О том, что находится за завесой, о том, как можно обойти ее защиту. Этот орешек машинам не раскусить... – Последняя фраза, казалось, не относилась к сказанному выше; она повисла на несколько секунд, а потом Ласкаль продолжал: – Но вскоре завеса, видимо, поняла, что я чужой. Она отторгла меня, отбросила назад в космос.

– А не проще ли было вас убить?

– Может, она не была полностью уверена в правильности своего решения. Это ведь Пространство Откровения, и я все время ощущал чью-то неуверенность. Вокруг меня шли какие-то важные споры. Стремительные, быстрее мысли. Должно быть, в конце концов возобладала осторожность.

Еще вопрос. Его Силвест хотел задать с той минуты, как Ласкаль начал разговор.

– А почему вы так долго медлили со своим рассказом?

– Я должен извиниться за свою скрытность. Но мне надо было сперва переварить те знания, которые затворники вложили в меня. Эти знания были даны в их терминологии, а не в нашей.

Он замолчал. Все его внимание, казалось, было поглощено меловым разводом, который нарушал математическую точность нарисованной мандалы. Ласкаль лизнул палец и стер пятно.

– Впрочем, эта стадия была легкой. Затем мне пришлось вспоминать, как общаются между собой люди. – Он поглядел на Силвеста настороженными глазами, на которые падала прядь нечесаных, как у неандертальца, волос. – Вы были ко мне добры, не то что другие. И терпеливы. Я решил, что эти сведения могут быть вам полезны.

Силвест вдруг со страхом осознал, что открывшееся окошко в здравый рассудок Ласкаля может так же неожиданно захлопнуться.

– А как мы уговорим жонглеров наложить структуру мышления затворников на человеческий мозг?

– Это просто. – Ласкаль кивнул на свой меловой рисунок. – Запомните эту фигуру и держите ее в памяти, когда будете плавать в океане.

– И все?

– Должно хватить. Присутствие этой фигуры в вашем мозгу будет для жонглеров своего рода переводом просьбы о том, что вам нужно. Конечно, желательно еще сделать подарок. Такие важные вещи у них задарма не делаются.

– Подарок?

Интересно, что можно преподнести в дар существу, похожему на плавающий остров из ряски и морской капусты.

– Придумайте что-нибудь. Но в любом случае подарок должен быть насыщен информацией. Иначе вас сочтут неинтересным. А впустую отнимать у них время я бы не советовал.

Силвест хотел бы задать еще множество вопросов, но Ласкаль снова сосредоточился на рисунке.

– Вот и все, что я хотел сказать, – произнес он.

И это было действительно все.

Ласкаль больше ничего не сообщил ни Силвесту, ни кому-либо еще. Через месяц его нашли мертвым. Он утонул в пруду с золотыми рыбками.

– Эй! – сказала Хоури. – Тут есть кто-нибудь?

Она очнулась от сна, и это все, что ей было известно. Не просто вздремнула после обеда – нет, это было нечто гораздо более глубокое, долгое и холодное. Почти наверняка криосон – подобные вещи не забываются. Она уже пережила такое пробуждение однажды, на орбите Йеллоустона. Абсолютно аналогичные физиологические и неврологические признаки. А вот капсулы, в которой она тогда проснулась, сейчас рядом нет.

Полностью одетая, Хоури лежала на кушетке. Вероятно, кто-то перенес ее сюда, пока она не пришла в сознание. Но кто? И вообще, где она находится? Такое чувство, будто в голове взорвалась граната и разнесла память на куски.

И все же место, где она лежала, казалось до боли знакомым.

Коридор в каком-то дворце? Что бы это ни было, оно заставлено на редкость безобразными скульптурами. Либо Ана проходила мимо них несколько часов назад, либо это всплыли рецессивные фрагменты ее детской памяти – ужасы из няниных сказок. Скорченные, иззубренные, обгорелые статуи нависали над Хоури, отбрасывая демонические тени. Интуитивно, словно в дреме, она подумала, что фигуры должны как-то дополнять друг друга. Этим они и занимались в прошлом, но сейчас, разбитые и измятые, уже не способны выполнять свое предназначение.

Приближались неуверенные шаги.

Хоури с трудом повернула голову на звук. Шея почти не повиновалась – будто сделана была из крепкого дерева. Опыт подсказывал, что и все тело такое же окоченелое после долгого криосна.

Мужчина остановился в нескольких шагах. В скудном свете черты его лица были почти неразличимы, но что-то знакомое угадывалась в линии подбородка. Много-много лет назад Хоури, должно быть, знала этого человека.

– Это я, – зазвучал хриплый флегматичный голос, – Манукян. Мадемуазель предположила, что вам по пробуждении будет приятно увидеть знакомое лицо.

Вроде эти имена для Аны не пустой звук...

– Что случилось?

– Да ничего. Она сделала предложение, от которого вы не могли отказаться.

– И сколько я проспала?

– Двадцать два года, – ответил Манукян и протянул ей руку. – Ну а теперь не пора ли нам пойти и поздороваться с Мадемуазелью?

Силвест проснулся и обнаружил перед собой стену, проглотившую половину неба, – такую черную, что казалась отрицанием всего сущего, в том числе и себя самой. Он ничего подобного прежде не видал и теперь понял, что обычная тьма, простирающаяся между звездами, совсем не такая, как эта, – она на самом деле светится, слабо люминесцирует. А в этом круглом черном омуте, который назван Завесой Ласкаля, нет ни звезд, ни иных источников света; даже жалкий фотон не мелькнет на каком-нибудь участке видимого спектра. Нет даже занюханного нейтрино, уже не говоря о более экзотических частицах. Гравитационные волны, электростатические и магнитные поля тоже отсутствуют, как и шепот радиации Хокинга, а ведь радиация, согласно устаревшим представлениям о природе завесы, должна просачиваться из нее, доказывая наличие температурного разогрева на ее периферии.

Словом, ничего подобного там не было. Единственное, что делала завеса – во всяком случае, что было известно всем, – это служила неодолимым препятствием для любого излучения.

Хотя нет: еще она превращала в месиво любой объект, который имел наглость приблизиться к ее границе.

Силвеста вывели из криосна, и сейчас его мучило от дезориентации, которая всегда следовала за слишком быстрым пробуждением. Еще хорошо, что здоровье позволяло ему справляться с этим побочным эффектом. Физиологический возраст Силвеста не превышал тридцати трех лет, тогда как с момента его рождения прошло уже больше шестидесяти.

– Со мной... все в порядке? – Очень хотелось расспросить врачей, занимавшихся проверкой и восстановлением его жизненных функций, но сейчас внимание было приковано к черному пятну за окном станции.

Как будто смотришь на негатив снежной бури.

– Практически оптимум, – отозвался медик, который стоял рядом, глядел, как в воздухе прокручиваются показания счетчика нейронов, и отмечал появление каждой цифры похлопыванием стилоса по своей нижней губе. – А вот Вальдес явно сдает. Значит, Лефевр выходит вперед. Как думаете, вы сможете с ней работать?

– Не поздновато ли для сомнений?

– Дэн, я пошутил. Ну а как память? Я не успел вас проверить только на посткриогенную амнезию.

Вопрос казался дурацким, но, как только Силвест стал перебирать свои воспоминания, выяснилось, что они тормозят подобно документу, проходящему через многочисленные инстанции с нерадивыми чиновниками.

– А Морскую Пену помните? – настаивал врач с тревожной ноткой. – Очень важно, чтобы вы вспомнили Морскую Пену...

Силвест помнил, но в тот момент никак не мог привязать ее к другим своим воспоминаниям. А вот что великолепно сохранилось в памяти, чего не могли унести никакие волны времени, так это Йеллоустон, покинутый через двенадцать лет после истории с Восьмьюдесятью, через двенадцать лет после физической смерти Кэлвина, через двенадцать лет после разговора с Филипом Ласкалем, наконец, через двенадцать лет после того, как Ласкаль утопился, надо думать выполнив свое предназначение.

Экспедиция была маленькая и достаточно хорошо оснащенная. Команда субсветовика состояла по большей части из химериков и ультранавтов, которые редко соглашались служить вместе с людьми других каст. Также на борту находились двадцать ученых, преимущественно из СИИЗа, и четыре будущих контактера. Из последних на штурм завесы пойдут только двое.

Цель экспедиции – Завеса Ласкаля, но сначала корабль должен зайти на другую планету. Там Силвесту предстоит выполнить одно из указаний Ласкаля. Визит к жонглерам образами крайне важен для успеха миссии, а их мир находится в десяти световых годах от завесы. Силвест не представлял себе, что его там ждет, но совету Ласкаля он безоговорочно доверял. Не мог же этот человек нарушить свое долгое молчание ради глупой шутки!

Жонглеры образами уже больше века считались забавной диковинкой. Они обитали в нескольких мирах, почти целиком занятых океанами. Сами жонглеры представляли собой биохимическое сознание, охватывавшее практически весь океан. Оно состояло из триллионов симбиотических микроорганизмов, образующих «клубы» величиной с приличный остров. Все населенные этими существами планеты отличала тектоническая активность. Существовала гипотеза, что жонглеры черпают энергию из гидротермальных источников в океаническом дне и что тепловая энергия трансформируется в биоэлектрическую и передается в верхние слои океана по щупальцам органических сверхпроводников, уходящим на многие километры в холодные и мглистые глубины.

Цель жонглеров, если таковая существовала, оставалась неизвестной. Ясно было, что они способны изменять биосферу миров, действуя как единая разумная масса фитопланктона, но является ли это самоцелью, или у них есть другая, высшая функция? Был известен – хотя и слабо изучен – еще один феномен: жонглеры обладали способностью хранить и передавать информацию, выступая как всепланетная нейронная сеть. Информация хранилась на многих уровнях, начиная с огромных переплетений щупальцев на поверхности океана и кончая свободно плавающими микроскопическими спиралями ДНК.

Невозможно было определить, где кончается океан и где начинаются жонглеры. Точно так же никто не знал, содержит ли планета множество жонглеров, или есть только один индивидуум, расчлененный территориально, – между «островами» были перекинута биологические мосты.

Не подлежало сомнению, что жонглеры образами – живые хранители информации, что-то вроде гигантских насыщенных данными губок. Все, что попадало в океан, тут же анализи-

ровалось миллиардами микроскопических щупальцев, частично растворялось ими, идентифицировалось в химическом и физическом аспекте, а затем все эти сведения отправлялись на хранение в биохимический банк данных, каковым являлся целый океан. По словам Ласкаля, жонглеры умели не только добывать и архивировать информацию, но и внедрять ее в другие разумы. Предположительно в этих архивах могли содержаться записи мыслительных структур затворников, некогда вступавших в контакт с жонглерами.

Изучение цивилизации жонглеров началось несколько десятилетий назад. Купаясь в океане, человек контактировал с разумным фитопланктоном, микроскопические щупальца которого проникали в неокортекс и устанавливали квазисинаптические связи между океаном и пловцом. «Будто с одноклеточной водорослью общаешься» – так описывали свои впечатления прошедшие через эту процедуру ученые. Потом сознание расширялось, охватывая весь океан; память уходила в древнейшие времена и почему-то зеленела. Границы восприятия делались гибче и шире, но при этом океан не казался некой подлинной самостью, а казался зеркалом, отражающим человеческое сознание.

Некоторые пловцы, переживая этот опыт абсолютного солипсизма, вдруг обнаруживали у себя сильнейшую склонность к математике, – похоже, океан заметно усиливал их творческие способности. Кое-кто уверял, что эти способности временно сохраняются после возвращения экспериментатора на сушу или на орбиту. Возможно ли, что при контакте с океаном жонглеров человеческий мозг претерпевает физические изменения? Вот так и возникли представления об умении жонглеров влиять на умственную деятельность людей. Якобы пловец, пройдя длительную подготовку, сможет выбирать из разных форм такой трансформации. Врачи-невропатологи, работавшие на планетах жонглеров, попытались зарегистрировать их влияние на человеческий мозг, но добились лишь частичного успеха. Это были очень слабые изменения, сравнимые с перенастройкой скрипки – ее никоим образом не пытались разбить, чтобы сделать новую из обломков. Да и держались эти изменения недолго – обычно дни, реже недели, в исключительных случаях год, – а потом полностью исчезали.

Вот в таком состоянии пребывала наука о жонглерах, когда экспедиция Силвеста достигла их мира, который назывался Морская Пена. И сейчас Силвест вспомнил его. Океаны! Приливы с отливами! Цепочки вулканических островов и вездесущая убийственная вонь морских водорослей. Все четыре будущих контактера прошли многомесячную подготовку, накрепко запечатлев в памяти меловой рисунок Ласкаля – могли повторить его с закрытыми глазами. И теперь, визуализируя эту мандалу, они окунулись в океан.

Жонглеры проникли в них, частично «растворили» их разумы, а затем воссоздали по собственным чертежам.

Когда четверо вышли из воды, они были уверены, что Ласкаль – псих и лжец.

Никаких следов инопланетного происхождения они в себе не обнаружили. Никакие космические тайны им не открылись. Никто из них не признался, что ощущает себя «каким-то не таким». Никто не похвастался, что стал понимать природу затворников.

Сложные неврологические тесты оказались более тонким инструментом, нежели человеческая интуиция. У всех четверых изменилось пространственное и когнитивное восприятие – правда, в масштабах, едва поддававшихся количественной оценке.

Шло время, а контактеры демонстрировали все новые особенности состояния ума – одновременно и привычные для них, и совершенно чуждые. Видимо, какие-то изменения все же происходили, хотя никто из четверки не взялся бы утверждать, что это имеет отношение к затворникам.

В любом случае надо было действовать быстро.

Как только завершилась основная проверка, всех четырех положили в криокапсулы, чтобы холодом законсервировать наметившиеся изменения. Они, конечно, начнут сходить на

нет, как только контактеры проснутся, даже при условии применения экспериментальных психотропных средств.

Эти люди проспали весь путь к Завесе Ласкаля и еще несколько недель, пока исследовательский спутник маневрировал, чтобы приблизиться на три астрономические единицы – номинально безопасное расстояние. Разбудили контактеров перед самой отправкой.

– Я... помню, – сказал Силвест. – Я помню Морскую Пену!

Для него стала вечностью следующая минута, в течение которой врач, продолжая постукивать стилосом по губе, всматривался в показания медицинских приборов. Наконец он кивнул, что означало: Силвест прошел испытания.

– Знакомые места, а как здорово изменились! – сказал Манукян.

Он был прав – Хоури и сама видела перемены. С большой высоты глядя вниз, она не узнавала Город Бездны. Не было больше Москитной Сетки. Город снова открылся стихиям, его нагие башни смело поднимались в атмосферу Йеллоустона – а ведь еще совсем недавно они прятались под грязными драпировками куполов.

Шато де Карбо, замок Мадемуазели, уже не входил в число самых высоких здешних строений. Поставленные на высокие колонны, чем-то неуловимо похожие на космические корабли, новые здания могучими клинками врезались в раскаленное ржавое небо. Одно из них, напоминавшее не то акулий плавник, не то лист спинифекса, смотрело на мир сотнями узких окон; его украшал огромный символ из булевой математической логики – эмблема сочленителей.

Как паруса белоснежных яхт, реяли эти дома над остатками Мульчи и ажурными стенами резали на огромные ломти свежий ветер гор. Только кое-где еще торчали гнилые зубы старой архитектуры, а на ее верхних этажах доживали остатки Полога. Старый город-лес падал под натиском блистающих зданий-лезвий.

– В Бездне что-то выращивают, – продолжал Манукян. – Аж в самой глуби. Почему-то называли это «Лилли». – В голосе звучало отвращение с оттенком благоговения. – Видевшие рассказывают о громадной вонючей дышащей кишке – как будто из живота самого бога. Она липнет к стенам. Отрыжка Бездны ядовита, но, когда она прошла через «Лилли», ею можно дышать.

– И все это за двадцать два года!

– Да! – ответил кто-то третий.

По ставням – блестящим черным броневым листам – быстро скользнула тень. Хоури резко повернулась и успела заметить, как останавливается бесшумно приблизившийся паланкин. Его вид напомнил и о Мадемуазели, и о многом другом. Ане казалось, что между их последней встречей и нынешним появлением паланкина прошло не больше минуты.

– Спасибо, Карлос, что привели ее сюда.

– Теперь все?

– Думаю, да. – Голос Мадемуазели рождал слабое эхо. – У нас мало времени, и это при том, что мы потеряли столько лет. Я нашла экипаж, который подыскивает кого-нибудь вроде Хоури, но корабль простоят тут всего несколько дней, а потом покинет систему. Упустить этот шанс мы не можем. Ана должна пройти обучение, вжиться в роль и внедриться в команду за оставшийся срок.

– А если я скажу «нет»? – спросила Хоури.

– Но вы же этого не скажете, правда? Ведь теперь вы знаете, что я могу вам сделать. Не забыли?

– Такое забудешь.

Она очень хорошо помнила то, что ей показала Мадемуазель. В другой капсуле для криосна лежал человек. И этим человеком был ее муж Фазиль. На самом деле их никогда не разлучали. Обоих доставили сюда с Окраины Неба – чиновничья ошибка оказалась милостива не

только к Ане. Да и была ли она, эта ошибка? С самого начала можно было догадаться, что кто-то принимает самое деятельное участие в судьбе Хоури. Непроста же она с такой легкостью получила место наемного убийцы в «Игре теней»! Эта роль, как она теперь понимала, понадобилась только для проверки ее пригодности к другой задаче. Ну а заручиться ее согласием было проще простого. Фазиль в руках Мадемуазели. Если Хоури откажется, она больше не увидит мужа.

– Никогда не сомневалась в вашем здравомыслии, – сказала Мадемуазель. – И вообще, Хоури, мое поручение не такое уж и сложное.

– А что с кораблем, который вы нашли?

– Это просто торговцы, – произнес Манукян успокаивающе. – Я сам из них. И когда пребывал в этом качестве, мне удалось спасти...

– Хватит, Карлос.

– Извините. – Он оглянулся на паланкин. – Я лишь хотел сказать, что здесь не угадаешь, с кем нам придется иметь дело.

Благодаря то ли случайности, то ли причудливой игре подсознания инженеры, строившие по заданию СИИЗа корабль для исследования завесы, выбрали форму символа бесконечности. Он состоял из двух каплевидных модулей, соединенных между собой «муфтой». Модули были набиты аппаратурой жизнеобеспечения, разведки и связи, а в «муфте» находились двигатели и разнообразная научная аппаратура. Каждому исследователю предстояло жить в индивидуальном модуле, который в нештатной ситуации – например, при прекращении мониторинга психической активности его пассажира – мог быть отделен.

Включив реактивную тягу, корабль устремился к завесе, тогда как исследовательская станция отошла на безопасное расстояние – туда, где ее ждал субсветовик. Рассказ Ласкаля заканчивался тем, что разведчик стал быстро удаляться, уменьшаясь в размерах, пока не превратился в лиловое пятно ракетного выхлопа с красным и зеленым миганием бортовых огней. Вскоре они тоже исчезли. Все залила темнота, будто расплзалась огромная клякса туши.

Никто достоверно не знает, что произошло потом. Большая часть информации, собранной в полете Силвестом и Лефевр, была безвозвратно утеряна, включая и ту, которую они передавали на станцию и субсветовик. Не только длительность последующих событий, но даже их точный порядок теперь вызывает сомнения. Все, что известно, записано со слов Силвеста. Но ведь и он, по его собственному признанию, пребывал в измененном состоянии сознания и даже частично терял его вблизи от завесы. Так что его воспоминания трудно считать надежным источником.

Полученная информация сводилась к следующему.

Силвест и Лефевр подошли к завесе ближе, чем кто-либо до них, включая и Ласкаля. Если сказанное Ласкалем правда, то их трансформированные разумы обманули защиту завесы. Эта защита направила их в относительно спокойный канал пространства-времени, тогда как вся остальная пограничная область буквально кипела от чудовищных гравитационных перепадов. Никто даже теперь не может объяснить, как это случилось, каким образом механизмы глубокой защиты завесы могли искривить пространство-время, придав ему такие дикие геометрические формы, если его свертывание, в миллиарды раз более простое, потребовало бы затрат энергии, какая не содержится в массе покоя всей нашей Галактики. Никто не понимает и того, как может сознание проникать в пространство-время вблизи завесы, причем делать это таким образом, чтобы последняя имела возможность распознать тип разума, пытающегося добраться до ее ядра, и одновременно оценить и трансформировать содержащиеся в нем мысли и воспоминания. Очевидно, существует некая связь между мыслительными процессами этого разума и глубинными процессами пространства-времени. Возможно, одно влияет на другое.

Силвест докопался до гипотезы, умершей сотни лет назад: якобы существует связь между квантовыми процессами в сознании и квантовыми же гравитационными механизмами, на которые опирается пространство-время; эти механизмы и процессы сближаются в соответствии с так называемым тензором Вейля.

Впрочем, и теперь о сознании было известно немногим больше. Безумных теорий вполне хватало. Например, кое-кто считал, что вблизи от завесы даже слабенькая связь между сознанием и пространством-временем может многократно усиливаться.

Силвест и Лефевр мыслью пробивали себе дорогу через шторм, их переделанные жонглерами умы успокаивали силы гравитации, бушевавшие в считанных метрах от тонких бортов корабля. Их можно сравнить с заклинателями змей, оказавшихся в полной этих тварей пещере и своей музыкой прокладывающих узкую дорожку среди шипящих гадов; как только умолкнет музыка или нарушится ее строй, змеи очнутся от гипнотического сна. Никто никогда не узнает, как близко подошли Силвест и Лефевр к завесе, если музыка их умов вдруг собьется, а кобры гравитации грозно зашевеливаются.

Силвест утверждал, что саму границу они не пересекли, и ссылаясь на визуальные наблюдения – больше половины видимого неба оставалось звездным. Но та ничтожная часть информации, которую удалось получить с исследовательского спутника, свидетельствует, что контактный корабль с двумя наблюдателями побывал внутри фрактальной пены, то есть в пределах размазанной границы завесы. Иначе говоря, в пределах того, что Ласкаль назвал Пространством Откровения.

Лефевр почувствовала, как это все начиналось. Со страхом, но и с ледяным спокойствием она сообщила Силвесту об изменении состояния ее трансформированного мозга. Этот мозг с шаблоном мышления затворников теперь очищался, расползалась тонкая вуаль чужеродного восприятия, накинутая жонглерами; оставалось только человеческое мышление. Это было именно то, чего они боялись с самого начала. И молились, чтобы такого не произошло.

Они тут же известили о случившемся научную станцию и провели несколько психологических тестов. Увы, положение оказалось критическим, результаты трансформации сходили на нет. Через несколько минут компонент мышления затворников уйдет из мозга Лефевр, и она уже не сможет защищаться от кобр, мимо которых идет. Она забудет свою музыку.

И хотя надежда еще не оставила их, они уже готовились к возможной катастрофе. Лефевр ушла в другой конец модуля, заперлась и активировала пиропатроны, тем самым отделившись от той части корабля, в которой находился Силвест. К этому моменту ее сознание стало полностью человеческим. Посредством канала аудиовизуальной связи, который только и соединял теперь разошедшиеся части корабля, она информировала Силвеста о своих ощущениях. О том, как нарастает мощь гравитации, как сжимает и скручивает ее тело самым жутким, самым невообразимым образом.

Двигатели должны были унести ее модуль прочь от обезумевшего пространства-времени, но завеса была слишком огромна, а модуль ничтожно мал. За несколько мгновений гравитация смяла его тонкий корпус, хотя Лефевр все еще продолжала существовать в крошечном и стремительно сужающемся пространстве, съежившись в охваченный ужасом комочек. Только когда модуль лопнул, Силвест потерял с ней контакт. Воздух улетучился стремительно, но декомпрессия не сразу прекратила нечеловеческие вопли Лефевр.

Она погибла, и Силвест это знал. Но его трансформированный мозг работал исправно, не давая змеям восстать на своего укротителя. В полнейшем одиночестве, какого не знал ни один человек в истории, Силвест продолжал идти на шторм завесы.

Через какое-то время он очнулся в мертвой тишине своего модуля. Еще не придя окончательно в чувство, попытался связаться с научной станцией, которая была обязана ждать его возвращения. Но ответа не дождался. И станция, и субсветовик были разрушены. Могучий гравитационный спазм, стороной обойдя Силвеста, раздавил их, как чуть раньше распо-

рол модуль Лефевр. И экипаж корабля, включая ультра, и научный персонал станции, – все погибли. Остался один Силвест.

Для чего? Только для того, чтобы принять медленную и тоскливую смерть?

Силвест подвел свой модуль к развалинам станции и субсветовика. В этот момент его сознание было свободно от мыслительных процентов затворников. Думать надо было о собственном спасении.

Работая в одиночку, с трудом выживая в изувеченном корабельном чреве, Силвест неделю за неделей изучал конструкцию субсветовика, чтобы привести в действие его ремонтные системы. Гравитационный спазм завесы превратил в пар и пыль тысячи тонн массы корабля, но теперь ему предстояло нести в себе лишь одного человека. Когда процесс ремонта наконец начался, Силвест получил возможность выспаться. Он все еще не смел поверить, что спасен.

В этих снах Силвест постепенно осознал потрясающую истину. Между моментом гибели Карины Лефевр и моментом его прихода в сознание произошло событие исключительной важности.

Кто-то дотянулся до его мозга, вступил с ним в контакт. Однако переданное Силвесту послание было столь чужеродно, что он не мог выразить его в человеческих понятиях.

Он вступил в Пространство Космического Откровения.

Глава пятая

«Новая Бразилия», Йеллоустон, Эпсилон Эридана, год 2546-й

– Я в баре, – проговорила Вольева в свой браслет, остановившись у дверей «Жонглера и затворника».

Она уже жалела, что выбрала его для встречи. Это заведение она презирала, как презирала и его завсегдатаев. Но когда договаривалась о встрече с новым кандидатом, ей в голову не пришло ничего другого.

– А что, кандидат уже там? – раздался голос Садзакки.

– Нет. Разве что у нее бессонница. Если она явится вовремя и встреча даст желаемый результат, то мы уйдем отсюда через час.

– Буду готов.

Расправив плечи, Вольева вошла в бар, мгновенно составив психологические портреты всех присутствующих. Воздух был насыщен приторным запахом розовых духов. Девчонка, игравшая на тиконаксе, повторяла все те же нервные движения. Текущие тревожащие звуки, зарождавшиеся в коре ее головного мозга, подхватывались инструментом и модулировались легкими прикосновениями пальцев к разноцветным клавишам. Казалось, эта музыка с трудом взбирается по ступенькам высокой лестницы, а потом низвергается вниз, разбиваясь на мелкие осколки терзающих нервы атональных пассажей. Иногда чудилось, будто львиный прайд царапает когтями листы ржавой кровельной жести. Вольева знала: чтобы по достоинству оценить подобную музыку, необходимо иметь в мозгу целый набор специальных имплантатов.

Она нашла пустой стул у стойки бара и заказала стопку водки. В кармане лежал шприц: один укол – и она будет абсолютно трезва, когда это потребуется.

Вольева уже приготовилась к тому, что вечер будет долгим и волонтер может вообще не прийти. Обычно она злилась в таких случаях, но сейчас, к ее удивлению, не испытывала даже легкого раздражения, оставаясь спокойной и внимательной. Возможно, оттого, что атмосфера в баре была перенасыщена психотропными веществами, Вольева чувствовала себя хорошо. В последние месяцы ей, как и всей команде, пришлось трудиться не покладая рук, готовясь к перелету на Ресурзем.

Все же приятно иногда оказаться среди людей, даже таких, как посетители этого бара. Уходили минуты, а она с интересом всматривалась в оживленные лица, рассеянно внимала разговорам, не улавливая слов, но воображая, о чем рассказывают друг другу эти путешественники.

Одна девушка затягивалась дымом из кальяна, а потом выпускала длинные струи, похожие на выброс из дюз реактивного самолета. Она явно ждала, когда ее собеседник доберется до самого пикантного места своей не слишком приличной истории, чтобы расхохотаться на весь бар. Мужчина с вытатуированным на лысине драконом шумно хвастался, как прошел через атмосферу газового гиганта: автопилот вырубился, но измененный жонглерами разум запросто решал самые сложные уравнения и лавировал среди атмосферных потоков. Еще одна компания ультранавтов – сущие призраки в бледно-сиреновом освещении кабинки – азартно играла в карты. Один мужчина должен был оплатить свой проигрыш прядью волос. Приятель крепко держал его, а победитель резал косичку карманным ножом.

Интересно, а как выглядит Хоури?

Вольева вынула из кармана карточку и, пряча в ладони, еще раз взглянула. «Ана Хоури», – было написано там, плюс скудные биографические данные. Никаких примет, позволяющих узнать эту женщину среди посетителей любого нормального бара. Да и в этом, ненор-

мальном, она бы не выделялась. «Разве что самую малость, – подумала Илия. – Не больше чем я сама».

На самом деле у Вольевой не было причин для мысленного брюзжания. Хоури казалась самым подходящим кандидатом на вакантное место. Недавно Илия проникла со взломом в немногочисленные банки информации, сохранившиеся в Йеллоустоне после эпидемии, и получила сравнительно короткий список людей, которые казались подходящими. Хоури там фигурировала как бывший солдат с Окраины Неба. Правда, отсутствовала всякая возможность покопаться в ее биографии, поэтому Вольева переключилась на других кандидатов. Но никто из них по разным причинам не годился в команду, а попытки найти новых тоже не дали желаемого результата. Садзаки не раз предлагал просто выкрасть кого-нибудь, как будто заведомо ложные обещания при вербовке чем-то лучше похищения человека. Да и где гарантия, что Илия потом сработается с похищенным?

И вдруг на них как гром с ясного неба свалилась Хоури. До нее дошел слух, что Вольева подыскивает члена экипажа. Она готова покинуть Йеллоустон. Хоури не упомянула о своем военном опыте, но Илия о нем знала. Скорее всего, кандидатка просто осторожничает. Странно только, что она не предложила свои услуги раньше – до того, как Садзаки, в соответствии с правилами, объявил об изменении маршрута.

– Капитан Вольева? Это вы, я не ошиблась?

Хоури была невысокой, гибкой и скромно одетой. В ее облике не угадывалась принадлежность к какой-нибудь определенной группе ультра. Черные волосы, будучи всего лишь на дюйм длиннее волос самой Вольевой, не могли бы скрыть разъемных соединений и портов для передачи данных. Конечно, полной гарантии, что ее черепная коробка свободна от жужжащих машинок, нет, но то, чего побаивается Вольева, там наверняка отсутствует. В лице угадывается нейтральное сочетание нескольких генетических типов, наиболее распространенных на Окраине Неба – в родном мире Хоури. Черты гармоничные, но ничего поражающего воображение. Рот небольшой, прямой, не слишком выразительный, но эта простота контрастирует с глазами – такими черными, что кажутся почти бесцветными, и в то же время полными обезоруживающего понимания. Вольевой даже подумалось, что сплетенную ею паутину лжи Хоури уже различила.

– А вы, должно быть, Ана Хоури. – Илия говорила очень тихо, так, чтобы собеседница ее слышала хорошо, но никто из других потенциальных искателей работы не уловил ни слова. – Насколько мне известно, вы обращались к нашему торговому представителю насчет получения должности на борту.

– Я только что прибыла на «карусель». Решила сначала поговорить с вами, а уж потом ходить по объявлениям.

Вольева понюхала водку.

– Не обижайтесь, но это странный метод.

– Почему? Иногда экипажи получают столько предложений, что практически не вступают в прямые переговоры. – Ана отпила глоток воды. – А я предпочитаю иметь дело с живыми людьми. Мне хочется попасть в нестандартную команду.

– О! – воскликнула Вольева. – Поверьте на слово – команда у нас весьма нестандартная.

– Но ведь вы торговцы?

Вольева с энтузиазмом закивала:

– И мы почти закончили свои торговые операции в системе Йеллоустона. Должна признаться, не слишком удачные. Экономика в упадке. Вернемся сюда лет через сто-двести, посмотрим, не пойдут ли дела получше. А будь моя воля, так я бы раз и навсегда убралась из этого убожества.

– Правильно ли я поняла: если захочу к вам попасть, мне следует поторопиться с решением?

– Конечно, но сначала вопрос о найме должны решить мы.

Хоури внимательно поглядела ей в глаза:

– Есть и другие кандидатуры?

– Я не имею права обсуждать с вами такие вопросы.

– Наверняка есть. Все-таки Окраина Неба... Уйма людей, должно быть, стремится туда.

И они даже готовы отрабатывать свой проезд...

Окраина Неба? Вольева постаралась ничем не выдать своего изумления. Значит, Хоури думает, что корабль идет к Окраине Неба, а вовсе не к Ресургему! И это единственная причина, по которой она пришла на встречу! Но ведь Садзак объявил о смене курса – почему она не знает об этом?

– Не самая безопасная планета, но есть и похуже, – сказала Вольева.

– Что ж, пожалуй, я не прочь занять местечко где-нибудь в начале вашей очереди. – Между ними вклинился пластмассовый поднос, подрагивающий под тяжестью выпивки и наркотиков. – Что за должность вы предлагаете?

– Было бы проще, если бы я все рассказала на борту. Сумочка с зубной щеткой у вас при себе?

– Разумеется, при себе. Я ведь очень рассчитываю на это местечко.

Вольева улыбнулась:

– Приятно слышать.

Кювье, Ресургем, год 2563-й

Кэлвин Силвест восседал в своем роскошном кресле возле стены тюремной камеры.

– Хочу рассказать кое-что интересное, – произнес он, поглаживая бороду. – Вот только не уверен, что тебе это понравится.

– Тогда поторопись, а то скоро придет Паскаль.

Насмешливое выражение, никогда не покидавшее лицо Кэлвина, стало еще более явным.

– А я как раз ее и имею в виду. Она ведь тебе нравится, признайся.

– Не твое дело, нравится она мне или нет.

Силвест вздохнул – он так и знал, что будут неприятности. Работа над биографией близилась к завершению, и он участвовал в этом самым активным образом. При всей формальной правильности изложения событий, при всем обилии тонких суждений, дающих возможность толковать их по-разному, получалось именно то, чего желал Жирардо, – весьма хитроумное и эффективное пропагандистское оружие. Будучи пропущенным через биографический фильтр, любой аспект деятельности Силвеста становился губителен для его моральной характеристики. Неизбежно складывалось негативное впечатление о его личности: себялюбец и узкомыслящий тиран. Человек с могучим интеллектом, но совершенно бессердечный, воспринимающий других людей исключительно как роботов, которых можно и нужно использовать в его собственных целях. Да, Паскаль не откажешь ни в уме, ни в таланте. Если бы Силвест не знал всех фактов своей жизни, он бы без всякой критики принял такую трактовку собственного прошлого. На тексте рукописи лежала печать истины.

Тяжело с этим согласиться, но еще хуже то, что этот убийственный портрет нарисовался благодаря показаниям людей, которые хорошо знали Силвеста. И главным среди них – признать это особенно больно – был Кэлвин. Силвест очень неохотно разрешил Паскалю общаться с бета-записью отца. Сделал он это под давлением, но и цену, как тогда думал, затребовал высокую.

– Я хочу, чтобы обелиск был найден и раскопан, – сказал Силвест. – Жирардо обещал дать мне допуск к полевым материалам, если помогу ему уничтожить свою собственную репутацию. Я честно выполнил свою часть сделки. Как насчет обязательств правительства?

– Это будет трудно... – начала было Паскаль.

– Не будет. И вряд ли обременит фонды вашей партии.

– Я поговорю с Жирардо, – сказала она без особой уверенности, – но с условием, что ты позволишь общаться с Кэлвином каждый раз, когда мне это понадобится.

Это была самая отвратительная из его уступок. Но цена – весь обелиск, а не та ничтожная часть, которая была откопана до переворота, – казалась недурной.

Его удивило, что Нильс Жирардо сдержал слово. Четыре месяца потребовалось на то, чтобы найти место раскопок и добыть обелиск. Без проблем не обошлось, но к этому Силвест был готов. Хорошо, что обелиск удалось откопать в целости и сохранности. Теперь его голографическое изображение можно было воспроизвести в камере Силвеста, увеличив любую деталь до требуемого размера.

Текст, выбитый в камне, представлял собой почти неразгадываемую головоломку. Сложная схема планетной системы до сих пор дразнила Силвеста своей раздражающей точностью. Чуть ниже ее находилось еще одно изображение, ранее скрытое грунтом, – похожая схема, но в гораздо более мелком масштабе, так что вся система превратилась в гало вокруг чего-то вроде кометы. Дельта Павлина представляла собой двойную звезду – два небесных тела, разделенные десятью световыми часами. Амарантийцы, видимо, о том знали: на второй схеме была тщательно изображена орбита и этой второй звезды.

Силвест задумался, почему он никогда не видел этой второй звезды по ночам: она хоть и тусклая, но все равно должна быть ярче прочих звезд, видимых с Ресургема. И тут же вспомнил, что она вообще не светит. Это нейтронная звезда – огарок, который когда-нибудь снова вспыхнет жарким голубым пламенем. А пока она так темна, что о ней не знали вплоть до первых космических полетов. Но на схеме орбита этой невидимой звезды отмечена, и ее сопровождает рой непостижимых иероглифов.

Еще хуже то, что вниз по обелиску сползают все новые и новые чертежи. Вполне вероятно, что они изображают какие-то другие планетные системы, хотя вряд ли кто-нибудь сможет это доказать. Как могли амарантийцы добыть эти сведения – о других планетах Дельты Павлина, о нейтронной звезде, – если у них не было межзвездных кораблей?

Вполне возможно, что самым важным является вопрос о возрасте обелиска. Анализ пластов, под которыми он погребен, дает примерно девятьсот девяносто тысяч лет. Видимо, захоронение имело место примерно за тысячу лет до События. Но для обоснования своих догадок Силвесту требуются гораздо более точные расчеты.

Во время последнего визита Паскаль он просил сделать ЗЭ-анализ обелиска. Можно надеяться, что она принесет результаты уже сегодня.

– Паскаль была мне полезна, – сказал он Кэлвину, который ответил на это насмешливым взглядом. – Не рассчитываю, что ты меня поймешь.

– Может, и не пойму. Но зато могу рассказать о том, что узнал.

Оттягивать не имело смысла.

– Ну и?..

– Ее фамилия вовсе не Дюбуа. – Кэлвин ухмыльнулся, наслаждаясь разговором. – Ее фамилия Жирардо. Она его дочь. А тебя, милый мальчик, они ловко поимели.

Вольева и Хоури вышли из «Жонглера и затворника» в ту пропахшую потом темноту, которую на «карусели» пытались выдать за ночь. Обезьянки-капуцины висели на ветках деревьев, обрамляющих торговую площадь, – эти прохвосты всегда готовы были пошарить в карманах прохожих. Где-то за круто искривленным горизонтом рокотали бурундийские барабаны. Неоновые молнии по-змеиному извивались в пышных искусственных облаках, свисавших с рельсов, проложенных по «небу». Хоури говорили, что иногда из них даже идет дождик, но ей еще не удалось попасть на это метеорологическое пиршество.

– Наш шаттл поджидает у «ступицы», – сказала Вольева. – Надо только сесть в радиальный лифт и пройти таможенный досмотр для убывающих.

Кабина радиального лифта противно лязгала, не отапливалась, воняла мочой и была пуста, если не считать комусо в плетеном шлеме, который брезгливо уселся на самом краешке скамейки, держа сякухати между коленями. Именно его присутствие, решила Хоури, остановило других пассажиров. Они предпочли дождаться следующей кабины, которые часто спуют между «ободом» и «ступицей».

Мадемуазель стояла рядом с комусо: руки сложены за спиной, вечернее платье цвета электрик касается пола, черные волосы собраны в скромный пучок.

– Расслабься, – сказала она. – Иначе Вольева заметит, что ты скрытничаешь.

– Убирайся!

Вольева поглядела на Хоури:

– Вы что-то сказали?

– Сказала, что тут холодно.

Как ей показалось, Вольевой потребовалось слишком много времени, чтобы проглотить эту ложь.

– Не надо говорить вслух, – отозвалась Мадемуазель. – И шептать не надо. Просто представь себе то, что хочешь передать мне. Имплантат ловит импульсы, создаваемые голосовыми связками. Попробуй-ка.

– Пошла вон, – сказала, вернее, подумала Хоури. – Убирайся ко всем чертям из моей головы! В нашем контракте этого нет!

– Моя дорогая, – возмутилась Мадемуазель, – у нас и контракта никакого нет! А есть у нас... как сказать?... Джентльменское соглашение?

Она взглянула в лицо Хоури, ожидая реакции. Та смотрела в ответ с откровенной ненавистью.

– Ладно-ладно, – сказала Мадемуазель. – До скорой встречи.

И исчезла.

– Жду не дожусь, – проворчала Хоури.

– Извините? – спросила Вольева.

– Жду не дожусь, когда смогу выйти из этого свинарника.

Вскоре они добрались до «ступицы», прошли таможенный досмотр и сели в шаттл – корабль, предназначенный для полетов в безвоздушном пространстве. Он состоял из сферы с четырьмя ракетными двигателями, направленными под разными углами, и имел название «Печаль расставания» – ультра любят давать своим кораблям ироничные имена. Внутри шаттл чем-то напоминал рифленый желудок кита.

Вольева провела Хоури через несколько дверей и узких кишкообразных коридоров, где пришлось двигаться почти ползком; наконец они оказались в рубке. Здесь стояли похожие на ведра сиденья, а также имелась консоль, экраны которой показывали всевозможные полетные данные.

Илиа покрутила один из верньеров, и из консоли выдвинулся лоток со старинной клавиатурой. Пальцы Вольевой забегали по клавишам, вызывая изменения в колонках цифр на экранах.

Хоури с некоторым удивлением обнаружила, что у этой женщины нет вживленных датчиков и что ее пальцы – главное средство передачи и получения информации.

– Пристегнитесь, – обратилась к ней Вольева. – Вокруг Йеллоустона крутится столько всякой дряни, что мне наверняка придется несколько раз резко тормозить и разгоняться.

Хоури подчинилась. Несмотря на некоторые неудобства, связанные с ремнями безопасности, это была первая возможность как следует отдохнуть за несколько дней. С тех пор как ее разбудили, произошло многое, и все делалось в лихорадочной спешке. Пока она спала в

Городе Бездны, Мадемуазель выжидала, не появится ли корабль, который идет на Ресурге. Учитывая, что Ресурге – не бог весть какой важный узел в непрерывно расширяющейся сети межзвездной торговли, ждать пришлось долго. С субсветовиками всегда трудно иметь дело: ни один человек, какой бы шишкой он ни был, не может иметь такое судно в единоличной собственности, разве что оно находится в руках его семейства уже несколько столетий. Сочленители субсветовиков больше не строят, а люди, владеющие кораблями этого класса, продавать их не спешат.

Хоури знала, что Мадемуазель свой поиск вела очень активно. И Вольева тоже. По словам Мадемуазели, она проникла в йеллоустонские банки информации и запустила программу, которую называла «Ищейкой».

Рядовые пользователи и даже простые компьютеризированные системы мониторинга не могли обнаружить тонкую работу носа «Ищейки». Но Мадемуазель не была ни рядовым пользователем, ни системой мониторинга. Она почувствовала программу, как конькобежец, скользящий по тонкому льду, чувствует пузырьки воздуха под хрупкой гладью, отделяющей его от холодной темной воды.

И то, что сделала Мадемуазель затем, тоже свидетельствовало о ее недюжинном уме. Она виртуальным свистом поманила «Ищейку», а когда та прискакала, сломать ей шею уже ничего не стоило. Но сначала Мадемуазель распорол «Ищейке» брюхо и выяснила намерения Вольевой. Оказывается, программе поручили добыть секретную информацию о людях, имеющих специальный опыт. Такой запрос могла сделать группа ультра, у которой появилось вакантное место в экипаже. Но была тут еще одна странность, которая возбудила любопытство Мадемуазели.

Почему они ищут того, кто раньше служил в армии?

Может быть, это любители строгой дисциплины? Например, профессиональные торговцы, оперирующие на уровне, где прибыль невероятно высока? Или безжалостные эксперты, использующие весьма сомнительные средства для получения знаний? Такие не погнушаются побывать на захолустном Ресурге, если видят перспективу получить гигантскую прибыль, скажем, лет через сто. Возможно, их организация строится по военному образцу, а не на квазианархических принципах, как у большинства торговцев. Поэтому они и ищут следы военного опыта в биографии своих кандидатов. Знают: такой человек, скорее всего, хорошо впишется в их команду.

Да, вероятно, дело обстоит именно так.

Что ж, пока все идет хорошо, даже если учесть ту странность, что Вольева не поправила Хоури, когда та выдала свою неосведомленность насчет конечного пункта полета. На самом деле Хоури прекрасно знает, что корабль направляется к Ресурге, – но ни к чему наводить Вольеву на мысль, что кандидатка стремится туда попасть. Конечно, у Хоури запасено нескольких легенд на случай, если придется объяснять ее желание посетить эту безвестную колонию. Она уже готовилась врать, но Вольева ничего не сказала об изменении маршрута. Почему-то ей нужно, чтобы Хоури считала, будто корабль идет к Окраине Неба.

Возможно, это объяснялось тем, что им был совершенно необходим новый член команды, причем соответствующий определенным критериям. Это, конечно, бросает некоторую тень на их деятельность, зато избавляет Хоури от необходимости использовать легенду. Нечего волноваться, решила она. Ее путь и раньше никогда не был устлан розами. И не для легкой жизни, пока она спала, ей поместила в голову имплантат Мадемуазель.

Этот крошечный прибор не должен был вызвать подозрений у ультра, поскольку и по виду, и по основному предназначению представлял собой стандартный энтоптический проектор. Если они проявят крайнюю подозрительность и извлекут его, все его подозрительные элементы или расплавятся, или перекомпонуются так, что составят нечто совсем другое. Хоури возражала против вживления устройства в ее мозг вовсе не потому, что опасалась разоблаче-

ния, а потому, что перспектива присутствия Мадемуазели в ее голове ей нисколько не нравилась. Пусть это всего лишь симулякр на бета-уровне, модель личности, существующая в зрительном поле Хоури и нашептывающая в ее слуховой центр.

Никто больше ни видеть, ни слышать этого призрака не мог, общаться с Мадемуазелью должна была только Хоури. Причем молча.

– Скажем так: я должна быть в курсе твоих дел, – объяснила тогда Мадемуазель. – Ты же солдат, а значит должна понимать.

– Да я понимаю прекрасно, – обреченным тоном сказала Хоури в ответ, – но меня уже тошнит. Конечно, я не надеюсь, что ты уберешь эту дрянь из моей головы, просто чтобы сделать мне приятное.

Мадемуазель улыбнулась:

– Нагружать тебя полным запасом знаний было бы слишком рискованно. Ты можешь случайно проговориться при ультра.

– Постой! – крикнула Хоури. – Я уже знаю, чего ты хочешь: чтобы я убила Силвеста. Разве я могу узнать нечто еще более важное?

Мадемуазель снова улыбнулась. Ее манеры доводили Хоури до белого каления. Как и все бета-копии, Мадемуазель обладала слишком маленьким набором мимических жестов, так что неизбежные повторения быстро надоедали.

– Боюсь, – сказала она, – что сейчас ты знаешь даже не часть этой истории. Так, крохотный осколочек.

Когда прибыла Паскаль, Силвест внимательно поглядел ей в лицо, ища сходства с Жирардо, каким его запомнил. И, как всегда, рассердился на свои глаза. Они плохо различали кривые линии, а потому человеческие лица казались ему состоящими из множества граней.

Услышанное от Кэлвина нельзя было отвергнуть как явную ложь. Правда, волосы у Паскаль были черными как смоль и прямыми, а у Жирардо – рыжими и курчавыми. А вот в строении черепа имелось сходство, которое нельзя было отнести на счет случайного совпадения. Если бы не Кэлвин, то сам Силвест нипочем бы не догадался. Но теперь, когда мысль высказана, она сама нашла себе подтверждение.

– Почему ты мне лгала? – спросил он.

Она казалась искренне удивленной.

– О чем?

– Обо всем. Начнем с твоего отца.

– Моего отца? – Она как будто успокоилась. – Ах, так ты знаешь...

Он кивнул, угрюмо сжав губы. Потом сказал:

– Когда ты начинала работать с Кэлвином, надо было отдавать себе отчет, что он далеко не глуп.

– Должно быть, подключился к моему портативному компьютеру, добрался до личных файлов. Вот подонок!

– Теперь ты понимаешь мои сыновние чувства. Зачем тебе все это понадобилось, Паскаль?

– Начнем с того, что у меня не было выбора. Я хотела тебя изучить, но разве смогла бы подступить иначе как под чужим именем? Сменить имя было нетрудно, так как о моем существовании знает очень мало людей, а о моей внешности еще меньше. – Помолчав, она добавила: – Это правда. Я тебя не предавала.

– Хочешь сказать, Нильс никогда не получал от тебя информацию, которая требовалась для реализации его замысла?

Его слова Паскаль восприняла болезненно.

– Тебя же предупредили о перевороте, помнишь? Если я кого и предала, так это отца.

Он искал аргументы в пользу того, что Паскаль лжет, не зная, хочет ли, чтобы такие аргументы нашлись.

– А биография?

– Это была идея отца.

– Орудие моей дискредитации?

– В биографии нет ни единого слова лжи, если допустить, что ты ее не внес туда сам. –

Паскаль снова помолчала. – Она фактически готова к печати. Кэлвин очень помог. Это будет первая бесспорно талантливая работа, созданная на Ресургеме. Ты понимаешь? Со времен ама-рантийцев, разумеется.

– Да, это произведение искусства. Ты издашь ее под своей настоящей фамилией?

– Так было решено с самого начала. Я, конечно, надеялась, что ты не узнаешь, пока книга не выйдет.

– Об этом не стоит беспокоиться. Ничто не угрожает нашим отношениям. Ведь я всегда знал, что истинным автором является твой отец.

– Тебе так будет легче? Если спишешь меня как ничтожество?

– Ты принесла обещанные результаты ЗЭ-анализа?

– Да. – Она подала карту памяти. – Я не нарушаю свои обещания, доктор Силвест. Но боюсь, то слабое уважение, которое питаю к тебе, может полностью улетучиться.

Столбики цифр бежали перед глазами по карточке, которую Силвест держал двумя пальцами. Часть его мозга обрабатывала эти цифры, пока он говорил с Паскаль.

– Твой отец, торгуясь со мной из-за биографии, сказал, что ее автор, женщина, находится в состоянии, когда ее последние иллюзии готовы рухнуть.

Паскаль резко встала:

– Полагаю, нам лучше обсудить это в другой раз.

– Подожди. – Силвест схватил ее за руку. – Не сердись. Мне надо поговорить с тобой об этом, понимаешь?

Она вздрогнула, потом медленно расслабилась, но выражение лица осталось настороженным.

– О чем?

– Об этом. – Силвест щелкнул ногтем по карте. – Это очень интересно.

Шаттл Вольевой приближался к корабельному доку. Тот находился в точке Лагранжа между Йеллоустоном и его естественным спутником, называвшимся Глазом Марко. В доке стояло с дюжину субсветовиков – Хоури столько не видела за всю жизнь. В «ступнице» находились самые крупные корабли, а каботажная мелочь жалась к «ободу», так поросята льнут к сосцам матки. Несколько звездолетов стояли в ажурных конструкциях – ячейках для осмотра и ремонта ледяных оболочек и двигателей, изобретенных сочленителями. Были здесь и суда постройки самих сочленителей – гладкие и черные, будто вырезанные из куска космоса. Большинство же кораблей медленно витали вокруг точки Лагранжа.

Хоури догадывалась, что тут существуют строгие и сложные правила, чтобы избежать столкновений; компьютеры рассчитывали движение каждого корабля на несколько дней вперед. Цена топлива, которое будет истрачено на его отвод с места вероятной аварии, невысока в сравнении с доходами от торговли, а вот потерю лица возместить очень трудно. Такого скопления кораблей у Окраины Неба никогда не бывало, но даже там ходили слухи о схватках между командами из-за дефицитных парковочных мест или из-за нарушения каких-то обычаев торговцев. Многие ошибочно считали ультра однородной субкультурой. На самом деле они так же делились на фракции, ненавидящие друг друга, как любая другая человеческая раса.

Шаттл подходил к кораблю Вольевой.

Как и все субсветовики, он отличался невероятной обтекаемостью корпуса. Ведь космос близок к абсолютному вакууму только с точки зрения объекта, движущегося на малых скоростях. А движение со скоростью, близкой к световой, сродни прорыву через бескрайнюю атмосферную бурю. Вот почему субсветовики были похожи на клинки – узкие, заостренные на конце; пара двигателей работы сочленителей на лонжеронах придавала корме сходство с изящной рукоятью. Одетые в ледяной панцирь, корабли слепили бриллиантовым блеском.

Шаттл на тихом ходу обошел корабль Вольевой. Это все равно что лететь над городом – настолько он был огромен. В корпусе открылись лепестковые ворота ярко освещенного ангара. Подчиняясь легким прикосновениям женских пальцев к клавиатуре, шаттл вошел туда, и Хоури услышала глухие щелчки соединений – кораблик закреплялся в своем гнезде.

Вольева первой освободилась от ремней безопасности.

– Пройдем на борт? – спросила она, но в голосе не было той вежливости, которую ожидала Хоури.

Выплыв из шаттла при нулевой гравитации, они оказались в одном из самых больших помещений корабля. В конце коридора, выходявшего из ангара, Хоури увидела странное сооружение из многих неподвижных и вращающихся деталей.

Ее уже подташнивало, но она решила, что нипочем не даст Вольевой это заметить.

– Прежде чем мы двинемся дальше, – сказала ультра, – хочу познакомить вас с одним человеком.

Она бросила взгляд за плечо Хоури – в коридор, ведущий к ангару. Оттуда доносились шорохи, будто кто-то лез, хватаясь за тянущуюся по стене скобяную лестницу. Это значило, что на борту шаттла прилетел еще кто-то.

Что-то тут не так.

Вольева явно не старалась произвести благоприятное впечатление на будущего товарища по команде. Похоже, ей безразлично, что может подумать Хоури о ней, как будто вся эта история с наймом больше не имеет ни малейшего значения.

Хоури оглянулась и увидела комусо, который сидел с ними в лифте. Его лицо пряталось под традиционным плетеным шлемом, свою сякухати он держал под мышкой.

Хоури что-то хотела сказать, но Вольева прервала:

– Приветствую вас на борту «Ностальгии по бесконечности», Ана Хоури. Вы только что стали нашим стажером-артиллеристом. – Она кивнула комусо. – Сделайте мне одолжение, триумвир.

– Какое?

– Отправьте ее в нокаут, пока она не попыталась кого-нибудь убить.

Последнее, что увидела Хоури, был золотой блеск взлетевшего бамбука.

Силвесту показалось, что он ощутил запах духов Паскаль еще до того, как заметил ее в толпе, собравшейся на улице у тюрьмы. Он инстинктивно сделал к ней шаг, но два здоровенных охранника, сопровождавших его от дверей камеры, пресекли эту попытку. Толпившиеся встретили его появление свистом и бранью, но он никак на это не отреагировал.

Паскаль дипломатично поцеловала его, заслоня свои и его губы рукой в шелковой перчатке.

– Опережу твой вопрос, – шепнула она, и эти слова были еле слышны в злобном шуме толпы. – О том, что происходит, я имею такое же представление, как и ты сам.

– Значит, это дело рук Нильса?

– А чьих же? Только он имеет право забрать тебя из тюрьмы больше чем на день.

– Жаль, что у него нет желания запретить мне возвращение в тюрьму.

– Он мог бы... если бы не был обязан одновременно угождать своим сторонникам и оппозиции. Знаешь, ты уже давно заблуждаешься, считая его своим главным врагом.

Они вошли в стерильную тишину ожидавшей их машины – переделанного экспедиционного багги: обтекаемый корпус, четыре огромных надувных колеса, на крыше шаровидная башенка со средствами связи. Машину покрасили в алый цвет – любимый цвет увлажнистов. За ветровым стеклом болтались брелоки в стиле Хокусая.

– Если бы не мой отец, – продолжала Паскаль, – ты бы погиб во время переворота. Нильс защитил тебя от твоих самых лютых врагов.

– Значит, революционер из него никудышный.

– Между прочим, этот никудышный революционер ухитрился свергнуть твою власть.

Силвест пожал плечами:

– Что ж, и то верно.

На переднем сиденье, за перегородкой из армированного стекла, расположился охранник, и машина двинулась сквозь толпу по направлению к городской окраине. Проехали древесный питомник, спустились в тоннель, выбрались по нему за периметр.

Две другие правительственные машины катили следом. Это тоже были переоборудованные багги, но их покрасили в черное, и сидели в них солдаты в масках и с автоматами. Проехав около километра по темному тоннелю, колонна задержалась у шлюза, там, где пригодный для дыхания городской воздух отделялся от атмосферы Ресургема.

Солдаты, оставаясь на местах, натянули маски для дыхания и очки с выпуклыми стеклами. Затем машины выехали на поверхность. Был серый день; дорога шла между бетонными стенами, по территории, расцвеченной красными и зелеными огнями.

На бетонной площадке уже ждал самолет, стоя на треножнике с опорной рамой. Нижняя поверхность крыльев светилась так ярко, что резала глаз. Ионизированный слой воздуха между площадкой и крыльями дрожал.

Водитель порылся в бардачке и достал маски для дыхания, протянул одну Силвесту.

– Вообще-то, в ней особой необходимости нет, – сказал он. – С тех пор как вы, доктор Силвест, в последний раз выезжали из города, содержание кислорода в воздухе повысилось на двести процентов. Некоторые уже пробуют дышать вообще без маски. Выдерживают минут десять без вреда для организма.

– Должно быть, это пресловутые диссиденты, которых Жирардо предал в ходе переворота, – предположил Силвест. – Ожидалось, что они будут вести переговоры с лидерами «Истинного пути» в Кювье. Я им не завидую. Запудрят себе легкие, как раньше запудрили мозги.

Сопровождающий никак не отреагировал на эти слова.

– В воздух выпускают энзимы – пожиратели пылевых частиц. Это старая марсианская биотехника. Еще мы повышаем влажность воздуха, и пыль слипается в тяжелые гранулы, которые уже не переносятся ветром. В общем, содержание пыли в атмосфере снижается.

– Отлично! – Силвест заплодировал. – Какая жалость, что все это делается ради такой жалкой дыры!

Он прижал маску к лицу и стал ждать, когда ему откроют дверь. Ветер был умеренный, несомые им песчинки покалывали лицо.

К самолету пришлось двигаться почти бегом.

Он показался желанным островком свободы и тишины. Пышный интерьер был отделан в государственных красных тонах. Солдаты, приехавшие на других машинах, входили через вторую дверь.

Силвест увидел Нильса Жирардо, пересекавшего асфальтовую площадку. Жирардо шагал враскачку, причем раскачка начиналась от плеч, так что он смахивал на циркуль-измеритель, перемещаемый по чертежной доске. Силвест почувствовал себя так, будто с ног до головы превратился в лед. Потом руководитель государства исчез из виду, а через несколько

минут ближайшее крыло окрасилось в фиолетовый цвет, окуталось нимбом из возбужденных ионов. Самолет оторвался от площадки.

Силвест протер иллюминатор и стал смотреть на тающий вдали Кювье, или на Ресур-гем-Сити, как его называли теперь. Впервые после переворота удалось увидеть город целиком. Статуя французского натуралиста снесена. Былая простота колониальной жизни утрачена безвозвратно. Пена человеческого жилья беспорядочно выплеснулась из куполов; дома с индивидуальным воздухообменением лепятся к большим и малым крытым переходам. Кругом рассыпаны во множестве прозрачные купола-теплицы, заполненные зеленью. Есть и питомники на открытом воздухе, их геометрическая правильность действует на нервы; в ближайшем будущем они распространятся далеко за пределы города.

Облетев город, самолет взял курс на север. Внизу вилоь кружево каньонов. Иногда попадались маленькие поселения – чаще под прозрачным куполом, реже под длинным строением ангарного типа. Свет крыльев самолета озарял их на миг. Но по большей части это были дикие земли: ни дорог, ни трубопроводов, ни линий электроснабжения.

Силвест иногда задремывал, а проснувшись, видел все то же: бывшие тропические пустыни, покрытые ныне льдом, импортированную растительность тундры. Потом на горизонте замаячило небольшое селение, и самолет кругами пошел на посадку. Силвест наклонился к окну, чтобы лучше видеть:

– Узнаю это место. Именно здесь мы нашли обелиск!

– Да, – отозвалась Паскаль.

Ландшафт был пересеченный, по большей части лишенный всякой растительности. Линию горизонта коверкали разрушенные арки и не менее загадочного происхождения столбы, которые тоже, казалось, были готовы рухнуть каждую минуту. Ровных участков почти не наблюдалось – просто глубокие расселины; местность походила на скомканную простыню. Самолет пролетел над лавовым покровом и наконец опустился на небольшую шестиугольную площадку с армированными постройками по краям.

Был еще только полдень, но содержащаяся в воздухе пыль так поглощала солнечный свет, что посадочную площадку пришлось осветить прожекторами. Из дверей одного дома выскочили несколько милиционеров, прикрывая глаза от слепящих крыльев.

Силвест взял маску, осмотрел презрительно и бросил на сиденье. Чтобы преодолеть столь короткое расстояние, ему дыхательный аппарат не нужен, а если это не так, то тем более нельзя подавать виду.

Милиционеры проводили вновь прибывших до жилья. Силвест не видел Жирардо уже много лет, старый враг показался теперь поразительно низким. Он напоминал мощный землеройный механизм, готовый пробить глубокую траншею в сплошном базальте. Жесткие как проволока, коротко стриженные рыжие волосы испятнаны сединой. Глаза большие, смотрят вопрошающе, как у щенка пекинеса.

– Странные получаются взаимоотношения, – сказал Жирардо, когда охранник закрыл за ними тяжелую дверь. – Кто бы мог подумать, Дэн, что у нас так много общего.

– Куда меньше, чем вам кажется, – ответил Силвест.

Жирардо повел его по ребристому коридору, заставленному машинами, искалеченными до неузнаваемости.

– Думаю, вы сейчас спрашиваете себя, как это понимать.

– Есть кое-какие догадки.

Хохот Жирардо прозвучал в коридоре как гром, эхом отлетая от металлических машин.

– Помните обелиск, что раскопали в этих местах? Конечно помните, ведь это, кажется, мы нашли его и вы же первым указали на феноменальные результаты датирования методом «захваченный электрон».

– Что-то такое припоминаю, – ядовито ответил Силвест.

Метод дал потрясающие результаты. Ни одна естественная кристаллическая структура не имеет идеальной кристаллической решетки. Всегда есть дефекты. В некоторых узлах отсутствуют атомы, и эти дыры заполняются электронами, выбитыми из других узлов решетки космическими лучами или естественной радиацией горных пород. Поскольку дыры заполняются с относительно постоянной скоростью, то по числу захваченных электронов можно определять возраст предметов неорганического происхождения. Тут есть, конечно, одна трудность: метод может применяться лишь в том случае, если известно, что ловушки в какой-то момент прошлого были пусты. Нагревания или даже сильного освещения достаточно, чтобы освободить узлы верхнего слоя кристаллической поверхности. Анализ обелиска показал, что все поверхностные ловушки были освобождены в одно и то же время и произошло это девятьсот девяносто тысяч лет назад. Только причина, равная по масштабам Событию, могла очистить ловушки такого крупного объекта, как Обелиск.

Вообще-то, ничего особенно нового в этом не было. Тысячи амарантийских артефактов удалось датировать временем после События. Но ни один из них не был погребен умышленно. Обелиск же поместили в каменный саркофаг, причем после того, как его ловушки были очищены.

После События.

Даже при новом режиме это открытие не могло не привлечь внимания к обелиску. Что в свою очередь стимулировало интерес к надписи, выбитой на нем. Интерпретация ее, сделанная Силвестом, носила в лучшем случае приближенный характер, но теперь ему на помощь пришли остатки содружества ученых.

Снова в Кювье повеял ветер свободы. Режим снял ряд запретов, наложенных на исследования культуры амарантийцев, не обращая внимания на то, что оппозиционный «Истинный путь» стал еще более фанатичным. Станные взаимоотношения, как сказал Жирардо.

– Едва начав догадываться о том, какое послание несет обелиск, – между тем говорил Жирардо, – мы разбили всю эту территорию на участки и принялись копать на глубину шестьдесят-семьдесят метров. Так удалось обнаружить десятки других обелисков, причем все они были тщательно очищены перед погребением. Надписи на всех примерно одинаковы. Мы пришли к выводу, что это не изложение событий, произошедших здесь когда-то, а описания того, что именно погребено.

– Должно быть, что-то очень большое, – сказал Силвест. – И амарантийцы планировали с этим делом управиться до События. Возможно, самое главное похоронили до События, а опознавательные знаки – обелиски – поставили после. Финальный культурный акт общества, обреченного на уничтожение. И насколько же велик этот объект, Жирардо?

– Невероятно велик.

И Жирардо принялся рассказывать, как этот район сначала изучили с помощью сейсмодатчиков, генерирующих волны Рэлея, которые проникают глубоко в грунт. Эти волны дают возможность определять положение объектов, имеющих отличную от грунта плотность и погребенных на значительных глубинах. По словам Жирардо, пришлось применить самые мощные вибраторы, а это означало, что искомый объект находился на глубине в сотни метров, то есть на пределе мощности этих приборов. Потом из Кювье были доставлены самые чувствительные рисующие гравитометры. Только тогда удалось составить общее впечатление о том, что же здесь нашли.

– Да уж, маленьким это не назовешь!

– Раскопки как-то связаны с программой увлажнения?

– Полностью независимы. Другими словами, чистая наука. Это вас удивляет? Я же обещал, что мы не прекратим изучать амарантийцев. Может, если бы вы все эти годы верили мне, мы бы сейчас бок о бок боролись против «Истинного пути» – вашего настоящего врага.

Силвест ответил:

– Вы не проявляли к амарантийцам ни малейшего интереса до того, как был открыт обелиск. А он вас напугал, признайтесь. Потому что это неоспоримое свидетельство. Не из тех, которые я мог бы подделать. И вам пришлось допустить, что я с самого начала был прав.

Они вошли в лифт с плюшевыми сиденьями и акварелями на стенках. С лязгом закрылась стальная дверь. Один из адъютантов Жирардо открыл панель и нажал кнопку. Пол под ногами будто провалился. Постепенно тела стали привыкать к быстрому спуску.

– Это глубоко? – спросил Силвест.

– Не очень, – ответил Жирардо. – Всего пара километров.

Когда Хоури очнулась, корабль уже покинул орбиту Йеллоустона. Она увидела планету в иллюминатор, и та была куда меньше, чем раньше. А Город Бездны вообще смотрелся как пятнышко на поверхности. Что касается Ржавого Пояса, то он был похож на бурое дымовое колечко, слишком далекое, чтобы можно было разобрать составляющие его объекты. Теперь перед кораблем нет никаких преград – он будет разгоняться с ускорением, равным одному g , пока не покинет систему Эпсилона Эридана, и будет наращивать скорость, пока она не станет лишь на йоту меньше скорости света. Не случайно такие корабли называли субсветовиками.

Ее перехитрили!

– Это осложнение, – согласилась Мадемуазель после нескольких минут молчания. – Но не более того.

Хоури пощупала весьма чувствительную шишку на затылке – на том месте, по которому кому-то – теперь она знала, что его имя Садзаки, – стукнул ее своей сякухати.

– Хорошенькое осложнение! – рявкнула она. – Меня похитили, понимаешь, глупая сука?!

– Понижь тон, девочка. Они про меня ничего не знают, и нет причин, чтобы узнали. – Энтоптическое изображение криво усмехнулось. – Если называть вещи своими именами, то сейчас я твой единственный друг. И ты должна изо всех сил хранить в тайне наш общий секрет. – Мадемуазель залюбовалась своими ногтями. – Давай-ка обсудим проблему поспокойнее. Какова наша цель?

– Ты знаешь об этом не хуже меня, черт бы тебя побрал!

– Да. Ты должна была проникнуть на корабль и отправиться на Ресургем. Каков твой статус?

– Эта сука Вольева назвала меня стажером.

– Другими словами, ты включилась в команду с ошеломительным успехом. – Теперь Мадемуазель спокойно прогуливалась по каюте: одна рука опирается на бедро, пальчик другой похлопывает по нижней губе. – И куда мы летим?

– У меня нет оснований считать, что не на Ресургем.

– Тогда, если говорить о главном, ничего опасного для наших планов не случилось.

Хоури очень хотелось придушить эту стерву, но ведь призрак придушить нельзя.

– А тебе не приходит в голову, что у них могут быть собственные планы? Знаешь, что сказала Вольева, перед тем как я брякнулась на пол без сознания? Что я теперь артиллерист! Интересно, что она под этим понимает?

– Теперь понятно, зачем им был нужен человек с военным опытом.

– А если окажется, что я не гожусь для такой работы?

– Не думаю, что ее это очень огорчит. – Мадемуазель прекратила ходить и приняла самое серьезное выражение лица. – Они, видишь ли, ультра. А ультра имеют доступ к технологиям, которые в колониальных мирах запрещены.

– К примеру?

– У них могут оказаться средства, возбуждающие чувство лояльности.

– Что ж, спасибо, что ты сообщила мне эту важную информацию так своевременно.

– Не волнуйся, я всегда учитывала возможность такого оборота. И приняла меры предосторожности.

– Ты меня совершенно успокоила.

– Имплантат, который я поставила тебе, производит антиген, ослабляющий действие психотропных средств. Кроме того, он передает мозгу сублиминальные формулы волеусиления. Вмешательство Вольевой будет полностью нейтрализовано.

– Тогда зачем вообще ты тратишь на меня время, сообщая, что должно произойти?

– Видишь ли, милая девочка, если Вольева прибегнет к таким средствам, тебе придется делать вид, что они действуют.

Спуск занял лишь несколько минут, давление и температура стабилизировались, достигнув средних для поверхности планеты показателей. Шахта имела максимальную ширину порядка десяти метров. Местами в стенах виднелись огромные ниши, где размещались пункты управления, склады оборудования и тому подобное. Были и расширения, где два лифта, идущих в противоположных направлениях, могли разойтись.

Главными строителями здесь были роботы. Они покрыли стены шахты тончайшей – в атом – пленкой. Она состояла из уложенных рядами нитей, которые роботы выделяли из органов, сходных с железами пауков. Сияние, проникавшее через стеклянный потолок, освещало полупрозрачные стены шахты, казалось уходившие в бесконечность.

– Почему вы раньше не рассказали о ваших находках? – спросил Силвест. – Ведь вы тут работали многие месяцы, если не годы.

– Скажем так: ваш вклад был для нас не так уж важен, – ответил Жирардо. – Во всяком случае, до сих пор, – добавил он.

На дне шахты они вошли в другой коридор, весь серебристый, чище и прохладнее того, что наверху. Окна в его стенах позволяли видеть огромную пещеру, наполненную строительными лесами и землеройным оборудованием. Силвест, благодаря своим глазам, мог фотографически запоминать увиденное, мог и увеличивать его при необходимости. Пройдя еще десять шагов по коридору, он так и сделал, еле слышно буркнув «спасибо» в адрес Кэлвина.

То, что он видел, заставляло его сердце биться все быстрее.

Прошли через двустворчатую бронированную дверь, возле которой извивались охранные энтоптики, изображавшие шипящих и плюющих ядом змей. Затем попали в вестибюль с такой же дверью в дальнем конце. Жирардо сделал знак охранявшим дверь милиционерам, потом повернулся к Силвесту. Круглыми глазами и общим складом лица он походил на пекинеса, а еще на изрыгающего огонь демона с японской картины.

– Ну а теперь, – сказал Жирардо, – вам придется либо потребовать деньги назад, либо замереть в благоговейном молчании.

– Что ж, попробуйте меня удивить, – ответил Силвест с напускной беззаботностью, хотя пульс у него бился как бешеный, а внутри все дрожало от нетерпения.

Жирардо распахнул дверные створки. Дальше находилась комната размером в половину грузового лифта, совершенно пустая, если не считать ряда утопленных в стене секретеров. На одном из них лежала гарнитура – наушники с микрофоном, – а рядом стоял компад, на экран которого были выведены «карандашные» рисунки.

Комната имела косые стены, и потому потолок был заметно больше пола. Все это плюс широкие окна, по три на каждой стене, вызывало у Силвеста чувство, что он находится в гондоле воздушного корабля, летящего под беззвездным небом над черным океаном без единого маяка.

Жирардо выключил свет, и стало видно то, что лежало за стеклами окон.

С крыши строения, в котором они находились, свисали прожекторы, их яркий свет был направлен на амарантский артефакт, расположенный значительно ниже уровня окон.

Он выступал из почти отвесной стены пещеры – колоссальная полусфера безупречно-черного цвета, окруженная порталными кранами и строительными лесами. Шероховатые куски затвердевшей лавы все еще держались на ней, но там, где породу счистили, поверхность гигантского шара была гладка и темна, как обсидиан. Выступающая его часть была не менее четырехсот метров в ширину, хотя больше половины артефакта оставалось в стене.

– Вы знаете, кто его создал? – тихо спросил Жирардо и, не дожидаясь ответа, сообщил: – Он появился раньше, чем люди научились говорить. А на нем меньше царапин, чем на моем обручальном кольце.

Жирардо повел группу к шахте лифта, чтобы сделать последний спуск на дно огромной пещеры. Поездка заняла не больше тридцати секунд, но Силвесту она показалась сущей одиссеей. Эту находку он считал своим личным призом, она досталась с таким трудом, будто Силвест выковырял ее из базальта собственными окровавленными ногтями. И вот теперь загадочный объект громоздится над Силвестом, выпуклая поверхность еще испещрена фрагментами вмещающей породы. Через колосс, от края до края, проходит желоб. Оттуда, где сейчас стоит Силвест, он кажется тонким как волос, тогда как на самом деле у него метровая ширина, да и глубина не меньше.

Жирардо подвел группу к ближайшей башне – огромной бетонной башне с несколькими служебными ярусами. Башня стояла вровень с артефактом.

Внутри они вошли еще в один лифт, проходивший сквозь этот бетонный столб, и добрались до окружавшей верхушку башни кроны из строительных лесов. Желудок Силвеста сжимался от конфликтующих импульсов клаустрофобии и агорафобии. Силвест как будто физически ощущал давление неисчислимых мегатонн камня, и одновременно его мутило от страха высоты, вызванного подъемом на вершину огромной башни.

Небольшие бытовки и кладовые были вписаны в сложную каркасную композицию наряду с шахтой лифта. Люди высадились в комплексе помещений, где, казалось, звучали отголоски совсем недавно прерванной работы. Все объявления и предупредительные знаки были нарисованы вручную или наклеены. Работа тут носила временный характер, а потому не было смысла прибегать к энтоптическим проекторам.

Они прошли по дрожащему железному мостику, перекинутому от лесов к черной поверхности артефакта. Теперь они находились примерно на середине высоты объекта, вровень с желобом. С такого близкого расстояния находка уже не казалась сферической. Просто черная стена преграждала путь, такая же огромная и бездонная, какой Силвесту запомнилась Завеса Ласкаля после возвращения с Морской Пены. Вместе со всеми Силвест шагал по мостику, пока не перешел в желоб.

Дальнейший путь вел вправо. С трех сторон от людей – слева, сверху и снизу – находилось сплошное черное вещество, из которого состоял артефакт. Путь вел по решетчатой конструкции, которая крепилась к стенке желоба с помощью присосок – поверхность артефакта не имела никаких шероховатостей. Справа шло металлическое, высотой до пояса, ограждение, за которым – сотни метров пустоты. Слева через каждые пять-шесть метров светили лампочки, приклеенные к гладкой стене, а через каждые двадцать метров попадались панели с какими-то непонятными символами.

Минуты через три крутого подъема по желобу Жирардо дал знак остановиться. Место, куда он привел Силвеста и других, представляло собой «нервный узел» из силовых кабелей, прожекторов, коммуникационных консолей. Правая стена желоба тут заворачивала внутрь объекта.

– Нам понадобилось несколько недель, чтобы найти вход в артефакт, – сказал Жирардо. – Вообще говоря, весь желоб был заполнен базальтом. Только когда мы его удалили, обнаружилось место, где порода уходила внутрь, будто пробкой затыкая вход в радиальный тоннель.

– Да, ничего не скажешь, поработали не хуже кротов.

– Раскопать вход было делом нелегким, – продолжал Жирардо. – По сравнению с этим расчистка желоба оказалась сущей ерундой. Здесь же нам пришлось осторожно высверливать пробку. Кое-кто хотел воспользоваться резаками-бозерами, чтобы прорыть несколько вспомогательных тоннелей и тем облегчить задачу, но на это мы не решились. И сверла с наконечниками из сверхтвердых минералов это черное вещество не берут.

Подчиняясь любопытству ученого, Силвест подавил в себе желание охладить хвастливый пыл Жирардо.

– Вам удалось узнать, что это за материал?

– В основном углерод с примесями железа и ниобия, а также нескольких редких металлов. Но структура остается неизвестной. Это не просто какая-то аллотропная форма алмаза, или даже гипералмаза, которую мы еще не открыли. Возможно, поверхностный слой глубиной несколько десятых миллиметра по структуре близок к алмазу, но глубже этот материал, очевидно, претерпел какую-то сложную перестройку кристаллической решетки. Его структура на глубинах, куда мы еще не добрались, может оказаться вообще совершенно иной. По-видимому, там кристаллическая решетка распалась на триллионы углеродных макромолекул, которые удерживаются вместе неизвестными нам силами. Иногда эти молекулы пробираются наверх сквозь разрывы в решетке верхних слоев – лишь в этих случаях мы их обнаруживаем.

– Судя по вашему тону, это происходит неслучайно.

– Возможно, так оно и есть. Допустим, эти молекулы – нечто вроде энзимов, созданных для того, чтобы ремонтировать алмазную кору в местах ее разрушения. – Он пожал плечами. – Нам ведь не удалось изолировать ни одну из этих макромолекул, во всяком случае, в стабильной форме. Они распадались всякий раз, когда их извлекали из решетки.

– То, что вы описываете, – сказал Силвест, – очень похоже на форму молекулярной технологии.

Жирардо улыбнулся. Ему явно нравилась эта игра, понятная только им двоим.

– Однако мы оба знаем: амарантийцы были слишком отсталыми, чтобы создавать такие вещи.

– Конечно.

– Конечно. – Жирардо опять улыбнулся, но теперь уже всей группе. – Ну что, заходим внутрь?

Пробираться по системе тоннелей, которая начиналась от желоба, было труднее, чем представлял себе Силвест. Он-то ожидал, что радиальный тоннель пройдет через «скорлупу» артефакта и они попадут в пустое чрево. Но все оказалось совсем не так. Внутри находился настоящий лабиринт. Радиальный участок не превышал действительно десяти метров, затем тоннель круто свернул влево, а дальше начал ветвиться. Эти бесчисленные пути были промаркированы наклейками, но система обозначений была столь сложна, что Силвест с ходу в ней разобраться не мог. Через пять минут он полностью утратил ориентацию, хотя ему и представлялось, что они проникли не так уж и глубоко. Казалось, вся тоннельная система – дело рук безумного червя, которому захотелось источить мякоть яблока непосредственно возле кожуры, вместо того чтобы добираться до сердцевины.

Но вот они пересекли нечто вроде геометрически правильной полости в теле объекта. Жирардо объяснил, что весь артефакт представляет собой череду концентрических оболочек, и стал рассказывать о том, как велось изучение этого колоссального объекта, в то время как они углубились в новый лабиринт «червоточин».

О существовании этого шара узнали два года назад, когда Силвесту удалось привлечь внимание Паскаль к странным обстоятельствам захоронения обелиска. Больше всего времени было потрачено на поиски самой пещеры, где был спрятан артефакт, а тщательное изучение этой похожей на муравейник диковины пришлось на несколько последних месяцев. В первые дни произошел ряд несчастных случаев со смертельным исходом. Ничего таинственного,

просто несколько поисковых групп потерялись в незакартированных секциях лабиринта или свалились в вертикальные шахты, которые не успели загородить. Одна лаборантка умерла от голода, так как не прихватила даже хлебных крошек, чтобы оставлять их за собой. Ее нашли роботы через две недели – в нескольких минутах пути от уже исследованных тоннелей.

Проход через последнюю оболочку дался труднее, чем через предыдущие четыре. Здесь начался спуск, но наконец была осторожно пройдена последняя – горизонтальная – часть тоннеля, конец которой был заполнен молочно-белым светом.

Жирардо что-то шепнул своему рукаву, и свет померк.

Дальше шагали в полутьме. Вдруг звуки затрудненного дыхания перестали отражаться от близких стен, люди вышли на простор. Здесь слышалось только урчание работающих поблизости воздушных насосов.

– Держитесь, – сказал Жирардо. – Сейчас начнется.

Силвест напрягся. Он боялся, что снова потеряет чувство ориентации. Вспыхнул свет. На этот раз Силвеста не раздражало театральное поведение Жирардо. Сейчас оно оправдывалось радостью открытия, хотя бы и вторичного. Конечно, лишь он один сознавал всю суррогатность этого триумфа – сознавал и не сердился на спутников, которые не испытывали тех ощущений, что достались ему. Они ведь, наверное, и не знают, что переживает человек, совершивший настоящее открытие...

Но тут все эти мысли отступили на задний план, когда вспыхнул свет и глазам Силвеста открылось невероятное зрелище.

Это был инопланетный город!

Глава шестая

На пути к Дельте Павлина, год 2546-й

– Я подозреваю, – сказала Вольева, – что ты принадлежишь к числу тех людей, во всех других отношениях вполне разумных, которые гордятся своим неверием в призраков?

Хоури поглядела на нее и слегка нахмурилась. Вольева с самого начала знала, что эта женщина отнюдь не глупа, но все же хотелось увидеть реакцию на заданный вопрос.

– Триумвир, какие призраки? Ты шутишь?

– Ты очень скоро убедишься, – ответила Вольева, – что я почти всегда абсолютно серьезна.

Илиа указала на дверь, через которую они только что вошли, плотно сидящую в красно-бурой от ржавчины переборке корабля. Дверь была очень прочная, на ней сквозь пятна плесени и пласты ржавчины проступало относительно четкое стилизованное изображение паука.

– Вперед! Я не отстану.

Хоури без колебаний выполнила приказ. Вольева была удовлетворена. За три недели, прошедшие после похищения этой женщины – или ее вербовки, если кому-то больше нравятся эвфемизмы, – Вольева применила к ней весьма сложный комплекс психотропных средств, предназначенных для возбуждения чувства лояльности. Процедуры подходили к концу, оставалось принять еще несколько доз, которые обеспечат пролонгированное – почти бесконечное – действие этих препаратов. Скоро эта женщина станет не только абсолютно послушной, но и само послушание превратится для нее в своего рода инстинкт, в базовый принцип, в силу которого она не сможет сопротивляться приказам, как рыба не может дышать нигде, кроме воды. Доведенный до крайней степени, инстинкт заставил бы Хоури не только беспрекословно подчиняться товарищам по экипажу, но еще и обожать их всех за то, что ей позволяют выполнять ее работу.

Однако Вольева решила не доводить программирование этой женщины до подобной стадии. Более чем бесполезные эксперименты с Нагорным привели к выводу, что ей не нужна новая бессловесная морская свинка. Будет даже приятно, если Хоури сохранит способность выражать определенную степень недовольства.

Как и обещала Вольева, она шла следом за Хоури. Но та, отойдя на несколько метров от двери, остановилась: дальше идти было некуда.

Вольева приказала лепестковой диафрагме закрыться.

– Где мы, триумвир?

– В моих личных владениях, – ответила Вольева.

Она что-то сказала в свой браслет, и свет зажегся, хотя периферия комнаты осталась темной. Каюта имела форму толстой торпеды, ее длина вдвое превышала ширину. Внутренняя отделка отличалась пышностью – четыре обитых малиновым бархатом кресла, привинченных к полу друг возле друга. Было место для еще двух, от них остались лишь крепления на полу. Чехлы на креслах отсутствовали. Стены каюты были отделаны медью, они мягко закруглялись и казались выполненными из черного сверкающего обсидиана или полированного мрамора. В помещении имелась еще консоль черного дерева, прикрепленная к подлокотнику одного из кресел, в которое и уселась сама Вольева.

Она раскрыла консоль с различными дисплеями и циферблатами, отделанными бронзой. Под этими окошками находились бронзовые же таблички и инкрустации из слоновой кости и дорогих пород дерева. Ознакомление с показаниями датчиков не требовало много времени, так

как Вольева регулярно посещала «Паука», но она не спешила – ей просто нравилось касаться пальцами приборной доски.

– Предлагаю сесть, – сказала она. – Мы сейчас отправимся.

Хоури послушно села рядом с Вольевой, которая тут же защелкала выключателями из слоновой кости, наблюдая, как зажигаются окошки, как вздрагивают стрелки, чувствуя ток. Вольева испытывала что-то вроде садистского наслаждения, видя, что Хоури ничего не понимает, не знает даже, в какой части корабля они находятся и чего ей следует ждать.

Что-то залязгало, последовал сильный толчок, как будто эта каюта была спасательной шлюпкой, готовой оторваться от корабля-матки.

– Мы двигаемся, – заключила Хоури. – Что это, роскошный лифт специально для триумвирата?

– К чему нам такой декаданс? Мы просто в старой шахте, которая ведет к корпусу корабля.

– Тебе нужна каюта, чтобы кататься в ней по кораблю?

Презрение Хоури к привычкам ультра снова проступило наружу. Как ни странно, Вольева испытала извращенное удовлетворение. Значит, ее препараты не полностью разрушили личность этой женщины, а лишь изменили ее мотивацию.

– Будь это обычной проверкой состояния корпуса, мы бы пошли пешком, – ответила Илия.

Движение было достаточно ровным, хотя иногда раздавались щелчки и лязг – это срабатывали воздушные шлюзы и системы тяги. Стены были, как и прежде, черны, но Вольева знала, что вскоре все изменится. Она продолжала следить за Хоури, пытаясь догадаться, боится ли та или просто испытывает интерес. Если Хоури умна, то уже наверняка сообразила, что Вольева не уделяла бы столько времени тому, кого собирается убить. С другой стороны, опыт солдата, воевавшего на Окраине Неба, должен был научить Хоури не принимать на веру ничего и никогда.

Ее внешность за время пребывания на борту значительно изменилась. И лишь малая часть этой перемены была связана с принуждением к лояльности. Если раньше она коротко стригла волосы, то сейчас они практически исчезли. Только у самой макушки наметился вторичный волосяной покров. Кожа была изрыта тонкими шрамами цвета лососины. То были следы операций – Вольева вскрывала череп Хоури с целью вживления в мозг имплантатов, находившихся ранее в голове Бориса Нагорного. Были следы и других хирургических операций на теле Хоури, оставшиеся после извлечения осколков и шрапнельных пуль, лечения лучевых ожогов и тому подобного. Все это сувениры воинской службы. Некоторые пули вошли слишком глубоко, и медики Окраины Неба даже не пытались их извлечь. По большей части опасности для жизни они не представляли, так как состояли из биологически инертных композитов и находились далеко от важных органов. Но иногда врачи просто давали маху. Непосредственно под кожей у Хоури Вольева нашла несколько осколков, которые надо было обязательно удалить. Что она и сделала, впоследствии рассмотрев каждый в лаборатории. Все осколки, кроме одного, никаких подозрений не вызвали. Этот неметаллический композитный материал не мог взаимодействовать с чуткими индукционными полями артиллерийских орудий. Но Вольева пронумеровала извлеченные фрагменты и убрала их в сейф. Один осколок Илия изучала долго, сосредоточенно хмурясь, потом обругала некомпетентных врачей и положила его рядом с другими.

Работа была грязная, но все же не такая, как операции на мозге. В течение столетий имплантаты наиболее распространенных типов или выращивались *in situ*¹, или их конструировали с расчетом на безболезненное введение через уже имеющиеся естественные отверстия

¹ На месте (лат.).

в голове. Но такие методы не годились для уникальных точных имплантатов, применяемых в артиллерии для связи между механизмами и людьми. Тут единственным способом вживления была трепанация черепа с помощью пилы и скальпеля, после чего требовалась кропотливая приборка. Все осложнялось еще и наличием в мозгу Хоури более ранних имплантатов. Тщательно изучив, Вольева решила, что необходимости удалять их нет. Не то рано или поздно снова придется ставить такие же, чтобы Хоури могла действовать за пределами своих служебных обязанностей, как действовала раньше. Имплантаты прижились хорошо, и уже через день Вольева усадила Хоури, предварительно усыпив, в кресло управления центральным артиллерийским постом. Она убедилась, что корабль способен нормально контактировать с новыми имплантатами. Дальнейшая проверка могла подождать, пока не будут доведены до конца процедуры внедрения инстинкта лояльности. Основная работа придется на то время, когда большая часть команды будет спать в криокапсулах.

Слово «осторожность» приобрело для Вольевой теперь особый смысл. Именно из-за неосторожности возникли все неприятности с Нагорным.

Она не может совершить новую ошибку.

– Откуда у меня ощущение, что я прохожу какой-то тест?

– Нет, это не тест, а просто... – Вольева махнула рукой. – Извини, ладно? Надеюсь, я не слишком многого прошу.

– Как мне выполнить это распоряжение? Заявить, что вижу призраков?

Теперь вне движущейся каюты появился свет. Оказалось, что ее стены вовсе не черные, а прозрачные – просто выглядели черными в темной шахте. Конец путешествия проходил в полном молчании. Каюта поднималась к источнику света, пока ледяное голубоватое свечение не облило ее со всех сторон. А затем она оторвалась от корпуса корабля.

Хоури поднялась с кресла и осторожно приблизилась к стенке. Стекло, конечно, было сделано из гипералмаза, так что оно не могло разбиться и Хоури не могла выпасть наружу. Однако выглядело оно чрезвычайно тонким и хрупким, а человеческий разум не в состоянии принимать на веру несколько вещей сразу. Глядя вниз, Хоури различала восемь паучьих ног, с помощью которых капсула цеплялась за корпус корабля. Теперь Ана поняла, почему Вольева однажды в разговоре с ней назвала эту каюту «Пауком».

– Не знаю, кто его построил, – объясняла Вольева. – Думаю, он появился или одновременно с кораблем, или потом, в ходе его предпродажной подготовки. Это, конечно, если предположить, что у кого-то нашлись на него деньги. Думаю, каюта служила для привлечения потенциальных клиентов. Отсюда и такая роскошь отделки.

– То есть она понадобилась, чтобы взвинтить цену?

– Не исключено. А может, кто-то хотел иметь средство для выхода за пределы корпуса, такой вот модуль. Внешний наблюдательный пост должен иметь большой запас прочности, иначе его сорвет при резком разгоне или торможении корабля. Если там только телекамеры, особых проблем не будет, но если на борту люди, задача здорово усложняется. Кто-то должен управлять такой штуковиной или хотя бы уметь программировать автопилот. «Паук» же удобен тем, что он неотделим от корабля. Управлять им проще простого, он знает себе ползает внутри и снаружи на своих восьми конечностях.

– А что, если...

– Если все-таки сорвется с креплений? Ну, во-первых, такого еще не случалось, но если бы и случилось, то у каюты есть и магнитные присоски, и специальные когти, способные пробить обшивку. В крайнем случае она сможет двигаться самостоятельно, развив ту же скорость, что и корабль. Если же и этого окажется мало... – Тут Вольева сделала паузу. – Тогда я буду вынуждена встретиться с моим любимым божеством и как следует обсудить создавшуюся ситуацию.

Хотя Вольева никогда не уводила «Паука» от места выхода на поверхность корпуса больше чем на сто метров, он мог бы проползти вокруг всего корабля. Но в таком рискованном путешествии ни разу не возникало необходимости. Тащиться при релятивистской скорости корабля по его брюху сквозь радиационную бурю, от которой каюту обычно защищала толстая корабельная броня, было бы весьма опасно. Стены модуля были слишком тонки; усиленную защиту его конструкторы принесли в жертву загадочному шику.

«Паук» – самая сокровенная тайна Вольевой. Его нет даже на чертежах корабля, и, скорее всего, остальные члены команды даже не подозревают о его существовании. Если бы на борту все обстояло хорошо, такое положение сохранилось бы до конца жизни Вольевой, но проблемы с артиллерией заставили понизить планку секретности. Даже при отвратительном нынешнем состоянии корабля раскинутая Садзаки сеть шпионских устройств была чрезвычайно обширна. «Паук» – одно из тех немногих мест, где Вольева чувствовала себя защищенной и могла без опаски обсуждать со своими стажерами самые деликатные вопросы, в которые ей не хотелось посвящать других членов триумвирата.

По этой причине ей пришлось выдать тайну «Паука» Нагорному – чтобы обсудить с ним во всех подробностях проблему Похитителя Солнц. В течение нескольких месяцев, пока его состояние все ухудшалось, она жалела об этой откровенности, вечно опасаясь, что он выдаст Садзаки тайну «Паука». Но вообще-то, волноваться ей тогда не следовало: к трагическому концу своей жизни Нагорный настолько глубоко погрузился в кошмары, что просто физически не мог вмешиваться в тонкости внутренней политики корабля. Потом он унес секрет в могилу, и некоторое время Вольева могла спать спокойно, не боясь, что ее святилище будет обнаружено.

Возможно, сейчас она тоже делает ошибку, о которой пожалеет впоследствии: ведь она поклялась себе не рисковать больше каютой, но, как всегда, конкретные обстоятельства оказались сильнее. Требовалось кое-что обсудить с Хоури, причем призраки были лишь своего рода приманкой, чтобы стажер не заподозрила существования куда более глубоких причин.

– Я пока никаких призраков не видела, – сказала Хоури.

– Еще увидишь, вернее, услышишь. И очень скоро, – последовал ответ.

Поступки триумвира казались странными Хоури. Несколько раз Вольева намекала, что эта каюта – ее тайное личное убежище на борту корабля и что остальные – Садзак, Хегази и еще две женщины – даже не догадываются о существовании «Паука». Странно, что она решилась выдать свой секрет Хоури, с которой едва знакома. Даже в экипаже, состоящем из химериков-милитаристов, Вольева выделялась своей замкнутостью и одержимостью. Такой человек не может поддаться внезапному приступу доверчивости. Она всячески демонстрирует Хоури свои симпатии, но в ее дружеских жестах есть что-то искусственное. Нет ощущения спонтанности – они кажутся заранее заготовленными. Хоури встречала таких людей и раньше – на войне. Сначала они кажутся своими в доску, но потом оказываются чужими разведчиками или стукачами, собирающими информацию для начальства. Вольева старалась говорить о «Пауке» как бы между прочим, но Хоури понимала, что призраки – вовсе не главное в этой беседе.

В голову лезли разные мысли, в том числе и такая: Вольева привела ее в эту комнату, чтобы здесь и оставить. Не обязательно живую.

Оказалось, что это не так.

– Кстати, давно хочу задать один вопрос, – легкомысленным тоном сказала Вольева. – Название «Похититель Солнц» тебе пока ни о чем не говорит?

– Нет, – ответила Хоури. – А должно?

– Да нет, едва ли... Просто вспомнилось. Слишком долго объяснять почему... Ладно, не бери в голову.

Все это звучало не более убедительно, чем предсказания гадалки из трущоб Мульчи.

– Хорошо, не буду, – ответила Хоури и спросила сама: – А почему ты сказала «пока»?

Вольева внутренне обругала себя. Неужели она все испортила? Пожалуй, нет. Вопрос был задан совершенно естественным тоном, а в поведении собеседницы нет никаких признаков подозрительности... И все же не стоит делать ошибки.

– Неужели я так сказала? – произнесла она, надеясь, что придала голосу нужный оттенок удивления пополам с беспечностью. – Я вовсе ничего не имела в виду. – И тут же сменила тему: – Погляди-ка вон на ту звезду. Она слегка красноватая, видишь?

Глаза уже попривыкли к межзвездному пространству, через которое с огромной скоростью летел «Паук», голубое свечение выхлопов мешало меньше, и в черной бездне можно было различить несколько звезд.

– Это солнце Йеллоустона?

– Да, Эпсилон Эридана. Вот уже три недели, как мы покинули его систему. Еще немного времени, и ты с трудом обнаружишь эту звезду. Наша скорость пока составляет всего несколько процентов от световой, но мы ее непрерывно наращиваем. Скоро видимые нами звезды начнут смещаться, созвездия станут менять очертания, пока наконец не соберутся в две группы: одна – впереди нас, другая – позади. Будет казаться, что мы посреди длинного тоннеля, в который свет поступает с обоих концов. А еще звезды поменяют окраску. Это будет выглядеть очень необычно, так как цвет звезды зависит от ее спектрального типа. От того, сколько энергии она выделяет в различных частях спектра, включая инфракрасный и ультрафиолетовый. Но тенденция такова: цвет тех звезд, что впереди, будет сдвигаться к голубой части спектра, а тех, что позади, – к красной.

– Наверно, это очень красиво, – проворчала Хоури, сбивая пафос собеседницы, – но я никак не пойму, при чем тут призраки?

Вольева слегка улыбнулась:

– Я чуть не забыла о них. Просто позор!

И тут же сказала что-то браслету, но так тихо, что Хоури не расслышала, о чем Вольева попросила корабль.

Стонущие голоса проклятых душ заполнили кабину.

– Вот и призраки, – сообщила Вольева.

Бестелесный Силвест парил над погребенным городом.

Окружавшие его стены вздымались кругом. Их покрывало великое множество надписей – хватило бы на десятки тысяч томов амарантийского текста. Хотя иероглифы были всего несколько миллиметров в высоту, а он парил в сотнях метров от стены, достаточно было лишь сфокусировать зрение на определенном участке, чтобы четко увидеть написанные там слова. При этом переводящие алгоритмы перерабатывали текст на каназиан, а собственные полунинтуитивные процессы Силвеста дублировали перевод и справлялись с возникающими лакунами. Обычно Силвест соглашался с программами, но иногда они упускали существенные контекстно зависимые тонкости.

В то же время, телом пребывая в Кювье, он вслепую делал короткие заметки, заполняя страницу за страницей в бьюаре. В последние дни ему особенно нравилось писать пером; он избегал по возможности новейших технических средств. Цифровые устройства были слишком доступны его врагам. Если записи разорвать и сжечь, они просто навсегда исчезнут, а не послужат созданию образа, который будет использован в чьей-то чуждой идеологии.

Он закончил перевод очередного раздела, дойдя до изображения фигуры со сложными крыльями, что означало конец абзаца. Потом оторвался от танцующей перед глазами стены, покрытой иероглифическими надписями, вложил в бьюар закладку, сунул его, не глядя, в ящик стола и вытащил другой бьюар. Открыв его на закладке, Силвест провел пальцем по странице сверху вниз, определяя на ощупь, где кончается написанный чернилами текст. Положив книгу

точно параллельно краю стола, он установил перо у конца последней строчки и стал писать дальше.

– Не слишком ли много усердия? – прозвучал голос Паскаль.

Она вошла в комнату так тихо, что Силвест не услышал. Теперь надо было визуализировать ее – или стоящей около письменного стола, или сидящей рядом в кресле, как и было на самом деле.

– Кажется, я что-то нащупал, – сказал он.

– Ты все бьешься лбом в эти старые письма?

– Что-то должно треснуть первым – либо они, либо мой лоб. – Он перевел имитацию своего взгляда со стены на центр амарантийского города. – И я надеюсь, что биться осталось недолго.

– Я тоже надеюсь.

Он знал, на что она намекает. Полтора года назад Нильс Жирардо продемонстрировал им погребенный город. Год назад обсуждался вопрос о свадьбе Силвеста и Паскаль, и решено было отложить ее до тех пор, пока Силвест не добьется серьезного продвижения в расшифровке настенных надписей. Вот этим он и занимался сейчас... и боялся собственных успехов. Больше не будет предлогов откладывать. И Паскаль знает об этом не хуже его самого.

И почему все превращается в такую сложную проблему? Или проблема стала проблемой только потому, что он сам ее так классифицировал?

– Опять ты хмуришься, – сказала Паскаль. – Текст не дается?

– Нет, – ответил Силвест. – Перевод идет легко.

И это была правда. Просто у него выработалась привычка в работе с амарантийскими текстами совмещать два потока данных, подобно тому как картограф анализирует стереографические изображения местности.

– Дай взглянуть.

Он слышал, как она движется по комнате, как разговаривает с секретером, приказывая ему открыть второй канал для ее сенсорики. Эта консоль, дававшая Силвесту доступ к электронной модели Города, появилась вскоре после его первого визита в погребенный оригинал. На этот раз идея принадлежала не Жирардо, а Паскаль. Успех «Нисшествия во тьму» – недавно опубликованной биографии Силвеста – сильно укрепил ее влияние на отца, и Силвест не стал спорить, когда она предложила ему – в буквальном смысле – ключи от Города.

Разговоры о грядущем бракосочетании были у всех на устах. Большая часть сплетен достигала ушей Силвеста: мол, это чисто политическое мероприятие, что Силвест спит и видит, как бы ему вернуться во власть, что брак лишь средство для достижения цели, а цель – экспедиция к двойной звезде Цербер-Гадес. Возможно, когда-то подобные мысли действительно посещали Силвеста. Возможно, его подсознание задавалось вопросом: а не придумал ли он любовь к Паскаль, имея в виду эти амбиции? Да, тут могли быть крупинки истины. Но с тех пор прошло немало времени, и сейчас он сам не взялся бы сказать, каковы его мотивы. Он сознавал, что если даже любит Паскаль (а такое допущение для Силвеста было равносильно признанию в любви), то не может закрывать глаза на выгоды, которые ему сулит этот брак. Он уже сейчас имел возможность публиковать статьи – скромные, основанные на имеющихся расшифрованных текстах. Публиковать в соавторстве с Паскаль. И Жирардо там упоминался в качестве лица, оказавшего помощь.

Пятнадцать лет назад Силвест все это счел бы позором, но сейчас ему с трудом удавалось питать чувство недовольства собой.

Важнее было другое. Открытие Города стало важным шагом вперед для понимания сути События.

– Я уже здесь, – сказала Паскаль громче, хотя и была сейчас так же бестелесна, как Силвест. – Мы смотрим на Город с одной точки?

– Что ты видишь?

– Шпиль... или храм – не помню, как ты его называешь.

– Верно.

Храм находился в геометрическом центре Погребенного Города и имел форму срезанной трети яйца. Его верх был вытянут и представлял собой остроконечную башню, гордо возвышавшуюся над городскими крышами. Здания вокруг храма больше всего напоминали сросшиеся в единый ком гнезда ткачиков. Возможно, в их архитектуре сказывался некий скрытый эволюционный императив амарантийцев. Подобно уродливым богомольцам, они жались к огромному шпилю, венчавшему храм.

– Тебя что-то беспокоит?

Силвест завидовал Паскаль. Она посетила Город не меньше десяти раз. Даже залезла на верх храма по винтовой лестнице, которая шла внутри шпиля до самого его конца.

– Фигура на шпиле. Она тут как-то не к месту.

Фигура была маленькой и изящной в сравнении со всем остальным в Городе, хотя и достигала пятнадцати метров в высоту, то есть была вполне сопоставима со статуями в египетской Долине Царей. Судя по данным, полученным в ходе раскопок, Погребенный Город был построен в масштабе один к четырем. Значит, в настоящем городе фигура должна была достигать сорока метров. Но если этот город и в самом деле существовал на поверхности, то он вряд ли пережил огненные бури События, не говоря уж о последующих девятистах девяноста тысячах лет выветривания, оледенения, метеоритных атак и тектонических подвижек.

– Не к месту?

– Да. Она изображает амарантийца, но больше таких скульптур я тут не видел.

– Может, это божество?

– Вполне возможно. Но я не понимаю, зачем ему крылья.

– И в этом вся проблема?

– А ты осмотри городскую стену, если мне не веришь.

– Лучше проводи меня туда, Дэн.

У обоих пришли в движение точки обзора, по крутой дуге с головокружительной скоростью устремившись вниз.

Вольева чутко следила за Хоури, за ее реакцией на голоса. Была уверена, что у этой женщины в броне самоуверенности найдется брешь, лазейка для сомнения и страха. Такой лазейкой может быть мысль, что призраки действительно существуют, что Вольева и в самом деле нашла способ проникнуть в их фантомные эманации.

Призраки главным образом стонали, глухо и протяжно. Иногда доносились вопли и завывания, такие низкие, что они скорее ощущались кожей, чем органами слуха. Порой звуки были похожи на свист ветра, проходящего через тысячемильный пещерный лабиринт.

Было ясно, что это не природный феномен, не шелест потока элементарных частиц, обтекающих корпус корабля, и даже не флуктуации сложных процессов, происходящих в машинах. Нет, в завываниях призраков слышались голоса ночи, вопли ужаса, вой осужденных, и, хотя ни единого слова разобрать было нельзя, в них угадывалась структура человеческой речи.

– Что ты думаешь об этом?

– Это и в самом деле голоса, правда? Человеческие. Только они звучат так устало, так обессиленно, так печально... – Хоури внимательно вслушивалась. – Иногда кажется, что я разбираю отдельные слова.

– И конечно, ты поняла, что это за призраки? – Вольева приглушила звуки, и они превратились в бесконечный хоровой стон мучеников. – Это члены экипажей, такие же, как ты и я. Они служат на других кораблях и говорят друг с другом через необозримые пространства.

– Тогда почему... – Хоури заколебалась. – А, погоди... Я поняла... Они летят быстрее, чем мы, да? Гораздо быстрее. И голоса звучат медленнее, потому что они в буквальном смысле медленнее... Часы на корабле, летящем со скоростью, близкой к световой, идут медленно...

Вольева кивнула. Ее слегка разочаровало то, как быстро Хоури во всем разобралась.

– Растяжение времени. Некоторые из этих кораблей идут нам навстречу, и тогда доплеровское смещение слегка снижает эффект растяжения, хотя, как правило, он все же остается сильным. – Илия пожала плечами, видя, что Хоури еще не вполне разобралась в тонкостях релятивистских связей. – В нормальных условиях «Ностальгия по бесконечности» все это подвергает обработке, удаляет искажения, вызванные эффектом Доплера и растяжением времени, и переводит в понятную речь.

– Покажи, как это делается.

– Нет, – ответила Вольева, – не стоит. Результат почти всегда одинаков: пошлости, хвастовство торговцев, технический жаргон. И это еще наиболее интересная часть спектра. А другая просто наводит тоску – это параноидальные сплетни или дурацкие происшествия, которые не дают людям спать. Очень много переговоров между двумя кораблями, случайно встретившимися в космосе, – сплошной обмен любезностями. Летая на субсветовых скоростях, корабли встречаются раз в несколько месяцев. Половина посланий написана заранее, так как команда обычно лежит в криосне.

– Другими словами, обычная болтовня.

– Именно так. Отправляясь в путь, мы всегда запасаемся ею.

Вольева расслабленно откинулась в кресле, приказывая звуковой системе усилить громкость этих печальных космических стонов. Сигнал, говорящий о человеческом присутствии, казалось бы, должен делать звезды чуть менее далекими и холодными, – но у него совершенно обратный эффект. Так и байки о призраках, звучащие возле ночного костра, лишь сгущают мрак за пределами освещенного круга. На какое-то мгновение ей подумалось, что вера в духов, населяющих пространства космоса за бортом, вполне имеет право на существование.

– Заметила что-нибудь? – спросил Силвест.

Стена состояла из гранитных V-образных блоков. В пяти местах она прерывалась воротами и домиками для охраны. Над воротами высились изваяния голов амарантийцев, но не в реалистическом стиле, а в сходном с искусством Юкатана. Фреска, тянущаяся вдоль всей наружной поверхности стены, была изготовлена из керамических плиток и изображала амарантийцев при исполнении различных общественных обязанностей.

Паскаль помолчала, прежде чем ответить. Ее взгляд надолго задерживался на различных фрагментах фрески.

Вот персонажи несут какие-то сельскохозяйственные орудия, мало чем отличающиеся от известных из истории земного земледелия. Вот они тащат пики, луки, что-то вроде мушкетов, но позы вовсе не похожи на позы сражающихся – силуэты формализованы и статичны, будто извлечены из глубин египетского искусства. Были там и амарантийские хирурги, и камелотесы, и астрономы (оказывается, этот народ изобрел и зеркальный, и линзовый телескоп, что подтвердили и позднейшие раскопки), и картографы, и стекольщики, и погонщики воздушных змеев, и художники. Под каждой символической фигурой тянулась бимодальная цепочка иероглифов, выполненных золотом и синим кобальтом, которые обозначали род занятий данного персонажа.

– Ни у кого нет крыльев, – сказала Паскаль.

– Верно, – отозвался Силвест. – Если и были раньше, то превратились в руки.

– Но чем тебе не нравится крылатая статуя? Люди тоже никогда не имели крыльев, но это не помешало им придумать ангелов! Меня бы, скорее, удивило, что биологический вид, который когда-то обладал крыльями, так редко упоминает их в своем искусстве.

– Да, конечно, но ты забыла их миф о сотворении мира.

Только в последние годы этот миф – основа основ – стал понятен археологам. Его извлекли из десятка более поздних и приукрашенных версий. Согласно ему, амарантийцы когда-то делили небесный рай Ресургема с другими, похожими на птиц существами. Но стаи амарантийцев того времени были последними, знавшими радость свободного полета.

Они заключили соглашение с богом, которого звали Творцом Птиц, обменяв умение летать на разум. В тот день они поднимали свои крылья к небесному раю и смотрели, как всепожирающий огонь превращает их в пепел, навсегда лишая амарантийцев способности летать.

Творец Птиц оставил им лишь когтистые обрубки крыльев, бесполезные для полета, но способные служить вечным напоминанием о том, чего они лишились, – и этими обрубками амарантийцы не могли писать свою историю. В их умах тоже бушевало пламя, но то был свет разума. Этот свет, сказал Творец Птиц, будет гореть вечно – если однажды они не нарушат божественную волю, попытавшись вернуть себе небесный рай. Тогда Творец Птиц отнимет души, которые были амарантийцам дарованы в День Сожжения Крыл.

Силвест, конечно, понимал, что это всего лишь попытка культуры поглядеться в зеркало. Что имело особое значение, так это железная логика, пронизавшая всю цивилизацию амарантийцев. У них одна религия победила все остальные и сохранилась на протяжении нескончаемой череды столетий, хоть и имела в разные времена разные толкования. Без сомнения, она сформировала поведение и мышление амарантийцев, и формы эти были подчас исключительно сложны.

– Я поняла, – сказала Паскаль. – Как биологический вид, они не смогли смириться с бескрыльем, вот и создали миф о Творце Птиц, чтобы избавиться от чувства унижения перед птицами, способными летать.

– Да. И пока действовала эта вера, действовал и ее побочный эффект, весьма неожиданный: она удерживает от поиска любых других новых путей полета. Подобно мифу об Икаре, она создала прочную узду для их коллективной психики.

– Но в таком случае... фигура на шпиле...

– Огромный двукрылый салют какому-то богу, в которого они верили.

– Но что их к этому побудило?! – воскликнула Паскаль. – Религии просто умирают потихоньку, мало-помалу сменяясь новыми. Я не могу представить, что амарантийцы построили целый Город, пойдя на огромные материальные и физические затраты только для того, чтобы нанести оскорбление старому богу!

– Я тоже не могу представить. А значит, нам следует предположить нечто совершенно иное.

– Что именно?

– Что утвердился новый бог. С крыльями.

Вольева решила, что для Хоури пришло время узнать, с чем она будет иметь дело на своей новой должности.

– Держись крепче, – сказала Илия, когда лифт уже приближался к тайному складу. – В первый раз это мало кому нравится.

– Боже! – воскликнула Хоури, инстинктивно прижимаясь к задней стенке лифта, когда сцена, представшая ее глазам, вдруг как бы многократно расширилась: лифт казался крошечным жучком, ползущим по грани огромного пространства. – Да как это все помещается внутри корабля?!

– Это пустяки. Тут еще четыре помещения столь же колоссальных размеров. Одно предназначено для тренировок перед операциями на планетах. Два пусты или заполнены воздухом под половинным давлением. В четвертом стоят шаттлы, а также средства передвижения внутри эксплуатационных систем. И только этот зал годится для хранения секретных орудий.

– Ты имеешь в виду вон те штуковины?

– Да.

В зале находилось сорок орудий, причем среди них не было двух похожих друг на друга. И в то же время имелись признаки общности происхождения. Все механизмы были сделаны из сплава цвета бронзовой патины. Каждый был со средних размеров космический корабль – но принять его за таковой было невозможно. На корпусах не было ни иллюминаторов, ни люков, ни маркировок, ни выходов коммуникационных систем. Хотя из некоторых торчали трубки маневровых двигателей, они, по-видимому, были нужны только для того, чтобы передвигать орудия с места на место или управлять ими на позиции. Как будто корабль, вооруженный этими артсистемами, предназначался только для того, чтобы доставлять их на дистанцию прямой наводки.

Все это было в высшей степени странно.

– Машина класса «Ад», – сказала Вольева. – Так ее называли конструкторы. Конечно, дело было несколько веков назад.

Вольева молча наблюдала за тем, как Хоури дивится титаническим размерам ближайшего орудия. Подвешенное вертикально, соосно кораблю, оно походило на церемониальную шпагу в зале средневекового воинственного барона. Оно, как и соседние орудия, было окружено каркасом, смонтированным кем-то из предшественников Вольевой и дополненным различными устройствами для контроля и маневрирования. Все артсистемы стояли на рельсах, образующих трехмерный лабиринт на нижнем уровне зала. Рельсы уходили куда-то вниз, к воздушным шлюзам в корпусе корабля, через которые орудия можно было вывести в космос.

– Кто же их создал? – спросила Хоури.

– Наверняка мы этого не знаем. Возможно, сочленители в одной из своих мрачных инкарнаций. Нам лишь известно, как их обнаружили – в тайнике на астероиде, который вращался вокруг коричневого карлика, такого невзрачного, что о нем никто ничего не знал, кроме номера в каталоге.

– Ты тоже там была?

– Нет. Это случилось задолго до моего рождения. Я лишь унаследовала их от последнего артиллериста, а он – от своего предшественника. С тех пор я их изучаю. Мне удалось найти подход к контрольным системам тридцати одного орудия, и я установила порядка восьмидесяти процентов кодов, необходимых для их активации. Однако в действии проверила всего семнадцать орудий. Из них только два – в условиях, которые можно назвать боевыми.

– Хочешь сказать, что стреляла из них по врагу?

– Ну, я же все-таки знаю про них кое-что.

Не надо, подумала Вольева, грузить психику Хоури былыми преступлениями. По крайней мере, сейчас. Через какое-то время стажер будет знать эти орудия так же хорошо, как их знает сама Илия, а может, и лучше, поскольку изучать их предстоит с помощью вживленных в мозг нейронных датчиков.

– И каков же эффект?

– Некоторые из них могут разбить вдребезги планету. Другие... Не хочу гадать. Я бы не удивилась, узнав, что они способны доставить неприятности даже звездам. И если уж ими пользоваться... – Она оборвала фразу.

– То против кого?

– Против врагов, конечно.

Хоури смотрела на Вольеву несколько долгих безмолвных секунд.

– Даже не знаю, ужасаться ли тому, что такие вещи существуют на свете, или радоваться, что на спуске лежат наши пальцы, а не...

– Конечно лучше радоваться, – сказала Вольева.

Описав несколько кругов, Силвест и Паскаль вернулись к шпилью и зависли. Крылатый амарантиец выглядел точно так же, как и раньше, но сейчас казалось, что он взирает на Город с царственным высокомерием. Было очень соблазнительно предположить, что новый бог и в самом деле прибыл в покоренный Город. А что еще могло подвигнуть горожан на сооружение подобного монумента, как не страх перед божеством? Однако сопроводительный текст на шпилье было безумно трудно перевести.

– Здесь упоминание о Творце Птиц, – сказал Силвест. – Значит, есть шанс, что шпиль имеет отношение к мифу о сожженных крыльях, если даже крылатый бог и не является воплощением Творца Птиц.

– Да, – ответила Паскаль. – А вот и иероглиф огня – совсем рядом с иероглифом, обозначающим крылья.

– Что еще ты видишь?

Паскаль постаралась сосредоточиться. Текли минуты.

– Тут есть какое-то упоминание о стае отступников.

– Отступников в каком смысле? – Силвест проверял ее знания, она понимала это, но повторение ценно само по себе.

Сделанный ею перевод поможет Силвесту оценить, насколько объективен его собственный анализ.

– Они не согласились на уговор с Творцом Птиц, а может, нарушили этот уговор впоследствии.

– Именно так решил и я. Только беспокоился, не сделал ли при этом парочки ошибок.

– Кто бы они ни были, но их прозвали отлученными. – Паскаль вертела текст и так и этак, проверяя гипотезы одну за другой, на ходу пересматривая свой перевод. – Похоже, они сначала были в стае, которая согласилась на условия Творца Птиц, но позже изменили свое мнение.

– А ты не можешь прочесть имя их вождя?

– Их вела личность по имени... – И тут Паскаль сбилась. – Нет, мне не прочесть с ходу. И вообще, что все это значит? Ты считаешь, они существовали в действительности, что ли?

– Возможно. Осмелюсь предположить, что они были атеистами, которые поняли, что Творец Птиц – всего лишь миф. Конечно, в глазах фундаменталистской части населения это должно было выглядеть далеко не лучшим образом.

– Поэтому их и отлучили?

– Если они вообще существовали. Знаешь, я все думаю: а что, если это была своего рода технологическая секта? Вроде кружка ученых? Что, если эти амарантийцы были готовы экспериментировать, задавать вопросы природе своего мира?

– Подобно средневековым алхимикам?

– Да. – Аналогия понравилась Силвесту. – Возможно, они даже подбирались к экспериментам с полетами, как это делал Леонардо. Учитывая отсталый характер амарантийской культуры, это все равно что плюнуть в глаза самому Господу Богу.

– Согласна. Но если мы признаем, что все это имело место в реальности... что были отлученные... то какая же судьба их постигла? Просто вымерли?

– Не знаю. Ясно одно: отлученные сыграли огромную роль. Они очень важны, это не мелкая деталь в мифе о Творце Птиц! О них упоминается в надписи на шпилье много раз. Да и в других местах этого проклятого Города. Куда чаще, чем в других амарантийских источниках.

– Но ведь Город появился позже, – возразила Паскаль. – Не считая обелиска-маркера, это самая юная из всех найденных пока древностей. Его можно отнести ко времени События. Почему об отлученных вспомнили после такого долгого перерыва?

– Ну, – ответил Силвест, – может, они просто возвратились?

– Спустя десятки тысяч лет?

– Возможно. – Силвест усмехнулся. – Если они вернулись после долгого отсутствия... это могло стать причиной... создания статуй...

– Тогда статуя... Ты не думаешь, что это мог быть образ их лидера, того, которого звали... – Паскаль ткнула в иероглиф, о котором шла речь раньше. – Ведь это символ солнца, правильно?

– А остальное?

– Я не уверена... Выглядит как иероглиф глагола... «воровать»... Но какая связь?

– Сложи одно с другим. Что получилось?

Силвест молча представил себе ее мучения.

– Тот, Кто Крадет Солнца? Похититель Солнц? Что это значит?

Силвест пожал плечами:

– Об этом я спрашиваю себя с утра. И об этом, и о другом.

– О чем?

– Почему мне кажется, что я уже где-то слышал это имя?

После ЦАПа они отправились, но уже на другом лифте, в самое сердце корабля.

– Ты вела себя правильно, – сказала Мадемуазель. – Вольева искренне верит, что завоевала тебя и что ты на ее стороне.

Мадемуазель почти постоянно была с ними, молча совершая обход корабля под руководством Вольевой и лишь изредка вмешиваясь со своими замечаниями и насмешками, предназначенными для одной Хоури. Это было крайне неприятно Ане, которая никак не могла отделаться от ощущения, что Вольева тоже слышит их бесшумную беседу.

– Возможно, она права, – машинально произнесла Хоури в уме. – Вольева, видать, еще круче, чем ты.

Мадемуазель обозлилась:

– Хоть помнишь, что я тебе говорила?

– Будто у меня есть выбор.

Затыкать рот Мадемуазели, когда она настроилась поговорить, – все равно что гнать от себя привязавшийся мотивчик. Деваться от ее поучений было некуда.

– Слушай, – долдонила Мадемуазель, – если мои контрмеры провалятся, то не возникнет ли у тебя потребность выдать меня ей?

– У меня уже был такой соблазн.

Мадемуазель бросила на Хоури косой взгляд, и та почувствовала мимолетное удовлетворение. В некоторых отношениях Мадемуазель – вернее, ее имплантированная в мозг Хоури личность – казалась всеведущей. Но сверх знаний, заложенных в имплантат изначально, он сейчас может получать только то, что пропускает через свои органы чувств Хоури. Или она даже в отсутствие Аны набирается ума, подключаясь к бортовым коммуникациям? Вряд ли такое возможно без риска попасть под надзор следящих систем.

– Вольева убьет тебя. Она убила своего последнего стажера. Говорю это на случай, если ты сама еще не поняла, с кем...

– Возможно, у нее были достаточно веские причины.

– Ты о ней ничего не знаешь, впрочем, как и обо всех других. Я тоже не знаю. Мы еще даже с капитаном не познакомились.

Вот с этим не поспоришь. Имя капитана Бреннигена несколько раз всплывало в разговорах, когда Садзаки или кто-нибудь другой проявлял неосторожность в присутствии Хоури, но обычно эти люди не говорили о своем командире. Ясно, они же не были ультра в полном смысле этого слова, хоть и старались изо всех сил создать противоположное впечатление. Даже Мадемуазель обманули. Они отлично поддерживали свое реноме, соблюдая все обычаи торговцев – ну точно заправские ультра.

Однако что же прячется за этим фасадом?

«На борту нужен артиллерист», – сказала Вольева сразу. А теперь Хоури повидала кое-какое оружие из имеющегося на корабле. Вообще-то, слухи насчет того, что у торговцев бывает секретное вооружение, ходили всегда. Якобы оно им необходимо, чтобы успокаивать задиристых клиентов, а то и для пиратских действий против других кораблей. Только артсистемы, которые видела Ана на тайном складе, выглядели слишком мощными, чтобы применять их в мелких стычках, тем более что корабль имел на борту достаточно конвенционного оружия, чтобы с легкостью решать обычные проблемы торговцев. Тогда для чего такой арсенал?

Возможно, Садзаки держит в голове какой-нибудь план дальнего прицела, думала Хоури, и это ее тревожило. Не менее тревожным было и предположение, что никакого плана вообще нет, а загадочные артсистемы Садзаки просто возит с собой, дожидаясь повода применить их. Ну, как хулиган, который шляется по округе с ножом, всегда готовый пустить его в ход.

Неделями Хоури создавала и разрушала различные гипотезы, но так и не нашла достаточно правдоподобную.

Конечно, ее беспокоил не только военный аспект. Она же сама была солдатом, война для нее привычная среда обитания. И хотя Хоури допускала существование иных, менее жестоких граней бытия, война оставалась чем-то родным и близким. Однако приходилось признать, что боевые действия, знакомые ей по Окраине Неба, не шли ни в какое сравнение с теми, в которых могло бы пригодиться оружие с тайного склада.

Хотя Окраина Неба была достаточно тесно связана с межзвездной торговой сетью, средний технологический уровень сражающихся сторон в его войнах на века отстал от уровня технологий ультра, которые иногда становились на околопланетную орбиту. Легко можно было выиграть кампанию, купив у ультра хоть одно орудие. Но таких орудий мало, цены на них огромны, да и обслуживание обойдется дорого.

В истории этой колонии даже ядерное оружие было применено всего несколько раз, и то задолго до рождения Хоури. Она насмотрелась ужасов на войне, потом являвшихся ей в кошмарах, но никогда не видела оружия, способного вызвать мгновенную гибель целой планеты. А пушки Вольевой были еще мощнее.

И возможно, их уже пару раз пускали в ход. Судя по намекам Вольевой, это могли быть пиратские рейды. Ведь существует немало слабозаселенных планетных систем, лежащих в стороне от торговых путей, где врага можно уничтожить начисто и никто ничего не узнает. Причем некоторые из этих гипотетических врагов могут быть так же аморальны, как любой из членов команды Садзаки. Их прошлое может быть замарано актами самой невероятной жестокости. Тогда... да, тогда вполне вероятно, что кое-что из содержимого тайного склада было испытано в подобных ситуациях. Но Хоури подозревала, что это делалось не в миссионерских целях, а для самозащиты или для тактического удара по врагу, чьи ресурсы команде «Ностальгии» были нужны позарез. Самые тяжелые орудия вряд ли были испытаны.

Что дальше планируется делать с этим оружием, на что обрушить их мощь, способную губить целые миры, – пока неясно, может быть, и самому Садзаки. Возможно также, что решающее слово принадлежит не ему. Садзаки все еще служит капитану Бреннигену.

Кто бы ни был этот таинственный капитан.

– Добро пожаловать в ЦАП, – сказала Вольева.

Сейчас они находились где-то посередине корабля. Вольева дистанционно открыла люк в потолке, выдвинула из него складную металлическую лестницу и жестом велела Хоури лезть.

Вскоре голова Хоури приподнялась над полом большой сферической комнаты, набитой всевозможными механизмами; в их конструкции доминировали кривые линии и суставные сочленения. В самом центре этого серебристо-голубоватого нимба стояло почти прямоугольное черное кресло с балдахином, испещренное блестками приборов, к которым было подсоединено хаотичное на вид сплетение проводов. Кресло опиралось на несколько изящных гиро-

скопов, позволявших ему перемещаться независимо от движения корабля. Провода от кресла шли к скользящим контактам, передающим ток между концентрическими слоями сферы, и собирались снаружи в толстенный, с человеческое бедро, кабель. В помещении резко пахло озоном.

Любому устройству на вид смело можно было дать несколько столетий, а некоторые выглядели и куда древнее. Но ухаживали за ними явно на совесть – они просто сверкали чистотой.

– Стало быть, ради этого тут все понастроено?

Хоури пролезла через люк и между изогнутыми ажурными конструкциями скользнула к креслу. При всей своей массивности оно как будто сулило надежность и уют. Хоури не справилась с соблазном и скользнула в него, позволив черной бархатной громаде обнять себя под тихое пение сервомеханики.

– И как ты себя чувствуешь?

– Будто я здесь не первый раз. – Ответ Хоури прозвучал глуховато из-за тяжелого шлема, опустившегося ей на голову.

– А это так и есть, – ответила Вольева. – Ты была тут, но до того, как пришла в себя. Имплантат, помещенный в твой мозг, тоже знает дорогу сюда, да и с ЦАПом он знаком.

Вольева говорила правду. Хоури ощущала это кресло как мебель, среди которой выросла, как вещь, на которой ей знакома каждая царапина, каждая складочка. Она была спокойной и бодрой, словно после долгого отдыха; ей хотелось что-то сделать, как-то использовать силу, получаемую от кресла. Это желание росло с каждой секундой.

– Я могу отсюда управлять орудиями с тайного склада? – спросила она.

– А для чего еще ты нужна на этом корабле? – ответила Вольева. – И не только орудиями с тайного склада ты будешь управлять из этого поста, но и всем артиллерийским вооружением «Ностальгии», и с такой легкостью, словно каждая пушка является частью твоего организма. Когда полностью подчинишь себе ЦАП, покажется, что ты растешь, расширяешься, готовая вместить в себя весь корабль.

Хоури уже начала ощущать что-то в этом роде. Во всяком случае, казалось, будто она растекается по креслу. Но ей не хотелось, чтобы это ощущение, сколь бы приятным оно ни было, затянулось надолго.

Сделав волевое усилие, она попыталась встать, и мягкие складки кресла отпустили ее.

– Не уверена, что мне это нравится, – сказала Мадемуазель.

Глава седьмая

На пути к Дельте Павлина, год 2546-й

Из-за постоянных незначительных изменений в искусственной силе тяжести, вызываемых слабыми колебаниями тяги, в свою очередь порождаемыми таинственными причудами квантов во внутренностях субсветовых двигателей, Вольева ни на миг не забывала, что находится на борту корабля.

Она вышла к укромной поляне и помедлила возле ржавой лесенки, которая вела вниз, к свежей траве. К месту, выбранному ею и Садзаки для неформальных встреч.

Если Садзаки и заметил ее появление, то ничем этого не выдал. Он как стоял, так и стоит на коленях возле уродливого пня. Вольевой было известно, что Садзаки посещал жонглеров образами на водяной планете Морская Пена, сопровождая Бреннигена, когда капитан еще мог покидать корабль. Она не знала цели этой поездки, как не знали и оба мужчины, но ходили слухи, что жонглеры что-то сделали с корой их головного мозга, невероятно усилив ощущение пространства, дав способность мыслить в четырех-пяти измерениях. Причем раньше таких усовершенствований с людьми жонглеры не делали практически никогда.

Так что не ощущать присутствия Вольевой, конечно же, Садзаки не мог.

Вольева спустилась по лесенке, сильнее чем надо наступив на последнюю ступеньку. Садзаки повернулся на звук без малейшего удивления на лице.

– Есть новости? – спросил он.

– Есть, насчет нашей ставленницы, – ответила она. Вдруг почему-то выскочило русское слово. – Я имею в виду стажерку.

– Рассказывай, – небрежно бросил Садзаки.

Он был одет в серое, как пепел, кимоно. Роса с травы пропитала штаны до колен, сделав их черными, как маслина. Свою сякухати Садзаки положил на пень, отполированный до блеска локтями. Из всей команды сейчас бодрствовали только он и Вольева. Им предстояло лечь в криокапсулу в двух месяцах пути от Йеллоустона.

– Она теперь наша, – сказала Вольева, становясь на колени напротив Садзаки. – Основа ее приобщения заложена.

– Что ж, рад слышать.

Над лужайкой пролетел попугай ара, сел и тут же взлетел с ветки – настоящая маленькая радуга.

– Мы можем представить ее капитану Бреннигену.

– Сейчас время неподходящее, – сказал Садзаки, разглаживая кимоно. – Или у тебя какие-то особые соображения?

– Насчет знакомства Хоури с капитаном? – Она нервно хмыкнула. – Да нет.

– Значит, это и впрямь серьезно.

– Ты о чем?

– О том, Илия, что у тебя на уме. Выкладывай.

– Меня беспокоит Хоури. Я не хочу подвергать ее риску. Хватит с нас Нагорного и его психозов. – Она остановилась, ожидая – нет, надеясь, – что Садзаки как-то отреагирует. Но единственным ответом был шум водопада и полное отсутствие выражения на лице второго триумвира. – Понимаешь, – продолжала она, едва не заикаясь от волнения, – я уже не уверена, что она на данной стадии является подходящим объектом.

– На данной стадии? – Садзаки спросил так тихо, что Вольевой едва не пришлось читать по губам.

– Я имею в виду, что она входит в ЦАП сразу после Нагорного. Это слишком опасно. Думаю, Хоури для нас слишком ценна, чтобы так рисковать. – Она помолчала, собираясь сказать самое трудное. – Наверное, стоит найти еще одного стажера, не такого одаренного. На этом промежуточном объекте я сниму все оставшиеся шероховатости, прежде чем снова заняться с Хоури, с нашим главным кандидатом.

Садзаки поднял сякухати и задумчиво поглядел вдоль нее. На конце бамбука был заусенец – возможно, след от удара по голове Хоури. Ультра потрогал его большим пальцем, пригладив к стволу.

Когда он заговорил, голос был так спокоен, что казался страшнее самого дикого гнева.

– Итак, ты предлагаешь искать нового стажера?

Фраза прозвучала так, будто сказанное Вольевой – самая абсурдная, самая идиотская чушь, которую ему когда-либо приходилось слышать.

– Только для промежуточного этапа, – ответила Вольева, чувствуя, что торопится и ненавидит себя за это, презирает за неожиданное заискивание перед этим человеком. – Пока ситуация не стабилизируется. И тогда мы снова используем Хоури.

Садзаки кивнул:

– Что ж, вроде разумно. Один Бог знает, почему мы не подумали об этом раньше. Разве что у нас было слишком много других причин для беспокойства. – Он положил сякухати, но не убрал с него руку. – Этого не поправить. Значит, остается только найти нового стажера. Это ведь не слишком трудная задача? Хоури мы нашли почти не напрягаясь, я правильно говорю? Да, мы уже два месяца летим среди звезд, и наш следующий порт – приграничный поселок, известный только картографам, но я не вижу проблем с поиском нужного человека. Наверное, желающих придется отгонять целыми толпами, а ты как думаешь?

– Постарайся быть благоразумным, – сказала Вольева.

– В чем же я проявляю неблагоразумие, триумвир?

Еще мгновение назад Вольева была напугана, но теперь она разозлилась.

– Ты сильно изменился, Юдзи-сан, – ответила она. – Не с тех ли пор, как...

– С каких именно пор?

– С тех самых, как вы с капитаном побывали у жонглеров. Что с вами там произошло, Юдзи? Что с твоей головой сделали инопланетяне?

Он странно посмотрел на нее. Посмотрел так, будто этот вопрос был очень важен, но он сам не догадался задать его себе. Разумеется, это был всего лишь обманный ход. Садзаки с такой быстротой взмахнул сякухати, что Вольева уловила лишь вихрь, окрашенный в цвет меда. Удар был сравнительно слаб, – видимо, в последний момент Садзаки все же удержал руку, но врезавшаяся в ребра бамбуковая палка повалила Вольеву. Сначала ее поразила не боль, даже не шок от удара, а колючая, холодная влажность травы и ее запах, щекотавшей ноздри.

Садзаки лениво обошел пеня.

– Ты всегда задаешь слишком много вопросов, – сказал он, вытаскивая что-то из складок кимоно.

Это что-то вполне могло быть шприцем.

Горный массив Нехбет, Ресургем, год 2566-й

Силвест с замиранием сердца нащаривал в кармане флакон и был уверен, что не найдет. И все же флакон оказался на месте. Маленькое чудо.

Внизу толпа сановников и священнослужителей втекала в амарантийский Город, медленно направляясь к центральному храму. Их разговоры достигали слуха Силвеста, хотя он успевал понять лишь пару-другую слов, пока говорившие находились в зоне слышимости. Сам

он стоял в нескольких десятках метров над ними, на балюстраде, построенной уже людьми. Она крепилась к черной стене, – подобная яичной скорлупе, та охватывала весь город.

Это был день его свадьбы.

Он многократно видел храм в компьютерных имитациях, но сам так давно здесь не был, что почти забыл, насколько огромное это сооружение. С виртуальными моделями всегда так – как бы точны они ни были, исследователю не отделаться от мысли, что это все же не реальность. Сейчас Силвест стоял под крышей храма и смотрел вверх, где в сотнях метров над головой сходились косые каменные арки, и не чувствовал ни головокружения, ни страха при мысли, что эта многотысячелетняя конструкция прямо сейчас рухнет ему на голову.

В это второе за свою жизнь посещение Погребенного Города он испытывал унижительное чувство собственной незначительности.

Яйцо, в котором покоился Город, было само по себе колоссальным до абсурда, но оно, по крайней мере, являлось продуктом вполне узнаваемой зрелой технологии, хотя увлажнисты этот факт предпочли игнорировать. Город же, заключенный в яйцо, выглядел как плод горячего воображения фантаста пятнадцатого века. Особенно поражала крылатая фигура на шпиле.

Чем дольше смотрел Силвест, тем сильнее ему казалось, что все это создано ради одной цели – отпраздновать возвращение отлученных.

Может, и не было смысла ломать над этим голову. Но, по крайней мере, рассуждения о Городе позволяли Силвесту отвлечься от предстоящей ему самому церемонии.

Чем дольше он смотрел, тем лучше понимал, вопреки своему первому впечатлению, что эта крылатая фигура – и вправду амарантиец, точнее, помесь амарантийца и ангела, изваянная скорее ученым, чем художником. Этот скульптор очень хорошо представлял, что влечет за собой появление крыльев. Если смотреть обычными глазами, лишенными специальных оптических устройств, эта фигура поразительно похожа на крест. При увеличении же крест превращается в амарантийца с мощными распростертыми крыльями. Эти крылья были покрыты разными амальгамами, каждое маховое перо горело на солнце своим собственным цветом. Как и в любом изображении земного ангела, крылья не заменяли руки, а были третьей равноправной парой конечностей.

Только этот ангел был куда реальнее других, которых доводилось видеть Силвесту. Правда, кому-то могла показаться абсурдной такая анатомическая правильность. Скульптор не просто присоединил крылья, он слегка изменил физическое строение тела. Руки, предназначенные для работы, переместил чуть ниже по торсу, а также слегка удлинил. Грудная клетка стала шире; бросалась в глаза похожая на ярмо часть костно-мышечной системы, раздвинувшая плечи. От этого-то «ярма» и отходили крылья, что придавало фигуре почти треугольную форму, напоминавшую воздушного змея. Шея была длинной, а голова – вытянутой, очень похожей на птичью. Глаза, посаженные в глубокие костистые глазницы, глядели вперед, хотя, как и у всех амарантийцев, бинокулярность зрения была ограниченной. Ноздри над верхней челюстью были широко раскрыты, будто для того, чтобы обеспечить приток к легким воздуха, необходимого для работы крыльев.

Но не все в фигуре казалось правильным. Допуская, что масса тела этого ангела равна массе тела среднего амарантийца, приходилось признать, что даже такие мощные крылья не способны обеспечить полет. Так зачем же они понадобились? Для украшения? Неужели отлученные подверглись радикальной биоинженерии только для того, чтобы обременить себя чудовищно непрактичными крыльями?

Или у них была какая-то другая цель?

– Возникли сомнения? – оторвал чей-то голос Силвеста от размышлений. – Вам уже не кажется, что это была удачная мысль?

Силвест отвернулся от балюстрады, обращенной к Погребенному Городу:

– Похоже, мне уже поздновато высказывать сомнения.

– В день свадьбы? – Жирардо усмехнулся. – Отчего же, Дэн. Вы еще не сели крепко-накрепко на мель, в любой момент можете дать задний ход.

– И как бы вы к этому отнеслись?

– Полагаю, что очень плохо.

Жирардо был в накрахмаленной парадной одежде, щеки слегка покраснели от несомых ветром песчинок. Он взял Силвеста под локоть и увел от перил.

– Сколько лет мы дружим, Дэн?

– Я не назвал бы это дружбой. Скорее, взаимное паразитирование.

– Да бросьте, – как будто огорчился Жирардо. – Неужели считаете, что в последние двадцать лет я причинил вам хоть одно неудобство, которого не требовала железная необходимость? Думаете, я сильно радовался, держа вас под замком?

– Скажем так: вы взяли за это дело не без энтузиазма.

– Только потому, что заботился о ваших интересах.

Они сошли с балкона в низкий тоннель из тех, что пронизывали оболочку вблизи Города. Мягкое покрытие пола глушило шаги.

– А кроме того, – продолжал Жирардо, – если вы сами не в курсе, Дэн, я скажу, что в тот момент народ жаждал крови. Не окажись вы моими стараниями в каталажке, вас бы просто разорвали в клочья.

Силвест промолчал. Много из услышанного было теоретически верно, но это вовсе не означало, что Жирардо руководствовался тогда исключительно благородными мотивами.

– Политическая ситуация была в те времена куда проще. Ведь тогда еще не было «Истинного пути», который сейчас причиняет нам столько неприятностей.

Они достигли шахты лифта и вошли в кабину, новую и чистую, как операционная. На стенах висели фотографии и рисунки, изображающие различные пейзажи Ресургема до и после природоохранных мероприятий, проведенных правительством. Среди прочих был и снимок Мантеля.

Столовая гора, на которой стоял поселок, утопала в зелени, с ее вершины низвергался водопад, на горизонте виднелось голубое, с перьями облаков небо. В Кювье возникла целая индустрия пиара будущего Ресургема, и в нее ринулись многие – от художников-акварелистов до специалистов по сенсорному моделированию и рендерингу.

– С другой стороны, – продолжал Жирардо, – среди ученых тоже есть радикальные элементы, приходящие в бешенство из-за пустяков. Не далее как неделю назад в Мантеле застрелили одного функционера «Истинного пути», и уверяю вас, это не наш агент постарался.

Силвест чувствовал, что лифт почти достиг уровня Города.

– Что вы сказали?

– Я сказал, что фанатики есть по обе стороны баррикады. И мы с вами уже кажемся наиболее умеренными. Грустно, не правда ли?

– Хотите сказать, радикализация идет с обоих концов?

– Что-то в этом роде.

Они вышли из источенной тоннелями оболочки Города к толпе журналистов, проверявших в последние минуты готовность аппаратуры. Репортеры в пестрых очках гоняли свои камеры по воздуху, как тусклые воздушные шарики. Кругами ходил генетически измененный павлин Жанекена, что-то склевывая на земле, и с шелестом тащил сложенный хвост. Вперед выступили два охранника с золотыми эмблемами увлажнителей на плече, окруженные нарочито грозными энтоптиками. За ними брели роботы-слуги. Охранники провели полное сканирование Силвеста и Жирардо, а затем жестом направили их к небольшому временному сооружению, поставленной неподалеку от похожего на гнездо скопления амарантийских жилых строений.

Внутри временного сооружения было пусто, если не считать стола и двух простых стульев. На столе стояла бутылка красного вина – наследие эпохи Американо – и два стеклянных бокала с инкрустированными матовыми пейзажами.

– Садитесь, – сказал Жирардо. Сам он обошел стол и наполнил бокалы. – Не понимаю, почему вы так страшно нервничаете. Не в первый же раз женитесь.

– В четвертый.

– И все по обычаям Йеллоустона?

Силвест кивнул. Он вспомнил два первых брака, женщин, которых даже трудно было различить в памяти. Обе они завяли под гнетом известности, которую принесла им фамилия Силвест. Наоборот, его женитьба на третьей, Алисии, с самого начала планировалась как общественно значимое событие. Она привлекла внимание к близящейся экспедиции на Ресургем и обеспечила этому мероприятию дополнительное денежное вливание, которого как раз и не хватало. Тот факт, что новобрачные были влюблены, почти не имел значения – приятный довод к главным причинам.

– У вас в голове накопилось много лишнего багажа, – сказал Жирардо. – Вам никогда не хотелось, чтобы перед каждой женитьбой можно было избавляться от прошлого?

– Вам наша церемония покажется необычной.

– Возможно, – отозвался Жирардо, стирая красную жидкость с губ. – Видите ли, я никогда не принадлежал к йеллоустонской культуре.

– Но вы же вместе с нами прибыли с Йеллоустона.

– Да, но родился я не там. Моя семья происходит с Гранд-Титона. Я прибыл на Йеллоустон за семь лет до отправки экспедиции на Ресургем. Поэтому времени, чтобы приобщиться к тамошним традициям, у меня было маловато. А вот моя дочь Паскаль ничего, кроме йеллоустонского общества, не знала. Или, во всяком случае, кроме той его версии, которую мы сюда привезли. – Он понизил голос. – Я так понимаю, флакон должен быть при вас? Разрешите взглянуть на него.

– Вряд ли я могу вам в этом отказать.

Силвест вынул стеклянный цилиндр, который носил с собой весь день, и протянул Жирардо. Тот нервно повертел флакон в руках, наклоняя в разные стороны, следя за пузырьками, перемещавшимися, как в ватерпасе. Что-то темное висело в этой жидкости, волокнистое и раскидистое.

Он осторожно поставил флакончик, и тот тонко звякнул, будто ударился о хрустальную столешницу. Жирардо смотрел на него с плохо скрываемым ужасом.

– Это больно?

– Конечно нет. Мы же не садисты, как вам известно. – Силвест улыбнулся, втайне радуясь, что Жирардо не по себе. – Может, вы предпочли бы обменяться со мной верблюдами?

– Уберите.

Силвест положил флакон в карман.

– Ну а теперь скажите, Нильс, кто тут нервничает.

Жирардо налил себе еще вина.

– Извините. Охранники в последнее время очень беспокоятся. Не знаю, что их волнует, но это передается и мне.

– Я ничего такого в поведении охраны не заметил.

– А вам и не положено. – Жирардо пожал плечами; движение начиналось где-то от живота. – Говорят, что все в норме, но за двадцать лет я изучил их куда лучше, чем им кажется.

– Зря беспокоитесь. Ваши милиционеры – ловкие ребята.

Жирардо мотнул головой, будто надкусил ужасно кислый лимон.

– Не думаю, Дэн, что отношения между нами когда-нибудь станут нормальными. Но почему все свои сомнения вы трактуете против меня? – Он кивнул на открытую дверь. – Разве я не дал вам сюда полный доступ?

Да, но это привело лишь к одному результату: заменило десяток вопросов тысячью других.

– Нильс, – спросил Силвест, – в каком состоянии сейчас ресурсы колонии?

– Вы о чем?

– Я знаю, что положение изменилось после того, как прилетал Ремиллиод. То, что в мое время было бы немыслимо... сейчас это можно сделать, была бы политическая воля.

– Что, например? – подозрительно спросил Жирардо.

Силвест снова полез в карман, но вместо флакона вынул листок бумаги и развернул перед Жирардо:

– Вы узнаете этот чертеж? Мы нашли его на обелиске, а здесь он встречается по всему Городу. Это схема солнечной системы амарантийцев, сделанная ими же.

– После того как я увидел этот Город, мне почему-то легче верится в то, во что раньше не верилось совсем.

– Отлично. Тогда выслушайте меня. – Силвест провел пальцем по самой большой окружности. – Это орбита нейтронной звезды – Гадеса.

– Гадеса?

– Это имя было дано, когда мы впервые картировали систему. Вокруг звезды мотается еще один здоровенный кусок камня, планетоид размером с типичную луну. Его называли Цербером. – Он ткнул пальцем в сплетение линий, изображавших систему «нейтронная звезда – планетоид». – Почему-то это было очень важно для амарантийцев. Я думаю, все это имеет отношение к Событию.

Жирардо театральным жестом схватился за голову. Потом искоса поглядел на Силвеста:

– Вы это серьезно?

– Да. – Тщательно, не отводя взгляда от Жирардо, тот сложил бумагу и спрятал в карман. – Нам надо исследовать эту систему и узнать, что именно уничтожило амарантийцев. Пока оно не уничтожило и нас.

Войдя в каюту Хоури, Садзак и Вольева велели ей одеться потеплее. Хоури заметила, что они и сами были одеты плотнее обычного. Вольева была в застегнутой на молнию летной куртке, Садзак – в костюме из термоткани, с высоким воротом и нашитыми кусками гипералмазной пленки.

– Я что-то напортила? – спросила Хоури. – Набрала мало баллов при имитации боя? Вы хотите выбросить меня в шлюз?

– Не говори глупостей. – У Садзак только лоб и нос выплядывали из мехового воротника. – Если бы мы собирались тебя убить, стали бы мы заботиться, чтобы ты не простудилась?

– Кроме того, – сказала Вольева, – твое обучение уже давно закончилось. Ты теперь у нас ценный ресурс. Убить тебя – значит самим себе хуже сделать.

Из-под опущенного козырька ее ушанки виднелись только нос и подбородок. Вольева как бы дополняла Садзак – они вдвоем составляли одно непроницаемое лицо.

– Как приятно, что вы обо мне заботитесь.

Все еще не вполне успокоившаяся – возможность того, что товарищи по экипажу задумали какую-то подлость, продолжала казаться весьма вероятной, – Хоури порылась среди своих вещей и нашла термокуртку. Она была изготовлена на корабле и походила на клоунский наряд Садзак, только Ане почти доставала до колен.

Хоури отвезли в ту часть корабля, которую она не знала совершенно. Пришлось несколько раз пересаживаться с лифта на лифт и ехать по узким пересекающимся тоннелям.

Это, как объяснила Вольева, было связано с тем, что вирус разрушил большие участки внутренней транспортной системы. Отсеки, по которым пришлось идти, слегка отличались декором и уровнем технологии, будто вся эта часть корабля была брошена на разных стадиях строительства сотни лет назад. Хоури все еще нервничала, но что-то в поведении Садзаки и Вольевой подсказывало: следует ждать скорее какой-нибудь церемонии посвящения, чем хладнокровного убийства. Больше всего они напоминали пару детей, задумавших шалость, – во всяком случае, ребенка напоминала Вольева, а Садзаки действовал и говорил куда более взвешенно, будто чиновник, выполняющий неприятную, но необходимую обязанность.

– Поскольку теперь ты член нашего коллектива, – сказал он, – настало время чуть больше узнать о ситуации. Может быть, тебе интересна и причина нашего полета к Ресургеми.

– Я думала, что торговые интересы...

– Это лишь прикрытие, да и не слишком надежное, говоря откровенно. Ведь Ресургеми в экономическом отношении почти ноль. Ничтожный форпост для проведения научных исследований. Купить у нас он почти ничего не может. Конечно, наши данные о Ресургеми изрядно устарели; не исключено, что мы, добравшись туда, займемся и торговлей. Но это далеко не главная причина рейса.

– А какова главная?

Лифт, в котором они спускались, медленно сбрасывал скорость.

– Говорит ли тебе что-нибудь имя Силвест? – спросил Садзаки.

Хоури изо всех сил притворялась, будто для нее это самый обыденный вопрос, а не такой, от которого в мозгу вспыхивает магниевый порошок.

– Еще бы. На Йеллоустоне все знают Силвеста. Для тамошнего населения он почти что бог. Или дьявол. – Она надеялась, что голос звучит нормально. – Хотя... подождите... какого Силвеста вы имеете в виду? Старика, который затеял всю эту чушь с бессмертием? Или его сына?

– Вообще-то, обоих, – ответил Садзаки.

Лифт с лязгом остановился. Когда двери распахнулись, Хоури как будто ударили по лицу мокрой холодной тряпкой. Она с благодарностью вспомнила совет одеться потеплее, хотя это не спасло от леденящего последнего вопроса.

– Дело в том, что они не были настоящими негодяями, – продолжала она. – Лореан, отец старика... он и после смерти почитается за героя, а старик... Как же его звали?

– Кэлвин.

– Точно. Даже после того, как он погубил всех этих людей... Потом был еще его сын Дэн. Он пытался исправить причиненное отцом зло с помощью затворников. – Хоури дернула плечом. – Меня там, конечно, не было в те времена. Я знаю лишь то, что говорят люди.

Садзаки вел женщин коридорами, залитыми мрачным серо-зеленым светом. Огромные крысы – наверное, мутанты – мчались прочь, слышав приближающиеся шаги. Потом было место, чем-то напоминавшее трахею дифтерийного больного, – коридорчик, заполненный желеобразной грязной массой искусственного льда, пронизанный венами трубопроводов и кабелей, скользкий от чего-то похожего на человеческую харкотину. Вольева называла это корабельной слизью – органическое вещество было вызвано к жизни неполадками системы регенерации в прилегающих отсеках корабля.

Хоури слизь была нипочем, чего нельзя сказать о холоде.

– Роль Силвестов в нашем деле весьма сложна, – сказал ей Садзаки. – Чтобы объяснить ее подробно, потребуется время. А сейчас я хочу познакомить тебя с капитаном.

Силвест все осмотрел лично, проверяя, не забыто ли что-нибудь серьезное. Удовлетворенный, он выключил изображение и присоединился к Жирандо в прихожей сборного домика.

Музыка взлетела крещендо, а затем упала до почти невнятного бормотания. Изменилось освещение, голоса присутствующих понизились до шепота.

Силвест и Жирардо вышли на яркий свет, в басовое гудение органа. Извилистая дорожка вела к центральному храму, застеленному коврами ради торжественного случая. Дорогу окаймляли деревья с колокольчиками, накрытые защитными куполами из прозрачного пластика. Эти звенящие деревья представляли собой веретенообразные скульптуры, чьи многочисленные «руки» заканчивались кривыми разноцветными зеркалами. Когда-то они звенели и меняли свою конфигурацию, повинаясь древнему часовому механизму, скрытому в пьедестале. Сейчас ученые склонялись к выводу, что деревья – часть сигнальной системы, охватывавшей весь город.

Орган зазвучал громче, когда Силвест и Жирардо вступили в храм. Его яйцеобразный купол украшали пластины тщательно обработанного цветного стекла, похожие на огромные цветочные лепестки.

Они чудесным образом уцелели, несмотря на коварное воздействие времени и силы тяжести. Проникавшие сквозь них лучи, казалось, пронизывали весь храм успокаивающим розовым сиянием. Центральную часть огромного зала занимало основание шпиля, поднимавшегося над храмом. Оно было высоким и толстым, как ствол секвойи. Скамьи для сотни наиболее знатных жителей Кювье веером расходились от этого гигантского ствола.

Силвест обвел взглядом зрителей, треть которых ему была хорошо знакома, а процентов десять составляли его друзья и соратники. Зрители были одеты тепло, по-зимнему, в меха. Силвест узнал Жанекена с его серебристо-белой козлиной бородкой и белыми волосами, водопадом сбегаящими с боков почти лысого черепа. Он стал еще больше похож на старую обезьяну.

Некоторые из птиц Жанекена тоже присутствовали в зале – их выпустили из дюжины бамбуковых клеток. Силвесту пришлось признать, что Жанекен вывел точные копии павлинов, вплоть до гребешков на головах и ярких бирюзовых плюмажей. Их создали из кур путем сложнейших манипуляций с генами.

Аудитория, почти не знакомая с работой Жанекена, громко аплодировала. Жанекен же краснел, отчего кожа его лица уподоблялась окровавленному снегу, – и готов был от смущения навсегда утонуть в своей парчовой, с меховым подбоем куртке.

Жирардо и Силвест подошли к прочному столу, на который было направлено внимание всей аудитории. Стол был древний – вырезанный на нем орел и латинские письма восходили к временам первых американских поселенцев на Йеллоустоне. На углах виднелись сколы. На столе стоял мореного красного дерева ящик с крышкой, запертый на золотые изящные защелки старинной работы.

Позади стола скромно стояла женщина, одетая в сине-белое вечернее платье. Застежка на платье представляла собой сложную комбинацию двойного герба – Ресургем-Сити и увлажнителей – с эмблемой миксмастеров: две руки, держащие «кошкину колыбель» ДНК. Женщина, как это было хорошо известно Силвесту, не принадлежала к числу настоящих миксмастеров. Из этой гильдии йеллоустонских биоинженеров и генетиков никто не участвовал в экспедиции на Ресургем. Однако их символ, привезенный сюда, выражал веру в науки, связанные с изучением жизни: генную инженерию, хирургию и терапию.

Неулыбчивое лицо женщины в розовом свете казалось землистым. Волосы были собраны в пучок, пронзенный двумя шпирцами.

Музыка стихла.

– Я ординатор Мэссинджер, – разнесся по всему залу голос женщины. – Властью, данной мне Ресургемским экспедиционным советом, я могу заключать браки между жителями этого поселения в том случае, если такие союзы не входят в конфликт с генетическими правилами колонии.

Ординатор открыла ларец красного дерева. Там лежал переплетенный в кожу предмет размером с Библию. Женщина вынула его и раскрыла, при этом раздался треск сухой кожи. Открывшиеся поверхности имели матово-серый цвет, как у сланца, смоченного водой. На них поблескивали микроскопические механизмы.

– Положите ладони на ближайшую к вам страницу, джентльмены.

Оба положили руки на ближайшую поверхность. Последовала флюоресцентная вспышка, – это означало, что книга приняла отпечатки ладоней. Затем раздался звонок: биопсия сделана. Когда операция закончилась, Мэссинджер взяла книгу и приложила к ней свою ладонь.

Затем ординатор попросила Жирардо перед лицом присутствующих объявить, кто он. Силвест видел, как по лицам пробежали улыбки. В этом зрелище было нечто абсурдное, хотя Жирардо всячески старался вести себя как ни в чем не бывало.

Затем такая же просьба была адресована Силвесту.

– Дэниел Кэлвин Лореан Силвест. – Своим полным именем он пользовался так редко, что пришлось поднапрячься, чтобы не ошибиться. – Единственный биологический сын Розалии Сютейн и Кэлвина Силвеста, родившийся в Городе Бездны на Йеллоустоне. Я родился семнадцатого января сто двадцать первого стандартного года после второго заселения Йеллоустона. Мой календарный возраст двести двадцать три года. Если же считать с учетом специальных медицинских процедур, то физический возраст составляет шестьдесят лет по шкале Шарова.

– Каковы ваши реализации?

– Насколько мне известно, я реализован лишь в одном воплощении, в той биологической форме, которая делает это заявление.

– Тем самым вы подтверждаете, что вам неизвестны ваши реализации в виде записей альфа-уровня либо иных тьюринговых симулякров, как в этой, так и в иных солнечных системах?

– Мне неизвестно о существовании таких объектов.

Мэссинджер сделала в своей книге несколько пометок специальным стилосом. Точно такие же вопросы были заданы и Жирардо – стандартные параграфы церемонии Йеллоустона. Со времен Восьмидесяти йеллоустонцы крайне подозрительно относились к компьютерным моделям вообще, и в частности к таким, которые несли в себе реализацию личностной души. Особенно им не нравилась возможность того, что некая реализация личности – биологическая или иная – может заключать контракты, ничем не обязывающие другие реализации, в том числе брачный контракт.

– Все это документально подтверждено, – произнесла Мэссинджер. – Невесте разрешается подойти.

В розовом свете возникла Паскаль. Ее сопровождали две женщины, закутанные в мантильи цвета пепла, множество летающих камер, личных телохранителей – механических ос, а также бесчисленные полупрозрачные энтоптики – нимфы, серафимы, летучие рыбы, колибри, росяные капли и бабочки, как бы лившиеся нескончаемым потоком по платью новобрачной. Это было дело рук лучших мастеров-иллюзионистов Кювье.

Жирардо поднял толстые, как окорока, руки и поманил дочь к себе.

– Ты прелестна, – шепнул он ей.

То, что наблюдал Силвест, было красотой, доведенной до компьютерного совершенства. Он знал, что Жирардо видит нечто иное – настоящее, мягкое, человеческое. Как будто один из них смотрел на живого лебедя, а другой – на его хрустальную фигурку.

– Положите руку на книгу, – сказала ординатор.

Отпечаток влажной ладони Силвеста был все еще виден – как темная каемка моря вокруг оставленного Паскаль светлого островка. Ординатор попросила ее объявить о своем происхождении подобно тому, как это сделали Силвест и Жирардо. Задача Паскаль была проще, она

не только родилась на Ресургеме, но и никогда не покидала эту планету. Ординатор Мэссинджер запустила руку в шкатулку еще глубже. Пока она копалась там, глаза Силвеста рыскали по лицам свидетелей церемонии. Он видел Жанекена, чье лицо было еще бледнее обычного, что казалось почти невозможным. Там, в глубине шкатулки, лежал отполированный до голубого блеска инструмент – нечто среднее между старинным пистолетом и ветеринарным шприцем.

– Узрите же свадебный пистолет, – сказала ординатор, показывая залу содержимое шкатулки.

Холод пронизывал до костей, но Хоури вскоре перестала его замечать – температура превратилась для нее просто в абстрактное качество здешней атмосферы. История, которую ей рассказали товарищи по экипажу, была слишком удивительной, чтобы помнить о холоде.

Они долго стояли возле капитана. Его имя, как ей сказали, было Джон Армстронг Бренниген. Он был стар, невообразимо стар. В зависимости от системы, избранной для определения его возраста, ему было от двухсот до пятисот лет. Обстоятельств его рождения никто не знал, они затерялись в переплетениях политической истории. Кое-кто считал, что он родился на Марсе, но не исключено, что это произошло на Земле, а возможно, где-нибудь в городских трущобах земной Луны или на одном из сотен спутников, болтавшихся в космосе между Луной и Землей в те далекие времена.

– Бреннигену было уже больше ста, когда он покинул Солнечную систему, – сказал Садзаки. – Он долго ждал, когда это станет возможным, и наконец оказался одним из тысячи землян, которые улетели на первом корабле, посланном сочленителями с Фобоса.

– Во всяком случае, на том корабле был некто по имени Джон Бренниген, – вставила Вольева.

– Да, – кивнул Садзаки. – Никаких сомнений, это был он. Потом... проследить его путь становится очень сложно. Весьма вероятно, что капитан умышленно запутал свое прошлое, чтобы сбить со следа врагов, а их к тому времени должно было набраться немало. О нем есть сведения во многих планетных системах, отстоящих друг от друга на многие световые десятилетия. Но ничего достоверного.

– А как он стал вашим капитаном?

– Несколько столетий спустя, после заходов в различные миры, после далеких и долгих полетов и многочисленных никем не подтвержденных появлений, он осел где-то на окраине системы Йеллоутона. Старел Бренниген медленно, что вполне нормально при полетах на околосветовых скоростях, но все же старел, а технология долголетия в те времена была куда хуже, чем в наше время. – Садзаки помолчал. – Большая часть его тела уже тогда состояла из протезов. Поговаривали, что Джон Бренниген в те времена уже не нуждался в скафандре, покидая корабль в космосе, так как мог дышать вакуумом. Еще ходили слухи, будто он способен жить в условиях высоких температур и в жуткой стуже, а его органы чувств могли принимать сигналы всего известного спектра. Говорили, что от мозга, с которым он родился, осталась лишь малая часть, и его голова была набита всевозможными кибернетическими устройствами – настоящая каша из крошечных думающих машинок и небольшого количества органики.

– И много ли в этом было правды?

– Возможно, больше, чем хотелось бы верить людям. Ну и вранья тоже хватало. Говорили, будто он побывал у жонглеров образами на Морской Пене за много лет до того, как жонглеры вообще стали известны науке; что эти инопланетяне подвергли невероятным трансформациям остатки его мозга; что он контактировал как минимум с двумя разумными биологическими видами, которые человечеству до сих пор еще не знакомы.

– Он и в самом деле побывал у жонглеров, – сказала Вольева. – Триумвир Садзаки присутствовал при этой встрече.

– Это случилось гораздо позже, – оборвал ее Садзак. – Нам важно знать о его взаимоотношениях с Кэлвином.

– А как они познакомились?

– Этого никто не знает точно, – сказала Вольева. – Наверняка нам лишь известно, что капитан был ранен – не то в результате несчастного случая, не то в ходе неудачной военной операции. Непосредственной угрозы для его жизни не было, но требовалась срочная помощь, а обращаться к любой из официальных организаций в системе Йеллоустона он не хотел – это было бы чистым самоубийством. У капитана было слишком много врагов, чтобы отдать свою жизнь в руки какой-нибудь группировки. Нужно было найти человека, которому он мог бы довериться. По-видимому, Кэлвин именно таким человеком и оказался.

– Кэлвин был как-то связан с ультра?

– Да, хотя он вряд ли в этом признавался публично. – Вольева улыбнулась, под козырьком шапки мелькнул широкий зубастый полумесяц. – Тогда Кэлвин был молод и принадлежал к числу идеалистов. Когда ему передали раненого, он решил, что это своего рода дар божий. В те времена у него еще не было возможности проверить на практике свои самые дикие идеи. Теперь в его распоряжении оказался идеальный пациент, и единственное, что было необходимо, так это абсолютное соблюдение секретности. От этого выгадывали оба. Кэлвин мог испытывать на капитане свои безумные кибернетические гипотезы, тогда как Бренниген надеялся выздороветь и стать чем-то более значительным в сравнении с тем, чем он был до встречи с Кэлвином. Можно считать, то был прекрасный пример взаимовыгодного сотрудничества.

– Вы хотите сказать, что капитан согласился быть подопытным кроликом у этого подонка? Для его чудовищных опытов?

Садзак пожал плечами. Его толстые одежды придали этому движению что-то кукольное.

– Бренниген смотрел на это иначе. Если иметь в виду все остальное человечество, то для него капитан уже и до этой операции был монстром. Все, что мог сделать Кэлвин, – это продвинуть капитана дальше по выбранному им самим пути. Довести дело до логического завершения, если угодно.

Вольева кивнула, но, судя по выражению лица, она далеко не во всем была согласна со своим товарищем по экипажу.

– И в любом случае это случилось еще до Восьмидесяти. Имя Кэлвина не было тогда ничем запятнано. И даже по самым радикальным понятиям ультра, вмешательство в мозг Бреннигена лишь слегка превышало норму. – В голосе Вольевой зазвучало отвращение.

– Продолжайте, – попросила Хоури.

– Прошел почти целый век, прежде чем капитан снова столкнулся с кланом Силвестов, – сказал Садзак. – К этому времени он уже командовал нашим кораблем.

– А что случилось?

– Он снова был ранен. На этот раз тяжелее.

Осторожно, будто снимая нагар со свечи, Садзак тронул крошечный пучок серебристой растительности на капитане. Кожа Бреннигена была покрыта инеем, похожим на тузлук, копящийся на берегу соленого моря. Садзак вытер влажные пальцы о свитер, но Хоури была уверена, что от этого они не стали чище. Пальцы должны были чесаться и гореть огнем подкожного заражения.

– К сожалению, – сказала Вольева, – Кэлвин к этому времени умер.

Конечно же! Он погиб вместе с остальными Восьмьюдесятью. Точнее, лишился физического тела одним из последних.

– Хорошо, – сказала Хоури. – Он скончался в процессе сканирования его сознания и перезаписи на компьютер. Разве нельзя было украсть запись и убедить ее, чтобы помогла вам?

– Мы бы так и сделали, если бы это было возможно. – Низкий голос Садзаки вибрировал, отражаясь от стен коридора, который своими изгибами напоминал глотку. – Но его альфа-запись исчезла. А дубликатов не было – альфы защищены от копирования.

– Значит, если говорить прямо, – сказала Хоури, желая поскорее убраться из этого подobia морга, – без капитана вы оказались в куче дерьма.

– Не совсем, – возразила Вольева. – Видишь ли, все это случилось в очень интересный период истории Йеллоустана. Дэниел Силвест только что вернулся из экспедиции к затворникам, и он был психически и физически здоров. Его спутнице повезло меньше, но ее смерть лишь добавила пикантности героическому возвращению Силвеста. – Она помолчала, а потом вдруг по-птичьи вскинулась: – Хоури, ты слышала о его «Тридцати днях в пустыне»?

– Возможно. Напомни.

– Век назад Силвест исчез на целый месяц, – сказал Садзаки. – Еще минуту назад стоял среди людей, произнося тост в честь Йеллоустонского общества, а через минуту его уже не было нигде. По слухам, он покинул городской купол. Напялил скафандр и отправился куда-то замаливать грешки своего папочки. Жаль, что это неправда, – очень трогательный был бы сюжет. Фактически же, – тут Садзаки показал рукой на пол, – этот месяц он провел тут, у нас.

– Вы похитили Дэна Силвеста? – Хоури чуть не расхохоталась: ее поразила абсурдность происходящего.

И тут же вспомнила, что разговор касается человека, которого ей предстоит убить. Желание смеяться немедленно пропало.

– Приглашение на борт – более предпочтительный термин, – ответил Садзаки. – Хотя должен признать, выбора у него не было.

– Прошу пояснить, – сказала Хоури. – Вы похитили сына Кэлвина. А что это давало вам?

– Кэлвин принял меры предосторожности, прежде чем начать сканирование самого себя, – сказал Садзаки. – Первая была довольно простой, но к ее осуществлению нужно было приступить за несколько десятилетий до начала главного проекта всей его жизни. Проще говоря, каждая минута его существования стала записываться с помощью специальной системы. Без преувеличения – каждая, чем бы он ни занимался – работал, ел, спал или прогуливался. На протяжении многих лет машины научились с большой точностью имитировать его поведенческие схемы. И в любой ситуации они могли на этой основе предсказывать с поразительной точностью его поступки.

– Иначе говоря, сканирование на бета-уровне?

– Да, – кивнула Вольева. – Но на таком бета-уровне, который требует значительно большей подготовки и куда более сложен, нежели другие, существовавшие в то время. Согласно некоторым определениям, такая компьютерная модель уже обладала сознанием. То есть произошла трансмиграция Кэлвина. Он мог и не верить в это, но фактически продолжал непрерывно совершенствовать свою модель. Ей удалось создать настолько реальный образ Кэлвина, настолько похожий на настоящего человека, что у собеседника возникало ощущение, будто он действительно находится в присутствии Силвеста. Но Кэлвин прошел еще на шаг дальше, дополнительно подстраховался.

– Каким образом?

– Клонирование. – Садзаки ухмыльнулся и едва заметно кивнул Вольевой.

– Он клонировал сам себя, – продолжала та. – Используя нелегальную генную технологию с черного рынка, прибегнув к помощи своих самых засекреченных клиентов, среди которых были и ультра. Если бы не они, мы бы ничего не узнали об этом. На Йеллоустоне технология клонирования была под запретом. Молодые колонии всегда борются за сохранение максимального разнообразия генетических форм. Но Кэлвин оказался хитрее властей и богаче тех, кого он подкупал. Вот почему ему удалось выдать собственный клон за своего сына.

– Дэн! – воскликнула Хоури, и это односложное слово всколыхнуло стоялый холодный воздух. – Вы хотите сказать, что Дэн – клон Кэлвина?

– При чем сам о том не подозревающий, – ответила Вольева. – Кэл не желал, чтобы Дэн узнал эту тайну. Силвест – такая же жертва лжи, как все население Йеллоустона. Дэн считает себя совершенно самостоятельной личностью.

– Не догадывается, что он всего лишь клон?

– Да, и с течением времени его шансы узнать все уменьшаются. Кроме ультра и союзников Кэлвина, не знает почти никто. А союзников Кэлвин всеми средствами заставил молчать. Было несколько слабых звеньев... Кэлвину, например, пришлось привлечь на свою сторону одного из ведущих генетиков планеты... Силвест потом пригласил его в свою экспедицию на Ресурге́м, не ведая о теснейшей связи между ним и своим отцом. Сомневаюсь, что он с тех пор узнал правду или хотя бы стал о ней догадываться.

– Но каждый раз, когда он смотрится в зеркало...

– Он видит себя, а не Кэлвина, – ответила Вольева, явно наслаждаясь тем, как каждое сказанное ею слово разрушает основы мировоззрения Хоури. – Он клон, но не знает, что похож на Кэлвина до последней потовой железки под кожей. Генетик – Жанекен – создал косметические различия между Кэлвином и Дэном, и люди видят лишь семейные черты сходства во внешности и поведении. Очевидно, он же постарался привить Дэну и некоторые черты его «матери», Розали Сютейн.

– Все остальное просто, – произнес Садзаки. – Кэл вырастил свой клон в среде, максимально приближенной к той, в которой сам обитал с малолетства. Вплоть до тех стимулов, которые в определенные периоды жизни мальчика породили отдельные черты его характера и о которых даже сам Кэлвин не мог с уверенностью сказать, появились они естественным путем или выработаны воспитанием.

– Ладно, – сказала Хоури. – Согласимся считать, что все это правда, и зададимся вопросом: ну и что? Кэл же должен был понимать: Дэн не пройдет те же стадии развития, которые проходил он сам, как бы ни контролировал он жизнь мальчика. Как насчет тех впечатлений, которые ребенок получает еще в период пребывания в утробе матери? – Хоури покачала головой. – Безумие! В лучшем случае Кэлвин мог рассчитывать на грубое подобие.

– Я думаю, – сказал Садзаки, – на это и был расчет. Кэл рассматривал клонирование как одну из предосторожностей. Он знал, что процесс сканирования, которому он намеревался подвергнуть себя и еще семьдесят девять человек, разрушит его материальное тело, а потому хотел получить другое, в которое он сможет вернуться, если жизнь в машине придется ему не по нраву.

– Так и вышло?

– Возможно. Но не в этом дело. Во времена Восьмидесяти операция по обратному переносу сознания – от машины к человеку – была еще за гранью возможного. Реальной причины торопиться не было. Кэл всегда мог держать свой клон в криосне до тех пор, пока тот не понадобится. Мог сделать еще один клон, уже из клеток мальчика. Он умел заглядывать далеко вперед, этот Кэлвин!

– Если считать, что обратный перенос сознания возможен.

– Что ж, Кэлвин понимал, что вероятность положительного результата его действий не слишком велика. На этот случай и был подготовлен еще способ продления жизни, кроме обратной перезаписи.

– А именно?

– Его запись на бета-уровне. – Садзаки теперь говорил не торопясь, тоном таким же холодным, как воздух в отсеке капитана. – Формально эта запись не имела сознания, но это была весьма детальная факсимильная копия Кэлвина. Ее относительная простота означала, что ее легче закодировать и переписать на мозг Дэна. Куда легче, нежели внедрить туда альфу.

– Я слышала, первичная альфа куда-то исчезла, – сказала Хоури. – Так что того Кэлвина, который мог бы продолжать свое дело, фактически не осталось. Нетрудно догадаться, что и Дэн повел себя куда более независимо, чем хотелось Кэлвину.

– Это еще мягко говоря, – кивнул Садзаки. – История Восьмидесяти стала началом упадка Института Силвеста. Дэн сбросил с себя кандалы, так как больше интересовался тайной затворников, нежели кибернетическим бессмертием. У него оставалась бета-запись отца, хотя он, видимо, не понимал ее истинного значения. Он рассматривал ее скорее как семейную реликвию, чем как нечто неизмеримо более важное. – Триумвир снова усмехнулся. – Думаю, если бы он знал, что это такое, он бы ее уничтожил, хотя это означало бы его собственную аннигиляцию.

«Понятно, – подумала Хоури. – Бета-запись – это что-то вроде пойманного в ловушку беса, который ищет возможности заполучить тело-носитель. Бес не обладает сознанием в нашем понимании этого слова, но он силен и опасен, и недюжинная изобретательность заменяет ему подлинный интеллект».

– Меры предосторожности, принятые Кэлвином, оказались весьма полезны и для нас, – продолжал Садзаки. – В бета-записи содержалось вполне достаточно его опыта, чтобы вылечить капитана. Все, что нам было нужно, – это уговорить Дэна, чтобы позволил Кэлвину временно поселиться в его уме и теле.

– Это получилось так легко? И Дэн ничего не заподозрил?

– Это вовсе не было легко, – признался Садзаки. – Было совсем нелегко! Периодически Кэлвин одерживал верх, и это походило на буйную одержимость. Особенно трудно было контролировать движения. Чтобы подавить личность Дэна, мы были вынуждены колоть ему смесь нейроингибиторов. И когда Кэлвин наконец прорывался, тело оказывалось почти парализовано. Выглядело это так, будто наш блестящий хирург во время операции пьян в стельку. Дэну это во всех отношениях далось тяжело. Было очень больно, по его словам.

– Но своего вы добились?

– Верно. Однако это было сто лет назад. Пора снова посетить доктора.

– Ваши флаконы, – сказала ординатор.

Одна из закутанных в мантили сопровождающих выступила вперед, держа флакон, похожий на тот, который Силвест вынул из своего кармана. Только жидкость во флаконе Паскаль была ярко-красная, а у Силвеста желтоватая. Там и там плавали гроздьи более темного вещества. Ординатор взяла оба флакона и подержала на виду, прежде чем поставить на стол.

– Мы готовы приступить к свадебному обряду, – сказала она, а затем задала обычный вопрос: нет ли среди присутствующих лиц, имеющих соображения биологического или этического свойства, по которым свадьба не должна состояться. Возражений, конечно, не последовало.

Но в этот торжественный момент, казалось сулящий многочисленные возможности, Силвест заметил среди зрителей женщину под вуалью. Незнакомка порылась в сумочке, достала закрытый рубиновой пробкой пузырек с содержимым янтарного цвета и откупила его.

– Дэниел Силвест, – произнесла ординатор, – берешь ли ты в жены эту женщину по законам Ресургема, до тех пор пока этот брак не будет аннулирован в соответствии с ныне действующим или иным законодательством?

– Беру, – ответил Силвест.

Тот же вопрос был адресован Паскаль.

– Беру, – ответила она.

– Тогда наложим узы.

Ординатор вынула из своей шкатулки свадебный пистолет и переломила его. Затем взяла красный флакон, который принесла служительница, вложила в казенную часть ствола и вер-

нула пистолету первоначальную форму. По стволу побежали энтоптики, показывающие состояние устройства.

Жирардо взял Силвеста за предплечье, чтобы поддержать его, а ординатор прижала сходящийся на конус ствол к черепу жениха, чуть выше глаза.

Силвест был прав, говоря Жирардо, что церемония не слишком болезненная, но и приятной ее не назовешь. Он ощутил жгучий холод, как будто жидкий гелий хлынул в голову. Неприятное ощущение длилось недолго, а крошечной ранке предстояло зажить через несколько дней.

Иммунная система мозга куда слабее, нежели у тела в целом, и клетки Паскаль, плавающие в бульоне из наномедов, скоро свяжутся с клетками Силвеста. Их объем ничтожно мал – меньше десятой доли процента от массы мозга, но трансплантируемые клетки несут на себе нестираемый отпечаток личности Паскаль – тончайшие нити голографических вместилищ памяти и характера.

Ординатор удалила из пистолета пустой флакон и вложила на его место желтый. У Паскаль это была первая свадьба по обычаю Йеллоустона, и она с трудом скрывала волнение. Жирардо придерживал ее за руки, пока ординатор вводила в ее мозг нейронный материал Силвеста. Паскаль сильно вздрогнула, когда это произошло.

Силвест не потрудился развеять заблуждение Жирардо, считавшего, что имплантат внедрен навсегда. Это не тот случай. Трансплантируемая нейронная ткань маркирована безвредными изотопами, которые позволяют выдолбить и уничтожить чужеродные клетки с помощью специальных вирусов развода. До сих пор Силвест не прибегал к такой процедуре и надеялся не прибегать впредь, независимо от числа браков. В его мозгу жили призрачные образы его прежних жен (так же как в их головах жил его образ), а теперь там поселится и образ Паскаль. Между прочим, в памяти Паскаль появятся очень бледные воспоминания о женах Силвеста, которых она прежде и знать не знала.

Таковы йеллоустонские обычаи.

Ординатор аккуратно укладывала свадебный пистолет в шкатулку.

– Согласно законодательству Ресургема, вы сочетались законным браком, – сказала она. – Объявляю вас...

В этот момент запах духов достиг птиц Жанекена.

Женщина, которая открывала янтарный флакончик, уже исчезла, оставив вызывающе пустое кресло. Нежный аромат, исходивший оттуда, заставил Силвеста почему-то вспомнить о раздавленных в пальцах прелых осенних листьях. Захотелось чихнуть.

Что-то не так.

Зал заполнился бирюзовыми блестками, и будто одновременно раскрылось множество вееров, раскрашенных пастелью. Это распушили свои хвосты павлины Жанекена. С шелестом раскрылись десятки павлиньих глаз. Внезапно воздух посерел.

– Ложись! – завопил Жирардо.

Он как безумный рвал ногтями кожу на шее. В нее что-то вцепилось, что-то маленькое и изогнутое. Силвест растерянно взглянул на свой костюм и увидел с полдюжины колючек в форме запятой. Им не удалось проткнуть ткань, но страшно было до них дотронуться, чтобы стряхнуть на пол.

– Это орудия убийства! – хрипел Жирардо.

Он рухнул под стол, потянув за собой Силвеста и дочь. Среди присутствующих воцарился хаос. Охваченная ужасом толпа рвалась к выходу.

– Они зарядили птиц Жанекена! – буквально визжал в ухо Силвесту Жирардо. – Отравленные колючки были в хвостах!

– Ты ранен, – констатировала Паскаль, слишком ошеломленная, чтобы в ее голосе могли звучать эмоции.

Над их головами посверкивали вспышки и клубился дым. Слышались отдельные вопли. Краем глаза Силвест увидел принесшую духи женщину, она обеими руками держала пистолет – жуткого вида, с плавными контурами. Клыкастый ствол выбрасывал холодные импульсы бозерной энергии. Над ней висело несколько летающих камер, безучастно регистрирующих бойню. Силвест никогда не видел такого оружия и был уверен, что оно сделано не на Ресургеме. Либо его привезли с Йеллоустона вместе с переселенцами, либо его продал торговец Ремиллиод, который побывал здесь уже после переворота. Стекло – амарантийское стекло – выдержавшее десять тысяч столетий, со звоном лопалось наверху, осыпая визжащую публику градом зазубренных осколков. С бессильной яростью Силвест смотрел, как эти рубиновые пластинки вонзаются в плоть. В паническом вое толпы тонули крики раненых.

Остатки охраны Жирардо реагировали слишком медленно. Четверо были уже убиты, из их лиц торчали колючки. Одному удалось прорваться к сиденьям, и он безуспешно пытался обезоружить женщину. Другой палил из собственного оружия, уничтожая птиц Жанекена.

Жирардо стонал. Налитые кровью глаза закатились, руки бесцельно хватали воздух.

– Надо уходить! – кричал в ухо Паскаль Силвест.

Она, похоже, еще не пришла в себя от пересадки нейронов, поэтому видела происходящее как в тумане.

– Отец!..

– Он уже покойник. – Силвест опустил тяжелое тело Жирардо на холодный пол храма, стараясь держаться под прикрытием стола. – Паскаль, эти колючки смертельны. Мы ничем ему не поможем. Если останемся здесь, только разделим его судьбу.

Жирардо все еще старался что-то прохрипеть. Возможно, то было слово «уходите»; возможно, лишенное смысла восклицание.

– Нельзя же его вот так бросить, – еле слышно прошептала Паскаль.

– Если мы этого не сделаем, убийцы добьются, чего хотели.

– Куда же мы скроемся? – заливаясь слезами, спросила она.

Силвест в отчаянии огляделся. Зал был полон дыма – охрана Жирардо стреляла пулями останавливающего действия. Дым неторопливо клубился и стягивался в жгуты, будто невидимый танцор махал цветными лентами. Как раз в это мгновение свет вообще погас. Либо его отключили снаружи, либо разбили лампы выстрелами. Наступила крошечная тьма.

Паскаль ахнула от ужаса.

Зрение Силвеста почти автоматически переключилось на инфракрасный режим.

– Я все вижу, – шепнул он ей. – И пока мы вместе, нам не нужно бояться темноты.

Молясь, чтобы миновала опасность от птиц, Силвест медленно поднялся на ноги. Зал храма наполнился серо-зеленым светом. Женщина, принесшая духи, была мертва, в ее боку зияла горячая рана величиной в добрый кулак. Осколки янтарного пузырька валялись у ее ног. Силвест догадался, что запах духов послужил гормональным пусковым устройством для рецепторов, которые Жанекен вложил в своих птиц. Значит, он по уши в этом дерьме. Но и сам Жанекен был мертв: из груди торчал маленький кинжал, а от него по расшитому жилету тянулись кровавые разводы.

Силвест схватил Паскаль и потащил к выходу – к арочному коридору, украшенному скульптурами и рельефными амарантийскими иероглифами. Вроде женщина с духами была единственным убийцей в зале, если не считать Жанекена. Но сейчас сюда входили ее друзья. Они были в камуфляжных костюмах, на лицах – плотно прилегающие дыхательные маски и инфракрасные очки.

Силвест спрятал Паскаль за грудой перевернутых столов.

– Они ищут нас, – прошипел он. – Но думают, наверное, что мы уже мертвы.

Оставшиеся в живых телохранители Жирардо отступили и заняли оборонительную позицию за стульями и креслами, которые веером спускались от цоколя шпиля к полу. Силы,

конечно, были неравны: прибывшие имели тяжелое вооружение – ружья-бозеры. Милиция Жирардо могла выставить против них лишь лазеры небольшой мощности и пистолеты с обычными пулями. Оружие противника рассекало их на куски с чудовищной механической легкостью.

Половина собравшихся в зале была убита или лежала без сознания. Многие приняли на себя основной залп отравленных колючек. Никому не пришло бы в голову счесть птиц опасными, поэтому их пропустили без всякой проверки.

Силвест заметил, что две птицы остались живы. На них все еще действовали пахучие частицы духов, хвосты складывались и расходились, точно веера в руках нервных куртизанок.

– Твой отец ходил с оружием? – спросил Силвест и спохватился, что употребил прошедшее время. – После переворота?

– Не думаю, – ответила Паскаль.

Конечно же, Жирардо никогда бы не сказал об этом дочери. Силвест быстро ощупал его тело, надеясь отыскать пистолет под церемониальным костюмом. Ничего.

– Придется обойтись без оружия, – сказал Силвест, будто констатация этого факта уже могла чем-то помочь. – Если не удерем, нас прикончат, – пояснил он.

– В лабиринт?

– Заметят, – буркнул он.

– Но, может, не опознают? – настаивала Паскаль. – А еще им неизвестно, что ты видишь в темноте. – Хотя Паскаль и была сейчас практически слепа, она смотрела ему прямо в лицо, приоткрыв рот – олицетворение надежды. – Только дай проститься с отцом.

Она нащупала в темноте и поцеловала Жирардо в последний раз в жизни.

Между тем Силвест изучал возможности отхода. Как раз в этот момент мятежник, карауливший выход, был убит телохранителем Жирардо. Человек в маске осел, тепло его тела образовало лужицу на полу, мелкие червячки энергии разбежались по плитам пола.

Путь свободен, но это ненадолго. Паскаль нащупала руку Силвеста, и они стремительно кинулись к выходу.

Глава восьмая

На пути к Дельте Павлина, год 2546-й

– Я так понимаю, что ты уже слышала новости о капитане? – спросила Хоури, когда Мадемуазель скромно кашлянула у нее за спиной.

Если не считать иллюзорного присутствия Мадемуазели, Хоури находилась одна в своей каюте. Она переваривала услышанное от Вольевой и Садзаки.

Улыбка Мадемуазели была безмятежной.

– Действительно, все это несколько осложняет ситуацию. Я, конечно, учитывала возможность того, что у команды могут быть какие-то связи с Силвестом. Мне это показалось логичным, учитывая странность их решения лететь к Ресургеми. Но я не смела и вообразить столь лихо закрученный сюжет.

– Вот уж точно – лихо закрученный.

– Их отношения... – Призраку требовалось время на подбор слов, хотя Хоури это казалось просто плохой театральщиной, – ...интересны. Они могут... ограничить наши будущие действия.

– Ты уверена, что все еще хочешь его убить?

– Абсолютно. И эти новости только подтверждают правильность решения. Кстати, существует опасность, что Садзаки попытается привести Силвеста на борт корабля.

– А разве это не облегчает мою задачу?

– Конечно, но в этом случае убийства будет недостаточно. Тебе придется найти способ уничтожить весь корабль. Удастся ли спастись самой – это уже твоя проблема.

Хоури нахмурилась. Может, это и ее проблема, но во всем происходящем она не видит никакого смысла.

– Но если я гарантирую, что Силвест мертв...

– Этого недостаточно, – ответила Мадемуазель с необычной для нее прямоотой. – Убийство – это лишь часть того, что ты должна сделать. И далеко не главная часть. Тебе предстоит весьма сложная процедура.

Хоури с нетерпением дожидалась пояснения.

– Он не должен ни о чем догадаться. Даже за секунду до своей смерти. Больше того, ты убьешь его в тот момент, когда он будет находиться в полном одиночестве.

– Это в плане с самого начала...

– Пусть так, но сказанное мной должно быть исполнено неукоснительно. Если вдруг окажется, что полностью изолировать Силвеста нельзя, его ликвидацию придется отложить. И никаких компромиссов, Хоури.

Впервые они обсуждали предстоящее убийство в таких деталях. По-видимому, Мадемуазель решила, что Хоури имеет право узнать чуть больше. Впрочем, картина все еще оставалась неполной.

– А оружие?

– Можешь выбирать на свое усмотрение, но с условием, что в нем не будет кибернетических компонентов выше определенного уровня сложности, о котором я скажу позже. – И прежде чем Хоури успела возразить, Мадемуазель добавила: – Сгодился бы и лучевик, но при уверенности, что он никогда не принадлежал Силвесту. Взрывчатка и пулевое оружие тоже вполне подходят для наших целей.

«Учитывая историю этого корабля, – подумала Хоури, – здесь наверняка предостаточно стреляющего барахла, которое только меня и дожидалось. Когда придет время, я подберу что-

нибудь умеренной убойности и даже научусь с ним обращаться, прежде чем пушу его в ход против Силвеста».

– Значит, с оружием мы решили...

– Я еще не закончила. Ты не должна приближаться к Силвесту и не должна убивать его вблизи от кибернетических устройств. Эти условия я также уточню позже, когда приблизится срок ликвидации. Если тебе удастся это сделать на поверхности Ресургема, когда он будет совершенно одинок и беспомощен, ты удовлетворишь мои требования полностью.

По-видимому, для Мадемуазели сказанное имело огромное значение, так что Хоури постаралась все запомнить, хотя звучали наставления призрака наподобие средневековых заклинаний против лихорадки.

– И ни в коем случае не позволяй ему покинуть Ресургем. Пойми, если на орбите появится какой-нибудь субсветовик, даже наш, Силвест обязательно попытается проникнуть на него. Этого нельзя допустить ни при каких обстоятельствах.

– Я поняла, – сказала Хоури. – Его надо убить внизу. Это все?

– Не вполне. – Ухмылка призрака была совершенно вурдалачья, Хоури еще не приходилось видеть такой на лице Мадемуазели. Может быть, та истощила свой арсенал мимических жестов, оставив лишь кое-что для особых случаев? – Конечно, я хочу получить доказательство его гибели. Твой имплантат зафиксирует обстоятельства ликвидации, но, когда ты вернешься на Йеллоустон, изволь предоставить физическое свидетельство. Мне нужны останки, и не просто пепел. То, что добудешь, храни в вакууме, изолированно от корабля. Если надо, замуруй в камень, но любой ценой доставь мне. Я должна получить доказательство.

– А потом?

– А потом, Ана Хоури, я отдам тебе мужа.

Силвест не останавливался даже дух перевести, пока они с Паскаль не достигли оболочки Города, не проникли в нее и не сделали несколько сот шагов по лабиринту пронизывающих ее тоннелей. Он шел наугад, игнорируя знаки, оставленные археологами, стараясь лишить преследователей малейшего шанса на осмысленный поиск.

– Не так быстро, – взмолилась Паскаль.

Силвест закрыл ей рот ладонью, хотя и знал, что потребность заговорить вызвана подсознательным желанием забыть о только что случившемся убийстве отца.

– Надо двигаться тихо. В скорлупе полно людей из «Истинного пути», и они очень хотят нас поймать.

– Но мы заблудимся, – сказала она, понизив голос. – Дэн, здесь уже кое-кто терял дорогу и умирал от голода.

Силвест толкнул Паскаль в узкий лаз, уводивший куда-то в густую и душную тьму. Стены были скользкие, на полу – ни дощечки настила.

– Вот чего мы попросту не сможем тут сделать, – сказал он со спокойствием, которого вовсе не испытывал, – так это заблудиться. – Он постучал пальцем по глазу. Зрячий в обществе слепого, Силвест начисто забывал, что большая часть его внеречевых средств общения пропадает зря. – Я могу воспроизвести каждый сделанный нами шаг. И стены прекрасно держат тепло, полученное от наших тел. Для нас тут гораздо безопаснее, чем в Городе.

Она долго не отвечала, лишь тяжело дышала у него за спиной. Наконец прошептала:

– Надеюсь, это не один из тех редких случаев, когда ты ошибаешься. Потому что иначе мы получили бы слишком дурное предзнаменование в самом начале нашей супружеской жизни.

Ему было невесело – кровавая бойня все еще стояла перед глазами. Тем не менее он рассмеялся, и этот смех как бы сделал менее реальным случившееся. Уж лучше так... Когда он думал обо всем рационально, страхи Паскаль ему казались вполне оправданными. Даже если бы Силвест знал, где лежит выход из лабиринта, это знание, скорее всего, оказалось бы беспо-

лезным. Например, если он наверху, а тоннели слишком скользкие, по ним не вскарабкаться. Или если слухи правдивы и лабиринт произвольно меняет свою конфигурацию. А кроме того, волшебное зрение никак не спасает от голода, и Силвест с Паскаль умрут точно так же, как те несчастные глупцы, что сошли с маркированной тропы.

Все глубже и глубже уходили они в лабиринт амарантийцев, ощущая, как лениво изгибается тоннель, как причудливо, подобно дождевому червю, точит он свой путь сквозь толстую скорлупу Города. Поддаться панике было еще опаснее, чем потерять направление, а сохранять спокойствие – куда как тяжело.

– И сколько, по-твоему, времени мы здесь проведем?

– День, – сказал Силвест. – За этот срок должны подойти подкрепления из Кювье.

– И на чьей стороне они будут?

Силвест протиснулся через сужение тоннеля. Дальше тот расходился натрое. Силвест мысленно бросил монетку и двинулся влево.

– Хороший вопрос, – сказал он, но так тихо, чтобы жена не услышала.

А что, если бойня в зале – лишь эпизод переворота, охватившего всю колонию, а не локальный акт терроризма? Что, если Кювье уже вышел из-под контроля правительства Жирардо и теперь находится в руках «Истинного пути»? Смерть Жирардо оставила без управления громоздкую партийную машину, важнейшие шестерни которой были сломаны в храмовом зале во время брачной церемонии. Задумай революционеры блицкриг, в этот момент ослабления власти они могли бы добиться многого. Возможно, все уже кончено, бывшие недруги Силвеста сброшены с Олимпа, и новая неизвестная сила захватила бразды правления. В этом случае торчать в тоннеле – просто терять время. Как относится к Силвесту «Истинный путь», интересно: как к своему врагу или как к врагу своего врага? Это ведь совершенно разные вещи...

Правда, в самом конце Силвест и Жирардо перестали быть врагами.

Наконец беглецы вышли к широкой плоской горловине, в которой сходилась несколько тоннелей. Там нашлось где посидеть, а воздух был чист и свеж. Значит, система подкачки воздуха работала совсем близко. В инфракрасном спектре Силвест видел, как Паскаль осторожно садится, как шарят ее руки по скользкому полу, боясь нащупать крысу, острый камень или череп.

– Порядок! – сказал Силвест. – Здесь мы в безопасности. – Эти слова, будучи произнесены вслух, казалось, обрели правдивость. – Если кто-то появится, успеем скрыться. А пока будем тихо лежать и ждать.

Конечно, сейчас, когда волнения, связанные с побегом, отошли на задний план, Паскаль снова начнет думать об отце. Этого не хотелось.

– Жанекен, старый тупица, – сказал он, надеясь хоть как-то отвлечь ее от тягостных мыслей. – Должно быть, его шантажировали. Так чаще всего и бывает.

– Ты о чем? – с трудом спросила Паскаль. – Что бывает чаще всего?

– Коррумпируют тех, кто вне подозрений. – Силвест говорил еле слышно. Газ, использованный в храме, почти не затронул легкие Силвеста, но все же поразил голосовые связки. – Жанекен много лет возился с этими птицами. По крайней мере, с тех пор, как мы познакомились в Мантеле. Все началось с того, что ему захотелось получить символы. Он твердил, что колония, вращающаяся на орбите Павлина, просто обязана иметь несколько павлинов, таких живых скульптур. Но кто-то нашел для них гораздо более серьезную работенку.

– А может, они и были выведены ядовитыми, все до одного, – задумчиво произнесла Паскаль. – Ходячие мины с часовым механизмом...

– Почему-то я сомневаюсь, что Жанекен согласился бы отдать так много своих драгоценных павлинов.

Возможно, подействовал свежий воздух – Силвест вдруг почувствовал сильную усталость, потянуло в сон. Сейчас они в безопасности. Если бы убийцы шли по следам – они ведь давно обнаружили, что Паскаль и его нет среди трупов, – то появились бы в этой части «скорлупы» уже давно.

– Я никогда не верила, что у отца есть настоящие враги, – говорила между тем Паскаль.

Ее фраза повисла в тишине этого чуждого пространства. Силвест понимал ее страх: она слепа; она может полагаться только на его заверения; само это место является для нее воплощением ужаса.

– Я никогда не думала, что его могут убить, не верила, что появится человек, готовый пойти на такое злодеяние. И тем не менее желающие нашлись.

Вместе с другими членами команды Хоури пришлось лечь в криокамеру, чтобы провести в анабиозе большую часть полета к Ресургему. Но до этого она много часов провела в ЦАПе, где моделировались бесчисленные боевые ситуации. Они даже вторгались в ее сны – и это было странно, поскольку бесчисленное повторение упражнений, придуманных для нее Вольевой, давно успело осточертеть.

И все же в ЦАПе Ане нравилось: с головой уйдя в работу, она забывала про свои вечные тревоги. Проблема Силвеста превращалась во что-то вроде нервной почесухи.

Хоури, как и раньше, сознавала безвыходность ситуации, но здесь этот факт не казался критическим. И ЦАПа она больше не боялась. Столько занятий там прошло – а Хоури осталась сама собой. И вряд ли ЦАП вообще как-то повлияет на исход ее миссии.

Но все изменилось, когда нагрянули «ищейки».

Это была кибернетическая агентура, которую однажды спустила с цепи Мадемуазель, пока Хоури занималась в ЦАПе. «Ищейки» проковыряли себе лазейку в нейронном интерфейсе, найдя у системы ахиллесову пяту. Вольева установила защиту от атаки со стороны программного обеспечения, но она никак не предполагала, что опасность будет исходить от человека, подключенного к ЦАПу. Через мозг Хоури «ищейки» прошли в мозг ЦАПа и донесли об этом Мадемуазели.

В тот вечер они не вернулись к Хоури – им потребовалось несколько часов, чтобы обнюхать каждую клеточку, каждую нишу в грандиозной и сложной архитектуре ЦАПа. Они провели там больше дня, пока Вольева снова не подключила Хоури к системе.

Тогда «ищейки» возвратились к Мадемуазели, она обработала собранную ими информацию и поняла, что за дичь они учуяли.

– У нас на борту «заяц», – сообщила Мадемуазель Хоури, когда они остались наедине после занятий в ЦАПе. – Кто-то прячется в системе управления артиллерией, и я готова держать пари, что Вольева об этом не знает.

Именно с этого момента Хоури перестала относиться к ЦАПу с былым спокойствием.

– Продолжай, – сказала она, чувствуя, как кровь холодеет в жилах.

– Это сущность информационного происхождения. Больше я о ней ничего сказать не могу.

– «Ищейки» что-нибудь установили?

– Да, но... – Казалось, Мадемуазели опять не хватает слов.

Хоури решила, что тут обманом не пахнет: имплантат оказался в ситуации, никак не коррелировавшей с опытом Мадемуазели, которая находилась во многих световых годах отсюда.

– Они ведь не видели «зайца», даже краем глаза не заметили. Это очень скрытная сущность, иначе защита Вольевой давно бы ее обнаружила. «Ищейки» как бы учуяли ее отсутствие в том месте, где она только что находилась, уловили ветерок, поднятый ею в процессе перемещения...

– Сделай одолжение, – прервала ее Хоури, – не говори таким испуганным тоном.

– Извини, – ответила Мадемуазель. – Не скрою, появление этой сущности обеспокоило меня.

– Тебя оно обеспокоило? А мне каково, по-твоему? – Хоури покачала головой: обыденная жестокость действительности едва не лишила ее дара речи. – Ладно, к делу. Как думаешь, что это? Может, вирус из числа тех, что поедают этот проклятый корабль?

– Нет, для вируса оно слишком сложное. Защитные системы Вольевой поддерживают корабль в рабочем состоянии, невзирая на эти вирулентные организмы. Ей даже удалось приостановить распространение плавающей чумы. Но этот «заяц»... – Мадемуазель поглядела на Хоури с непритворным страхом в глазах. – «Ищейки» его испугались! По тому, как он ускользает от них, видно: он умнее всего, с чем мне приходилось иметь дело раньше. И то, что он не напал на «ищеек», пугает меня еще больше.

– Почему?

– Потому что наводит на мысль: эта сущность ждет своего часа!

Силвест так и не узнал, сколько времени они проспали. Возможно, то были минуты, заполненные лихорадочными адреналиновыми сновидениями о хаосе и бегстве, а может быть, часы или даже большая часть дня. Но сновидения эти не были порождены усталостью, честно свалившей обоих с ног.

Придя в себя как от встряски, Силвест понял: они дышат усыпляющим газом, который закачали в систему воздухооборудования тоннелей. Неудивительно, что воздух показался им с самого начала таким освежающим и ароматным!

Какие-то звуки, будто крысы бегают на чердаке.

Он на ощупь отыскал Паскаль. Просыпалась она трудно, с жалобными стонами, и лишь через несколько минут пришла в себя. Силвест всматривался в тепловой рисунок ее лица и видел, как смесь страха и горя постепенно уступают безразличию.

– Надо уходить, – сказал Силвест. – За нами гонятся, в тоннели пущен газ.

Царапанье нарастало с каждой секундой. Паскаль все еще пребывала между сном и явью, но уже могла говорить, хотя голос звучал как сквозь вату. Она спросила:

– Куда пойдем?

– Вот сюда. – Силвест схватил ее и толкнул к ближайшему узкому тоннелю.

Она чуть не упала – тело еще не слушалось. Силвест помог жене удержаться на ногах, обогнул ее и взял за руку. Впереди клубился мрак, и Силвест видел лишь на несколько метров вперед. Подумалось, что теперь он почти так же слеп, как Паскаль.

И все же лучше такое зрение, чем никакого.

– Подожди, Дэн, – сказала Паскаль. – У нас за спиной свет.

И голоса. Теперь он хорошо слышал их, хоть и не разбирал слов. Лязг металла. Надо полагать, хемосенсорные устройства уже давно следят за ними, феромональные «ищейки» чувствуют emanации человеческого страха и передают эту информацию в графическом виде прямо в мозг преследователям.

– Быстрее, – шепнула Паскаль.

Он бросил взгляд назад. Яркий свет на миг перегрузил органы зрения. Это было голубое сияние, глубоко проникавшее в штрек. Оно дрожало, будто исходило от несомого кем-то факела.

Силвест попытался идти быстрее, но тоннель круто шел вверх, и находить зацепки на почти зеркальной гладкости стенах было почти невозможно. Все равно что карабкаться внутри обледеневшей трубы.

Сзади – тяжелое дыхание, царапающий стену металл, отрывистые, как лай, команды.

Слишком крут подъем. Теперь уже приходится напрягать все силы, чтобы не сорваться и не улететь вниз.

– Стань за моей спиной, – приказал Силвест, оборачиваясь к голубому свету.

Паскаль протиснулась мимо:

– Что дальше?

Свет дрожал, но непрерывно усиливался.

– Паскаль, у нас нет выбора, – ответил Силвест. – Уйти от них мы не сможем. Значит, надо вернуться и встретиться с ними.

– Это самоубийство!

– Может, им будет труднее убивать нас, глядя в глаза.

Силвест подумал, что четыре тысячи лет человеческой цивилизации развеяли по ветру это заблуждение, но другой надежды у него не было. Жена обхватила его сзади руками и прижалась щекой к щеке, вглядываясь в сторону преследователей. Она дышала часто и прерывисто. Силвест не сомневался, что он дышит ничуть не лучше.

Враги в буквальном смысле слова обоняли их ужас.

– Паскаль, – прошептал Силвест, – я должен сказать тебе кое-что.

– Сейчас?

– Да, сейчас. – Он уже не мог отличить ее дыхание от своего. – На тот случай, если больше никому не успею сказать. Я и так слишком долго держал это в секрете.

– Ты имеешь в виду... на случай нашей смерти?

Он не ответил на этот вопрос. Какая-то часть его мозга была занята подсчетом минут или секунд оставшейся жизни. Слишком мало, чтобы рассказать так, как он хотел.

– Я солгал, – шептал он. – Солгал о том, что произошло у Завесы Ласкаля.

Паскаль хотела перебить его.

– Нет, подожди, – жарко шептал Силвест. – Выслушай... Мне надо поделиться... Не могу больше держать это в себе.

Ее голос был еле слышен.

– Говори.

– Все, что я рассказывал, – это полуправда.

Ее глаза широко раскрылись – овальные пустоты на тепловой маске лица.

– Это не измененный мозг Карины Лефевр стал разрушаться, когда мы приближались к завесе, а...

– Что ты хочешь сказать?!

– Это был мой мозг. Это из-за меня мы чуть не погибли.

Он помолчал, ожидая, что Паскаль как-нибудь отреагирует на услышанное или преследователи выйдут из голубого сияния, которое все надвигалось. Но ничего не произошло, и Силвест продолжил, видимо увлеченный процессом исповеди.

– Наложенные на мой разум мыслительные шаблоны стали стремительно ветшать. Мы уже ощущали хватку гравитационных полей вблизи завесы. Карина погибла бы, если бы я не отделил свой модуль от ее.

Он почти физически ощущал, как Паскаль пытается совместить эту информацию с той записью, которую она носит в своей памяти и которая является частью истории, выученной еще в ранние годы жизни. То, что она слышит, – не может, не должно было быть правдой! Ведь все так просто! Измененный мозг Лефевр начал сдавать. Она принесла себя в жертву, отстыковавшись, чтобы Силвест получил шанс вступить в контакт с чем-то совершенно чужеродным. Иначе и быть не могло! Паскаль всегда верила Силвесту... И вдруг это оказывается ложью!

– Вот что я тогда должен был сделать! Сейчас, когда все уже позади, об этом легко говорить, но тогда я не смог... ни сразу, ни потом.

Паскаль не видела его лица. Выражало ли оно сейчас радость или...

– Я не смог поджечь пиропатроны.

– Почему?

Возможно, она хотела, чтобы он ответил: это было невозможно по техническим причинам; область спокойного космоса была слишком маленькой и не допускала никакого маневра; гравитационные вихри парализовали его, чуть не сорвав мясо с костей. Но это было бы ложью, а сейчас он не смел лгать.

– Я испугался, – сказал Силвест. – Просто до смерти испугался. Больше всего боялся умереть в этом чужом мире. Боялся того, что случится с моей душой в том месте, где я оказался. В том, которое Ласкаль называл Пространством Откровения. – Он откашлялся, зная, что времени почти не осталось. – Это звучит иррационально, но тогда я все это ощущал каждой клеткой своего тела. Компьютерные модели не подготовили нас к этому ужасу.

– И все же ты это сделал?

– Гравитационные вихри разорвали наш корабль напополам. Они сделали то, для чего предназначались пиропатроны. Я не погиб... и не могу понять почему. Ведь я был обречен.

– А Карина?

Прежде чем он успел ответить – если допустить, что у него был готовый ответ, – тошнотворный запах ударил им в лицо. Опять усыпляющий газ, но теперь в несравненно большей концентрации. Он заполнил легкие, и Силвест забыл и о Завесе Ласкаля, и о Карине, и о своей роли в ее судьбе. Теперь во всей Вселенной было лишь одно неотложное дело – вычихать из легких этот газ.

Впрочем, было и другое – содрать кожу с зудящих пальцев!

В голубом сиянии появился человек. Маска скрывала его лицо, но поза красноречиво свидетельствовала об усталом безразличии. Лениво он поднял левую руку. Сначала Силвесту показалось, что в ней зажат мегафон с широким раструбом, но то, как человек его держал, говорило, что у предмета есть гораздо более важное предназначение.

Он целился спокойно и методично, пока оружие не оказалось направленным прямо в глаза Силвесту.

А потом – в этой мертвой тишине – он сделал что-то, и в мозг Силвеста вошла раскаленная игла.

Глава девятая

Мантиль, Северная часть горного массива Нехбет, Ресургем, год 2566-й

– Насчет глаз – прошу извинения, – услышал Силвест, когда миновала целая вечность боли и не зависящих от него передвижений.

На какое-то время Силвест погрузился в сумятицу мыслей, стараясь восстановить в памяти порядок недавних событий. Где-то в недалеком прошлом находились его свадьба, кровавая бойня, бегство в лабиринт, усыпляющий газ... и больше ничего, связанного с настоящим. У него было ощущение, что он пытается связать биографию из пригоршни непронумерованных фактов, биографию, события которой казались дразняще знакомыми.

...Невероятная боль в голове, когда какой-то человек направил на него оружие...

Силвест ослеп.

Мир исчез, его заменила неподвижная серая мозаика: зрение перешло на аварийный режим. Одно из лучших произведений Кэлвина понесло тяжелый урон.

– А вообще-то, и к лучшему, что вы не видите нас, – продолжал голос, источник которого теперь находился гораздо ближе. – Конечно, можно было завязать вам глаза, но мы не знаем, на что еще были способны эти штучки. Что, если они видят через любую ткань? В общем, так было проще. Сфокусированный магнитный импульс... Ну, может, немного боли, несколько сожженных контуров... Жаль, конечно...

В голосе не было ни малейшей жалости.

– Что с моей женой?

– Вы про дочку Жирардо? С ней полный порядок. Нам не пришлось принимать жестких мер в отношении нее.

Может быть, оттого, что ослеп, Силвест стал очень чуток к движениям вокруг. Он догадался, что летит на самолете впритирку к земле, по каньонам и долинам – пилот стремится избежать песчаной бури. Кому принадлежит этот самолет и кто вообще сейчас заправляет делами? Удержали ли сторонники Жирардо власть в Кювье, или вся колония перешла в руки «Истинного пути»? Ни то ни другое энтузиазма не вызывало. Можно было заключить союз с Жирардо, но он умер. И у Силвеста полно врагов в руководстве партии увлажнистов – людей, порицавших Жирардо за то, что он оставил Силвесту жизнь после первого мятежа.

И все-таки Силвест жив. А слепым ему уже довелось побывать. Он помнил эти ощущения и знал, что сумеет с ними справиться.

– Куда мы летим? – спросил Силвест.

Его связали и очень сильно затянули веревки, нарушив кровообращение.

– Обратно в Кювье?

– А если и так? Я бы удивился, узнав, что вам не терпится туда попасть.

Самолет накренился и рухнул в тошнотворную воздушную яму. Потом долго выбирался из нее, точно игрушечная яхта, попавшая в океанский шторм. Силвест попытался восстановить в памяти карту каньонов вблизи Кювье, но это было бессмысленной тратой сил. Возможно, до амарантийского города отсюда ближе, чем до дома, но с равным успехом Силвест мог находиться в противоположной точке планеты.

– Вы... – Силвест заколебался, подумав, не стоит ли ему изобразить полное отсутствие интереса к собственной судьбе, но тут же отверг эту мысль. – Вы из увлажнистов?

– А вы как полагаете?

– Думаю, из «Истинного пути».

– Ну что ж, можно и поаплодировать.

– И вы теперь хозяева положения?

– Вот это уж точно! – Сопровождавший попытался вложить побольше удалы в свой ответ, но Силвест вроде бы уловил заминку.

Они не уверены, подумал Силвест. Вполне вероятно, еще не получили полной информации о том, насколько удачен переворот. Сказанное этим охранником может быть правдой, но, если коммуникации на планете выведены из строя, как поручиться за прочность новой власти? Не исключено, что верные Жирардо силы удержат столицу и даже другие населенные пункты.

Чужие пальцы натянули ему на лицо маску, ее твердые края больно врезались в кожу. Однако это было пустяком по сравнению с острой непрерывной болью в поврежденных глазах.

Дышать в маске было совсем нелегко. Ему пришлось потратить немало сил, чтобы научиться вдыхать воздух через фильтр для песка, вделанный в «хобот» маски. Две трети кислорода, попадавшего в легкие, теперь поступали из атмосферы Ресургема, а последняя треть – из баллончика со сжатым воздухом, висевшего под «хоботом». В этом же баллончике содержался углекислый газ для возбуждения дыхательного центра.

Силвест даже не понял, что посадка уже произошла, пока не открылась дверь. Охранник отвязал его и довольно небрежно толкнул в ту сторону, откуда задувал холодный ветер.

Темно ли сейчас вокруг? Или еще не зашло солнце? Теперь можно было только догадываться об этом.

– Где мы? – спросил Силвест.

Маска приглушала его речь, делала ее невнятной, как у идиота.

– А какая вам разница? – Голос не изменился, и Силвест понял, что сопровождающий дышит атмосферным воздухом. – Даже если город рядом, что вовсе не обязательно, вы и шагу не смогли бы ступить, не угробившись.

– Я хочу поговорить с женой.

Охранник схватил его за руку и оттащил куда-то – Силвест понял, что в этом месте он теперь должен стоять и ждать. По пути он споткнулся, но упасть ему не дали.

– Поговорите, когда нас это будет устраивать. Я же сказал, что она в порядке. Или у вас есть основания не верить мне?

– Только что вы убили моего тестя. Считаете, после этого я могу вам верить?

– Считаю, что вам стоит пригнуться.

Чья-то рука надела ему на голову, втолкнула его в укрытие. Ветер перестал колоть уши. Голоса сразу обрели способность отдаваться эхом. За спиной захлопнулась дверь и обрубила завывание бури. Хотя он и ослеп, но какое-то чувство подсказывало, что Паскаль находится не здесь. Остается лишь надеяться, что похитители не врут и Паскаль в безопасности.

Кто-то снял с него маску.

Дальше был быстрый переход по узким коридорам, где он задевал плечами стены и где воняло дешевым антисептиком. Силвесту помогли спуститься по лязгающей железной лестнице, и два скрипучих лифта увезли его на неизвестную глубину. Потом его ввели в какое-то большое помещение, где гуляло гулкое эхо, а воздух пропах металлом, но был относительно свеж. Потом они прошли мимо воздуховода – из него доносился тонкий свист ветра. Иногда Силвест слышал голоса, даже как будто со знакомыми интонациями, но угадать, кому они принадлежат, не удалось. И вот теперь комната.

Силвест почему-то был уверен, что она выкрашена белым и имеет кубическую форму. Он почти физически ощущал давление этих стен.

Кто-то подошел к нему. От этого человека пахло капустой. Силвест ощутил легкие прикосновения к лицу рук, обтянутых чем-то гладким, со слабым запахом дезинфицирующего средства. Вот пальцы коснулись глаз, а затем по фасетам глазного яблока застучало что-то твердое.

Каждый легкий удар зажигал непереносимую боль где-то в височных отделах мозга.

– Починишь их, когда я прикажу, – раздался голос, безусловно знакомый Силвесту – женский, но с необычной хрипотцой, превращавшей его почти в мужской. – А пока пусть побудет слепым.

Уходящие шаги. Должно быть, та, которая говорила, жестом отпустила конвой. Оставшись в одиночестве, Силвест вдруг потерял чувство равновесия. Куда ни повернись, всюду стоит одна и та же серая геометрическая матрица. Ноги стали ватными, но ухватиться было не за что. А может, он на высоте метров десять над полом?

Он стал падать навзничь, махая руками в жалкой попытке сохранить равновесие.

Кто-то схватил его за руку и удержал. Пульс звучал так, будто рядом пилили бревно.

Чье-то дыхание.

Потом влажный щелчок. Силвест понял: женщина открыла рот, а после закрыла. Теперь она, должно быть, улыбается, радуясь увиденному.

– Кто ты? – спросил он.

– Ах ты, жалкий мерзавец! Даже и голоса моего не помнишь.

Ее опытные пальцы сжали его предплечье, отыскивали нужный нерв и нажали. Силвест завизжал, как наказанный щенок. То был первый болевой импульс, заставивший его забыть о боли в глазах.

– Клянусь, – простонал Силвест, – я не знаю тебя!

Она ослабила давление. Когда нервы и вены вернулись на свои места, боль ослабла. Но рука онемела до самого плеча.

– А должен бы помнить, – сказала женщина. – Я та, которую ты много лет считал мертвой, Дэн. Погребенной под оползнем.

– Слука!

Он вспомнил.

Вольева как раз шла к капитану, когда случилась эта неприятность. Остальная команда, включая Хоури, погрузилась в криосон на все время пути до Ресургема; Илия же возобновила привычные разговоры со слегка отогретым Бреннигеном. Чтобы он мог хотя бы фрагментарно соображать, необходимо было поднять температуру его мозга на несколько градусов Кельвина. За последние два с половиной года это стало для нее рутиной – и будет продолжаться еще столько же, пока корабль не приблизится к Ресургеми.

Конечно, разговоры происходили не так уж часто, поскольку после каждого нагрева чума отвоевывала новую частицу капитанского тела и окружающей его среды. И все же это были желанные сеансы человеческого общения среди бесконечной борьбы с вирусами, ухода за оружием и войны с продолжающимся разрушением основ существования корабля.

Поэтому Вольева с нетерпением ждала новой встречи, даже если капитан порой ничем не выказывал, что помнит, на какую тему они беседовали в прошлый раз. Еще хуже было то, что в их отношениях недавно появился холодок. Возможно, из-за того, что Садзаки не удалось найти Силвеста в системе Йеллоустона, а это обрекало капитана по меньшей мере на еще одно пятилетие пытки. Пятилетие – это в лучшем случае. Что, если не удастся найти Силвеста на Ресургеми? Вольевой это казалось вполне вероятным. Каждый раз капитан спрашивал, как идет поиск Силвеста, а она каждый раз отвечала, что результатов пока нет. В эту минуту Бренниген всегда мрачнел (за что она вряд ли могла его винить), и тон разговора менялся. Порой капитан вообще становился некоммуникабельным.

Через несколько дней или даже недель выяснялось, что он начисто позабыл об этом разговоре, и они снова проходили тот же тернистый путь, разве что Вольевой удавалось вложить в свой рассказ толику оптимизма.

На их отношения бросал мрачную тень еще и тот факт, что Вольева упорно пыталась выяснить подробности визита капитана и Садзаки к жонглерам. Лишь относительно недавно,

может пару лет назад, Илия пришла к выводу, что перемена случилась во время того посещения жонглеров. Возможно, оно имело целью как-то трансформировать работу мозга, но почему Садзакки позволил изменить себя к худшему? Он стал жестоким, деспотичным, не терпел малейшего противоречия, тогда как раньше был строг, но справедлив. Раньше он был самым уважаемым членом триумvirата, а теперь Илия не доверяла ему. А капитан, вместо того чтобы пролить свет на случившееся, резким тоном отказывался отвечать на вопросы, вследствие чего у нее портилось настроение, а любопытство, наоборот, крепло.

Вот и теперь она шла к капитану, обуреваемая привычными мыслями: как ей ответить на неизбежный вопрос о Силвесте и с какой стороны на этот раз подойти к теме жонглеров?

Ее путь лежал через тайный склад. Вот тогда-то Вольева и обнаружила, что одно орудие – самое грозное – было передвинуто.

– Ситуация изменилась, – сказала Мадемуазель. – Некоторые перемены случайны, другие – нет.

Было странно ощущать себя снова в сознании. Не говоря уже о том, что Хоури опять слышала голос Мадемуазели. Ведь последнее, что помнила Ана, – как она ложится в криокапсулу, а над ней склоняется Вольева, отдавая распоряжения своему браслету. Теперь же Хоури ничего не видит и не ощущает – даже холода не чувствует. Но все же сознает непонятно каким образом, что и в данную минуту пребывает в криосне.

– Где я?

– На борту корабля, примерно на полпути к Ресургему. Мы идем с очень большой скоростью – всего на процент ниже скорости света. Я слегка повысила температуру твоих нейронов. Этого достаточно для разговора.

– А Вольева не заметит?

– Если и заметит, боюсь, это будет наименьшей из наших проблем. Помнишь тайный склад? Помнишь, как я обнаружила нечто, прячущееся в конструкции ЦАПа? – Подтверждения Мадемуазель не ждала. – Было очень трудно расшифровать информацию, добытую моими «ищейками». Я билась над ней три года кряду... Но теперь кое-что понимаю.

Хоури представилось, как Мадемуазель потрошит своих «ищек», чтобы погадать по их внутренностям.

– Стало быть, «заяц» реален?

– О да! И враждебен, но об этом немного позже.

– Ты догадываешься, что он собой представляет?

– Нет, – ответила Мадемуазель, но, судя по сдержанному тону, ответ был неполон. – Впрочем, мне удалось выяснить кое-что не менее интересное.

То, о чем хотела рассказать Мадемуазель, имело отношение к топологии центрального артиллерийского поста. Каковой представлял собой невероятно сложный комплекс, создававшийся слой за слоем в течение десятилетий корабельного времени. Сомнительно, чтобы один человеческий мозг – даже мозг Вольевой – мог понять хотя бы самые основы этой топологии. Взаимопроникновение компьютерных операций, их наложение друг на друга было поистине головоломным.

При всей своей сложности ЦАП был почти полностью автономен, и большинством высших функций вооружения мог управлять только тот, кто занимал его кресло. Его защищал файрволл, пропускавший к нему информацию лишь из внутреннего пространства корабля. На то имелись чисто тактические причины. Поскольку орудия (и не только находящиеся на тайном складе) для боевого применения перемещались за корпус корабля, возникал потенциальный риск проникновения на борт неприятельских боевых вирусов. Поэтому ЦАП был надежно защищен фильтром одностороннего действия, и никакое «инородное тело» не могло в него проникнуть.

– А теперь, – сказала Мадемуазель, – когда мы все-таки обнаружили это «инородное тело» в ЦАПе, я прошу тебя сделать логический вывод.

– Что бы этот «заяц» ни представлял собой, он попал в ЦАП по ошибке.

– Да! – радостно подтвердила Мадемуазель, как будто сама не додумалась до этого раньше. – Конечно, мы должны рассмотреть и такую возможность. «Заяц» мог попасть в ЦАП и через артсистемы, но я все же полагаю, он проник через люк. Больше того, мне известно, кто и когда через этот люк проходил в последний раз.

– И когда же?

– Восемнадцать лет назад. – Прежде чем Хоури успела что-либо сказать, Мадемуазель добавила: – Это по корабельному времени, а по мировому – лет за восемь-девять до того, как тебя взяли в команду.

– Силвест! – с удивлением проговорила Хоури. – Садзак сказал, что Силвест попал сюда по единственной причине: только он мог вылечить капитана Бреннигена. Даты совпадают?

– Более-менее. Это должен быть год две тысячи четыреста шестидесятый – через двадцать с хвостиком лет после возвращения Силвеста от затворников.

– Думаешь, он привез это загадочное нечто с собой?

– Все, что нам известно, мы знаем от Садзаки. Силвест впустил в себя имитацию сознания Кэлвина, чтобы вылечить капитана Бреннигена. В какой-то момент этой операции Силвест соединился с информационным пространством корабля. Возможно, что именно таким путем «заяц» сумел проникнуть сюда. Потом – наверное, очень скоро – он пробрался в ЦАП через люк.

– И с того времени обретается там?

– Похоже на то.

Это уже стало привычным: когда Хоури чувствовала, что в ее голове складывается вполне достоверное (или почти достоверное) представление, неизвестно откуда вдруг выскакивал какой-нибудь новый факт, и картина разлеталась вдребезги. Она казалась себе средневековым астрономом, который высосанные из пальца космологические теории силится увязать с открытиями, сделанными при помощи новейшей техники. Вот и сейчас ей не удавалось взять в толк, какая может быть связь между Силвестом и ЦАПом. Впрочем, можно вовсе не ломать голову, благо невежество позволяет. Если даже сама Мадемуазель в тупике...

– Ты сказала, что это враждебная сущность. – Хоури тщательно подбирала слова, сомневаясь, что хочет задать много вопросов, – очень уж тяжело мозг усваивал ответы.

– Да. – Снова Мадемуазель замялась. – Зря я выпускала «ищеек». Импульсивный шаг... Надо было предвидеть, что Похититель Солнц...

– Похититель Солнц?

– Так он себя называет. «Заяц», в смысле.

Вот это плохо! Откуда Мадемуазель узнала имя этой сущности? Вдруг вспомнилось, как Вольева спрашивала, не значат ли для Хоури что-нибудь эти самые слова. Но есть кое-что и похуже: кажется, их же Ана слышала во сне, и совсем недавно. Хоури уже открыла рот, чтобы заговорить, но Мадемуазель опередила ее.

– Он использовал «ищеек», чтобы сбежать – если не целиком сбежать, то частично. С их помощью, Хоури, он проник в твой мозг!

В новой тюрьме у Силвеста не было надежного способа определять время. Единственное, в чем он был уверен, – с момента пленения времени прошло много. Силвест подозревал, что его пичкают наркотиками, вызывающими почти коматозный, без сновидений, сон. Крайне редко сны все-таки случались, и, хотя в них он не был полностью слепым, они все равно касались проблем зрения, внушая ему, как важно сохранить то небольшое, что от этого зрения осталось.

Когда же Силвест просыпался, перед глазами возникала все та же серая пелена. Хотя позднее ему стало казаться, что эта серость теряет свою структуру. Сперва это был строгий геометрический орнамент, наложенный на его мозг и теперь просто отторгаемый им потихоньку. Постепенно этот орнамент превратился в серую бесконечность. Ее цвет потерял свою специфичность – сейчас это было всего лишь полное отсутствие других красок.

Силвест с болью размышлял о том, чего он лишился. Возможно, окружающая обстановка такая унылая, такая аскетичная, что, будь она постоянно на виду, его мозг в конце концов отторг бы и ее. Но теперь ощущался лишь камень – мегатонны молчаливого камня со всех сторон. Он постоянно думал о Паскаль, но с каждым днем все труднее было удерживать в памяти ее образ. Серая пелена так и норовила просочиться в его мозг, покрыть его слоем цементного раствора.

Но вот настал день, когда Силвест съел свой тюремный паек, после чего открылась дверь и вошли двое. Сначала он узнал голос Гиллиан Слуки.

– Делай с ним, что собирался, – буркнула она, – но в границах дозволенного.

– Неплохо бы усыпить его на время операции, – отозвался другой голос – мужской и простуженный.

Снова от этого человека пахло съеденной капустой.

– Перебьется. – Слука поколебалась, а потом добавила: – Фолкендер, я не жду никаких чудес, просто хочу, чтобы этот подонок посмотрел мне в глаза.

– Дай мне часов пять-шесть, – попросил Фолкендер.

Раздался глухой стук – мужчина положил что-то тяжелое на тюремный стол с тупыми кромками.

– Я постараюсь, – пробормотал он. – Но, насколько мне известно, перед тем как ты его ослепила, у него уже были проблемы с глазами.

– У тебя есть час. – Покидая камеру, она громко хлопнула дверью.

Силвест, привыкший к тишине, как личинка к кокону, почувствовал, что у него в мозгу что-то сдвинулось. Слишком долго он ловил самые слабые звуки – подсказки об ожидавшей его судьбе. Их не было, ни одной, но слух от этих бесконечных тренировок обострился до крайности.

Он понял по запаху, что Фолкендер подошел ближе.

– Работать с вами – честь для меня, доктор Силвест, – сказал он и впрямь довольно почтительно. – Уверен, если будет время, мне удастся восстановить многое из того, что она разрушила.

– Она дала вам час, – напомнил Силвест. Собственный голос казался ему незнакомым; слишком давно он ни с кем не разговаривал, лишь порой стонал во сне. – А что можно сделать за час?

Было слышно, как Фолкендер роется в своих инструментах.

– Ну, хотя бы немного улучшить зрение. – Он перемежал фразы своеобразным квохтаньем. – И чем меньше вы будете мне мешать, тем больше я успею. Увы, не могу обещать, что операция будет приятной.

– Я верю, что вы постараетесь.

Чужие пальцы скользнули по его глазам, слегка нажимая на них.

– Я всегда восхищался вашим отцом, знаете ли. – Квохтанье Фолкендера почему-то напомнило Силвесту о павлинах Жанекена. – Всем известно, что эти глаза сделал вам он.

– Его бета-копия, – поправил Силвест.

– Конечно-конечно... – Силвесту очень ясно представилось, как собеседник недовольно отмахивается от этого уточнения. – Разумеется, не альфа, ведь она, как известно, исчезла гораздо раньше.

– Я продал ее жонглерам образами, – глухо сказал Силвест.

После долгих лет умолчания истина, будто по собственной воле, выскочила у него изо рта.

Фолкендер издал странный трахейный звук – Силвест его расценил как хихиканье.

– Конечно-конечно... Знаете, я прямо удивляюсь, что вас до сих пор никто в этом не обвинил. Нет, каков все же пресловутый человеческий цинизм! – Резкий воющий звук заполнил комнату, за ним последовала рвущая нервы вибрация. – Думаю, вам придется навсегда распрощаться с цветным зрением. Монохромная картинка – лучшее из того, что у меня может выйти.

Хоури надеялась получить перерыв, чтобы перевести дух, собраться с мыслями, сосредоточиться: не слышно ли дыхания этой сущности у нее в голове? Однако Мадемуазель продолжала рассказ.

– Уверена, Похититель Солнц уже предпринимал аналогичную попытку, – говорила она. – Я имею в виду твоего предшественника.

– Хочешь сказать, что «заяц» пытался проникнуть в мозг Нагорного?

– Именно так. Только в случае с Нагорным не было «ищеек», на которых Похититель Солнц мог бы прокатиться. Пришлось ему прибегнуть к более грубому способу.

– Настолько грубому, что Нагорный сошел с ума?

– Похоже на то, – качнула головой собеседница. – Не исключено, что Похититель Солнц всего лишь попытался навязать ему свою волю. Сам не мог выбраться из ЦАПа, вот и решил сделать из Нагорного марионетку. Должно быть, все произошло во время обучения стажера на подсознательном уровне.

– А теперь скажи точно, как обстоят мои дела.

– Пока еще более-менее. У него было слишком мало «ищеек», так что причинить тебе большой ущерб он не сумел.

– Что случилось с «ищейками»?

– Мне, разумеется, пришлось их расшифровать, чтобы разобраться с собранной ими информацией. Но, сделав это, я подставилась Похитителю Солнц. Правда, псы в известной степени ослабили его, ограничили его возможности, поэтому атака на меня была очень вялой. А будь иначе, я не успела бы применить свои средства защиты. Отбиться было не так уж сложно, но ведь я имела дело с малой его частью.

– Значит, для меня опасности нет?

– Ну, не совсем так. Мне удалось выгнать его только из имплантата, в котором я нахожусь сейчас. К сожалению, моя защита не распространяется на другие имплантаты, в том числе и на те, которые поставила тебе Вольева.

– Следовательно, он все еще в моей голове?

– Он мог бы обойтись даже без «ищеек», – сказала Мадемуазель. – Он мог войти в имплантаты, поставленные Вольевой, как только она впервые привела тебя в ЦАП. Но ясное дело, «ищейки» оказались самыми удобными носителями. Если бы он не попытался напасть на меня с их помощью, я бы, наверное, не заметила его присутствия в других имплантатах.

– Похоже, ты права.

– Надеюсь на это. Ведь если так, значит мои меры оказались эффективными. Помнишь, как ловко я помешала Вольевой привить тебе чувство лояльности?

– Да, – мрачно ответила Хоури, которой вовсе не казалось, что это было сделано ловко.

– А нынешняя ситуация очень похожа на ту. Единственная разница состоит в том, что я сейчас выставляю барьеры против тех областей мозга, которые Похититель Солнц уже занял. Последние два года мы ведем боевые действия... – Она помолчала, а затем, видимо под влиянием своего рода эйфории, добавила: – Думаю, это можно назвать холодной войной.

– Недаром я лежу в холоде...

– И медленной, – продолжала Мадемуазель. – Холод лишил нас энергии, которой иначе мы бы нашли применение. И конечно, нам приходилось действовать осторожно, чтобы не причинить тебе вреда. Иначе бы ты потеряла ценность и для меня, и для Похитителя Солнц.

Хоури же подумала о том, почему, собственно, этот разговор стал вообще возможен.

– Но теперь, когда я согрелась...

– Правильно понимаешь! Наша борьба ощутимо усилится. Возможно, Вольева что-то заметила. Не исключено, что ее устройства ловят твои мысли прямо сейчас. Допускаю, что ей известно о нашей войне с Похитителем Солнц. Я бы предпочла затаиться, но тогда Похититель перехватит инициативу и разрушит мою оборону.

– Надеюсь, ты способна сейчас сопротивляться ему?

– Думаю, да. Но на тот случай, если он вдруг одержит верх, я решила сообщить тебе, что происходит.

Это было, пожалуй, разумно. Лучше знать, что Похититель Солнц проник в твой мозг, чем радоваться мнимой безопасности.

– И еще я хочу предупредить вот о чем. Основная часть этой сущности находится в пределах ЦАПа. Я не сомневаюсь, что она постарается завладеть тобой полностью или частично, как только наступит подходящий момент.

– Хочешь сказать, что это может произойти, как только я снова окажусь в ЦАПе?

– Да, пространство для маневра у нас невелико, – сказала Мадемуазель, – но я подумала, что тебе лучше представлять ситуацию во всей ее сложности.

Хоури решила, что она еще очень далека от этого, хотя то, о чем говорит призрак, в основном верно.

– Знаешь, – сказала она, – если Силвест несет ответственность за появление этой сущности, то убивать его я буду с наслаждением, и тут никаких нравственных проблем не возникнет.

– Отлично. А мои новости не так уж и беспросветны. Когда я посылала «ищеек» в ЦАП, вместе с ними отправилась и моя аватара. Из доклада вернувшихся «ищеек» я узнала, что Вольева аватару не заметила. Правда, с тех пор прошло больше двух лет, но у меня нет оснований для пессимистических допущений.

– Если аватара не была уничтожена самим Похитителем Солнц.

– Разумное предположение, – согласилась Мадемуазель. – Но если Похититель Солнц так умен, как мне кажется, он не сделает ничего, что может привлечь внимание к нему самому. А он не может быть уверен, что аватару в Систему запустила не Вольева. У нее ведь могли возникнуть собственные сомнения.

– А зачем это сделала ты?

– Чтобы в случае необходимости самой захватить контроль над ЦАПом.

Если бы у Кэлвина была могила, думал Силвест, он вертелся бы там быстрее, чем Цербер вертится вокруг нейтронной звезды Гадес. Он бы бесился из-за насилия, которому подвергается его лучшее изделие. Вот только Кэлвин на самом деле жив, хоть и лишился тела задолго до того, как его имитация соорудила зрительный аппарат для Дэна.

Подобные рассуждения позволяли держать боль в узде. Хотя, если по правде, без нее не проходило и минуты с тех пор, как Силвеста захватили мятежники. Фолкендер льстит себе, если верит, что причиняемая им боль хоть в малейшей степени усиливает страдания Силвеста.

Но в конце концов благодаря некоему чуду она ослабла.

Как будто вакуум образовался в мозгу – заполненная космическим холодом неведомая вакуоль. Но изъять боль – все равно что изъять какую-то важную подпорку для организма. Силвесту казалось, что он в любой миг может рухнуть, что все его внутренние балконы и карнизы угрожающе кренятся под напором собственного веса. Потребовались огромные усилия, чтобы вернуть хоть отчасти внутреннее равновесие.

И вот теперь в поле его зрения появились бесцветные полупрозрачные призраки.

Через секунду они стали твердеть и приобретать четкие очертания. Комната – почти без мебели, с голыми стенами, как он и представлял. Силуэт человека в маске, склонившийся над ним. Ладонь в чем-то вроде перчатки из блестящего хрома. Перчатка кончалась не пальцами, а множеством осьминожьих щупальцев. Эти манипуляторы тоже металлически сверкали. В глазу торчала сложная лупа – вернее, система луп, – соединенная с перчаткой суставчатым тросиком. Лицо было бледным, как брюхо ящерицы, второй глаз казался расфокусированным и синюшным. Лоб был забрызган кровью. Она казалась серо-зеленой, но Силвест все равно знал, что это кровь.

Вообще-то, все, что он видел, было серо-зеленым.

Перчатка исчезла – Фолкендер стащил ее с запястья другой рукой. Обнажившаяся кисть была покрыта какой-то жирной мазью.

Он стал складывать в чемоданчик свои инструменты.

– Что ж, я не обещал чуда, – сказал он. – Да вам и не следовало его ждать.

Фолкендер двигался рывками, и Силвест не сразу сообразил: глаза улавливают всего три-четыре «кадра» в секунду. Весь мир уподобился карандашным рисункам, которые ребяташки делают на полях учебников, а затем приводят в движение, пропуская страницы между большим и указательным пальцами. Через каждые несколько секунд неприятно менялись глубина и резкость изображения. Сам Фолкендер, например, казался контррельефом, вырезанным в стене камеры. Иногда часть поля зрения сминалась и оставалась в таком состоянии секунд десять, даже если Силвест переводил глаза в другую точку.

И все-таки это было зрение. Вернее, двоюродный брат-идиот настоящего зрения.

– Спасибо, – сказал Силвест. – Так... все же лучше.

– Я думаю, нам пора идти, – произнес врач. – Мы уже на пять минут опаздываем.

Силвест кивнул, и даже этого слабого движения было достаточно, чтобы вызвать пульсирующую мигрень. Но это было ничто в сравнении с теми муками, которые он испытал, пока Фолкендер занимался его глазами.

Он сам встал с кушетки. Может быть, потому, что сейчас Силвест шел к двери с определенным намерением (в первый раз он чуть не врезался в нее), сам факт перехода через порог показался ему противоестественным, абсурдным. Как будто он должен был шагнуть в пустоту с утеса.

Его подводило чувство равновесия: привык передвигаться в темноте, а теперь возвращение зрения разбалансировало организм. Но мало-помалу головокружение шло на спад, а потом и парочка громил из «Истинного пути» выскочила в коридор, чтобы подхватить Силвеста под руки.

Фолкендер тащился сзади.

– Будьте осторожны, могут быть сбои в восприятии...

Но хотя Силвест и слышал слова врача, их смысла он не улавливал. Он понял теперь, где находится, и это явилось для него шоком. Через двадцать лет разлуки Силвест снова был дома.

Его тюрьмой был Мантиль, которого он не видел и почти не вспоминал с момента переворота.

Глава десятая

На подходе к Дельте Павлина, год 2564-й

Вольева сидела одна в огромной полусфере рубки, под голографическим изображением системы Ресургема. Ее кресло, подобно остальным, пустовавшим, находилось на конце длинной суставчатой «руки», что позволяло мгновенно перенестись в любую точку рубки. На протяжении многих часов, подперев подбородок, Вольева всматривалась в модель планетарной системы, как дитя в блестящую игрушку.

Дельта Павлина казалась кусочком раскаленной докрасна амбры, помещенным в центр орбит одиннадцати главных планет, которые занимали на модели те же места, что и их оригиналы в космосе на данный момент. Пятна астероидной пыли, камней и комет обращались по своим эллипсам. Вся система была окружена своего рода гало – узким поясом Койпера, состоящим из ледяной мелочи. Пояс отличался выраженной асимметрией – результат воздействия нейтронной звезды, невидимого двойника Павлина.

То, что рассматривала Вольева, было компьютерной моделью, а вовсе не копией видимой с корабля картины. Конечно, датчики «Ностальгии по бесконечности» были достаточно чувствительными, чтобы увидеть все небесные тела на такой дистанции, но, во-первых, изображение было бы искажено релятивистскими эффектами, а во-вторых, получился бы снимок системы, какой она была годы назад, то есть положение планет сейчас не соответствовало бы реальному. Так как план подхода будет опираться на использование газовых гигантов системы для прикрытия и гравитационного торможения, Вольевой необходимо знать их местонахождение на момент прибытия корабля.

А кроме того, прежде чем корабль встанет на орбиту Ресургема, обогнавший его «передовой дозор» незаметно проведет разведку. Исключительно важно сделать так, чтобы его полет происходил при оптимальном расположении планет.

– Выпускай «щебенку», – распорядилась она, удовлетворенная тем, что ей показала компьютерная модель.

«Ностальгия по бесконечности» выпустила около тысячи крошечных зондов, и этот рой, постепенно расширяясь, понесся перед носом сбрасывающего скорость корабля. Вольева снова приказала браслету, и перед ней тут же открылось окно, в котором появилась картина, запечатленная камерой на корпусе. Большинство зондов уже сильно уменьшились в размерах, увлекаемые невидимой силой. Облако все дальше и дальше уходило от корабля, пока не превратилось в размытый нимб. «Щебенка», летя на околосветовой скорости, должна была достичь системы Ресургема за несколько месяцев до того, как туда доберется корабль. При этом облако «щебенки» будет уже шире, чем орбита, по которой Ресургем обращается вокруг своего солнца. Каждый крошечный зонд будет «смотреть» на планету, хватая фотоны по всему электромагнитному спектру. Собранные им сведения будут передаваться на корабль с помощью точно сфокусированного лазерного луча. Пусть у отдельного зонда улов окажется скромным, но сведения, собранные роем, позволят создать очень четкую и подробную карту Ресургема. Эта карта не скажет Садзаки, где находится Силвест, но зато обрисует ситуацию в главных центрах власти, а главное, что особенно важно, – даст понять, какое противодействие эти центры способны оказать кораблю.

На этот счет Садзаки и Вольева имели схожее мнение: если они найдут Силвеста, то вряд ли тот согласится добровольно взойти на борт.

– Вы знаете, что случилось с Паскаль? – спросил Силвест.

– Она в безопасности, – ответил глазной хирург, который вел Силвеста по кривым, ребристыми, облицованными камнем тоннелям, проложенным под Мантелем. – Во всяком случае, я так слышал, – добавил он, несколько приглушая радость Силвеста. – Могу и ошибаться, но не думаю, что Слука способна убить ее без веской причины. Зато заморозить – это вполне в ее власти.

– Заморозить?

– Ну, пока та не понадобится. Вы уже должны были понять, что Слука заглядывает очень далеко вперед.

Непрерывно накатывавшие волны тошноты грозили одержать верх над Силвестом. Глаза болели, но он постоянно напоминал себе: лучше так, чем вообще без зрения. Слепой, он бессилен, не сможет оказать никакого сопротивления. Для зрячего, впрочем, бегство тоже неосуществимо, но хотя бы не приходится тащиться ощупью. То зрение, которым он сейчас обладает, насмешило бы самых низших беспозвоночных. В пространственном восприятии зияют громадные дыры, цвет присутствует лишь в виде оттенков серого и зеленого.

То, что он знал, – то, что помнил, – сводилось вот к чему.

Он не видел Мантель с ночи переворота – первого переворота, двадцатилетней давности, поправил он себя. Жирардо свергнут, и Силвест должен теперь думать о собственном свержении сугубо в исторических рамках. Режим Жирардо не разделался сразу с этим поселением, хотя его нацеленность на изучение амарантийского наследия противоречила программе увлажнистов. В течение пяти-шести лет после переворота лучшие ученики Силвеста постепенно перебирались отсюда в Кювье, а их заменяли здесь экологи, ботаники и специалисты по геоэнергетике. Наконец Мантель опустился до уровня очень плохо финансируемой испытательной станции с минимумом персонала, чьи проекты считались безнадежно устарелыми или тупиковыми. Ходили слухи, что лидерами «Истинного пути» в Кювье (или в Ресургем-Сити, как его еще называли) руководил кто-то извне, какая-то клика бывших сторонников Жирардо, которые разошлись с ним после первых же мероприятий новой власти. Предполагалось, что эти отчаянные частично изменили свою физиологию и это позволило им жить вне куполов, в условиях запыленной и бедной кислородом атмосферы, используя биотехнологию, закупленную у капитана Ремиллиода.

Появление подобных легенд – дело вполне естественное. Но после спорадических атак на некоторые аванпосты легенды стали очень похожими на правду. Затем, насколько было известно Силвесту, Мантель забросили вовсе, а это означало, что его нынешние обитатели могли здесь появиться задолго до успешного покушения на жизнь Жирардо. За месяцы, а может, и за годы.

И уж точно вели они себя так, будто были тут хозяевами. Когда Силвеста ввели в комнату, он понял, что именно здесь разговаривал с Гиллиан Слукой сразу по прибытии из Города. Как давно это было, он даже не догадывался. Впрочем, комнату тоже не узнал, хотя в былые времена, когда жил в Мантеле, возможно, бывал в ней часто. Сейчас он не видел кругом никаких знакомых предметов. Вероятно, отделка комнаты и мебелировка теперь совершенно иные.

Слука стояла к нему спиной, рядом со столиком, руки в перчатках чопорно сцеплены на бедре. Волосы заплетены в косу, свисающую до лопаток. Одета в длинный – до колен – приталенный жакет с кожаными наплечниками. Ее цвет Силвестово зрение воспринимало как грязно-оливковый. Энтоптиков Слука не проецировала.

У одной из стен вертелось несколько глобусов, стоящих на тонких и изогнутых, как лебединые шеи, кронштейнах. Что-то похожее на дневной свет лилось с потолка, но фильтрующие глаза Силвеста лишили его всякого тепла.

– Когда мы беседовали сразу после твоей поимки, – хрипло сказала Слука, – мне показалось, что ты меня не узнал.

– Я всегда считал, что ты погибла.

– Люди Жирардо хотели, чтобы ты так считал. История с гибелью нашего вездехода под оползнем – чистая ложь. На нас напали... Они, разумеется, думали, что ты на борту.

– Но почему они не убили меня позже, когда нашли на раскопках?

– Пришли к выводу, что живой ты для них полезнее, чем труп. Жирардо же не идиот, он всегда использовал тебя с прибылью.

– Если бы ты и твои приятели остались на раскопках, ничего бы не случилось. Но как вам вообще удалось уцелеть?

– Кое-кто вылез из вездехода еще до нападения подручных Жирардо. Мы захватили разное оборудование и перетащили его в каньоны Птичьей Лапы. Там же поставили и надувные палатки. Это все, что я видела в течение целого года. При нападении меня тяжело ранило.

Силвест провел пальцем по пестрой поверхности одного из глобусов. Теперь ему было понятно, что они изображают – топографию планеты на разных этапах терраформирования Ресургема.

– А почему ты не примкнула к Жирардо в Кювье?

– Он считал, что со мной слишком много хлопот, и не рвался принять в свои объятия. Жирардо был готов сохранить нам жизнь, но только потому, что убийство такого количества людей могло бы привлечь внимание. – Она помолчала. – Все линии связи мятежники перерезали. К счастью, мы захватили с собой кое-какие игрушки Ремиллиода. Самыми полезными среди них оказались энзимы-мусорщики. А пыль нам не слишком вредила.

Силвест снова обратился к глобусам. Слабое зрение позволяло лишь догадываться о расцветке, но он предположил, что с течением времени все больше места завоевывает зелено-голубая гамма. Высокие плато должны превратиться в материки, омываемые океанами. Степям предстояло смениться лесами.

Он перевел взгляд на последние глобусы, изображавшие возможную картину Ресургема через несколько столетий. На ночной стороне планеты сверкали цепочки городов, промышленные комплексы, будто собранные из деталей детского конструктора, опоясали планету. Паутины космических мостов протянулись от экватора к орбитам.

Что станет с этой хрупкой экологией, подумал он, если солнце Ресургема вновь вспыхнет, как это случилось девятьсот девяносто тысяч лет назад, когда амарантийская цивилизация уже подходила к нашему уровню развития?

Не слишком радужная перспектива.

– Кроме биотехники, – спросил он, – что еще дал вам Ремиллиод? Поверь, я спрашиваю из чистого любопытства.

Слука как будто пребывала в хорошем настроении.

– Ты не спросил о Кювье. Это меня удивляет. – И добавила: – И о своей жене тоже.

– Фолкендер сказал мне, что Паскаль в безопасности.

– Так оно и есть. Возможно, я разрешу встретиться с ней. А теперь попрошу внимания. Нам не удалось захватить столицу. Остальной Ресурге́м наш, но люди Жирардо продолжают удерживать Кювье.

– Город цел?

– Нет, – ответила она. – Мы... – Она бросила взгляд через его плечо на Фолкендера. – Позовите Делоне. И пусть принесет образчик даров Ремиллиода.

Фолкендер вышел, оставив их вдвоем.

– Я так понимаю, – сказала Слука, – что между тобой и Нильсом было заключено соглашение. Слухи до меня доходили разноречивые, но нет дыма без огня. Не соблаговолишь ли рассказать правду?

– Все это было неофициально, – ответил Силвест, – какие бы слухи ни доходили до вас.

– Я правильно поняла: он ввел в игру свою дочь, чтобы выставить тебя в нелицеприятном свете?

– В этом был некий смысл, – устало ответил Силвест. – Моя биография, написанная членом семьи моего же тюремщика, – это козырь... А Паскаль молода, но не настолько, чтобы не заботиться о том, какой след она оставит в истории. Все участники сделки останутся в выигрыше. Уж Паскаль точно не проиграет – хотя, надо отдать ей должное, она трудится на совесть.

Силвест поморщился, вспомнив, сколь близко она подошла к истине в вопросе о судьбе альфа-копии Кэлвина. Не раз он наблюдал, как верно она отбирает и оценивает факты и тем не менее воздерживается от их включения в биографию. Теперь Паскаль знает гораздо больше; в частности, знает о случившемся у Завесы Ласкаля и о настоящих обстоятельствах смерти Карины Лефевр. Жаль, что не удалось поговорить с Паскаль после того, как он ей об этом рассказал.

– Что касается Жиардо, – продолжал он, – он был рад тому, что дочь участвует в очень важном проекте. Не говоря уже о том, что Дэн Силвест стал доступен для детального изучения. Я был ценной бабочкой в его коллекции, но, пока биография не была написана, он не мог выставить меня на всеобщее обозрение.

– Я познакомилась с твоей биографией, – сказала Слука, – но у меня нет уверенности, что Жиардо получил именно то, чего добивался.

– Тем не менее он обещал сдержать слово.

Глаза расфокусировались, и на какое-то мгновение женщина, с которой говорил Силвест, показалась отверстием, вырезанным в стене женским силуэтом. За этим отверстием лежала бесконечность.

Странное мгновение прошло. Он добавил:

– Я хотел организовать экспедицию к Церберу-Гадесу. Думаю, что Жиардо уже был готов дать мне свободу действий, если бы у колонии нашлись средства.

– Думаешь, там что-то есть?

– Ты же знакома с моими гипотезами, – ответил Силвест, – и не можешь отрицать, что они логичны.

– Я нахожу их увлекательными, как и любую умозрительную конструкцию, основанную на иллюзии.

Как раз в этот миг открылась дверь и вошел человек, которого Силвест прежде не видел. Но он понял, что это Делоне. Его сопровождал Фолкендер. Делоне имел бульдожье телосложение, его лицо покрывала многодневная щетина, на лысой голове топорщился малиновый берет. Глаза были окружены красными пролежнями, на шее висели очки. Грудь перетягивал тканый ремень, ноги утопали в бурых муклуках.

– Покажи эту жутковатую штучку нашему гостю, – приказала Слука.

Делоне держал за толстую рукоять темный металлический цилиндр.

– Возьми, – сказала Слука Силвесту.

Тот взял. Оружие, как он и ожидал, было тяжелым. Рукоять крепилась к торцу цилиндра, под ней располагался зеленоватый ключ. Силвест быстро устал держать цилиндр и положил его на стол.

– Открой.

Силвест повернул ключ – ничего другого не оставалось. Цилиндр раскрылся, как матрешка. Верхняя половинка поднялась на четырех металлических стойках, которые опирались на чуть меньший цилиндр, до тех пор скрывавшийся внутри. Этот меньший тут же раскрылся в свою очередь, обнажив следующий. Процесс продолжался, пока не появилось шесть или семь оболочек.

Самым последним на свет появился серебристый столбик. В его боковине было прорезано крошечное оконце, за которым находилось освещенное углубление. В нем можно было видеть нечто вроде булавки с круглой головкой.

– Надеюсь, ты знаешь, что это такое? – спросила Слука.

– Могу лишь сказать, что оно сделано не здесь, – ответил Силвест, – и вряд ли привезено с Йеллоустона. Таким образом, остается лишь наш славный благодетель Ремиллиод. Это у него вы купили устройство?

– И еще девять таких же. Одного уже нет – оно было использовано в Кювье.

– Оружие?

– Люди Ремиллиода называли это «горячей пылью», – ответила Слука. – Антиматерией. Булавочная головка содержит одну двадцатую грамма антиматерии, чего для наших целей было более чем достаточно.

– Я не знал, что такое оружие существует. Да еще столь компактное.

– Это понятно. Данная технология поставлена вне закона чертову уйму лет назад. Никто даже не помнит, как производились такие вещи.

– И на что способна такая порция «горячей пыли»?

– На то же, что и две килотонны стандартной взрывчатки. Этого достаточно, чтобы на месте Кювье осталась большая дыра.

Силвест кивнул, пытаясь оценить масштабы ущерба, вообразить, что случилось с теми, кто умер или был ослеплен этой булавочной головкой. Легкая разница в давлении внутри куполов и вне их породила бешеные вихри на ухоженных улицах и площадях города. Он видел вырванные с корнем деревья и кустарники, унесенных ураганом птиц и животных. Люди, которые пережили взрыв, – вряд ли их осталось много, – должны были искать спасения под землей, причем быстро, пока они не погибли от удушья, когда наружный воздух заменил улетающую атмосферу куполов. Конечно, воздух планеты сейчас ближе к тому, который нужен для дыхания, чем тот, что был двадцать лет назад, но надо уметь им пользоваться, а за считанные секунды не научишься. Значит, никому не удалось спастись.

– Зачем? – спросил он.

– Это была... – Слука запнулась. – Я хотела назвать это ошибкой, но ты бы возразил, что ошибок на войне не бывает, бывают события более удачные и менее удачные. Во всяком случае, мы не имели намерения воспользоваться «горячей пылью». Люди Жирардо должны были сдать город, как только узнали бы о нашем оружии. Но не получилось. Самому Жирардо о его существовании было известно, но он не успел передать эту информацию подчиненным. Никто не поверил, что оно у нас есть.

Не было необходимости рассказывать Силвесту об остальном. Случившееся стало предельно ясным. Разозленные тем, что их не принимают всерьез, бандиты пустили в ход оружие массового уничтожения. И все же столица пока обитаема. Верные Жирардо силы удерживают город. Силвест представил себе, как они пытаются из своих бункеров руководить планетой, а тем временем на поверхности пыльные бури гоняют обломки куполов.

– Как видишь, – заговорила женщина, – никто не должен нас недооценивать, а меньше всего те, кто еще сохранил привязанность к режиму Жирардо.

– И как же вы собираетесь использовать остальные устройства?

– Путем незаметного просачивания. Саму «булавочную головку», без всех этих наворотов, можно спрятать хоть в зубном дупле. Ее не обнаружат даже при тщательном медицинском осмотре.

– Вот, значит, каков ваш план! Найти восемь волонтеров и хирургическим путем ввести им эти штуки? Потом восьмерка явится в Город? На этот раз вам, конечно, поверят...

– Все правильно, кроме одного: нам не нужны волонтеры, – ответила Слука. – С ними, конечно, было бы проще, но можно обойтись и без них.

Не обращая внимания на собственный внутренний голос, Силвест сказал:

– Гиллиан, пятнадцать лет назад ты мне нравилась куда больше.

– Можешь отвести его в камеру, – обратилась она к Фолкендеру. – Он мне надоел.

Силвест почувствовал, как хирург тянет его за рукав.

– Гиллиан, можно мне еще поработать над его глазами? Хочу еще кое-что подправить, но ему, конечно, придется за это расплатиться со мной болью.

– Делай что хочешь, – отозвалась Слука. – Только не чувствуй себя обязанным. Должна признаться, теперь, когда Силвест у меня, я разочарована. Думаю, он мне тоже больше нравился в прошлом, пока Жирардо не превратил его в мученика. – Она передернула плечами. – Силвест слишком ценен, чтобы отправить его в расход, но за неимением лучшего выбора я могу его заморозить и подождать, пока он не понадобится. Хоть год, хоть пять, мне без разницы. Так что вот тебе намек, доктор Фолкендер: не стоит вкладывать много сил в то, что может нам быстро надоесть.

– Успешная операция – сама по себе награда.

– Но я и так вижу прилично, – вмешался Силвест.

– О нет, – ответил Фолкендер. – Я могу сделать для вас гораздо больше, доктор Силвест. Я ведь, в сущности, еще только начал.

Вольева была внизу, у капитана Бреннигена, когда крыса сообщила ей, что поступила информация от «щебенки». Илия как раз собрала свежие образцы грибка с периферии капитанского обиталища, и успех одного из ретровирусов, недавно примененных против чумы, ободрил ее. Его предком был военный кибервирус из тех, что попали на корабль в ходе сражения. К ее удивлению, он и в самом деле сработал, во всяком случае, на тех образцах грибка, которыми она тогда располагала.

Как раздражает, когда тебя отрывают от важного дела ради того, чему ты сама дала жизнь девять месяцев назад и о чем уже давно успела позабыть! На мгновение она даже удивилась: как же много утекло времени! И все же интересно, какие новости принесли разведчики.

Вольева вошла в лифт и поехала наверх. Да, в самом деле девять месяцев! Кажется невероятным, но ведь время летит незаметно, когда ты по горло занята работой.

Корабль давно идет на скорости, равной одной четверти световой, через сто дней он достигнет точки перехода на орбиту Ресургема, то есть уже сейчас нужно тщательно готовить план действий вблизи планеты. А для этого необходимы данные «щебенки».

В рубке уже были собраны снимки Ресургема и окружающего его пространства, сделанные во всех спектрах электромагнитных и даже куда более экзотических полей. Они давали первое представление о вероятном противнике. Вольева предоставила этой информации полный доступ к своему мозгу – в кризисной ситуации он будет распоряжаться данными с инстинктивной легкостью.

«Щебенка» облетела Ресургем с обеих сторон, чтобы получить подробные сведения как о ночном, так и о дневном полушарии. Сам ее рой растянулся по линии полета таким образом, что разница между появлением первого кибера и последнего составила пятнадцать часов. Иначе говоря, оба полушария были исследованы при различных уровнях освещенности. «Щебенка» дневная, пролетавшая со стороны Дельты Павлина, имела возможность фиксировать выбросы нейтрино из атомных реакторов и работающих на антиматерии силовых установок на поверхности планеты. Обследовавшие же ночную сторону разведчики искали источники теплового излучения, чтобы выявить городские центры и орбитальные спутники. Некоторые тщательно обнюхивали атмосферу, измеряя содержание чистого кислорода, озона и азота и делая выводы о степени воздействия колонистов на естественный биом.

Вольеву удивило, что колонисты, поселившиеся здесь больше пятидесяти лет назад, прожили эти годы в праздности. На орбитах не обнаружено крупных искусственных конструкций, нет и признаков космических перелетов внутри системы. Только немногочисленные исследовательские спутники облетали планету, ведя аэрофотосъемку и оценивая природные ресурсы. На поверхности «щебенка» не зафиксировала крупных промышленных центров, что вызывало большие сомнения в способности колонистов противостоять агрессии и быстро восстанавли-

вать разрушаемую экономику. Разоружить население Ресургема и посеять среди него панику будет нетрудно, что существенно облегчает разработку плана действий.

Нельзя сказать, что колонисты были совсем бездеятельны. В атмосфере Вольева обнаружена весьма существенные изменения. Свободного кислорода оказалось куда больше, чем она ожидала. Киберы, работавшие в инфракрасном спектре, выявили пункты забора геотермической энергии, расположенные в зонах субдукции по краям материков. Наличие нейтрино в полярных районах говорило о вероятном существовании заводов по производству кислорода – термоядерных установок, расщепляющих молекулы воды и льда на кислород и водород. Кислород, надо полагать, выпускался в атмосферу или поступал в купола населенных пунктов, тогда как водород закачивался обратно в установки.

Вольева насчитала около пятидесяти населенных пунктов, преимущественно мелких; ни один не приближался по численности населения к единственному главному. Она вполне допускала, что есть еще множество совсем маленьких поселений, вроде семейных ферм или хуторов, которые «щебенкой» не регистрировались. Было и еще кое-что.

Ресургем находился в системе двойной звезды. Дельта Павлина являлась источником жизни, но, как известно, у нее имелся погасший близнец – темная нейтронная звезда, отделенная десятью световыми часами от Дельты, что давало возможность обеим звездам обзавестись собственными планетными системами со стабильными орбитами.

У нейтронной звезды была всего одна планета. Факт ее существования был известен Вольевой и раньше, еще до появления информации от «щебенки». Банк данных корабля добавил к этому различного рода комментарии и уйму плохо воспринимаемых цифр. Этот мир не представлял интереса в химическом отношении, не обладал атмосферой и был бионически инертен – о его стерильности позаботились ветры с нейтронной звезды еще в те времена, когда она была пульсаром. Вряд ли это нечто большее, нежели кусок железистого шлака, думала Вольева. Надо полагать, ничего полезного он не содержит.

И вот в этих местах «щебенка» обнаружила источник нейтрино. Он был очень слабым, еле-еле фиксировался, но игнорировать его было нельзя. Илия некоторое время обдумывала ситуацию и пришла к банальному выводу: только машина может оставить такой след.

И это очень беспокоило Вольеву.

– Ты что же, все это время провела на ногах? – спросила Хоури, пробудившись от долгого сна.

Сейчас они с Вольевой шли навестить капитана.

– Ну, не совсем так, – ответила Вольева. – Даже мое тело нуждается в отдыхе. Я когда-то пыталась обходиться без него... Есть препараты и имплантаты, которые влияют на работу ретикулярной формации – того участка мозга, где возникают сны. Но все равно нужно куда-то сбрасывать яд усталости... – Она поморщилась.

Хоури поняла, что для Вольевой тема имплантатов не более приятна, чем зубная боль.

– Что-нибудь произошло за это время?

– Ничего такого, что могло бы тебя касаться, – отозвалась Вольева, затягиваясь сигаретой.

Хоури уже решила, что эта тема исчерпана, но тут триумвир разразилась неожиданным пассажем:

– Впрочем, раз уж ты мне напомнила... кое-что случилось. Фактически случились две вещи, хотя я и не знаю, какой из них следует придать большее значение. Первая тебя пока не касается. Что же до второй...

Хоури искала в лице Вольевой признаки того, насколько состарили эту женщину семь лет, прошедшие с их последней встречи. Никаких признаков, ни намек. А это означает, что Вольева нейтрализовала причиненный возрастом ущерб при помощи специальных препаратов. Если она и выглядит не так, как раньше, то это благодаря тому, что отпустила волосы, тогда как прежде стриглась наголо. Они и теперь коротки, но все же смягчают резкие очертания рта

и скул. «Я бы сказала, – подумала Хоури, – что она скорее выглядит на семь лет моложе, чем на семь старше». Уже не в первый раз она пыталась определить физиологический возраст этой женщины, но безрезультатно.

– И что же это?

– Было нечто непонятное в твоей нейронной активности, пока ты лежала в криосне. Ее вообще не должно было быть. Но то, что я видела, вряд ли можно назвать нормальным даже для бодрствующего. Похоже, у тебя в голове шла небольшая война.

Лифт прибыл на этаж капитана.

– Интересная аналогия, – сказала Хоури, выходя в холодный коридор.

– Если бы только аналогия. Я сомневаюсь, конечно, что у тебя остались какие-нибудь воспоминания.

– Абсолютно никаких, – отозвалась Хоури.

Вольева молчала, пока они не добрались до сгустка человеческой и нечеловеческой материи, которая раньше звалась капитаном. Блестящий, тошнотворно склизкий, он походил не на человека, а скорее на ангела, сорвавшегося с небес и разбившегося о планетную твердь. Древняя капсула все еще хранила в себе капитана, хотя совсем обветшала и растрескалась. Холод, который она еще кое-как вырабатывала, теперь не мог сдерживать непрерывный натиск чумы.

Капитан Бренниген пустил множество корней, похожих на щупальца, которые уходили глубоко в корабль. Вольева следила за ними, но была не в силах остановить их рост. Конечно, можно их срезать, но кто возьмется предсказать, чем это кончится? Как догадывалась Вольева, именно эти корни поддерживали в нем жизнь – если только можно применить к нынешнему состоянию капитана этот термин. Вольева как-то сказала, что со временем корни заплетут все кругом, и тогда уже никто не различит, где корабль, а где капитан. Конечно, можно остановить этот рост, можно полностью изолировать эту часть корабля, даже катапультировать ее, отрезать, как поступали в старину хирурги с гангренозными членами больных. Объем пространства, который сейчас занимает капитан, так мал, что корабль вряд ли заметит его исчезновение. Без сомнения, трансформация будет продолжаться, но вскоре вирус не найдет пищи для себя снаружи и тогда обратится внутрь, и вскоре энтропия погасит последнюю искорку жизни в том, что еще недавно было капитаном.

– Ты рассматривала такую возможность? – спросила Хоури.

– Да, рассматривала, – ответила Вольева, – но надеюсь, что до этого не дойдет. Кажется, я продвигаюсь. Вроде нашла противоядие – сильный ретровирус. Он разрушает механизм чумы скорее, чем чума уничтожает его. Но до сих пор я экспериментировала с образцами очень малых объемов. Не знаю, что еще предпринять: проверка ретровируса на самом капитане – дело врачей, я не имею нужной квалификации для такой работы.

– Понятно, – быстро сказала Хоури. – Но если за это не берешься ты, значит задача целиком будет доверена Силвесту?

– Нельзя недооценивать его искусство и искусство Кэлвина.

– И он с радостью возьмется вам помочь?

– Без радости, конечно. Но ведь Силвест и в первый раз помог нам не по собственной воле. Мы найдем подход к нему.

– Надеюсь, это будет сила убеждения.

Вольева ответила не сразу. Она брала соскоб с трубчатого щупальца, которое как раз в эту минуту собиралось нырнуть в канализацию корабля.

– Силвест человек увлекающийся, – сказала она. – А такими людьми манипулировать легче, чем они воображают. Они настолько увлечены своей единственной целью, что далеко не всегда способны заметить, как подчиняются чьей-то воле.

– Например, твоей?

Вольева сняла тонкий, как волос, соскоб и спрятала его, чтобы проанализировать позже.

– Садзаки не говорил тебе, что мы привели Силвеста на борт во время его так называемого пропавшего месяца?

– «Тридцать дней в пустыне»?

– Дурацкое название, – скрипнула зубами Вольева. – Зачем понадобилась такая библейщина? Похоже, у Силвеста уже тогда был мессианский комплекс. Ну так вот, любопытное совпадение: у нас на борту он оказался ровно за тридцать лет до того, как ресургемская экспедиция покинула Йеллоустон. Ну а теперь я открою тебе маленький секрет. Перед тем как мы прибыли на Йеллоустон и завербовали тебя, мы и слыхом не слыхивали об этой экспедиции. Мы все еще надеялись найти Силвеста на самом Йеллоустоне.

Хоури помнила ситуацию с Фазилем и отлично понимала, какие трудности стояли перед командой корабля, но сочла за лучшее изобразить наивность.

– По-моему, это было глупо – не проверить сначала.

– Мы пытались проверить, но дело в том, что наша самая надежная информация к моменту ее получения устарела на несколько десятков лет. А когда мы начали действовать на ее основе и полетели на Йеллоустон, она устарела еще в два раза.

– Тогда вам просто не повезло. Семья Силвестов всегда была связана с Йеллоустоном – вполне логично рассчитывать, что ее юный отпрыск крутится где-нибудь поблизости.

– Да, к сожалению, мы ошиблись. Но что интересно: мы, кажется, могли себя избавить от этих хлопот. Возможно, Силвест, когда его приволокли на корабль, уже обдумывал свою экспедицию на Ресургем. Если бы мы тогда слушали его внимательнее, то смогли бы отправиться прямо туда, не теряя времени на Йеллоустон.

Пропутешествовав по множеству лифтов и коридоров, что вели от капитанского отсека к поляне, они остановились, и Вольева пошептала в браслет, который никогда не снимала с запястья. Хоури знала, что спутница обращается к одной из систем корабля, но в чем состоял приказ, догадаться было невозможно.

Яркая здешняя зелень была праздником для души после холодного и мрачного капитанского уровня. Теплый воздух наполнился запахом цветов. Яркие окрашенные птицы, владевшие воздушным пространством этого огромного помещения, сверкали, пожалуй, слишком сильно для глаз Хоури, уже привыкших к темноте. На какой-то момент Хоури так отвлеклась, что не сразу заметила: они с Вольевой уже не одни. Теперь она увидела еще троих человек, стоявших на коленях в росистой траве вокруг огромного пня. Одним из них был Садзаки, но с другой прической – Хоури еще не приходилось видеть такой. Теперь он был лыс, если не считать заплетенной в узел пряди на самой макушке. Вторым человеком, которого она тут же узнала, была Вольева – волосы коротко подстрижены, что подчеркивает угловатую форму головы; из-за прически копия казалась старше той Вольевой, что стояла рядом с Хоури. Третий собеседник – сам Силвест.

– Составим им компанию? – предложила настоящая Вольева, спускаясь по шаткой лестнице к травяному покрову поляны.

Хоури послушно пошла за ней.

– Это примерно год... – Она остановилась, чтобы вспомнить дату, когда Силвест исчезал из Города Бездны. – Две тысячи четыреста шестидесятый, верно?

– В самую точку, – отозвалась Вольева, поворачиваясь к Хоури и бросая на нее удивленный взгляд. – Ты что, специалист по биографии Силвеста? Впрочем, не имеет значения. Важно то, что мы записали весь визит, и я знаю, что в ходе него было сделано одно важное замечание, которое... в свете того, что нам сейчас известно, кажется мне довольно странным.

– А вот это уже интересно.

Хоури аж подпрыгнула, так как последние слова принадлежали не ей, а раздались где-то за ее спиной. Она оглянулась, и перед ней возникла Мадемуазель, стоящая на самом верху лесенки.

– Так я и знала, что непременно снова увижу твою противную рожу. – Хоури даже не пыталась говорить тише, поскольку птичий крик заглушал слова, а Вольева успела уйти далеко вперед. – Никак от тебя не избавиться.

– По крайней мере, теперь ты знаешь, что я еще здесь, – произнесла Мадемуазель. – Вот если бы меня не было, у тебя были бы основания для тревоги. Это означало бы, что Похититель Солнц разрушил мою оборону. И тогда пришла бы очередь твоего рассудка. Даже думать не хочется, как бы это отразилось, с учетом характера Вольевой, на твоей службе в экипаже этого корабля.

– Заткнись и дай послушать, что скажет Силвест.

– Да пожалуйста, – коротко ответила Мадемуазель, не покидая своего наблюдательного пункта.

Хоури присоединилась к Вольевой и остальным трем.

– Конечно, – обратилась к Хоури настоящая Вольева, – я могла бы транслировать этот разговор в любую точку корабля, но лучше послушать его здесь, где он и происходил первоначально.

Говоря это, она рылась в кармане куртки, откуда добыла очки с выпуклыми тонированными стеклами, которые тут же надела. Хоури поняла, что, не имея имплантатов, Вольева может смотреть эту запись только с помощью прямого проецирования на сетчатку глаз. Без очков она вообще никого на лужайке не видела.

– Итак, вы понимаете, – говорил Садзак, – что в ваших собственных интересах сделать то, чего хотим мы. В прошлом вы сотрудничали с ультра, – например, когда путешествовали к Завесе Ласкаля. Так что наша помощь с большой долей вероятности понадобится вам и в будущем.

Силвест положил руку на срез пня. Хоури напряженно всматривалась в него. Она видела множество изображений Силвеста, но это показалось ей самым реалистичным и живым. Она тут же поняла почему. Сейчас Силвест разговаривал с хорошо известными ей людьми, а не с анонимами из истории Йеллоустана. А это большая разница.

Он был красив, невероятно красив, на ее взгляд, и эта запись вряд ли подвергалась ретушированию. Длинные вьющиеся волосы обрамляли большой лоб ученого. Глаза были ярко-зеленые. Даже если она сможет заглянуть в них лишь перед тем, как убьет его – а такая ситуация вполне возможна, – то и тогда это будет дорогого стоить, так прекрасны они должны быть в действительности.

– То, что я слышу, чертовски похоже на шантаж. – Голос Силвеста был гораздо ниже, чем у любого из присутствующих. – Вы говорите так, будто у вас, ультра, есть со мной некие обязывающие меня соглашения. Может, на кого-нибудь это и подействует, Садзак, но, боюсь, не на меня.

– Вы можете получить неприятный сюрприз в следующий раз, когда попытаетесь заручиться поддержкой ультра, – ответил Садзак, поигрывая какой-то щепочкой. – Давайте проясним ситуацию. Если вы откажете нам, то в дополнение ко всем неприятностям, которые можете на себя навлечь, получите железную уверенность, что никогда в жизни не покинете своей родной планеты.

– Сомневаюсь, что это создаст для меня большие неудобства.

Вольева – на этот раз сидящая за столом – покачала головой:

– Вряд ли это так. Наш шпион, видимо, прав. Ходят слухи, что вы пытаетесь найти деньги для финансирования экспедиции в систему Дельты Павлина.

– Ресургом? – фыркнул Силвест. – Не думаю. Там же нет ничего интересного.

Настоящая – живая – Вольева сказала:

– Он явно солгал. Теперь это очевидно, хотя тогда я приняла его слова за чистую монету.

Садзак что-то ответил Силвесту, тот снова заговорил, на этот раз как бы защищаясь:

– Я не отвечаю за слухи, на которые вы ссылаетесь, и не советую вам полагаться на них. Нет никаких данных, указывающих на то, что туда стоит лететь. Почитайте литературу, если мне не верите.

– Странное дело, – сказала настоящая Вольева, – я проверила. И он оказался прав. Если основываться на том, что было известно в те времена, то не было ни малейшей причины думать об экспедиции на Ресургом.

– Но ты же только что сказала: он врал!

– Конечно врал. Ретроспекция подтверждает это. – Она покачала головой. – В самом деле, здесь все кажется странным и даже парадоксальным. Через тридцать лет после этой встречи экспедиция все же вылетела на Ресургом. Значит, слухи были верны. – Она кивнула на Силвеста, занятого жарким спором с ее собственной сидячей версией. – Но тогда ведь никто и слыхом не слыхивал про каких-то амарантийцев. Так откуда же, черт побери, к нему пришла идея лететь именно на Ресургом?

– Должно быть, знал: там стбит кое-что поискать.

– Да, но из какого источника он мог получить такую информацию? Изучение этой системы до его экспедиции велось с помощью автоматов и было слишком поверхностным. Не было никаких намеков на то, что на Ресургоме могла существовать разумная жизнь. А Силвест знал наверняка.

– Да, странно все это.

– Вот и я о том же.

Сказав это, она подступила к своей копии и наклонилась к Силвесту так, что Хоури увидела отражение его немигающих глаз в фасетах очков Вольевой.

– Что же ты знал? – спросила она. – Или, что более важно, откуда ты это узнал?

– А он и не подумает ответить, – поддразнила ее Хоури.

– Сейчас – возможно, – кивнула Вольева и улыбнулась. – Но ведь очень скоро он, только настоящий, будет сидеть на этой же поляне. И тогда мы получим ответ.

Она еще не кончила фразу, когда ее браслет громко зачирикал. Звук был непривычным для Хоури, но он безусловно выражал тревогу. Наверху искусственный свет стал кроваво-красным и запульсировал в ритме писка браслета.

– Что это? – встрепелась Хоури.

– Нештатная ситуация! – ответила Вольева.

Она прижала браслет к губам, затем сорвала темные очки и всмотрелась в крошечный дисплей на браслете: он тоже полыхал красным. Хоури видела, как бегут по дисплею буквы, но прочесть не могла.

– А что случилось-то? – шепнула Хоури, боясь помешать Вольевой.

Ана не заметила, как исчезли изображения людей, – они бесшумно улетучились в корабельную память, которая совсем недавно вызвала их к жизни.

Побледневшая Вольева снова взглянула на браслет.

– Одно из орудий на тайном складе...

– Что с ним?

– Оно готовится к бою.

Глава одиннадцатая

На подходе к Дельте Павлина, год 2565-й

Они мчались по изогнутому коридору, тому самому, что вел от поляны к ближайшему радиальному лифту.

– К бою? Что ты имеешь в виду? – кричала Хоури изо всех сил, чтобы перекрыть рев сирены. – Что значит «готовится к бою»?

Вольева не желала сбивать дыхание, отвечая на вопросы, пока они с Хоури не достигли уже поджидавшей кабины лифта, которая тут же получила приказ ехать к ближайшей шахте, идущей по хребту корабля. Ехать, игнорируя все ограничения скорости движения. Когда кабина рванула с места, Вольеву и Хоури вжало в зеркальную стенку с такой силой, что последние остатки воздуха со свистом вылетели из легких. Красное освещение кабины непрерывно пульсировало. Вольева ощутила, что в том же ритме начало биться и ее сердце. Наконец ей удалось заговорить.

– Я имела в виду то, что сказала. Существуют системы, которые мониторят каждое орудие на тайном складе. Одна из них только что обнаружила поступление энергии в подконтрольную ей пушку.

Вольева умолчала, что это она установила мониторинг и что сделала это в первую очередь из-за того механизма, который, как ей показалось, начал передвигаться. Илия до сих пор надеялась, что это перемещение было всего лишь галлюцинацией в ходе бесконечной одинокой вахты. Теперь же она знала: не померещилось. Но как орудие может двигаться само? Вопрос вполне разумный. Увы, он из тех, ответы на которые находятся далеко не сразу, если находятся вообще.

– Надеюсь, просто случился какой-то сбой в мониторинге, – сказала она только для того, чтобы не отмалчиваться. – А сама пушка ни при чем.

– Но с чего вдруг ей понадобилось готовиться к бою?

– Не знаю! Неужели ты не заметила, что я ко всему этому отношусь, мягко говоря, без особого спокойствия?

Кабина радиального лифта резко сбросила скорость и после серии сильных толчков и рывков перешла в продольную шахту. Теперь она падала с такой скоростью, что тела Вольевой и Хоури, казалось, потеряли вес.

– Куда мы направляемся?

– На тайный склад, разумеется! – Вольева сердито глянула на своего стажера. – Не знаю, что там происходит, Хоури, но, что бы это ни было, хочу увидеть собственными глазами.

– Орудие заряжается, что же еще?

– Не знаю. – Вольева изо всех сил старалась сдерживаться. – Я испробовала все алгоритмы отключения – ни один не сработал. Такой ситуации я не ожидала.

– Ну а дальше-то что? Не может же оно отыскать себе цель и выстрелить?

Вольева взглянула на свой браслет. Может быть, цифры показаний не верны, может, произошло замыкание в системе мониторинга... Она надеялась, что дело именно в этом, – иначе браслет сообщает скверные новости.

Орудие на тайном складе двигалось.

Фолкендер сдержал свое обещание: операции, которые он проделывал над глазами Силвеста, редко были приятны, чаще – весьма болезненны, а иногда мало отличались от пытки. В течение нескольких дней хирург лез вон из кожи, чтобы вернуть Силвесту такие важные

функции, как цветное зрение, возможность ощущать перспективу и плавные движения. Но пациенту все время казалось, что врач не обладает необходимыми для этого техническими средствами и опытом. Силвест объяснял Фолкендеру, что его глаза с самого начала не были идеальны. У Кэлвина тоже не хватало инструментов. Но даже примитивное зрение, которое дал ему Кэлвин, было лучше, чем тот унылый, бесцветный,двигающийся рывками мир, в котором он сейчас пребывал. Уже не в первый раз Силвест намекал, что его страдания не стоят тех результатов, которых хочет добиться хирург.

– Думаю, вам лучше бросить это дело, – говорил он.

– Я вылечил Слуку, – отвечал Фолкендер, а в поле зрения Силвеста дергался ядовито окрашенный плоский силуэт человека. – Ваш случай ничуть не труднее.

– Ну и что будет, если вы вернете мне зрение? Жену я не увижу, этого не разрешит Слука. А стена в камере – это всего лишь стена в камере, как бы отчетливо ты ее ни видел. – Его заставила прерваться боль, хлестнувшая по вискам. – Пожалуй, слепота даже предпочтительней. Реальность не лупит тебя по зрительному нерву каждый раз, когда ты открываешь глаза.

– Нет у вас глаз, доктор Силвест! – Фолкендер что-то крутанул, и поле зрения Силвеста покрылось очень болезненными розовыми розетками. – А поэтому, ради бога, прекратите жалеть себя. Вам это не идет. Да и не факт, что вы еще долго будете пялиться на эти стены.

Силвест заинтересовался:

– О чем вы?

– О том, что скоро многое изменится, если то, что я слышал, хоть наполовину правда.

– Какие содержательные сентенции!

– Я слышал, что у нас вскоре могут появиться гости. – Свое уточнение Фолкендер дополнил новым болезненным уколом.

– Хватит говорить загадками. Когда говорите «у нас», вы кого имеете в виду? И что за гости?

– Все, что до меня доходит, – слухи, доктор Силвест. Я уверен, что в надлежащее время Слука сама вас подробнейшим образом проинформирует.

– Вот это вряд ли, – пробурчал Силвест, не питавший особых иллюзий насчет мнения Слуки о его полезности.

С момента прибытия в Мантиль он пришел к твердой уверенности: Слука держит его здесь только ради кратковременного развлечения. Силвест для нее этаким сказочный зверь – усмиранный, но полезный только тем, что еще не успел надоесть. Едва ли она доверится ему в сколько-нибудь важном деле, а если и доверится, то лишь по одной из двух причин: или предпочтет собственной стенке живого собеседника, или придумает для Силвеста изощренную словесную пытку. Уже несколько раз Слука обещала погрузить его в криосон до тех пор, пока не придумает, какой от него может быть толк. «Я правильно сделала, что поймала тебя, – говорила она, – и я не утверждаю, что ты вообще бесполезен. Просто мне пока непонятно, как тебя лучше использовать в наших интересах. Но зато точно знаю: нельзя допустить, чтобы в своих интересах тебя использовали наши враги».

Из этих слов Силвест сделал здравый вывод, что Слуке плевать, останется он жив или нет. Живым он тешит ее самолюбие и в перспективе даже может принести какую-то пользу, если изменится баланс сил в колонии. С другой стороны, если его сейчас же умертвить, это вряд ли вызовет серьезные неприятности. С покойником даже проще иметь дело: он никогда не восстанет против тебя.

Но вот пришел конец его мучениям в бережных руках хирурга. Он вернулся в мир относительно мягкого света и почти приемлемых расцветок. Силвест часто подносил руку к глазам, медленно поворачивая из стороны в сторону, наслаждаясь ее плотностью и объемностью. На коже виднелись линии, о которых он напрочь забыл, хотя прошли лишь недели или считанные месяцы с тех пор, как его ослепили в тоннеле амарантийского города.

– Совсем как новенькие, – сказал Фолкендер, складывая инструменты в автоклав.

Перчатка с металлическими щупальцами отправилась туда в последнюю очередь. Когда Фолкендер снимал ее со своих женственных пальцев, она корчилась, будто выброшенная на песок медуза.

– Включи здесь освещение, – приказала Вольева своему браслету, когда лифт доставил их на тайный склад.

Ощущение собственного веса вернулось, как только кабина лифта стала сбрасывать скорость. Когда лифт остановился в зале, вспыхнул свет, и взорам предстали колоссы, спящие в ожидании своего часа.

– Где оно? – спросила Хоури.

– Подожди, – отозвалась Вольева. – Мне надо сориентироваться.

– Я не вижу никакого движения.

– Я тоже... пока.

Вольева прижалась к стеклянной стенке кабины и, склонив голову набок, попыталась заглянуть за угол того орудия, которое казалось самым большим. Ругаясь про себя последними словами, она заставила кабину спуститься еще на двадцать-тридцать метров и шепнула приказ, после чего пульсация красного света в лифте прекратилась, равно как и вой сирены.

– Посмотри, – сказала Хоури, когда наступила относительная тишина, – движется или нет?

– Где?

Она ткнула пальцем почти вертикально вниз.

Вольева еще сильнее склонила голову, а затем скомандовала:

– Аварийное освещение, тайный склад, пятый квадрант. – Затем обратилась к Хоури: – Давай посмотрим, что надо этой свинье.

– Ты ведь говорила об этом не всерьез?

– О чем?

– О сбое в системе мониторинга?

– Конечно нет, – ответила Вольева и еще сильнее сощурилась, когда включилось аварийное освещение, заливая ослепительным светом ту часть зала, что находилась прямо под ногами. – Это просто был оптимистический взгляд на вещи, который я очень быстро теряю.

«Ожившее» орудие, сказала Вольева, принадлежит к числу разрушителей планет. Она не уверена, что разбирается в принципах его устройства, а еще слабее представляет себе, на что оно способно. Но кое-что подозревает. Вольева испытала одну пушку несколько лет назад на самом низком пределе ее возможностей, против маленького планетоида. Если экстраполировать – а Вольева здорово умеет экстраполировать, – то пушка способна разнести вдребезги планету с расстояния в сотни астрономических единиц. Внутри ее имеются такие штуковины, они дают гравитационное излучение, сравнимое с гравитационным излучением черных дыр, – диву даешься, как орудие ухитрилось при этом не испариться. Каким-то образом эта установка создает солитон – уединенную волну – в геодезической структуре пространства-времени.

И вот орудие ожило без ее команды. Оно скользило по залу, пользуясь сетью рельсов, которые должны были неизбежно вывести его в открытый космос. Это как если бы небоскреб вышел прогуляться по городу.

– Что мы можем предпринять?

– Предлагай, я готова слушать.

– Знаешь, у меня было не так уж много времени, чтобы пораскинуть мозгами.

– Ладно, давай же, Хоури!

– Может, попробуем заблокировать его? – Лоб Хоури наморщился так, будто она не только напряженно думала, но еще и испытывала жесточайшую мигрень. – У тебя есть тут шаттлы?

– Да, но...

– Тогда воспользуйся одним из них, чтобы перекрыть выход. Или на твой вкус это слишком примитивное решение?

– В данный момент таких слов, как «слишком примитивное решение», в моем словаре нет.

Вольева поглядела на браслет. Орудие продолжало двигаться вдоль стены зала, больше всего напоминая огромного брюхоногого моллюска, ползущего назад по собственному скользкому следу. В дне отсека уже открывалась гигантская диафрагма. Еще чуть-чуть, и орудие достигнет люка.

– Я могу расшевелить один шаттл... Но вывести его за борт корабля – дело хлопотное. Боюсь, мы не успеем...

– Действуй! – рявкнула Хоури. На ее лице каждая мышца будто кричала о невыносимом напряжении. – Будешь тут чесаться, так мы и этот последний шанс потеряем.

Илиа кивнула, но на своего стажера поглядела с некоторым подозрением. Та казалась удивленной куда меньше самой Вольевой, но зато волновалась почему-то больше. Впрочем, она права – идею насчет шаттла следует немедленно реализовать, хотя больших шансов на успех нет.

– Нам нужно еще кое-что, – сказала она, вызывая систему управления шаттлами.

Орудие уже наполовину прошло сквозь диафрагму и теперь готовилось проскользнуть в следующую камеру.

– Кое-что еще?

– Да, на случай, если эта мера ничего не даст. Проблема зародилась в ЦАПе, и, возможно, именно там ее и надо решать!

Хоури побледнела:

– Что?!

– Хочу, чтобы ты села в кресло.

При спуске в ЦАП лифт летел с таким ускорением, что пол с потолком поменялись местами и почти то же самое случилось в желудке Хоури. Вольева отдавала лихорадочные, почти неслышные распоряжения своему браслету. Потребовалось несколько мучительных секунд, чтобы связаться с нужным автоматом, потом еще несколько, чтобы преодолеть сопротивление механизмов системы безопасности, которые не желали допустить запрещенных дистанционных действий по управлению шаттлами. Еще больше времени ушло на разогрев двигателей одного из шаттлов, потом надо было ждать, когда же машина освободится от креплений, удерживающих ее в доке, и, наконец, когда она выйдет за пределы корабля. Шаттл вел себя вяло, и у Вольевой вырвалось в сердцах: «Когда же эта скотина расчухается!» Поскольку субсветовик пребывал под тягой, маневрировать шаттлу было нелегко.

– Вот какой вопрос меня беспокоит, – сказала Хоури. – Чем собирается эта пушка заняться, когда выберется наружу? Тут поблизости в космосе что-нибудь есть?

– Ясное дело, есть. Ресургом. – Вольева снова посмотрела на браслет. – Но я надеюсь, мы не дадим пушке шанса.

Именно этот миг выбрала Мадемуазель для своего появления. Каким-то образом она исхитрилась проникнуть в лифт и встать так, чтобы не мешать ни Хоури, ни триумвиру.

– Она ошибается. Ваша затея не сработает. Я контролирую не только оружие на тайном складе.

– Признаешься, стало быть?

– А зачем отрицать? – Мадемуазель гордо улыбнулась. – Ты же помнишь, на тайном складе я оставила свою аватару. Так вот, аватара сейчас контролирует весь склад. И я уже никак не могу влиять на ее действия. Она столь же далека от меня, как я далека от своего оригинала, оставшегося на Йеллоустоне.

Лифт замедлил ход. Вольева анализировала мелкие цифры, быстро сменявшие друг друга на браслете. Упрощенная голограмма показывала шаттл, продвигавшийся вдоль корпуса корабля, – крошечная рыба-прилипала на гладком боку гигантской акулы.

– Но ведь ты отдаешь аватару приказы, – сказала Хоури. – Ты же должна знать, что она затевает?

– Мой приказ был крайне прост. Если ЦАП отдаст в распоряжение аватары любую систему, посредством которой можно ускорить выполнение нашей миссии, то аватара обязана произвести действия, ускоряющие выполнение нашей миссии.

Хоури замотала головой – она не поверила ни единому слову Мадемуазели.

– А я-то думала, ты хочешь, чтобы я убила Силвеста!

– Это оружие может справиться с данной задачей куда быстрее, чем я предполагала раньше.

– Нет! – крикнула Хоури, когда смысл слов Мадемуазели проник в ее сознание. – Ты не посмеешь уничтожить целую планету, чтобы убить одного-единственного человека!

– Да неужто в нас заговорила совесть? – Мадемуазель скорбно покачала головой и надула губки. – А ведь раньше насчет Силвеста мы никаких сожалений не выказывали. Так почему же смерть других людей так волнует тебя? Это же всего лишь вопрос статистики.

– Это просто... – Хоури замялась, сообразив, что ее слова никак не подействуют на Мадемуазель. – Просто не по-человечески. Конечно, тебе этого не понять.

Кабина лифта остановилась, дверь распахнулась, открыв вид на полузатопленный проход к ЦАПу. Хоури чуть замешкалась, чтобы собраться с мыслями. С момента начала спуска она страдала от головной боли, какой раньше и представить себе не могла. Сейчас боль вроде пошла на спад, но совершенно не хотелось думать о том, чем она могла быть вызвана.

– Быстро, – скомандовала Вольева. – Выходи!

– А чего не понять тебе, – сказала Мадемуазель, – так это причину, по которой я готова тратить силы на уничтожение этой колонии, чтобы быть уверенной в смерти одного-единственного человека.

Хоури последовала за Вольевой, ее сапоги по колено ушли в вонючую слизь.

– Ты чертовски права, этого я не понимаю. Но даже если пойму, все равно постараюсь остановить тебя.

– Вряд ли, Хоури, – если узнаешь все факты. Пожалуй, даже торопить меня станешь.

– Тогда ты сделала ошибку, утаив от меня важную информацию.

Они пробирались из одного полузатопленного помещения в другое, открывая задраенные люки. В жиге колыхались крысиные трупки: когда уровень воды в отсеках выравнивался, течение вымыло уборщиц из щелей, куда они забились, чтобы умереть.

– Где шаттл?

– Остановлен у шлюза, – ответила Вольева, оборачиваясь, чтобы взглянуть в лицо Хоури. – А боевая машина еще не вылезла.

– Значит ли это, что мы побеждаем?

– Это значит, что еще держимся. Я хочу, чтобы ты поскорее заняла кресло в ЦАПе.

Мадемуазель исчезла, но ее бестелесный голос все еще звучал, хотя эха в этих загаженных коридорах он не будил.

– Ничего у вас не получится. Все системы в ЦАПе контролирую я. Так что ваше присутствие там более чем бессмысленно.

– Если это так, почему ты стараешься отговорить меня от посещения ЦАПа?

Мадемуазель промолчала.

Еще две переборки, и вот они уже в том месте, откуда открываются двери в ЦАП. Сюда женщины добрались бегом, но теперь пришлось ждать, пока по наклону не стечет слизь из коридора.

Вольева нахмурилась:

– Что-то не так.

– Что именно?

– А ты не слышишь? Дикий шум! – Она склонила голову набок, напрягая слух. – И этот бардак творится в ЦАПе!

Теперь Хоури и сама слышала. Это был высокий механический гул, будто пошла вразнос древняя промышленная машина.

– Что это?

– Не знаю. – Помолчав, Вольева добавила: – Впрочем, надеюсь, это не то, что я думаю. Идем!

Илиа вытянулась и открыла лючок, расположенный прямо над ее головой. Дождь «корабельной слизи» хлынул на плечи женщин, лестница из легкого металла упала к их ногам. Машинный скрежет многократно усилился. Теперь уже не приходилось сомневаться: источник шума находится в ЦАПе. Там были включены мощные лампы, но освещение казалось неустойчивым, будто в отсеке двигалось нечто огромное, время от времени заслоняя осветительные приборы. И что бы это ни было, перемещалось оно с большой скоростью.

– Илиа, – сказала Хоури, – что-то мне это не нравится.

– Ты в своем мнении не одинока.

Снова зачирикал браслет Вольевой. Та было наклонилась, чтобы получше рассмотреть его, но тут вселенский гром сотряс корабль от кормы до носа. Женщины плюхнулись на пол и заскользили по нему. Хоури уже почти удалось подняться, когда новая волна «корабельной слизи» подкосила ее. Некоторое время она глотала эту слизь – нечто наиболее близкое к дерьму из всего испробованного на ее трудном веку. Вольева схватила ее за локти и помогла встать. Ана кашляла и изо всех сил отплевывалась от слизи, но избавиться от мерзкого вкуса было невозможно.

Браслет Вольевой уже снова светился в красном режиме.

– Какого черта...

– Шаттл! – воскликнула Вольева. – Мы его только что потеряли!

– Что?

– В смысле, он взорвался, – закашлялась Вольева. С ее лица лилась слизь – ей и самой пришлось хлебнуть этой дряни. – Как я поняла, пушке с тайного склада даже не пришлось спихивать его со своей дороги. Все сделало обычное корабельное вооружение – просто расстреляло шаттл.

Невыносимый шум наверху все еще продолжался.

– Все еще хочешь, чтобы я туда пошла?

Вольева кивнула:

– И немедленно. Посадить тебя в кресло – это все, что я сейчас могу предпринять. Не бойся, я буду рядом.

– Нет, ты только послушай ее, – внезапно прорезался голос Мадемуазели. – Как всегда, заставляет тебя сделать то, для чего у самой кишка тонка!

– У нее же нет имплантатов! – во весь голос выкрикнула Хоури.

– Что ты говоришь? – с недоумением спросила Вольева.

– Ничего. – Хоури поставила ногу на нижнюю ступеньку. – Просто послала одну старинную подружку ко всем чертям.

Подошва тут же соскользнула с покрытого слизью железа. Еще одна попытка. Хоури нашла, за что ухватиться, и поставила на ступеньку другую ногу. Ее голова почти достигла узкого лаза, ведущего в ЦАП, до которого оставалось еще метра два.

– Не попадешь ты сюда, – прошипела Мадемуазель. – Я ведь контролирую кресло. И как только твоя голова просунется в ЦАП, кресло тут же наедет и разmozжит ее.

– С удовольствием поглядела бы на твою рожу, когда это случится.

– Хоури, неужели ты до сих пор не поняла, что происходит? Потеря головы – самая незначительная из неприятностей, которые тебя ждут!

Теперь лицо Хоури было в нескольких сантиметрах от входа в ЦАП. Она видела, как кресло носится по широким дугам, пересекая из конца в конец все пространство отсека. Оно не было рассчитано на подобную акробатику, и в ноздри била едкая вонь перегоревших проводов.

– Вольева! – крикнула она в лаз. – Ты же возилась тут с чертовой проводкой! Можешь снизу обесточить кресло?

– Отключить кресло от питания? Конечно. Но что нам это даст? Мне ведь нужно, чтобы ты вступила в психический контакт с ЦАПом.

– Чего-нибудь да даст! Пусть эта скотина для начала перестанет скакать по всей комнате!

Наступила пауза, во время которой, как представлялось Хоури, Вольева вспоминала древние схемы электропроводки. Хотя она лично создала ЦАП, с той поры прошло много субъективного времени, а такая простая вещь, как главный кабель питания, надо полагать, не требовала ни ремонта, ни апгрейда.

– Ладно! – наконец-то крикнула Вольева. – Знаю, где проходит главный кабель. Надеюсь, получится его перерубить.

Вольева повернулась и спустя мгновение исчезла из виду. Отсюда все казалось таким простым: отключить энергопитание – пара пустяков! Но что, если придется искать какой-нибудь сложный резак? А времени мало. Нет, у Вольевой наверняка найдется что-нибудь, например тот маленький лазер, которым она срезает пробы с капитана. Она же вечно таскает его с собой.

Мучительные секунды уходили одна за другой, а Хоури все думала об орудиях, медленно вылезавших из корпуса и нацеливающихся куда-то в космос. Впрочем, они уже наверняка наведены на цель – на Ресургом. Теперь накапливают энергию, готовясь спустить с цепи пульсирующую гравитационную смерть.

И вдруг наверху все смолкло.

В ЦАПе – полная тишина и яркий свет. Кресло замерло неподвижно на своих шарнирах – трон, подвешенный внутри элегантной сферической клетки.

Вольева крикнула снизу:

– Хоури, в ЦАПе есть дублирующее энергообеспечение. И оно будет задействовано, как только ЦАП поймет, что в главном кабеле тока нет. Это значит, у тебя в обрез времени, чтобы добраться до кресла.

Хоури выскочила из люка, как чертик из табакерки. Тонкие опоры кресла казались еще более острыми, чем прежде. Она двигалась с предельной быстротой, лавировала между тронами и проводами, перескакивала через шарниры или ныряла под них. Кресло не шевелится, но чем ближе к нему Ана, тем больше будет риска, когда оно придет в движение. Если это случится, думала Хоури, стены моментально станут красными и липкими.

И вот она в кресле. Едва успела пристегнуться, как кресло взвыло и рванулось. Шарниры валили его то назад, то вперед; оно моталось вправо-влево, оно кувыркалось, и Хоури в один миг напрочь утратила ориентацию в пространстве. Движения были такие резкие, что она боялась, как бы не сломалась шея, как бы глаза не выскочили из орбит. И все же рывки явно слабели.

«Она хочет измотать меня, а не убить, – думала Хоури. – Пока что я нужна ей живая».

– Не пытайся совать нос в мои дела, – уговаривала Мадемуазель.

– Боишься, что разрушу твои мерзкие планы?

– Ничего подобного. А не напомнить ли тебе о Похитителе Солнц? Он ведь дожидается, когда придет его очередь сделать ход.

Кресло все еще металось, но его рывки уже не могли мешать мыслительным процессам Хоури.

– А что, если его и на свете-то нет? – сказала она. – Может, это твоя выдумка – еще один рычаг давления на меня?

– Ну, тогда действуй!

Хоури опустила шлем на голову, что существенно уменьшило головокружение. Пальцы легли на кнопку. Оставалось лишь легким нажатием на нее пустить ток и соединить собственную психику с управлением боевыми системами.

– Что, не получается? Это потому, что подсознательно ты веришь мне. Как только подключишься, обратного пути уже не будет!

Хоури попробовала надавить на кнопку и тут же ощутила растущее сопротивление контроля. Но затем, то ли благодаря бессознательному нейромышечному усилию, то ли благодаря тлевшей где-то в отдаленных уголках мозга мысли о необходимости такого поступка, она резко утопила кнопку. ЦАП будто обволок Ану – это ощущение возникало уже тысячи раз в ходе тактических учений. Сначала изменились пространственные параметры. Тело растворилось, его место заняло изображение корабля и ближайшего космического пространства, затем возникла иерархия оперативных ситуаций, они непрерывно обновлялись, предлагали и самостоятельно перепроверяли решения, а также торопливо строили модели-экстраполяции.

И все эти данные ассимилировались в мозгу Хоури.

Орудие с тайного склада уже заняло позицию в нескольких сотнях метров от корпуса корабля. Его рог смотрел прямо по курсу, на Ресургем, – с учетом, как понимала Хоури, незначительных искривлений световых волн, которые возникают при релятивистских скоростях. Вблизи шлюза, из которого вышел в космос этот механизм, на корпусе виднелись угольно-черные пятна – следы сожженного шаттла. Рядом с ними были заметны и вмятины в борту корабля. Хоури ощущала эти повреждения как легкие покалывания, слабевшие по мере того, как за дело брались средства автоматического ремонта. Датчики слежения за силой тяжести улавливали рябь гравитационных волн, исходящих от орудия. Хоури очень хорошо чувствовала периодические, но учащающиеся порывы гравитационного ветра, пронизывающего тело корабля. Должно быть, раскручивались черные дыры внутри орудия, все быстрее неслись по его тору.

И еще Хоури ощущала чье-то присутствие, как будто к ней кто-то приняхивался, причем находясь не снаружи, в космосе, а в самом ЦАПе.

– Похититель Солнц обнаружил твое появление, – шепнула ей Мадемуазель.

– Это не важно. – Хоури уже дотянулась до сознания ЦАПа, просунула свои виртуальные пальцы в кибернетические апертуры. – Я подчиню себе защитные системы корабля. Тут работы на несколько секунд...

Но что-то мешало. Она ощущала артсистемы не так, как во время учений. Они явно не спешили подчиняться ей. Интуиция подсказывала: за эти орудия идет борьба, в которой Ана – всего лишь третий участник.

Мадемуазель – а точнее, ее аватара – пыталась заблокировать орудия на корпусе, чтобы они не открыли огонь по пушке с тайного склада. Что касается последней, то она находилась вне досягаемости Хоури, будучи отгорожена от нее многочисленными файрволлами.

И кто же это сопротивляется Мадемуазели, пытаясь привести штатную корабельную артиллерию в боевую готовность? Надо думать, Похититель Солнц.

Теперь Хоури яснее ощущала его присутствие. Нечто огромное, мощное, но в то же время вынужденное жить невидимкой и изощренно скрывать свои действия, маскируя их обычными

потоками информации. Многие годы ему это удавалось, и Вольева даже не подозревала о его существовании на корабле. Но теперь Похитителя Солнц вынудили принимать отчаянные меры, и он уподобился крабу, которого отлив заставил перебегать из укрытия в укрытие.

В Похитителе Солнц не было ничего человеческого. Никаких признаков того, что эта сущность, поселившаяся в ЦАПе, имеет отношение к Земле или является записью сознания какого-либо реального существа. Нет, Похититель Солнц ощущался как чистый разум, будто всегда существовал лишь в виде информационного сгустка и останется таковым на веки вечные. Иначе говоря, он воспринимался как мыслящее ничто, как место, где ничего нет, но которое тем не менее достигло высочайшего уровня организации.

Неужели Ана всерьез обдумывает возможность действовать заодно с ним?

Да. Быть по сему, если это дает шанс остановить Мадемуазель.

– Ты еще можешь отступить, – предупредила Мадемуазель. – Сейчас он занят, не может использовать всю свою силу, чтобы полностью подчинить твоё сознание. Но скоро все изменится.

Теперь, по крайней мере, наводка штатных артсистем уже находилась под контролем Хоури, хотя вся эта машинерия работала с большим скрипом. Ана заключила в скобки-целые указатели пушку с тайного склада, окружив эту громадину потенциальной сферой аннигиляции. Оставалось лишь добиться от Мадемуазели, чтобы она сдала контроль над этой системой, которой нужна была лишь микросекунда, чтобы открыть огонь.

Хоури чувствовала: Мадемуазель слабеет, а она, Хоури, а точнее, Хоури и Похититель Солнц побеждают.

– Не делай этого! Ты не знаешь, что стоит на кону.

– Так просвети же меня, сука! Говори, из-за чего сыр-бор!

Между тем оружие с тайного склада все отдалялось от корабля, а значит, Мадемуазель продолжала его контролировать. Пульсация гравитационного излучения убыстрялась, толчки следовали друг за другом с такой быстротой, что почти сливались. Догадаться, через какое время оружие выстрелит, было нельзя, но Хоури понимала: этот момент может наступить буквально через несколько секунд.

– Слушай, Хоури, – сказала Мадемуазель, – хочешь знать правду?

– Ты чертовски права!

– Тогда крепись. Сейчас ты все поймешь!

И в эту минуту, когда Хоури уже готовилась втянуться в оперативное пространство оружия, она почувствовала, что ее тащат в совершенно другом направлении. И было странное чувство, что этим занимается часть ее самой, – но уже через мгновение оно исчезло.

Они находились на поле недавней битвы, окруженные хамелеофляжными надувными палатками – временными полевыми госпиталями или передовыми командными пунктами. Лазурное небо было чуть подернуто белыми облаками и иссечено вдоль и поперек грязными полосами ракетных выхлопов. Выглядело это так, будто огромный, как мир, осьминог выбросил в стратосферу весь запас чернил из своих желез. На самом деле полосы оставляли многочисленные звенья стреловидных реактивных самолетов. Ниже гудели беспилотные дирижабли, а еще ниже – пузатые транспортные вертолеты. Они сновали у границ лагеря и время от времени садились, чтобы выгрузить бронетранспортеры, пехотинцев, санитарные машины или вооруженных роботов. На зеленом участке в углу лагеря стояли шесть дельтовидных, цельнометаллических, глухо задраенных самолетов на шасси, сверху замаскированных под выжженную солнцем землю. Их ирисовые люки были закрыты.

Хоури споткнулась и упала на жесткую траву. На ней был хамелеофляж, постоянно создающий иллюзию крапчатого хаки. В руках Ана держала автомат с пистолетной рукояткой, подогнанной под ее ладонь. Голову прикрывал шлем, с него свисал двумерный цифровой

монокуляр; в данный момент он показывал в условных цветах тепловую картину боевого пространства, передаваемую с дирижабля-разведчика.

– Сюда, пожалуйста.

Кто-то из медиков направил ее в сторону госпитальной палатки. Внутри санитар забрал у Аны автомат, прицепил к нему бирку с фамилией Хоури и поместил в пирамиду, где уже стояли разных моделей орудия убийства – от такого же, как у нее, скромного пулевого оружия до чудовищ, способных одним выстрелом уничтожить целое подразделение. Была там и штука-вина, которую лучше не применять против врага, находящегося с тобой на одном континенте.

Передаваемая с дирижаблей картинка смешалась и исчезла под воздействием поля, обеспечивающего палатке радарную невидимость. Освободившейся рукой Хоури убрала монокуляр, тем же движением стряхнув с глаза мокрую от пота прядь волос.

– Хоури, сюда.

Ее провели через перегородку в заднюю часть палатки, в помещение, заполненное больничными койками, ранеными бойцами и тихо гудящими автоматами-санитарами, – склоняясь над пациентами, они казались зелеными лебедями. Снаружи изредка доносился вой истребителей и орудийные залпы, но на эти звуки никто не обращал внимания.

Наконец Хоури привели в крошечный закуток, где не было ничего, кроме письменного стола. Стены были украшены знаменами участников Северной Коалиции, а на столе красовался большой глобус Окраины Неба на бронзовом кронштейне. Глобус был преимущественно геологический, на нем проще было находить равнины и массивы суши, чем бурно оспариваемые политические границы. Впрочем, Хоури на него взглянула лишь мельком, ее внимание тотчас целиком сосредоточилось на человеке, который сидел за столом. Он был одет в военную форму: тускло-оливковый китель с пуговицами сбоку, погоны, внушительный иконостас орденов и медалей Северной Коалиции. Черные блестящие волосы зализаны назад и падают блестящими волнами на плечи.

– Сожалею, что приходится встречаться вот так, – сказал Фазиль. – Но ничего не поделаешь. – Он указал на стул. – Садись, у нас неотложный разговор.

Хоури смутно вспомнилось совсем другое место. Какая-то камера с железными стенами, стул, и хотя в этом воспоминании было нечто тревожное (будто утекало драгоценное время), оно казалось даже более реальным, нежели ее нынешние ощущения. Но потом Фазиль полностью завладел ее вниманием. Он выглядел точно таким, каким помнился Ане, хотя она никак не могла понять, когда же виделась с ним в последний раз. Правда, на его щеке виднелся шрам, вроде незнакомый. Еще он отрастил усы – а может, что-то сделал с теми, которые носил когда-то: раньше была черная щеточка, а теперь рот прячется в щегольских вислых усищах.

Хоури послушно опустила на стул.

– Она... Мадемуазель боялась, что может дойти до этого, – между тем говорил Фазиль. Его губы еле шевелились, если вообще шевелились – под усами не видно. – Поэтому она приняла кое-какие меры предосторожности. Пока ты находилась на Йеллоустоне, она внедрила в твой мозг серию воспоминаний, добраться до которых очень непросто. Они должны были активизироваться, то есть стать доступными твоему сознанию, только тогда, когда она сочтет это нужным. – Фазиль протянул руку и раскрутил глобус, потом резким движением остановил его. – По правде говоря, процесс открытия доступа к этим воспоминаниям идет уже некоторое время. Ты наверняка помнишь легкий приступ мигрени, случившийся в лифте?

Хоури лихорадочно искала вокруг «якорь». Что-нибудь объективно-реальное, за что можно уцепиться.

– Ты о чем?

– О механизме, – ответил Фазиль, – собранном отчасти из существующих воспоминаний, которые Мадемуазель обнаружила у тебя и нашла подходящими для своих целей. Эта встреча, например. Разве она не напоминает тебе нашу первую встречу, любимая? Только та произошла

при высадке десанта на уровне Семьдесят Восемь, в боях за центральные провинции, как раз перед вторым наступлением с красного полуострова. Тебя прислали в мой штаб, так как мне понадобился боец для заброски в тыл противника, знакомый с секторами, которые не контролировали войска южан. Из нас получилась неплохая команда, верно? И не только в военном смысле. – Он нежно погладил усы и снова крутанул глобус. – Конечно, я вызвал тебя сюда, вернее сказать, она вызвала тебя сюда не для того, чтобы предаваться воспоминаниям. Тот факт, что эти воспоминания ожили, означает, что пора открыть для тебя часть правды. Вопрос в том, готова ли ты ее принять.

– Конечно, я... – Хоури оборвала фразу.

В том, что говорил Фазиль, было много странного, но ее больше волновало смутное воспоминание о другом месте, о страшном стуле в какой-то железной комнате. В этом воспоминании было нечто недосказанное, какая-то ошибка таилась в самом процессе раскрытия воспоминания. Казалось, что где бы ни находилась та комната, она – Хоури – обязана быть там, чтобы принять участие в какой-то борьбе, присоединиться к чьему-то сопротивлению. И было ясно, что времени осталось совсем мало и нельзя тратить его на то, что находится у нее перед глазами.

– О, не беспокойся, – сказал Фазиль, видимо без труда читавший ее мысли. – Наш разговор не происходит в реальном времени. Да и в ускоренном времени ЦАПа тоже. С тобой бывало когда-нибудь такое: кто-то будит тебя, но его действия становятся частью твоего сна задолго до того, как ты просыпаешься по-настоящему? Понимаешь, о чем я? Твоя собака лижет тебе лицо, чтобы разбудить, и ты падаешь в море с корабля, и потом кажется, что корабль снился тебе всю ночь. – Фазиль помолчал. – Память, Хоури. Воспоминания откладываются мгновенно. Сон казался реальностью, но он возник внезапно, в тот момент, когда собака стала лизать твое лицо. Ретроспективно сконструировалась ситуация, которую на самом деле ты не переживала.

Упоминание Фазиля о ЦАПе кристаллизовало концепцию стальной комнаты. Хоури еще острее ощутила необходимость оказаться там и принять участие в схватке. Детали по-прежнему были туманны, но Хоури чувствовала важность своего участия в борьбе.

– Мадемуазель, – продолжал Фазиль, – могла почерпнуть множество сведений из твоего прошлого, а многое могла и сочинить, исходя из единичного факта. Но она понимала: для пользы дела следует поместить тебя в такую обстановку, где обсуждение военных проблем покажется совершенно естественным.

– Военных проблем?

– Собственно говоря, войны как таковой. – Фазиль улыбнулся, отчего его усы встопорщились, словно демонстрируя принципы строительства консольных мостов. – Но эта война не из тех, в которых ты участвовала или о которых хотя бы читала. Нет. Боюсь, та война случилась слишком давно. – Фазиль резко встал, одернул китель и поправил ремень. – Пожалуй, нам лучше перейти в конференц-зал.

Глава двенадцатая

Окраина Неба, 61 Лебеда А, год 2483-й (компьютерная имитация)

Конференц-зал, куда Фазиль привел Хоури, ничем не походил на те, в которых ей доводилось бывать раньше. Он явно был слишком велик для надувных палаток вообще и уж никак не мог поместиться внутри этой. И хотя Хоури имела дело с разными типами моделирующей аппаратуры, ни один из них не смог бы создать картину, которая сейчас открылась ее глазам. Она занимала почти все пространство комнаты шириной примерно двадцать метров и была окружена со всех сторон дорожкой с металлическими перилами.

Это была карта всей Галактики.

То, что, с точки зрения Хоури, делало это изображение невозможным, заключалось в одном-единственном факте: глядя на карту, она воспринимала – то есть видела и каким-то образом усваивала – информацию о каждой звезде в Галактике, от еле теплящихся красных карликов до ярчайших неустойчивых белых супергигантов. И здесь присутствовали не только те звезды, которые можно увидеть, когда на них совершенно случайно падает взгляд. Нет, их было несравненно больше. Но всю Галактику здесь можно было охватить с одного взгляда. Хоури так и восприняла ее – как единое целое.

Она могла запросто сосчитать точное количество звезд в ней!

Их было 466 311 922 811. Пока она считала, один из супергигантов превратился в сверхновую, так что ей пришлось изменить итог.

– Это фокус, – сообщил ей Фазиль. – Кодификация. В Галактике звезд больше, чем клеток в человеческом мозгу: если их запоминать, это заняло бы слишком большую часть ассоциативной памяти. Хотя это не значит, что ощущение всеведения не поддается имитации.

Картина Галактики была столь детальна, что назвать ее картой просто язык не поворачивался. Все звезды были изображены согласно своим качествам: цвет, светимость, размер, бинарность, положение, вращение. И все это отражалось с абсолютной точностью, причем были отмечены еще и области формирования звезд – прозрачные, мягко светящиеся облака конденсированных газов, в которых мерцали угольки эмбрионов будущих светил. Были там и совсем недавно сформированные звезды, окруженные дисками протопланетного материала, а если того хотела Хоури, то открывался вид и на планетные системы, вращающиеся вокруг своих центральных солнц на невероятных скоростях. Были там и совсем старые звезды, уже сбросившие скорлупу своих фотосфер, обогатив ими нищее межзвездное пространство и превратив его в основной протоплазменный резервуар, из которого когда-нибудь родятся будущие поколения звезд, миров и цивилизаций. Были там и останки сверхновых – регулярных и случайных, типичных и нетипичных, расширявшихся по мере охлаждения и излучавших свою энергию в мировое пространство. Иногда в гуще процессов звездной гибели Хоури могла наблюдать появление молодого пульсара, выбрасывающего пучки радиоволн на точных и почти не меняющихся диапазонах, работающего словно часы в каком-нибудь всеми забытом императорском дворце, давным-давно заведенные в последний раз и обреченные тикать, пока их не остановит ледяная вечность. А еще она видела черные дыры. Одна из них (ныне еще спящая) находилась в центре Галактики, окруженная сопутствующими роями обреченных звезд, которые в один прекрасный день по крутым спиралям рухнут в недра дыры и, разрываемые в клочья, дадут пищу для апокалиптического взрыва рентгеновского излучения.

Но не только галактическую астрофизику показывала эта объемная картина. Хоури видела и понимала нечто гораздо большее по мере того, как новые слои воспоминаний ложи-

лись на предыдущие. Она узнала, например, что Галактика кишит жизнью, что миллионы культур разбросаны в квазибеспорядке по ее гигантскому, медленно вращающемуся диску.

И все, что она видела, было в прошлом. В далеком-далеком прошлом.

– Таким, – произнес Фазиль, – было состояние Галактики примерно миллиард лет назад. Если считать, что начало Вселенной положено за пятнадцать миллиардов лет до этого, то миллиард – огромный кусок времени, даже по галактической шкале.

Они стояли рядом, склонившись над перилами, украшавшими дорожку, – совсем как влюбленная парочка, остановившаяся на минуту полюбоваться своим отражением в темном пруду с утками.

– Чтобы ты имела более четкое представление, скажу, что миллиард лет назад человечество еще не существовало, – продолжал Фазиль. – Больше того, еще и динозавров не было! Они появились порядка двухсот миллионов лет назад, то есть примерно за одну пятую того периода, о котором мы с тобой говорим. Сейчас у нас тут докембрий. Жизнь на Земле уже есть, но не многоклеточная. Если очень повезет, можно встретить что-нибудь вроде губки. – Фазиль снова поглядел на модель Галактики. – А вот в других местах дела обстояли иначе.

Около миллиона различных цивилизаций (Хоури не была уверена в точности этой цифры, но решила не впадать в детскую педантичность; это как определять возраст человека с точностью до месяца), возникших в разное время, а следовательно, имевших разный возраст, существовали тогда в Галактике. Если верить Фазилию (хотя Хоури лишь частично улавливала ход его рассуждений), Галактика только четыре миллиарда лет назад достигла такого состояния, чтобы в ней могли появиться разумные существа и цивилизации. Но когда эта точка минимальной галактической зрелости была достигнута, и развитие цивилизаций пошло отнюдь не синхронно. В процессе распространения разума некоторые культуры возникли в мирах, где по тем или иным причинам ход эволюции замедлился и отстал от нормы или возникшая жизнь подверглась чрезмерному воздействию природных катастроф.

Так или иначе, через два-три миллиарда лет после появления жизни на тех или иных планетах некоторые из цивилизаций вошли в эру космических перелетов. По достижении этой точки развития многие из них расползлись по всей Галактике, хотя, разумеется, были и такие домоседы, которые предпочитали колонизировать лишь собственные солнечные системы, а некоторые даже ограничивались спутниками своей планеты. Обычно же темп продвижения по Галактике был достаточно быстрым: средняя скорость составляла от одной десятой до одной сотой скорости света. Это может показаться медленным, но на самом деле скорость была потрясающая, учитывая, что разумной жизни исполнился всего миллиард лет, а диаметр Галактики равнялся ста тысячам световых лет. Если бы не всякого рода препятствия, то любой народ, обладавший космическими кораблями, мог бы стать доминирующим в Галактике за сравнительно короткое время – каких-нибудь несколько миллионов лет. И возможно, что если бы такое на самом деле случилось, то есть установилось бы политическое господство одной цивилизации, то дела пошли бы совсем иначе.

На самом же деле первая космическая цивилизация имела очень малую скорость экспансии, и она столкнулась с экспансионистской волной второй цивилизации. Та, хоть и была моложе, не уступала первой по технологическому уровню и вполне была способна при необходимости стать агрессивной. За неимением лучшего термина их отношения можно назвать галактической войной. Там, где обе расширяющиеся империи сталкивались, возникали сильнейшие трения, и культуры с грохотом крушили друг друга, как огромные тектонические плиты. А вскоре возникла третья, а там и четвертая силы, которые тоже были вовлечены в конфликт. Закономерно, что в свалку в конце концов оказалось втянуто несколько тысяч космических цивилизаций.

Именовалась эта война по-разному на тысячах языков ее участников. Некоторые названия едва ли могут быть адекватно переведены на современные человеческие языки. Но

несколько участников боевых действий назвали ее почти одинаково: со скидкой на трудности перевода и взаимопонимания это что-то вроде Войны Рассвета.

Война охватила всю нашу Галактику и еще две сателлитных, вращавшихся вокруг Млечного Пути. В нее втянулись не только отдельные планеты, но и целые солнечные системы, созвездия и спиральные рукава. Хоури поняла, что следы этих сражений видны еще и сегодня, надо лишь знать, где их искать. Последствия войны обнаруживаются в виде аномальных концентраций погасших звезд в некоторых районах Галактики или в появлении странных сочетаний еще горящих звезд, расположенных, например, в виде строгих цепочек. На многие десятки световых лет тянутся полосы обломков от гигантских систем вооружений. Есть громадные объемы пустоты, где должны быть звезды, а по законам динамики – формирования солнечных систем и планеты, но там нет ничего, кроме холодных обломков и прочего космического мусора. Война Рассвета длилась долго – дольше, чем эволюционные процессы самых горячих звезд. Впрочем, если сравнивать с жизнью Вселенной, то война не очень уж долга – так, слегка искаживший Галактику спазм.

Могло случиться, что в Войне Рассвета не осталось бы победителя. Хотя по меркам Вселенной она была не такой уж долгой, но с точки зрения разумных существ длилась бесконечно. Сотни их видов за это время появились и успели исчезнуть, погибнув или изменившись до неузнаваемости при ассимиляции. Некоторые уподобились машинам, другие описали, так сказать, круг в обратном направлении, то есть из машин превратились в органические субстанции. Третьи сублимировались и полностью сгинули с полей сражений. Еще кое-кто превратил свое тело и дух в информационную матрицу и нашел вечное убежище в тщательно оберегаемых компьютерных пространствах. Были и такие, которые уничтожали сами себя.

И все же одна цивилизация вышла из горнила войны окрепшей. Возможно, ей посчастливилось оказаться среди самых малозначительных участников войны, и, пострадав меньше других, она превратилась в мощную силу, восседающую на руинах Галактики. А может быть, эта цивилизация развилась из коалиции нескольких по горло сытых войной видов. Все это, впрочем, значения не имеет, так как сами эти существа, надо думать, о своем происхождении ничего не ведали. Были они – во всяком случае, тогда – гибридом машин и химериков, с примесью каких-то местных позвоночных. Они даже не удосужились придумать себе постоянное имя.

– Но все же, – сказал Фазиль, – имя они получили, нравится оно им или нет.

Хоури поглядела на мужа. Пока он излагал ей историю Войны Рассвета, она ухитрилась узнать кое-что о месте своего пребывания и о нереальности происходящего. То, что Фазиль сказал о Мадемуазели, наконец-то соединилось с какими-то задержавшимися в разуме Хоури воспоминаниями об истинном настоящем. Теперь она почти ясно представляла себе ЦАП, знала, что сцена, в которой против воли участвует, этот искаженный обрывок прошлого, – всего лишь интерлюдия. А мужчина – вовсе не Фазиль. Это просто реконструкция. Правда, он мало отличается внешне от Фазиля, каким она его помнит.

– И как же их называли? – спросила она.

Он помолчал, прежде чем дать ответ, а заговорил уже с театральной серьезностью.

– Ингибиторы. И на то была причина, которая вскоре стала очевидной.

И он объяснил Ане, объяснил простыми словами, чтобы лучше дошло. Знание обрушилось на Хоури холодной и безжалостной лавиной – и она поняла, что никогда не сможет забыть услышанное. Поняла она и кое-что еще – то, что, возможно, являлось главным содержанием всего урока. Она поняла, почему Силвест должен умереть.

И почему, если при этом необходимо погубить планету, такая цена не будет непомерной.

Охрана явилась как раз в тот момент, когда Силвест погрузился в сон без сновидений. Последняя операция изнурила его.

– Собирайся, соня, – сказал тот, что повыше, – здоровяк с вислыми седыми усами.

– Зачем вы пришли?

– Так мы и согласимся испортить сюрприз, – сказал второй, похожий на хорька, поигрывая винтовкой.

Его повели какой-то нарочно запутанной дорогой: слишком много поворотов, чтобы можно было принять это за случайность. Своей цели охранники добились быстро – подконвойный напрочь потерял ориентацию. Сектор, куда доставили Силвеста, показался ему незнакомым. Это была или старая часть Мантиеля, перестроенная людьми Слуки, или совсем новая группа тоннелей, прорытых уже после захвата города. Какое-то время Силвест думал, не переселяют ли его, но это казалось маловероятным: одежда осталась в камере, и там совсем недавно сменили постельное белье. Фолкендер говорил о возможности изменения статуса Силвеста в связи с какими-то визитерами, о которых он упомянул вскользь.

Однако, как вскоре убедился Силвест, план Слуки остался прежним.

Комната, в которой он оказался, была такой же спартанской, как и его камера. Точная копия, начиная от голых стен и заканчивая лючком в двери для доставки пищи.

И все то же губительное для надежды ощущение, что стены невероятно толсты, а тоннель уходит в самую глубь горы. Все так похоже, что подумалось даже: его заставили пройти на полусогнутых по круговому тоннелю, в результате чего он очутился в своей прежней камере. От них и не такого можно ждать... Ладно, не все ли равно? Будем считать это прогулкой или физическим упражнением.

Но как только Силвест пригляделся, ему стало ясно, что комната другая. На постели сидела Паскаль, и, когда жена подняла глаза, он понял, что она удивлена ничуть не меньше его самого.

– У вас ровно час, – сказал усатый, хлопнув своего напарника по спине.

Оба вышли и тут же заперли дверь.

Последний раз, когда Силвест видел Паскаль, она была в свадебном платье, волосы уложены блестящими пурпурными волнами, и ее окружал целый рой иллюзорных фей и волшебников. С равным успехом все это могло бы и присниться Силвесту. Теперь на ней был комбинезон – такой же грязный и не по размеру, как и на нем самом. Стрижка под горшок, под глазами то ли круги от бессонницы, то ли синяки – может быть, и то и другое. Она казалась тоньше и меньше ростом, чем помнилось ему, – наверное, потому, что сутулилась. Ноги босые... а белая пустота комнаты кажется такой огромной.

Силвест не помнил, было ли время, когда Паскаль казалась такой хрупкой и такой прекрасной. Ему даже трудно было поверить, что это его жена. Он хорошо помнил ночь первого мятежа. Паскаль ждала его в раскопе со своими бесчисленными вопросами, которые позже сплетутся в главный: кто же он на самом деле? Что он мог совершить и что совершил? Ему казался невероятным поток событий, который свел их вместе в этой самой одинокой из комнат.

– Они все время твердили мне, что ты жива, – шепнул Силвест. – А я боялся им поверить.

– А мне сказали, что ты ранен, – отозвалась Паскаль. Ее голос был тих, будто она боялась стряхнуть дремоту, нарушив тишину. – Они не хотели сказать, что именно с тобой произошло, а я боялась расспрашивать, допуская, что они могут сказать и правду.

– Меня ослепили, – сообщил Силвест, впервые после операции трогая твердую поверхность глаз.

Вместо взрыва боли, сравнимого со взрывом сверхновой, к чему он уже привык, появился лишь туман тошноты, который исчез, как только он убрал пальцы.

– Но сейчас ты видишь?

– Да. И если по правде, то ты – главное, ради чего стоит иметь зрение.

Она вскочила с кровати и бросилась к нему на шею, обвила ногой его ноги. Силвест ощутил ее легкость и хрупкость – было страшно ответить объятием; казалось, можно запросто

раздавить. И все же он крепко прижал Паскаль к себе, и она ответила тем же, хотя тоже, видимо, опасалась нанести ему какой-то вред, будто каждый из них не был уверен, что перед ним не призрак. Они обнимались так долго – целые часы, куда больше, чем им было отпущено. И вовсе не потому, что время тянулось медленно, а потому, что оно просто перестало играть самую малую роль. Теперь оно подчинялось им, его можно было укорачивать или удлинять простым усилием воли.

Силвест жадно пил ее красоту, тогда как она искала нечто человеческое в пустоте его механических глаз. А ведь было время, когда Паскаль боялась даже мельком коснуться взглядом его лица. Теперь это время кануло в бездну. Силвесту же никогда не составляло труда проникать в глубину глаз Паскаль, поскольку она не стереглась, не задумывалась, что он там ищет. Но сейчас ему хотелось, чтобы она поняла, почему он так пристально вглядывается в ее лицо. Потому что страстно хочет, чтобы она испытала радость, догадавшись, что он считает ее такой пленительной и пьянящей.

И вот они уже целуются, вот, спотыкаясь и не размыкая объятий, идут к постели. Через минуту тюремные комбинезоны лежат грязной грудой на полу. Силвест подумал, что за ними, возможно, наблюдают. Это было не исключено, даже вероятно. Но, как оказалось, не имело ни малейшего значения. В течение этого часа, который им дали, кроме них с Паскаль, во всем мире не существует никого. Стены как будто раздвинулись до бесконечности; ничто не отделяло их от Вселенной. Они занимались любовью уже не впервые, хотя раньше это случалось нечасто – трудно было найти возможность уединиться. Теперь же – и при этой мысли Силвест чуть не расхохотался – они муж и жена, им не надо больше прятаться! Не надо прятаться – но они не могут дарить друг другу интимные ласки в любой момент, когда захотят. Силвест даже ощутил за собой вину, причина которой была непонятна. Уже потом, когда он лежал, спрятав лицо на груди Паскаль, ему стало ясно, откуда это чувство. Дело в том, что между ними осталось недосказанное, им надо открыть друг другу так много, а они тратят драгоценное время на обмен телесным жаром. Но Силвест знал: так и должно быть.

– Жалко, что все так быстро кончается, – произнес он, когда чувство времени вернулось к нему.

Сколько еще осталось минут от подаренного часа?

– В последний раз, когда мы были вместе, – заговорила Паскаль, – ты мне сказал кое-что.

– Да, о Карине Лефевр. Я не мог больше от тебя это скрывать, понимаешь? Это может показаться глупым, но я ведь думал тогда, что жить мне осталось минуты. Необходимо было поделиться с тобой. Да хоть с кем-нибудь! То, что я держал в себе столько лет...

Бедро Паскаль казалось ледяным. Она провела ладонью по его груди, словно старалась запомнить ее рельеф.

– Что бы там ни случилось, ни я, ни кто другой не вправе судить тебя.

– Но ведь я струсил!

– Нет, то была не трусость. Просто инстинкт самосохранения. Ты находился в самом страшном месте Вселенной, Дэн, не забывай этого. Филип Ласкаль не трансформировал свой мозг у жонглеров образами; ты помнишь, чем это кончилось. То, что ты вообще сохранил рассудок, уже доказывает твою смелость. Ведь безумие было для тебя куда более легким выходом.

– Но она же могла выжить! Черт побери, даже оставив ее умирать, я мог бы потом хоть частично облегчить свою вину, если бы нашел смелость рассказать всю правду! Это послужило бы своего рода искуплением. Бог свидетель, Карина заслуживала лучшего, а я погубил ее, да еще и оболгал.

– Ты не убивал. Убила завеса.

– Я даже в этом не уверен.

– О чем ты?

Он повернулся на бок, вглядываясь в лицо Паскаль. Когда-то его зрение имело свойство сохранять прочные отпечатки увиденного.

– Я хочу сказать, – сказал Силвест, – что не знаю, действительно ли она погибла там. Во всяком случае, не знал тогда. Сам-то я выжил, хоть и потерял свойства, полученные от жонглеров. А что, если и она спаслась, как спасся я? Ее шансы были выше, чем мои, хотя и ненамного. Что, если ей просто не удалось известить меня о своем спасении? Ее могло унести далеко от завесы, прежде чем я сам вырвался оттуда. Я же, когда починил субсветовик, и не подумал искать ее. Мне и в голову не пришло, что она могла выжить.

– По очень весомой причине, – ответила ему Паскаль. – Она погибла. Ты можешь критиковать свои действия сейчас, но тогда интуиция подсказала тебе, что она мертва. Ведь если бы она не умерла, то наверняка нашла бы способ связаться с тобой.

– В этом я не уверен. Мне-то связаться не удалось.

– Тогда перестань думать об этом. Иначе никогда не расстанешься с прошлым.

– Слушай! – воскликнул он, вспомнив слова Фолкендера. – Ты говорила с кем-нибудь, кроме тюремщиков? Например, со Слукой?

– Со Слукой?

– С женщиной, которая держит нас здесь. – Силвест с его острым чувством исследователя понял, что тюремщики почти ничего не сказали Паскаль. – У нас слишком мало времени, я могу объяснить происходящее лишь в нескольких словах. Люди, которые убили твоего отца, принадлежат к «Истинному пути». Они увлажнисты, насколько я могу судить, вернее, какая-то ветвь этого движения. А находимся мы в Мантеле.

– Я догадывалась, что нахожусь за пределами Кювье.

– Кстати, из того, что они мне говорили, получается, что Кювье был ими атакован. – Силвест не стал сообщать ей остальное, например, что город теперь, видимо, необитаем. Ей это знать не обязательно, особенно сейчас, когда этот город – единственное место на планете, которое ей известно. – Я не знаю, кто там сейчас правит, возможно, это люди, лояльные твоему отцу, а может, и сторонники «Истинного пути». По словам Слуки, твой отец встретил ее отнюдь не с распростертыми объятиями, когда взял Кювье. У нее накопилось достаточно злобы, чтобы организовать его уничтожение.

– Долго же она копила злобу!

– Вот почему у нее не самый взвешенный характер на этой планете. Я думаю, что наш захват вовсе не входил в ее планы, но это случилось, и теперь она просто не знает, что с нами делать. Ясно, что наша потенциальная ценность не позволяет нас уничтожить, но пока... – Силвест помолчал. – Не важно. Что-то происходит. Что-то меняется. Человек, чинивший мои глаза, сказал, что ходят слухи о гостях...

– Каких гостей?

– Мне тоже интересно. Но он ничего не прояснил.

– Зато теперь есть почва для приятных фантазий.

– Если что-нибудь и способно изменить ситуацию на Ресургеме, так это только прилет ультра.

– Для Ремиллиода еще рановато.

Силвест кивнул:

– Если корабль на подходе, то можно смело держать пари, что это не Ремиллиод. Но кто, кроме него, захочет торговать с нами?

– Эти люди могли прилететь не ради торговли.

Наверное, следует считать это признаком высокомерия, но Вольева совершенно не умела перекладывать свою работу на других, как бы абсурдно ни выглядела альтернатива. Она была рада – если это слово в данном случае уместно – усадить Хоури в кресло, чтобы та попыта-

лась уничтожить сбежавшее с тайного склада орудие. Она была готова даже допустить, что без помощи Хоури невозможно выйти из создавшейся ситуации. Но это вовсе не означало, что сама Илия согласится сидеть сложа руки и ждать, чем все кончится. Слишком уж хорошо Вольева знала свой характер. Она будет биться над решением той же проблемы, только подойдет к ней с другого конца.

– Свинство, – сказала Илия по-русски.

Как она ни ломала голову, ответ ловко ускользал. Вот уже кажется, готово решение – но другие мысли, забегая вперед, обнаруживают дефекты в логической цепи. С одной стороны, способность критиковать идеи, едва они приходят на ум, когда они даже не успевают полностью сформироваться, доказывает гибкость этого самого ума. Но с другой стороны, откуда взялось крайне неприятное ощущение, что тем самым она снижает свои шансы на успех?

Надо было как-то преодолеть это препятствие.

Вольева употребила слово «свинство», поскольку оно хорошо выражало смесь непонимания и отвращения, которые Илия испытывала всякий раз, когда заставляла свой разум возвращаться к Хоури – и к тому, что творилось у стажера в голове. А Хоури в данный момент вся без остатка была погружена в абстрактное пространство управления корабельной артиллерией. В этом пространстве обитал и разум ЦАПа, и даже мышление самой Вольевой, поскольку ЦАП – дело ее рук. Сейчас она вела тщательный мониторинг ситуации, используя нейронные датчики браслета.

В голове у Хоури бушует буря, тут никаких сомнений. И эта буря разбрасывает свои мельтешащие пальцы по всему пространству управления артиллерией.

Вольева понимала, что все это как-то взаимосвязано. Все проблемы ЦАПа – безумие Нагорного, Похититель Солнц, самоактивация орудия и вот теперь этот хаос в разуме у Хоури, предвещающий новую беду, – соединяются в одну общую проблему. Наверное, решение существует или по меньшей мере существует общая картина, способная все объяснить, – но от таких предположений нет никакого толку.

А больше всего тревожило то, что даже сейчас, в такой опасный момент, часть сознания Вольевой работала над этой абстрактной проблемой, а не над тем, что было жизненно важно именно сию минуту. Вольевой казалось, что ее мозг – комната, битком набитая учениками. По отдельности они вундеркинды, и если бы слушали ее объяснения, то наверняка показывали бы потрясающие результаты. Однако некоторые ребятишки не желают уделять ей внимание, они лениво поглядывают в окно, пропуская мимо ушей призывы сосредоточиться на важном: собственные заботы кажутся им куда интереснее, нежели скучный урок.

Тут на первый план вышла мысль, скорее даже воспоминание. Оно касалось серии файрволлов, которую Илия установила лет сорок назад по корабельному времени. Вольева считала, что эти защитные экраны станут последней преградой, сдерживающей проникновение извне разрушительных вирусов. Ей даже в голову не приходило, что они и в самом деле могут понадобиться, и уж тем более в такой ситуации, как сложившаяся сейчас.

А вот теперь она почему-то вспомнила об этих файрволлах.

– Это Вольева, – сказала она в браслет, чуть ли не задыхаясь от натуги – так тяжело было вытаскивать из памяти необходимые команды. – Доступ к защитным протоколам. Степень опасности – лямбда плюс, максимальная боеготовность, проверка работоспособности, полное автономное подавление отказов, критичность – девять баллов по Армагеддону, обход системы безопасности – красный-один-альфа, все привилегии триумвиров сохраняются, все привилегии нетриумвиров отменены.

Вольева перевела дыхание. Она надеялась, что прочитанное «заклинание» открыло ей все двери, ведущие к сердцу оперативной матрицы корабля.

– А теперь, – продолжила она, – вызвать и запустить исполняемый модуль «Паралич». – Про себя же она прошептала: «И побыстрее, черт побери!»

«Паралич» активировал все файрволлы, которые установила Вольева. Она сама написала программу, но это было очень давно – еле удалось вспомнить, что конкретно делает «Паралич» и на какую часть корабля распространяется его влияние. Это была своего рода игра: Вольева хотела парализовать достаточный объем корабля, чтобы обезвредить оружие с тайного склада, но в то же время оставляла себе пространство для попыток собственноручно остановить вышедший из подчинения механизм.

– Свинство, свинство, свинство...

По дисплею ее браслета бежали сообщения о сбоях в программе. Различные системы (в первую очередь важные системы корабельного управления и жизнеобеспечения), до которых попробовал добраться «Паралич», отказали ему в доступе. Если бы «Паралич» сработал как надо, это имело бы для корабля такие последствия, какие вызывает у человека сильный удар по голове: внезапная остановка всех второстепенных систем и обратимый ступор. «Ностальгия по бесконечности» понесла бы поверхностный ущерб – Вольева смогла бы его устранить, утаить или как-нибудь объяснить. Но действия «Паралича» дали другой эффект. Если сравнить с человеком – как если бы у него онемел только кожный покров, да и то не весь.

Все это совершенно не отвечало плану Вольевой. Однако теперь она понимала, что парализованными оказались бы и расположенные на корпусе, лишь частично зависящие от ЦАПа штатные орудия – те самые, которые только что уничтожили шаттл. Сейчас она может попытаться разыграть этот же самый гамбит еще раз. Конечно, оружие с тайного склада успеет уйти еще дальше, и задача уже не будет сводиться к тому, чтобы ему помешать. Однако Вольева получит в свое распоряжение еще один шаттл и сумеет вывести его в космос, у нее появится ряд новых возможностей.

Еще несколько секунд, и весь ее оптимизм разлетелся вдребезги. Возможно, «Паралич» и сработал бы так, как она рассчитывала, если бы за последние сорок лет различные корабельные системы не переплелись и сомкнулись теснейшим образом. Программа коснулась тех областей, которые Вольева вовсе не собиралась трогать. Во всяком случае, шаттлами теперь управлять было нельзя, они оказались защищены от ее воздействия. Она испробовала некоторые доступные для триумвиров обходные команды, но ни одна попытка не возымела действия. Вряд ли стоило этому удивляться – «Паралич» создал в командной сети прорехи, которые никакими программными средствами заштопать было нельзя. Чтобы виртуально добраться до шаттлов, Вольевой нужно было физически перезагрузить все отказавшие элементы схемы, а для этого потребовалось бы найти схему сделанных сорок лет назад инсталляций. За один и даже за два дня она бы с такой работой не справилась.

А у нее оставались считанные минуты.

Ее засасывало. Не в шахту отчаянного уныния, а скорее в гравитационный колодец свинцовой безнадежности. Но когда Илия барахталась в этой яме, теряя драгоценные секунды, она кое-что вспомнила. Нечто настолько очевидное, что было странно, как она недодумалась прежде.

Вольева вскочила и опрометью бросилась бежать.

Хоури вломила в ЦАП.

Быстрый взгляд на часы подтвердил, что Фазиль не обманул ее – ни одна минута реального времени не потеряна. Просто какой-то фокус: ей ведь казалось, что в надувной палатке она провела по меньшей мере час, а вышло, что на все ее приключения потрачена ничтожная доля секунды, – и это кажется непостижимым. И все же расслабляться нельзя – до того как были запущены ее воспоминания, события неслись вскачь. Ситуация с тех пор не потеряла своей остроты.

Орудие с тайного склада уже наверняка полностью зарядилось. Его гравитационные излучения не улавливаются кораблем – так человек не слышит свист, который переходит за ультра-

звуковой предел. В любую секунду оно может выстрелить. Кто его сдерживает? Может быть, Мадемуазель? Почему ей так важно, чтобы Хоури была на ее стороне? Если пушка не выстрелит, Хоури опять станет единственным средством для достижения цели?

– Одумайся, – произнесла Мадемуазель. – Одумайся, Хоури. Ты уже должна была понять, что Похититель Солнц – нечто совершенно чуждое людям. А ты ему помогаешь!

Усилия, понадобившиеся для подсознательного озвучивания этих слов, были изнурительны для Хоури.

– Ладно, я готова поверить тебе, что он чуждый. Вопрос в другом: а сама ты нам что, своя?

– Хоури, нет времени выяснять отношения.

– Извини, но мне кажется, данная минута ничуть не хуже любой другой, чтобы внести полную ясность. – Формулируя мысли, Хоури не прекращала борьбу, хотя часть ее – та часть, которая была потрясена увиденным в воспоминаниях, – уговаривала сдаться и предоставить Мадемуазели полный контроль над оружием с тайного склада. – Ты хочешь убедить меня, что Похититель Солнц был привезен Силвестом из-за завесы?

– Нет, не хочу. Ты сама видела факты и сама сделала из них логический вывод.

– Черта с два! – Хоури снова набирала силу, хотя ее все еще было недостаточно, чтобы перетянуть чашу весов. – Ты все лезешь вон из кожи, чтобы сравить меня с Похитителем Солнц. Может, он и в самом деле подонок и олицетворение зла, но это ведь еще требуется доказать. Откуда ты можешь знать правду? Разве что сама инопланетянка.

– Хорошо, давай на минуту согласимся, что дело обстоит именно так.

Что-то новое привлекло внимание Хоури. И хотя в поединке с Мадемуазелью ей пришлось нелегко, все же стоило уделить толику внимания изменившейся ситуации.

В борьбу включился еще один участник!

Он находился вне оперативного пространства ЦАПа. Это было не виртуальное существо, а вполне материальное. Только что оно отсутствовало или пряталось, а теперь вдруг объявилось на поле боя. В тот момент, когда Хоури его обнаружила, оно находилось вблизи корабля. Вблизи – не то слово. Оно казалось не то частью корабля, не то его паразитом, вроде рыбы-прилипалы.

Размером с очень маленький космический корабль, не больше десяти метров в длину, оно больше всего напоминало толстую ребристую торпеду, из которой торчали восемь суставчатых ног. И шагали эти ноги прямо по поверхности корабля. Самое странное, что штатная артиллерия по нему не стреляла, хотя еще недавно она без всяких колебаний уничтожила шаттл.

– Илия! – воскликнула Хоури. – Илия, уж не задумала ли ты... – И тут же: – Черт, ты же именно это и задумала!

– Какая глупость! – вторила ей Мадемуазель.

«Паук» отделился от корпуса корабля; все восемь ног одновременно отцепили свои клешни от брони. Поскольку корабль продолжал сбрасывать скорость, казалось, что «Паук» падает вперед, причем со значительным ускорением. Как объясняла в свое время Вольева, для таких ситуаций модуль имел собственные маневровые двигатели, позволяющие восстановить контакт с кораблем. Но сейчас «Паук» все отдалялся от «Ностальгии», а ракеты не включались.

Хоури наблюдала за происходящим как бы с разных точек зрения и в таких ракурсах, которые были просто невозможны для человека без имплантатов ЦАПа, связанных с камерами, расположенными на корпусе корабля. Поэтому Хоури ясно увидела, как вдруг выбросили бело-фиолетовое пламя отверстия в средней части «Паука» – там, где торпедовидное тело крепилось к турели с бесполезными сейчас ногами. Сияние выбросов освещало эти ноги поочередно быстрыми вспышками, когда «Паук» прекращал свое падение. Сейчас он вполне мог бы вернуться и занять прежнее место на корпусе. Но Вольева использовала двигатели вовсе

не для этого. Через несколько секунд «Паук» уже снова летел, но теперь в направлении орудия с тайного склада.

– Илия... Я не думаю, что...

– Доверься мне, – донесся голос триумвира и вошел в мозг ЦАПа таким слабым, будто Вольева находилась в другой половине Вселенной, а не в нескольких километрах от Хоури. – У меня кое-что есть – можно это снисходительно назвать планом. Или, скажем, возможностью продолжать драку.

– Не могу сказать, что мне это нравится.

– Мне тоже, если тебя это успокоит. – Вольева сделала паузу. – Между прочим, Хоури, когда все это кончится, если обе будем живы, что сейчас трудно гарантировать... нам придется выкроить время для разговора по душам.

Может, она просто так болтает, чтобы заглушить чувство страха?

– По душам?

– Ну да, надо потолковать обо всех этих делишках. О проблемах с ЦАПом. Для тебя это будет шанс избавиться... от крошечных секретов, которые так тебя тяготят и которыми надо было поделиться со мной гораздо раньше.

– Например?

– Ну, для начала, кто ты на самом деле.

«Паук» быстро преодолевал расстояние до мятежной пушки, притормаживая маневровыми двигателями, но он все еще находился относительно близко от корабля, поскольку их скорости пока еще совпадали. Даже с растопыренными лапами модуль был как минимум вдвое короче орудия. Сейчас он очень мало походил на паука, скорее на злосчастную каракатицу, готовую исчезнуть в пасти медленно плывущего кита.

– Тогда это будет долгий разговор, – ответила Хоури, думая о том, что таить свою подноготную от Вольевой бессмысленно.

– Ничего страшного. А теперь извини, я тут собираюсь кое-что предпринять на грани рискованного и невозможного.

– Она имеет в виду самоубийство, – прокомментировала Мадемуазель.

– Скажи, тебе ведь нравится все это? – спросила Ана Вольеву.

– И еще как! Учитывая, что я здесь больше ничего не контролирую.

Вольева остановила «Паука» вблизи торчащего вперед из орудия острого выступа. Она подошла близко, но все-таки недостаточно, чтобы растопыренные шевелящиеся ноги «Паука» могли ухватиться за гладкую поверхность монстра. А пушка между тем пришла в движение, медленно и неритмично закачалась из стороны в сторону с помощью собственных маневровых двигателей. Она явно старалась избежать столкновения с Вольевой, хотя попытки были ограничены инерцией движения. Казалось, адское чудовище испугалось крохотного паучка. Хоури услышала четыре хлопка подряд, они практически слились в один звук – это было похоже на очередь из автоматического пулевого оружия.

Хоури видела, как из тела «Паука» выскочили четыре абордажных крюка и бесшумно опустились на поверхность пушки. Эти крючья обладали способностью мгновенно пробуривать металл на глубину нескольких десятков сантиметров, а затем внутри распускаться как цветок, так что цель уже не могла отцепиться. Тросы, соединенные с крючьями, натянулись и засверкали в выхлопах маневровых двигателей. Они стали сокращаться, «Паук» подтягивался к орудию, которое все еще двигалось, неуклюже пытаясь избежать столкновения с ним.

– Роскошно! – воскликнула Хоури. – А я уже готовилась уничтожить эту погань. Что мне делать теперь?

– Сможешь – стреляй! – ответила Вольева. – Постарайся меня не задеть, но на всякий случай знай: броня этой кабины крепче, чем кажется. – Последовала пауза, затем донеслись слова Вольевой: – Ага! Отлично. Вот я и поймала тебя, кусок летучего дерьма!

Лапы «Паука» уже обхватили «рог» орудия. Похоже, оно отказалось от намерения сбросить его; должно быть, на то имелась причина. Хоури подумала, что Вольева добила не слишком многого, несмотря на свой смелый маневр. Орудие, похоже, не считает паука серьезной помехой.

Между тем битва за контроль над штатной артиллерией обрела весьма серьезные масштабы. Несколько раз Хоури казалось, что эти орудия перешли под ее управление, что системы, подчиненные Мадемуазели, слабеют, но эти небольшие победы все же не давали Ане возможности взять точный прицел и открыть огонь. Если Похититель Солнц и помогал ей, то сейчас она этого не ощущала. Хотя, возможно, отсутствие этого ощущения следовало отнести на счет его особого коварства. Возможно, не будь тут Похитителя Солнц, Хоури уже давно бы проиграла бой, и освобожденная Мадемуазель спустила бы с цепи чудовищную силу.

Правда, сейчас все это уже не казалось столь важным. Хоури наконец-то поняла намерения Вольевой. Маневровые двигатели «Паука» работали на полную мощность, сводя на нет все усилия более массивного и неуклюжего орудия. Вольева тянула пушку под корабль, к бело-голубому сиянию, вырывавшемуся из ближайшей дюзы субсветового двигателя. Она явно собиралась уничтожить эту штуковину в бешеном огне.

– Илия, – спросила Хоури, – ты хорошо подумала?

– Подумала? – Хоури четко уловила женский хохоток, правда, он был явно нарочитым. – В жизни не делала ничего столь же необдуманного. Просто я сейчас альтернативы не вижу. Разве что ты немедленно овладеешь проклятыми орудиями.

– Я... стараюсь...

– Давай-давай, старайся и не мешай. Мне сейчас есть над чем подумать.

– И тогда вся ее жизнь прошла у нее перед глазами... Могу себе представить.

– Это опять ты? – Хоури дала себе слово больше не реагировать на Мадемуазель.

Уже было понятно, что Мадемуазель только притворяется легкомысленным и незаинтересованным наблюдателем. Все ее вмешательства преследуют лишь одну цель – отвлечь Хоури от главного. А это, разумеется, способно изменить ход битвы.

Теперь Вольевой осталось преодолеть лишь метров пятьсот, чтобы мятежная пушка оказалась под пламенем двигателей корабля. Орудие продолжало сопротивляться, его дюзы работали вовсю, но тяга у него была меньше, чем у «Паука». Оно и понятно, подумала Хоури. Проектировщики вспомогательной системы, которая должна была обеспечить движение орудия, вряд ли подумали о том, что ему придется защищать себя в «рукопашном бою», а если и подумали, то с усмешкой.

– Хоури! – крикнула Вольева. – Через полминуты я эту свинью отпущу. Если арифметика меня не подводит, никакие корректирующие импульсы не остановят дрейф орудия к выбросу.

– Так это же здорово!

– Ну да... Только должна тебя предупредить. – Голос Вольевой потерял четкость – сказывались помехи, создаваемые двигателями корабля, к которым Вольева приблизилась на расстояние, вряд ли полезное для органических молекул. – До меня сейчас дошло, что если и удастся разрушить пушку... то часть силы взрыва... возможно, неизвестной природы... не обратит ли назад луч нашей тяги? – Последовала многозначительная пауза. – Если такое произойдет, результаты могут быть далеки... от оптимальных.

– Что ж, спасибо за моральную поддержку, – буркнула Хоури.

– Черт возьми, – произнесла Вольева спокойно и тихо, – кое-что идет не по плану. Похоже, пушка шарахнула по «Пауку» чем-то вроде электромагнитного импульса. Или это излучение наших двигателей... В общем, что-то воздействует на управление... – Раздались характерные звуки, – должно быть, Вольева безрезультатно щелкала старинными металлическими переключателями на консоли. – Кажется, я накрепко прилипла к этой гадине.

– Тогда отключи тягу. Это-то ты можешь сделать?

– Конечно, иначе как бы мне удалось прикончить Нагорного? – В голосе Вольевой ощущалась нехватка оптимизма. – Нет, тяга мне тоже не подчиняется, – должно быть, ее заблокировал «Паралич». – Ана уже с трудом различала бормотание Вольевой. – Хоури, похоже, дело швах... Если ты уже контролируешь штатное вооружение...

Снова вмешалась Мадемуазель, ее голос зазвучал в мозгу Аны очень серьезно.

– Хоури, ей конец. И под таким углом, с какого ты собралась стрелять, половина орудий откажет, чтобы не нанести ущерба кораблю. Да и тебе самой, считай, повезет, если прожжешь корпус пушки и останешься в живых.

Она была права. Хоури и не заметила, как целые батареи отключились, получив приказ о наведении на цель, расположенную в опасной близости от некоторых частей корабля. Остались лишь малые калибры, не способные нанести оружию серьезный ущерб.

Но по какой-то неведомой причине ситуация изменилась.

Внезапно штатное вооружение корабля оказалось подконтрольным скорее Хоури, нежели ее противнику. И она поняла: не так уж плохо, что незаблокированные системы имеют небольшую боевую мощь. Ее план изменился. Теперь требовалась хирургическая точность, а не грубая сила.

Не дожидаясь, когда Мадемуазель вернет себе власть над штатными артустановками, Хоури отменила прежние целеуказание и ввела команды, обеспечивающие наведение орудий на новые цели. Ее приказы были предельно точны и требовали немедленного и безукоризненного выполнения. Орудия, которые только что двигались как сомнамбулы, мгновенно развернулись. Но мишенью для них стал вовсе не монстр с тайного склада, а нечто совершенно иное.

– Хоури, – начала было Мадемуазель, – тебе следует все хорошенько обдумать, учесть, что...

Но Ана уже открыла огонь.

Жгуты плазмы рванулись в направлении беглой пушки, но не точно к ней, а к креплениям, соединявшим ее с «Пауком». Они аккуратно срезали все восемь ног, а затем и четыре троса, к которым крепились «кошки». Изувеченный «Паук» метнулся в сторону от смертельно опасного луча тяги.

Что же до орудия с тайного склада, то оно влетело в пламя, подобно ночному мотыльку.

Дальнейшее заняло лишь неуловимый для человеческого восприятия миг. Хоури и потом не могла припомнить ни последовательности событий, ни их сути. Материальная оболочка орудия исчезла в одну миллисекунду, превратилась в клубы пара, состоявшего из атомов разных металлов. И нельзя было понять, только луч оказал это разрушительное воздействие или пушка, едва соприкоснувшись с ним, решила вывернуться наизнанку.

В любом случае конструкторы орудия никак не могли ожидать подобного исхода.

И когда истончился до предела корпус пушки, она превратилась в гравитационный вулкан, изрыгнула из себя раскаленное пространство-время.

Что-то жуткое происходило с материей в непосредственной близости от орудия с тайного склада. Радуга искривленного звездного света приобрела почти сферическую форму, обволакивая корчащуюся массу плазмы. Какое-то мгновение шаровая радуга была устойчивой, но тут же стала пухнуть, колебаться, как готовый лопнуть мыльный пузырь. А затем, в какую-то долю микросекунды, сфера схлопнулась, с растущей по экспоненте скоростью исчезла.

И тут же сгинуло все остальное. Ни обломков, ни даже пыли – просто усеянный звездами космос.

Потом появился слабый свет, похожий на ультрафиолет. Сияние росло, превращаясь в яркую зловещую сферу. Волна вспухающей плазмы обрушилась на корабль, сотрясла его с дикой силой. Хоури почувствовала этот удар даже в ЦАПе, в кресле на гироскопах. По дисплеям помчалась информация – хотя Хоури меньше всего сейчас хотелось ее усваивать – о том, что взрыв лишь незначительно повредил некоторые корабельные системы и что имел место

короткий всплеск радиации, который теперь миновал, и радиационный фон уже не опасен. Гравитационные показатели тоже в норме.

Пространство-время было пробито на квантовом уровне, благодаря чему наблюдался ничтожный выброс энергии Планка. Ничтожный, разумеется, по сравнению с обычными потоками энергии в пене пространства-времени. Но для Хоури этот ничтожный выброс был как взрыв атомной бомбы в ближайших окрестностях. Пространство-время залечило раны мгновенно, заштопало дыры, не дожидаясь вредных последствий. И никаких следов – если не считать остаточных монополей Дирака, нескольких черных дыр малой массы и аномальных экзотических частиц.

Взбунтовавшаяся пушка прекратила свое существование.

– Ну и ладно. – Голос Мадемуазели звучал скорее разочарованно, чем зло. – Надеюсь, ты гордишься своим подвигом.

В ту минуту внимание Хоури было сосредоточено на другом: через виртуальное пространство ЦАПа к ней рвалась пустота. Она попыталась отпрянуть, разорвать связь...

И не успела.

Глава тринадцатая

Орбита Ресургема, год 2566-й

– Кресло, – сказала Вольева, входя в рубку управления.

Кресло поспешно наклонилось к ней. Она пристегнулась и отъехала от ярусных стен, чтобы двигаться вокруг огромной голографической сферы, занимавшей всю середину огромного помещения.

Сейчас сфера показывала Ресургем, но неискушенный зритель вполне мог бы принять его за увеличенное в несколько сот раз глазное яблоко мумифицированного трупа. Вольевой было известно, что это не просто точное изображение Ресургема, найденное в архивах. Создать эту динамическую картину помогли те самые камеры, которые и сейчас глядели вниз с корпуса корабля.

Планету Ресургем ни по каким критериям нельзя было отнести к числу красивых. Если не считать грязно-белых ледниковых шапок на полюсах, общий тон поверхности был тоскливо-серым. Некоторое разнообразие вносили лишь ржавые струпья да несколько голубоватых пятен в экваториальной зоне. Океаны еще прятались подо льдом, так что пятнышки открытой воды почти наверняка были обязаны своим возникновением искусственному подогреву. Тепловая энергия передавалась либо по теплотрассам, либо вырабатывалась на местах путем тщательно продуманных процессов метаболизма. Были и облака, но преимущественно мелкие и слоистые, а не кучевые громадины, которые обычно формируются у планет с обширными водными пространствами. Ближе к ледяным шапкам число облаков увеличивалось, да и над населенными пунктами наблюдались небольшие скопления клочковатых тучек. Видимо, на фабриках вырабатывался пар или лед сублимировался в воду, а затем разлагался на кислород и водород. Тут же лежали и редкие полосы растительности, достаточно крупные, чтобы их можно было рассмотреть, не увеличивая изображения. Других свидетельств человеческой деятельности видно не было, за исключением огней на ночной стороне, каковая оставалась в потемках полтора часа. Даже при сильном увеличении населенные пункты было трудно заметить, поскольку они, за исключением столицы, были погружены в землю. Часто дома вообще не поднимались над поверхностью, виднелись разве что антенны на крышах да посадочные площадки и полосы теплиц. А вот столица...

Именно она и вызвала наибольшую тревогу.

– Когда откроется окно для связи с триумвиром Садзаки? – спросила Вольева у Хегази, скользнув взглядом по остальным членам команды, чьи кресла стояли кружком.

Лица сидевших в них освещал серый свет голограммы.

– Через пять минут, – ответил ей Хегази. – Еще пять томительных минут, и мы узнаем, что веселенького дорогой Садзаки припас для наших новых друзей-колонистов. Ты уверена, что вынесешь муки ожидания?

– Да какое тебе дело?

– А почему меня не должно интересовать настроение товарища по экипажу? – Хегази усмехался, вернее, пытался изобразить улыбку, хотя с таким обилием химерических протезов на его лице это было невозможно. – Забавно, но если бы я не знал нашу Илия лучше, то сказал бы, что ее это все радует.

– Если он не нашел Силвеста...

Хегази оборвал ее фразу, вскинув руку в краге:

– Садзаки еще не сообщил о результате. Не будем забегать вперед.

– Ты так уверен, что он найдет Силвеста?

– Я этого не говорил.

– Вот чего я на дух не переношу, – холодно взглянула Вольева на триумвира, – так это идиотского оптимизма.

– Не грусти, бывают вещи и похуже.

Мысленно она признала: да, бывают. И не просто бывают, а градом сыплются на ее бедную голову. И этот град набирает силу с каждой ее новой неудачей. Теперь Вольева с тоской вспоминала мелкие неприятности с Нагорным – он пытался всего лишь убить ее. Это наводило на грустные думы: не придется ли когда-нибудь и сегодняшний день вспоминать ностальгически, тоскуя по спокойным временам?

Неприятности с Нагорным были, конечно, предвестием большой беды, так учащенное сердцебиение предвещает скорый инфаркт. Сейчас это очевидно, а тогда Илия рассматривала их как ни с чем не связанный инцидент. Она убила Нагорного, но несколько не продвинулась в вопросе о том, что именно довело его до безумия... Затем она завербовала Хоури, и проблема не то чтобы повторилась, – скорее, разыгрывалась вариация зловещей симфонии. Хоури явно в здравом уме. Пока, во всяком случае. Но она сыграла роль катализатора для худшего и уже не локального безумия. Можно только догадываться, что за страсти бушуют в ее голове. А тут еще побег орудия, которое едва не угробило Вольеву, а могло разнести в пыль весь корабль и вдобавок Ресургом со всем его населением.

– Пора давать ответы, Хоури, – сказала она незадолго до того, как проснулись остальные члены команды.

– На что, триумвир?

– Перестань корчить невинность! – прикрикнула Вольева. – Я слишком устала и нянчиться с тобой не собираюсь; так или иначе узнаю правду. Ты слишком раскрылась, пока улаживала проблему с беглой пушкой. И если думаешь, что я забыла хоть слово из сказанного тобой, то глубоко заблуждаешься.

– А что я такого сказала?

Они находились в одной из заселенных крысами зон корабля. Здесь, по мнению Вольевой, Садзаки едва ли догадался разместить подслушивающие устройства. Уж если где и поставил их, так это в «Пауке».

Илия так толкнула Хоури к стене, что едва не вышибла из нее дух. Пусть знает, что не надо недооценивать силу Вольевой или переоценивать ее терпение.

– Позволь кое-что разъяснить тебе, Хоури. Я убила Нагорного, твоего предшественника, когда он не оправдал моих ожиданий. Потом я успешно скрыла обстоятельства его гибели от остальной команды. И не воображай, что я не сделаю того же с тобой, если дашь для этого повод.

Хоури оттолкнулась от стены, на ее щеки вернулся румянец.

– Что именно ты хочешь узнать?

– Начни с того, кто ты такая. Я ведь уже догадалась, что тебя к нам внедрили.

– Внедрили? Интересно, как такое могло произойти. Насколько мне помнится, ты сама меня завербовала.

– Да, – кивнула Вольева, предвидевшая уловку, – и это ловкий ход. Те, кто за тобой стоит, сумели так направить мои поиски, чтобы казалось, будто я сама тебя выбрала. – Вольева, конечно, понимала, что прямых доказательств нет, но эта простейшая версия объясняла все факты. – Будешь отрицать?

– Но с какой целью меня могли подослать?

Вольева закурила сигарету, купленную на «карусели» у йеллоустонцев, где она завербовала Хоури – или дала той обвести себя вокруг пальца.

– Ты слишком хорошо разбираешься в оружии. Кажется, и о Похитителе Солнц слышана. И меня это очень беспокоит.

– Ты сама упомянула о Похитителе Солнц сразу после того, как заманила меня на борт. Разве не помнишь?

– Да, но у тебя более глубокие познания, они не сравнимы с информацией, полученной от меня. Если уж по правде, мне иногда казалось, что в ситуации ты разбираешься получше моего. – Вольева сделала паузу. – Но есть и кое-что поважнее. Пока ты лежала в криосне, в твоём мозгу наблюдалась нейронная активность. Надо было мне присмотреться к имплантатам, с которыми ты к нам явилась. Похоже, это непростые штучки. Ну, и как же ты все это объяснишь?

– Ладно... – Хоури сменила тон, будто поняла, что отпираться бессмысленно. – Только слушай внимательно, Илия. Я знаю, у тебя у самой есть маленькие тайны, которыми ты не хочешь делиться с Садзаки и другими. Насчет Нагорного я догадалась, но есть и еще кое-что, например тайный склад. Ты не желаешь, чтобы все про это узнали, иначе не тратила бы столько сил на заметание следов.

Вольева кивнула, понимая, что против правды не попрешь. Может, Хоури пронила и о ее делах с капитаном?

– К чему ты клонишь?

– К тому, чтобы все сказанное мной сейчас осталось между нами. Как – разумное предложение?

– Хоури, я ведь не шучу насчет того, что могу убить тебя. Ты не в том положении, чтобы ставить условия.

– Да, ты можешь меня убить. Или хотя бы попытаться. Но вряд ли тебе удастся скрыть мою смерть так же легко, как смерть Нагорного. Потеря одного артиллериста – несчастный случай. Потеря двоих – это уже безответственность.

Мимо шмыгнула крыса, обрызгав их водой. Вольева бросила в нее окурок, но уборщица успела исчезнуть в щели.

– Значит, я не могу сообщить даже о том, что ты «крот»?

Хоури пожала плечами:

– Отчего же, сообщи. Но как отнесется к этому Садзаки? По чьей ошибке на корабль проник лазутчик?

Вольева ответила не сразу.

– Ты это все заранее продумала?

– Триумвир, я знала, что рано или поздно ты задашь мне кое-какие вопросы.

– Тогда начнем с самого простого: кто ты и на кого работаешь?

Хоури вздохнула и покорно заговорила:

– Многое из того, что ты знаешь обо мне, правда. Я Ана Хоури, была солдатом на планете Окраина Неба... хотя и двадцатью годами раньше, чем думаешь ты. Что же до остального... – Она помолчала. – Я бы сейчас от кофе не отказалась.

– Кофе нет. Привыкай.

– Ладно. Я нанята экипажем другого корабля. Никаких имен не знаю. Прямого контакта не было, но они уже давно мечтают добраться до вашего тайника с оружием.

Вольева затрясла головой:

– Ерунда! О нем не знает никто.

– Это ты так считаешь. Вы же его испытывали? Должны быть выжившие, свидетели, о которых тебе ничего не известно. Постепенно поползли слухи, что у вас на борту серьезные вещички. А слухов достаточно, чтобы нашлись желающие получить кусок пирога.

Вольева молчала. Услышанное потрясло Илию, будто она вдруг обнаружила, что ее самые интимные привычки стали предметом всеобщего обсуждения.

Но надо признать, то, о чем говорит Хоури, лежит в пределах возможного. За долгую историю корабля его команду покинуло немало членов, и не все уходило добровольно. И

хотя номинально они не имели доступа к секретам, особенно к тайному складу, но полностью утечку исключить нельзя. Или действительно кто-нибудь остался жив при испытании орудий и поползли слухи.

– Эта другая команда... Ты можешь не знать имен, но как можно не знать названия корабля?

– С их стороны было бы глупо дать мне такую информацию.

– Что же тебе тогда известно? Как они намеревались украсть оружие?

– Вот тут-то и появляется Похититель Солнц. Боевой вирус, который им удалось подбросить на борт вашего корабля, когда вы в последний раз были на Йеллоустоне. Очень хитрая, быстро адаптирующаяся штучка, результат многолетней работы в области боевого программирования. Проникает во вражескую среду управления и ведет психологическую войну против существующих в ней субличностей, сводя их с ума путем подсознательного внушения. – Хоури помолчала, давая Вольевой время проглотить наживку. – Но ваша оборона очень прочна. Она измотала Похитителя Солнц, так что этот план провалился. Вашим противникам пришлось ждать. Только спустя почти век, когда вы снова посетили Йеллоустон, у них появился шанс. В этот раз они решили заслать на борт корабля агента-человека.

– Как проходила первая вирусная атака?

– Вирус внедрили через Силвеста. Они узнали, что вы намереваетесь доставить его на борт. Он, сам о том не ведая, пронес сюда вирусную программу и заразил системы управления, пока находился в лазарете, ухаживая за капитаном.

Очень правдоподобная и потому очень тревожная история. Она предполагает существование другого столь же хищного и решительного экипажа. Что ж, слишком глупо было бы думать, что только триумвират «Ностальгии по бесконечности» способен на подобные ухищрения.

– Каковы твои задачи?

– Оценить ущерб, нанесенный вам Похитителем Солнц. Если возможно, захватить контроль над кораблем. Для этого очень хорошо подходит Ресургом: далек от торговых путей и не имеет сильного политического управления. Если бы захват удался, свидетелей, кроме жалких колонистов, не осталось бы. – Хоури вздохнула. – Но честно тебе скажу: план оказался ни к черту. Похититель Солнц со своей задачей не справился. Он слишком агрессивен и плохо адаптируется. Засветился, пока доводил Нагорного до безумия. Да и дотянуться смог только до одного стажера. Потом ему вздумалось пострелять...

– Взбесившаяся пушка?

– Ага. Ох и натерпелась я страху тогда. – Хоури поежилась. – Сразу стало ясно, что Похититель Солнц чересчур силен, мне его не обуздать.

На протяжении еще нескольких дней Вольева задавала Хоури вопросы, которые позволяли проверить различные эпизоды ее истории и сопоставить их с происходившими на борту событиями. Разумеется, Похититель Солнц вполне мог оказаться хитроумным вирусом... хотя ей еще ни разу не доводилось слышать о существовании столь изощренного оружия. Да, такую версию отбрасывать нельзя. Тем более что доподлинно известно: Похититель Солнц существует. Объяснение, которое дала Хоури, – фактически единственное, имеющее смысл. Она рассказала, почему попытки вылечить Нагорного не удались. Вовсе не тонкое воздействие внедренных Вольевой для контроля над пушками имплантатов свело его с ума. Это сделало – просто и грубо – существо, созданное именно для подобной цели. Стоит ли теперь удивляться, что проблема Нагорного не поддавалась пониманию? Конечно, остается каверзный вопрос, почему безумие Нагорного выразилось с такой силой и в такой странной форме – с рисунками кошмарных птиц и символами на гробе. Но можно допустить, что Похититель Солнц усилил

изначально существовавший психоз, предоставив мозгу Нагорного выбирать выражающие его недуг образы.

Таинственную команду другого корабля тоже нельзя сбросить со счетов. Просмотр корабельных журналов показал: во время двух последних визитов «Ностальгии» на Йеллоустон суб-световик «Галатея» находился вблизи этой планеты. Может, это его экипаж подослал Хоури.

На данный момент это объяснение ничуть не уступало другим. Одно было очевидно: Хоури совершенно права, эту информацию следует утаить от остальных триумвиров. Садзаки и в самом деле возложит на Вольеву всю вину за грубое нарушение правил безопасности. Он, конечно, накажет Хоури... но Илия от этого легче не станет. Поскольку отношения с ним в последнее время сделались особенно напряженными, не исключено, что он решится даже на убийство. В этом он может и преуспеть – у него сил не меньше, чем у нее. Вряд ли его оставит то, что корабль лишится главного эксперта по вооружению и единственного человека, который хоть что-то понимает в пушках из тайного склада. Вероятно, он заявит, что Вольева продемонстрировала свою полную некомпетентность.

Было и еще кое-что, чего Илия никак не могла упустить из виду. Из-за чего бы ни взбесилось то орудие на самом деле, но именно Хоури спасла ее.

Да, как это ни противно, но своей жизнью Вольева обязана «кроту».

Беспристрастно рассмотрев ситуацию, она решила оставить все как есть. Делать вид, будто ничего не произошло. Миссия Хоури потерпела крах, теперь о захвате корабля и речи быть не может. Тайная причина появления этой женщины на борту не имеет ничего общего с намерением ультра доставить на корабль Силвеста, да и вообще, во многих отношениях Хоури – полезный член команды. Теперь, когда Вольева знает правду, а Хоури отказалась от своего первоначального намерения, стажер наверняка сделает все от нее зависящее, чтобы полностью соответствовать своему месту в судовой роли. И вряд ли имеет значение, удалась ли попытка привить Хоури чувство лояльности или нет. Все равно она будет вести себя так, будто программа сработала, а со временем притворство станет привычкой, неотличимой от истины. Она даже не захочет покинуть корабль, если такая возможность предоставится. Как ни крути, на свете есть места и похуже. Пройдут месяцы или годы субъективного времени, и Хоури сделается настоящим членом экипажа, ее бывшее двойственное положение останется секретом, известным только ей да Вольевой. А потом и Вольева забудет.

Таким образом, Вольевой скоро удалось убедить себя, что проблема «крота» решена окончательно. Конечно, остается проблема Похитителя Солнц, но теперь на стороне Вольевой Хоури, и они вместе скроют все от Садзаки. Есть и другие вещи, которые следует утаить от триумвира. Вольева поставила перед собой задачу уничтожить любые следы происшествия с пушкой и сделать это до того, как Садзаки и другие проснутся.

Дело оказалось нелегким. Во-первых, надо было ликвидировать повреждения, нанесенные самому кораблю, зачистив все участки корпуса, которые пострадали при взрыве орудия. Для этого пришлось подстегнуть системы авторемонта, причем проследить, чтобы прежние шрамы и вмятины от давних столкновений с метеоритами, а также плохо отремонтированные участки были восстановлены во всех деталях. Затем Вольева проникла в память авторемонтной системы и стерла там всякий намек на проведение работ. Ей пришлось отремонтировать и «Паука», хотя ни Садзаки, ни другие даже не подозревали о его существовании. Лучше перестраховаться, чем раскаиваться потом, хотя ремонт требовался не из простых. Затем Вольева уничтожила любые следы деятельности программы «Паралич». На все это ушло больше недели.

Труднее всего было скрыть потерю шаттла. Какое-то время Вольева подумывала, не соорудить ли ей новую машину, собрав нужный материал по разным секциям. Для этого потребовался бы эквивалент примерно одной девяностотысячной массы корабля. Однако такой план был слишком рискованным, а кроме того, она сомневалась, что сможет достаточно надежно

«состарить» машину, чтобы подмена не бросалась в глаза. Поэтому Вольева приняла более простое решение: подчистила корабельную документацию так, чтобы в ней значилось на один шаттл меньше, чем их было на самом деле. Садзаки, конечно, может заметить пропажу. Любой может это заметить – но не доказать свою правоту.

Наконец Вольева создала новое оружие. Разумеется, это был всего лишь макет, подделка, предназначенная громоздиться на прежнем месте и выглядеть устрашающе в тех редких случаях, когда Садзаки посетит владения Вольевой.

На уничтожение следов происшествия ушло шесть дней. В седьмой день она отдохнула, и сделано это было настолько хорошо, что никто потом не догадался, как долго и тяжело ей пришлось трудиться.

На восьмой день проснулся Садзаки и потребовал отчета о ее деятельности в те годы, которые он провел в криогенном сне.

– Сплошная рутина, – ответила Вольева. – Ничего такого, о чем бы хотелось написать домой.

Реакцию Садзаки, как и многое другое в его поведении, с некоторых пор было трудно понять. Но Вольева не сомневалась: даже если на этот раз она выкрутится, у нее не будет права на новые ошибки.

Хотя экипаж «Ностальгии по бесконечности» еще не установил контакта с колонистами, события выходили за пределы понимания Вольевой. Мыслями она вернулась к нейтринной «подписи», которую обнаружила вблизи нейтронной звезды в этой системе. Потом она подумала о тревоге, не покидавшей ее с тех пор. Источник нейтрино все еще там, и, хотя он слаб, Илия изучила его достаточно хорошо. Он точно находится на орбите нейтронной звезды и вращается не только вокруг нее, но и вокруг каменного тела величиной с Луну, ее спутника. Конечно, этого источника не было несколько десятилетий назад, когда изучалась вся система, – и это наводит на мысль, что он имеет какое-то отношение к колонистам Ресургема. Но как они могли доставить его туда? Такое впечатление, что им не под силу даже искусственные спутники выводить на орбиту или посылать зонды к границам своей системы. Тем более что корабль, который их доставил на Ресургем, вообще пропал. Вольева рассчитывала увидеть «Лореан» на орбите, но там его не оказалось.

Но что бы ни говорили факты, где-то на задворках ее сознания жила мысль, что колонисты все же способны на сюрпризы. И от этого у нее не становилось легче на душе.

– Илия, – сказал Хегази, – мы почти готовы. Столица выходит из ночи.

Вольева кивнула. Камеры с большой разрешающей способностью, установленные на корпусе, сейчас будут нацелены на точку в нескольких километрах от границы города, определенную еще до отбытия Садзаки на поверхность Ресургема. Если он не попал в беду, то сейчас ждет там, стоя на вершине столовой горы и глядя на встающее солнце. Точность во времени была исключительно важна, но Вольева не сомневалась: Садзаки окажется в назначенном месте в назначенное время.

– Я поймал его! – воскликнул Хегази. – Сейчас стабилизирую изображение...

– Покажи нам.

В сфере возник квадрат, который стал быстро расширяться. Сначала то, что появилось в «окне», было плохо различимо. Какое-то размытое пятно, слегка напоминающее человека. Вдруг изображение обрело четкость – теперь Садзаки был легкоузнаваем. Вместо громоздкого адаптивного скафандра, который Вольева видела на нем в последний раз, – серое пальто, длинные полы которого полоскались вокруг ног, обутых в высокие сапоги – на вершине столовой горы гулял ветер. Воротник Садзаки поднял, защищая уши от ветра, но лицо было видно хорошо.

И оно совсем не походило на обычное лицо Садзаки. Ему немного изменили черты, подогнав под средний фенотип, рассчитанный по генетическим профилям всех членов экспедиции,

улетевшей с Йеллоустана на Ресурге, и отражавшему преимущественно франко-китайский набор генов. Садзаки вызвал бы разве что случайный любопытный взгляд, вздумай он прогуляться в полдень по городу. Ни в его внешности, ни в акценте не было ничего, что могло бы выдать чужака. Лингвистические программы проанализировали с десяток йеллоустонских диалектов, и по сложным лексико-статистическим моделям рассчитали вероятную эволюцию этих диалектов в единый язык Ресургема. Если бы Садзаки решил вступить в контакт с кем-нибудь из поселенцев, его облик, легенда и речь убедили бы собеседника, что перед ним житель какого-нибудь медвежьего угла планеты, а вовсе не другого мира.

Садзаки не имел с собой никаких предметов, которые могли бы его выдать, если не считать подкожных имплантатов. Обычные коммуникационные средства типа «земля – орбита» слишком подозрительны и легко обнаружимы; объяснить их присутствие при задержании было бы трудно. Поэтому сейчас он просто говорил, четко артикулируя слова, по нескольку раз повторяя фразу, тогда как корабль своими инфракрасными датчиками замерял приток и отток крови в области рта, а затем моделировал соответствующие сокращения мышц и движения челюсти. Эти движения сверялись с архивными записями разговоров Садзаки, что давало возможность восстановить произносимые звуки. Конечный этап включал моделирование лексико-грамматических конструкций, которых можно было ожидать от триумвира в данной ситуации. Система выглядела сложной и была сложной, но уши Вольевой не улавливали никакого несоответствия между движением губ и синтетической речью, которая звучала удивительно четко.

– Я исхожу из того, что вы меня слышите, – говорил Садзаки. – Для протокола: пусть это будет мое первое донесение с поверхности Ресургема. Вам придется извинить меня, если иногда я буду отклоняться от главной темы или сбиваться. Я не писал отчет заранее, так как это опасно – меня могли бы задержать вместе с ним на выходе из города. Здесь все совсем не так, как мы ожидали.

Это уж точно, подумала Вольева. Колонисты – во всяком случае, часть из них, – конечно, узнали о прибытии корабля на орбиту Ресургема. Предположительно с помощью радарного луча, отраженного корпусом. Однако они не стремились установить контакт с «Ностальгией», как и ее экипаж не пытался связаться с ними, и это беспокоило Вольеву не меньше, чем источник излучения нейтрино. Такая скрытность говорила о паранойе и о тайных намерениях. Но Илия заставила себя не думать об этом, так как Садзаки продолжал говорить и она не хотела упустить ни единого слова.

– Я могу многое сказать о колонии, – продолжал он, – но боюсь, что «окно» вот-вот закроется. Поэтому начну с тех новостей, которых вы ждете с нетерпением. Я установил местонахождение Силвеста. Теперь вопрос лишь в том, как его доставить к нам.

Слука давилась кофе, сидя за продолговатым черным столом напротив стоящего Силвеста. Раннее ресургемское солнце проникало в комнату сквозь приспущенные жалюзи, рисуя яркие полосы на коже женщины.

– Мне нужно узнать твое мнение по одному вопросу.

– Гости?

– Соображаешь! – Она налила Силвесту чашку и указала на кресло.

Сиденье под тяжестью Силвеста опустилось, и он оказался вдруг ниже собеседницы.

– Удовлетвори мое любопытство, доктор Силвест: что именно ты слышал.

– Я не слышал почти ничего.

– Тогда и времени на рассказ тебе потребуется не много.

Он устало усмехнулся. Дважды в этот день его разбудили тюремщики и во второй раз притащили сюда в полусонном состоянии. Он все еще ощущал запах Паскаль, аромат ее тела обволакивал его и заставлял думать о том, спит ли она сейчас в своей камере где-то непода-

леку, в этом же Мантеле. Чувство одиночества, которое он испытывал, смягчалось радостным знанием, что она жива и невредима. Силвеста убеждали в этом и до его встречи с женой, но у него не было оснований верить людям Слуки. Какую ценность представляет Паскаль для «Истинного пути»? Даже меньшую, чем он сам. Было ясно: сейчас Слука решает, оставить ли его в живых.

И все же... что-то изменилось. Ему разрешили свидание с Паскаль, и он был уверен, что эта встреча не последняя. В чем причина, в остатках гуманности у Слуки или в чем-то совсем ином? Может, Силвест или Паскаль ей скоро понадобится и она решила расположить их к себе щедрой подачкой?

Силвест глотнул кофе, и усталость отступила.

– Я слышал лишь, что у нас могут быть гости. И сделал из этого собственные выводы.

– Которыми, надеюсь, поделишься со мной?

– А может, мы сначала поговорим о Паскаль?

Слука поглядела на него поверх чашки, а затем кивнула с деликатностью заводной куклы.

– Ты предлагаешь свои знания в обмен... на что? На послабление режима содержания?

– Это было бы, мне кажется, разумно.

– Все зависит от качества твоих рассуждений.

– Рассуждений о чем?

– О том, кем могут быть эти гости. – Слука глянула на рассеченное жалюзи солнце, глаза сощурились от рубинового сияния. – Я ценю твое мнение, хоть и сама не знаю почему.

– Сначала скажи, что известно тебе.

– Дойдем и до этого. – Слука улыбнулась краем рта. – Но прежде я должна признаться, что обратилась к тебе за помощью в непростой ситуации.

– Ты о чем?

– Кто эти люди, если не Ремиллиод с командой?

Реплика означала, что его разговор с Паскаль, а следовательно и все, что между ними происходило, прослушивались. Эта новость шокировала Силвеста гораздо меньше, чем он мог ожидать. Видимо, он в глубине души все время чувствовал, что так оно и есть, хотя и старался подавить подозрения.

– Послушай, Слука, ты же сама приказала Фолкендеру упомянуть о гостях. Это было сделано ловко.

– Фолкендер просто выполнил свою задачу. Так кто же они? Ремиллиод уже торговал с Ресургеом. Почему бы не сделать это еще раз?

– Слишком рано, это во-первых. У него вряд ли хватило времени добраться до какой-нибудь другой системы. А во-вторых, торговля здесь не ахти.

Силвест освободился от мягких объятий кресла и подошел к окну. Через стальное жалюзи он увидел северные склоны столовых гор, окрашенные в оранжевые тона, – похоже на охваченные пламенем стопки книг. И еще он заметил, что небо теперь более голубое. Не красное, как прежде. Значит, из атмосферы удалены мегатонны песчаной пыли и заменены водяным паром. А может, это проделка его измененного зрения?

Потрогав стекло, он сказал:

– Ремиллиод не вернулся бы так скоро. Это очень ушлый торгаш, с ним немногие могут сравниться.

– Тогда кого же мы ждем?

– Тех самых очень немногих.

Слука позвала адъютанта и велела унести кофе. Когда со стола убрали, она снова предложила Силвесту сесть. Затем взяла только лист бумаги с отпечатанным текстом и протянула собеседнику:

– Информация, которую ты сейчас прочтешь, получена три недели назад со станции на востоке Нехбет.

Силвест кивнул. Он знал о станциях слежения за солнечной активностью. Даже добивался когда-то строительства этих небольших обсерваторий, разбросанных по всему Ресургему, чтобы вести наблюдения за звездами в поисках аномальных излучений.

Чтение обычной распечатки для Силвеста было не легче расшифровки амарантийских текстов. Приходилось собирать слова по буквам, пока их смысл не достигал наконец сознания. Кэл знал, что процесс чтения сводится к движениям взгляда вдоль строчки. Он ввел специальное устройство, чтобы «глаза» Силвеста могли выполнять эту работу, но Фолкендер не сумел восстановить столь сложную механику.

Впрочем, смысл документа Силвест уяснил.

На востоке Нехбет станция зарегистрировала энергетическую пульсацию небывалой силы. Вспышка вызвала опасения, не собирается ли Дельта Павлина повторить тот же процесс, который в свое время уничтожил амарантийцев, – мощнейший корональный выброс, известный как Событие. Более тщательные наблюдения показали, что энергия исходила не от звезды, но от чего-то отстоящего от нее на несколько световых часов и расположенного на самой окраине системы. Спектральный гамма-анализ выявил небольшой, но вполне измеримый эффект Доплера в несколько процентов от скорости света. Вывод очевиден: вспышка связана с космическим кораблем на последнем этапе сброса межзвездной ходовой скорости.

– Что-то случилось, – сказал Силвест, спокойно принимая новость о появлении световика. – Какая-то авария двигателя.

– У нас тоже возникла такая мысль. – Слука постучала ногтем по бумаге. – Однако через пару дней мы поняли: дело не в этом. Эта штука все еще там – излучение слабое, но ошибки быть не может.

– Значит, корабль пережил взрыв?

– Что бы он там ни пережил, мы уже наблюдаем его синеватые выбросы. Торможение идет нормально, будто никакого взрыва не было.

– У тебя наверняка есть гипотеза на этот счет.

– Половинка гипотезы. Мы думаем, что причина взрыва – испытание оружия. Какого – неизвестно. Ничто другое не могло выделить такое количество энергии.

– Оружие? – Силвест пытался не выдать своего смущения, он хотел, чтобы вопрос прозвучал лишь как удивленный возглас.

– Странно, да?

Силвест наклонился вперед. По спине пробежала холодная дрожь.

– Кем бы ни были эти гости, я полагаю, они разбираются в наших делах.

– Ты имеешь в виду политическую ситуацию? Вряд ли.

– Почему же тогда они не пытаются установить контакт с Кювье?

– Мне это тоже не нравится. От них не слышно даже писка.

– И многим об этом уже известно? – Силвест говорил теперь еле слышно – будто кто-то сдавливал ему горло.

– Во всей колонии – двум десяткам людей, не больше. Специалисты в обсерватории, дюжина моих помощников здесь и кое-кто в Ресургем-Сити... в Кювье то есть.

– Это не Ремиллиод.

Слука позволила столу абсорбировать бумагу, ее опасное содержание тут же исчезло.

– У тебя есть догадки, кто бы это мог быть?

Силвест хохотнул – и испугался: не выдаст ли этим смехом, насколько он близок к истерике?

– Если я прав, а я ошибаюсь не так уж часто, то это не просто дурная новость для меня. Это дурная новость для нас всех.

- Продолжай.
- Долгая история.
- Слука только плечами пожала:
- А мне спешить некуда. Да и тебе тоже.
- Теперь уже некуда...
- То есть?
- Это просто мои личные подозрения.
- Хватит играть в дурацкие игры, Силвест!

Он кивнул, понимая, что нет смысла утаивать. Своим самым глубоким страхом он уже поделился с Паскаль, так что ему осталось для Слуки лишь заполнить некоторые пробелы в его истории, узнав о событиях, которые ускользнули от нее при прослушке. Если он будет сопротивляться, Слука все равно найдет способ вытянуть правду – или не из него, то, что хуже, из Паскаль.

– Это очень старая история, – начал он. – Она началась, когда я вернулся на Йеллоустон из экспедиции к завесе. Помнишь, как я исчез на время?

– Но ты же утверждал, что тогда ничего не произошло!

– Меня похитили ультра, – сказал Силвест, не тратя время на анализ ее реакции. – Затащили на борт субсветовика, крутившегося на орбите Йеллоустона. Один из них был покалечен, и команда хотела, чтобы я его... отремонтировал. Пожалуй, это самое подходящее слово.

– Отремонтировал?

– Капитан был химериком до мозга костей.

Слука поехала. Как и большинство колонистов, она имела очень слабое представление об этом сообществе радикально измененных людей, поскольку видела их лишь в сериалах.

– Это были не совсем обычные ультра, – продолжал Силвест, не упуская случая поиграть на фобиях Слуки. – Они слишком много лет провели в отрыве от того, что мы называем нормальным человеческим обществом. Даже по меркам ультра это была слишком параноидальная, слишком агрессивная компания.

– Значит...

– Я понимаю, о чем ты думаешь: раз это отбросы чуждой, далекой от нас культуры, то какими же негодяями должны они быть? – Силвест стер высокомерную улыбку и покачал головой. – Именно так и я думал в те дни. Но потом узнал их лучше.

– Что именно ты узнал?

– Вот ты упоминала об оружии. У них оно было. Пушки, способные легко уничтожить такую планету, как эта.

– Но не станут же они это делать без причины?

Силвест улыбнулся:

– На этот вопрос мы получим ответ, когда они доберутся до Ресургема.

– Да, – хмуро проговорила Слука. – Фактически они уже здесь. Взрыв был три недели назад, но... хм... его значение мы поняли не сразу. А тем временем они сбросили скорость и вышли на орбиту Ресургема.

Силвест взял паузу, чтобы привести дыхание в норму. При этом он гадал, почему Слука только сейчас сказала о достижении пришельцами орбиты. То ли случайно забыла об этой детали, то ли придержала ее, чтобы полностью сбить его с толку. Если верно второе предположение, то со своей задачей эта женщина справилась.

– Вот ты говоришь, что об этом известно немногим, – сказал он. – Но разве можно не заметить субсветовик на орбите?

– А как его заметишь? Этот корабль – самый темный объект в системе. Конечно, он должен излучать в инфракрасном спектре, – но ведь не излучает! Наверное, подстроил свою эмиссию под частоты наших паров, и теперь она не достигает планеты. Если бы двадцать лет кряду

мы не накачивали воду в атмосферу... – Слука с упреком покачала головой. – Ладно, не будем об этом. В общем, в небо сейчас никто особо не таращится. Эти гости могли приближаться с неоновой рекламой на бортах и остались бы незамеченными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.